

Н. Ф. Алефиренко

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ
ЯЗЫКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение. Лингвистика – образование – наука	7
Общее языкознание как научная и учебная дисциплина	10
1. «Общее языкознание» как учебная и научная дисциплина. 2. Проблематика общего языкознания. 3. Структура курса. 4. Современная теоретическая лингвистика и историография науки о языке.	
Природа и сущность языка	18
1. В поисках сущности языка. 2. Двойственная природа языка. 3. Лингвистика языка и лингвистика речи. 4. Язык. 4.1. Биологические предпосылки возникновения языка. 4.2. Генетические истоки естественного звукового языка.	
Речь: текст и дискурс	44
1. Текст. 2. Дискурс. 3. Понимание речи. 3.1. Порождение речи. 3.2. Восприятие речи.	
Язык как знаковая система	62
1. Понятие знака. 2. Основоположники учения о знаках. 3. Структура языкового знака. 4. Знаковая ситуация. 5. Знак и значение.	
Язык, мышление и сознание	82
1. Язык предопределяет мышление или мышление — язык? 2. Основные положения гипотезы Э. Сепира – Б. Уорфа. 3. Язык — зеркало мышления? 4. Знак и понятие. 5. Предложение и суждение.	
Язык и общество	97
1. Предмет, цели и задачи социолингвистики. 2. Язык и история общества. 3. Языковой код и субкоды языка. 4. Перспективы развития социолингвистики.	
Язык как система	120
1. Понятие системы и структуры языка. 2. Понятие языкового уровня	
Фонетика и фонология	135
1. Фонетика. 2. Становление фонологии. 3. Основы фонологии. 4. Проблемы системной фонологии.	
Лексикология	147
1. Слово как единица и предмет лексикологии. 2. Лексическое значение слова. 3. Значение и смысл. 4. Семантическая структура слова. 5. Мотивированность слова. 6. Разграничение омонимии и многозначности. 7. Проблемы системности словарного состава языка. 8. Парадигматические отношения слов. 9. Семантическое поле. 10. Лексический фонд: ядро и периферия. 11. Лексикографическая репрезентация слова.	

Дериватология: морфемика и словообразование.....	223
1. Проблемы взаимоотношения морфемики и словообразования. 2. Морфема. Типы морфем.	
Грамматика. Морфология	243
1. Грамматические единицы. 2. Морфология. 2.1. Становление морфологии. 2.2. Единицы морфологии. 2.3. Грамматическое значение. 2.4. Грамматическая категория. 2.5. Грамматические оппозиции в морфологии. 3. Учение о частях речи. 3.1. Принципы выделения частей речи	
Синтаксис	279
1. Синтаксические категории. 2. Словосочетание. 2.1. Становление учения о словосочетании. 2.2. Теоретические основы учения о словосочетании. 3. Предложение. 4. Семантический синтаксис. 4.1. Становление учения о синтаксической семантике. 4.2. Синтаксис и семантика. 4.3. Пропозиция. 4.4. Актанты и сирконстанты.	
Послесловие	309

Введение

ЛИНГВИСТИКА – ОБРАЗОВАНИЕ – НАУКА

Язык есть настолько неотъемлемая принадлежность нашей жизни, что мы воспринимаем его как нечто само собой разумеющееся и редко задумываемся над тем, что же собой представляет наш язык, как мы говорим на нем, как мы обучаемся говорить. Всем, конечно, известно, что существует наука о языке — лингвистика. Несмотря на то, что эта наука стремительно развивается, достигла несомненных и значительных успехов, в настоящее время очевидно, как поразительно мало мы знаем о языке — о самом «человеческом» из человеческих свойств, о языке, без которого невозможно существование человека как члена общества. И все же: так ли уж важно исследовать язык сейчас, когда перед человечеством стоит столько неотложных задач, стоит ли тратить силы и средства на раскрытие тайн языка? Ведь все люди умеют говорить, все обучаются языку, используют его как средство общения. Часто можно слышать, что лингвистика — наука второстепенная, что сейчас более важным для человечества является развитие других наук: физики, химии, биологии, медицины и т. п. В этом, кстати, и состоит повод для давнего, хотя и бесполезного спора между физиками и лириками.

Так ли это на самом деле, не является ли это распространенное мнение заблуждением? С ответа на этот вопрос мы и начнем изучение теории языка, попытаемся ответить на вопрос, что можно считать в нашей науке важными и своевременными. Раз уж речь зашла о важности развития других наук, посмотрим, имеет ли язык какое-то отношение к прогрессу в естественных науках. Язык и теория языка оказались в центре методологических проблем всей современной науки. Ведь теория, которая представляет собой систему обобщенного знания и которая выступает в качестве организующего знание начала, формируется на языке. Уже это выдвигает язык на особое место в процессах познания и тем самым открывает перед наукой о языке необозримые научные просторы, заставляя ее выйти из мирного и покойного уголка, в котором она традиционно пребывала, предаваясь возвышенным раздумьям о своей гуманитарной сущности.

Язык научного изложения становится одним из критериев уровня данной науки. Приведем по этому поводу слова известного физика В. Гейзенберга: *Для физика возможность описания на обычном языке является критерием того, какая степень понимания достигнута в соответствующей области*: Одной из сторон научно-технического прогресса является популяризация науки, ознакомление широких масс с научными достижениями. Успех этого дела в весьма большой степени зависит от того, как будут изложены научные сведения, доступны ли они будут людям в данном языковом выражении. Опять-таки мы сталкиваемся здесь с лингвистическими проблемами.

Нисколько не умаляя гигантской роли естественных наук в прогрессе человечества, в нашей жизни, не будем забывать о том, что все-таки самое интересное, сложное и не изученное пока явление природы — это человек. Поэтому все большее значение придается в последнее время наукам, изучающим человека, и, прежде всего, психологии. Как связаны между собой важнейшие науки о человеке — лингвистика и психология? Слово *лингвистика* нередко ассоциируется со словом *грамматика*, а изучение языка — с изучением суффиксов, окончаний, правил склонения и т. п. Увы! Современная лингвистика — чрезвычайно многоаспектная наука. В наше время развивается иной подход. Язык рассматривается не только как застывшее множество слов и правил их употребления и не только как система, развивающаяся исторически, во времени, но как особая деятельность человека. Когда мы говорим о *языке*, мы имеем в виду две его ипостаси — собственно язык и речь. Помимо различения языка и речи, таким образом, в сознании говорящего человека можно выделить еще нечто, позволяющее ему пользоваться языком, говорить и понимать сказанное (языковая способность). Это — механизм, обеспечивающий речевую деятельность.

Традиционно различают четыре вида речевой деятельности: *чтение и письмо, говорение и слушание*. Они связаны попарно и определены двумя формами реализации системы языка — устной и письменной. Использование языка органически входит в картину психической деятельности человека. Язык есть не «добавление» к человеку, к его деятельности, но одно из условий существования людей и осуществления их деятельности. Как писал К. Маркс, «язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и

для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми».

Язык самым непосредственным образом связан с мышлением. Собственно, язык есть орудие мышления. Как показали психологи, процесс мышления сопровождается так называемой внутренней речью. Интеллектуальные усилия не только осуществляются в языке, их результаты фиксируются и сохраняются в системе языка и благодаря этому становятся достоянием следующих поколений. Язык делает возможным планирование интеллектуальной деятельности. В процессе планирования проявляется и еще одна важная функция языка — функция регулирования человеческого поведения. Язык помогает собирать и концентрировать весь прошлый опыт человечества, подчиняет человека тем нормам, которые выработались в результате этого опыта. Все, что мы знаем о нашем прошлом, о нашем настоящем, и даже то, что мы можем предвидеть в будущем, приходит к нам через язык. Мировоззрение, нравственные и эстетические идеалы, культурные нормы — все то, что регулирует человеческое поведение, дается через язык и речевое общение.

Итак, можно говорить о триедином предназначении языка (интегрировать и синтезировать опыт — воплощать мысль — осуществлять общение), что, собственно, и находится в эпицентре теоретического языкознания.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1. «Общее языкознание» как учебная и научная дисциплина. 2. Проблематика общего языкознания. 3. Структура курса.

1. «Общее языкознание» как учебная и научная дисциплина

Знакомством с курсом общего языкознания завершается собственно лингвистическое образование студентов. Он призван как бы подвести теоретические итоги изучения филологами лингвистических дисциплин.

Этот курс в известном смысле перекликается с курсом введения в языкознание. Но если введение в языкознание знакомит студентов с основами лингвистики, вводит их в систему лингвистической терминологии, то задача общего языкознания иная — обобщить уже известные студентам факты и конкретные предложения, касающиеся отдельных изучаемых в вузе языков. Отсюда ясно, что общее языкознание как учебная дисциплина должно опираться на те лингвистические дисциплины, которые ему предшествуют, например, на курс современного русского языка, диалектологию, историю русского языка, стилистику, иностранные языки (для студентов, избравших своей специальностью русский язык и литературу); курс современных романских и германских языков, их истории, стилистику, перевод и страноведение (для студентов факультета романо-германской филологии) и др. Вместе с тем курс общего языкознания не может просто повторять уже известные положения. Он вносит в лингвистические знания студентов такие существенные коррективы, которые, в конечном счете, обеспечивают качественно новую ступень знаний. Это связано с тем, что общее языкознание — сугубо теоретическая дисциплина. В ней освещаются самые общие вопросы лингвистической теории. Не случайно один из замечательнейших лингвистов XX века Отто Есперсен назвал свою книгу по лингвистической теории «Философией грамматики». Другой не менее известный лингвист Гуго

Шухардт, который был специалистом по романским языкам, пошел дальше, противопоставляя общее и романское языкознание как науку и — соответственно — учебную дисциплину. Может быть, Г. Шухардт несколько преувеличивал, однако не приходится сомневаться, что в рамках общего языкознания язык должен рассматриваться так же широко, как философ рассматривает свой предмет — мир в целом. Можно сказать, что в объективе общего языкознания — планета языков.

Кстати, сколько их на Земле? Ответить на этот вопрос, казалось бы, не так уж трудно. Число людей, живущих на земле, известно. При переписи населения обязательно учитывается и родной язык. И все же никто не скажет сказать, сколько на нашей планете языков. Некоторые ученые называют 20 тысяч, другие — 10 и даже 5 тысяч. Есть и такие, по мнению которых население нашей планеты обходится всего лишь двумя тысячами языками. Оказывается, сосчитать языки труднее, чем людей, на них говорящих. И дело здесь даже не в количестве языков, а в их отличии. Иногда провести границу между языком и его диалектом — непростое занятие. В одних случаях эти отличия незначительны. Например, бросается в глаза разное произношение русских на Юге России и русских — уроженцев Севера. Нельзя не заметить особое произношение сибиряка, рязанца или вятича. Однако это не мешает их взаимопониманию. Более значительными являются помехи, вызванные лексическими диалектизмами. В разных регионах России употребляют слова и выражения, неизвестные другим жителям нашей страны: белку называют векшей, волка — бирюком и т. п. Такого рода особенности изучаются лингвистами-диалектологами. Итогом их работы являются специальные словари. Среди опубликованных в последнее время можно назвать «Словарь донских говоров Волгоградской области». Оказывается, только в одной этой области около 17 тыс. слов, известных донским жителям, но не употребляющихся в русском литературном языке. *Барак заиграл*, — скажет житель Дона, имея в виду начало заполнения оврага бурлящей водой во время половодья. (*Барак* — глубокая, долинная впадина, поросшая мелколесьем; овраг). А самого жителя Дона там назовут *донец* [данец]. И не вздумайте назвать его *дончаком*! Если не обидится, то рассмеется... Ведь *дончак* [данчак] — это в казачьем говоре 'лошадь, конь донской породы'. А если в Сибири кто захочет уязвить или оскорбить человека, достаточно сказать: «*Чалдон желторотый!*». Так в давние времена городские жители выражали свое мнимое превосходство над крестьянами-сибиряками. Не менее оскорбительно звучит для сибиряка и слово *варнак/варначка* — бран. 'человек, заслуживающий наказания как каторжник'. *Окраинцы* [акраинцы] — вовсе не жители окраин донской станицы, а неодушевленные природные объекты: (1) 'талая вода между берегом и льдом' или (2) 'первый тонкий лед у берега'. Но, несмотря столь значительные расхождения в говорах, никто не ста-

нет утверждать, что из русского языка стоит выделять некий вятский, волжский или сибирский язык. Русский язык понятен и вятичу, и волжанину, и сибиряку. Еще М. В. Ломоносов заметил: «Народ великий, по великому пространству обитающий, невзирая на сильное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах». Но бывают и иные ситуации, когда расхождения между диалектами настолько велики, что носитель одного диалекта не может понять носителя другого. Обсуждая далее эту проблему, М. В. Ломоносов пишет: «Баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского, швабского, хотя все того же немецкого народа». Это замечание справедливо и в наши дни. И в современном нам немецком языке имеются диалекты, которые значительно отличаются друг от друга. А некоторые из них (нижненемецкие диалекты, например) стоят ближе к соседнему голландскому языку, чем к другим диалектам немецкого (баварскому или тюрингскому). Если стать на позицию чистой лингвистики, следовало бы считать северное немецкое наречие одним самостоятельным языком, а южнонемецкий диалект — другим. Но историю языка нельзя отрывать от истории народа. И поэтому ученые считают, что есть один немецкий язык с его двумя основными диалектами. Недавно (до последнего десятилетия XX века) во всех классификациях языков мира выделялся сербохорватский язык. После распада Югославии хорваты стали называть свой язык хорватским, хотя различия между сербским и хорватским меньше, чем между диалектами немецкого языка. И совсем уже недавно в Университете Черногории организовали кафедру черногорского языка, хотя черногорцы, по сути, говорят на сербском языке, разумеется, с известными диалектными различиями. Кстати, до 2007 г. язык, на котором говорят в Черногории, официально признавался новоштокавской иекавской формой сербского. Выделение из сербского черногорского языка происходит, скорее, не по лингвистическим, а по историческим (идеологическим) соображениям: стремлением какой-то части общественных деятелей укрепить свою государственность. Вместе с тем, немецкий язык является государственным языком не только Германии, но и Австрии, а английский — Великобритании и США. И от этого государственность этих стран не страдает.

Иногда деление на языки и диалекты происходит даже не по историческим, а по географическим причинам. Так, на островах, расположенных в бескрайних просторах Тихого океана, в восточной его части, живут полинезийцы. Жители острова Пасхи, Гавайских и Маркизских островов, островов Кука, Туамоту, Таити, Новой Зеландии изъясняются на языках, настолько близких друг к другу, что правильнее было бы считать их диалектами одного восточно-полинезийского языка. Но... слишком уж велико расстояние между людьми, разговаривающими на этих диалектах, — многие тысячи километров океана! И поэтому ученые считают, что население названных островов говорит на самостоятельных языках, а не на наречиях одного языка.

Есть, однако, ситуации, когда ни история, ни география не могут прийти на помощь лингвисту. И только от него самого будет зависеть, считать ли речь племени или народа диалектом или же самостоятельным языком. Такие ситуации не редки. Огромные расхождения в подсчете числа языков на планете как раз и вызваны этими спорными ситуациями. Они возникают при изучении языков в Австралии и Новой Гвинее, в Нигерии и Индии, в Южной Америке и Центральной Африке.

Во второй половине XX века получили независимость десятки государств Африки, Азии, Океании. Но нации в том виде, в каком мы видим их в Европе, в этих странах пока еще не сложились. Лингвистика не располагает достоверными данными, позволяющими определить количество языков, на которых говорят в Африке, прежде всего потому, что нет достаточно ясного представления о различии понятий языка и диалекта. На практике нередки случаи, когда сложно определить, с чем мы имеем дело: с языком и его диалектами или несколькими близкородственными языками.

Кроме этого, существуют и другие сложности, вызванные тем, что одни языки рождаются на наших глазах, а другие бесследно исчезают вместе с их носителями. Последнее происходит тогда, когда (а) одни языки поглощаются другими или (б) диалекты, подчиняясь закону интеграции, образуют единый язык. Еще во времена Джека Лондона (об этом свидетельствуют его рассказы и романы, посвященные южным морям) европейцы общались с местным населением на каком-то странном ломаном языке. Это так называемый *бич-ла-мар*, специальный жаргон, на котором изъяснялись торговцы и моряки с многоязычным населением Океании. Но в наши дни из языка-посредника, вспомогательного жаргона, *бич-ла-мар* превращается в самостоятельный язык. Многие тысячи жителей северо-востока Новой Гвинеи считают его родным языком. На нем печатаются газеты, его изучают в школах. Из жаргона *бич-ла-мар* родился новый язык — неомеланезийский.

Точно так же из языков-посредников, из жаргонов родились в нашем веке новые языки: крио (в африканской республике Сьерра-Леоне), суринамский (Гвиана), папьяменто (остров Кюрасао в Вест-Индии) и другие. Местная полиция в Новой Гвинее пользовалась сильно упрощенным языком народности моту. Сейчас этот язык получает широкое распространение среди многих племен и народностей, на нем ведутся радиопередачи. Вполне возможно, что вскоре возникнет новый язык — полицейский моту. Впрочем, название, под которым он известен, наверное, будет изменено — слишком уж оно отдает нравами колониализма.

Иногда случается, что язык, считавшийся исчезнувшим много лет и даже веков назад, оказывается вдруг живым: находятся люди, говорящие на этом языке. Совсем недавно в нашей стране, на юге Красноярского края, были найдены две старые женщины-камасинки, говорившие на местном камасинском языке. А считалось, что этот язык давным-давно вымер. Около ста лет назад в таджикском ущелье Ягноб ученые открыли язык, который является

потомком древнего согдийского языка, на котором говорили во времена Александра Македонского. В государстве Израиль был искусственно возрожден древнееврейский язык — иврит. Теперь на нем говорит почти все население страны. После перерыва почти в два тысячелетия язык снова стал разговорным.

Словом, языки исчезают, рождаются, распадаются на отдельные диалекты, и наоборот, группа родственных наречий собирается в один язык. Язык — это история людей, история народов. Вспоминаются суждения известного французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери, когда-то писавшего о «Земле людей». Не погрешив, можно также сказать, что Земля людей — это и земля языков.

Разумеется, научному изучению подлежит любой язык. Это объект исследования частного языкознания: русский язык изучается русистикой, польский — полонистикой, чешский — богемистикой, китайский — китаистикой и т. д. Однако науку интересуют вопросы, связанные с человеческим языком вообще. Этой проблемой как раз и занимается общее языкознание. Как сугубо теоретическая дисциплина, общее языкознание не просто обобщает факты, добытые конкретными дисциплинами. Оно имеет свой предмет изучения, свой круг проблем.

2. Проблематика общего языкознания

1. Центральная проблема общего языкознания — *проблема природы и сущности языка*. Что такое язык, какова его природа, его специфика сравнительно с другими явлениями действительности? То, что мы обычно называем языком, — явление чрезвычайно многоаспектное. «Язык» в самом широком смысле изучают многие науки, не только языкознание. Что в этом объекте — речи, речевой деятельности, текстах — принадлежит собственно лингвистике, а что другим наукам? Представляет ли собой язык как предмет изучения явление общественное или физическое, или психологическое? А может быть, это явление особого рода, но какого именно? — Эти и многие другие вопросы встают перед нами неизбежно, когда мы решаем вопросы сущности языка, или, как говорят философы, проблему онтологии языка.

2. Общее языкознание должно вскрыть некоторые общие *принципы построения языка*, т. е. решить проблему внутреннего строе-

ния всякого языка, его структуры. В непосредственном наблюдении язык предстает как тексты, устные или письменные. Но что стоит за линейностью текстов, этой последовательностью символов? Каковы отношения между элементами текстов? Сводятся ли они к простой их последовательности или нет? Является ли построение текста случайным или глубоко закономерным? Очевидно, структура, построение любого языка — сложнейшая вещь, и, чтобы разобраться в ней, нужно знать ее «инженерию», правила и принципы построения.

3. Оказывается, мало знать, как устроен язык, так же как мало знать устройство автомотора, чтобы ездить на автомобиле. Язык — не мертвое устройство, а действующий механизм. Поэтому науку о языке интересует еще одна чрезвычайной важности проблема — *проблема функционирования языка*, использования его говорящими в определенных целях, проблема языковой коммуникации. Ради чего используется язык и как он используется? Каковы его функции в целом и функции каждой его части, каждого элемента? С этим связаны и такие вопросы, как поведение человека в обществе и др.

Лингвистику как развитую науку не может удовлетворить простое созерцание языка и те соображения, которые могут быть по этому поводу высказаны. Чтобы научно исследовать язык, нужно иметь для этого соответствующие инструменты, т. е. хорошо разработанные методы анализа. Проблема лингвистических методов, обеспечивающих достоверные, а не фантастические результаты исследования, также является одной из центральных проблем языкознания.

Сущность языка, структура, функционирование, методы исследования — таковы общие проблемы лингвистики. Они и составляют в совокупности предмет языкознания — науки о языке.

3. Структура курса

Задача курса — системно изложить основные проблемы общего языкознания. Это делается по-разному. В одних пособиях (например, у В. А. Звегинцева, Ю. С. Степанова) описываются проблемы современного языкознания, в других — история языкознания, а затем характеризуется современная лингвистическая наука. Классическим является трехчастное деление: (1) история языка, (2) теория и (3) методы исследования. Однако настало время совместить теоре-

тическую проблему и историю ее возникновения. Важно каждую теоретическую доктрину показать в ее историческом развитии, а последовательность проблем представить либо исходя из степени их важности, либо с учетом их возникновения в истории языкознания. Такое построение курса естественным образом объединяет теоретические построения и историю их возникновения, теорию языка и исследовательскую методiku. Правда, это построение имеет и недостатки: не позволяет учесть всю совокупность фактов истории науки: история возникновения и развития данной теоретической мысли как бы искусственно изолируется от историй других концепций эпохи, от их влияния. Поэтому основному курсу должен предшествовать обзор истории науки о языке.

Великие лингвисты прошлого привлекают наше внимание не только и не столько потому, что наша наука достигла такой стадии развития, когда ей необходимо познать свои истоки. Каждое поколение языковедов по-новому оценивает достижения лингвистов прошлых лет, считая основным в творчестве своих предшественников именно то, что наиболее близко решению их собственных проблем.

ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1. Учебники и учебные пособия

- Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979.
- Касевич В.Б.* Элементы общей лингвистики. М., 1974.
- Кодохов В.И.* Общее языкознание. М., 1974.
- Мамудян М.* Лингвистика. М., 1985.
- Общее языкознание / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1983.
- Попова З.Д., Стернин И.А., Чарыкова О.Н.* Общее языкознание. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.
- Попова З.Д.* Общее языкознание. Воронеж, 1990.
- Рожественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
- Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975.

2. Дополнительная литература

- Алефиренко Н.Ф.* Теория языка: Вводный курс: Учеб. пособие. 5-е изд. М.: «Академия», 2012.
- Аминова А.А., Галиева А.М.* Философия языка. Казань, 2007.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979.
- Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1969.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Чарыкова О.Н., Попова З.Д., Стернин И.А. Основы теории языка и коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2012.

3. Хрестоматии и словари

Березин Ф.М. История советского языкознания. М., 1981.

Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1964. Ч. I; 1965. Ч. II.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ЯЗЫКА

1. В поисках сущности языка. 2. Двойственная природа языка. 3. Лингвистика языка и лингвистика речи. 4. Язык. 4.1. Биологические предпосылки возникновения языка. 4.2. Генетические истоки естественного звукового языка.

Что такое язык? — вопрос, который интересует человечество с того времени, когда возникла потребность выяснить, чем люди отличаются от других существ животного мира. Человек разумный не мог не заметить, что среди всего прочего живого только он наделен языком — средством общения, которое существенно отличается от других окружающих его звуков. Выдающийся русский мыслитель К. С. Аксаков назвал это сугубо человеческое свойство чудом. Вот его лаконичная и вместе с тем емкая философия обретения человеком слова (языка): *Среди бесконечной, в явлениях, природы раздалось слово, возвестившее присутствие человека и вместе сознания на земле. Природа со всей своей разнообразною «жизнью» была названа по имени и повторилась в сознании и новом создании, в устах человека. В мире явилось новое чудо — слово, как бы собравшее и отразившее мир.* Эта же мысль открывает и текст Священного Писания: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»* (Евангелие от Иоанна).

Тайна появления, развития и функционирования языка будоражит человеческий ум с момента первого понимания того, что главное отличие людей от всего сущего на Земле — язык. Проблемным остается этот вопрос и для современного теоретического языкознания, в котором научное осмысление языка предполагает поиск ответов на два издавна волновавших вопроса: 1) что такое язык, какова его природа; 2) какие свойства языка адекватно определяют его сущность; 3) как относится язык к другим общественным и естественным явлениям, чем от них отличается. За всю историю лингвистических учений накоплено огромное количество легенд, гипотез и научных теорий, которые так или иначе отвечают на эти вопросы. В основании каждой из них лежит тот или иной философский принцип, согласно которому разъяснялась природа языка в целом, от-

личительные свойства его элементов, особенности выполняемых функций и закономерности изменения и развития. Глобальность вопроса обусловила выход его за пределы узко дисциплинарной проблематики. Он оказался в центре внимания не только языкознания, но и других наук о человеке и, прежде всего, философии. Видимо, поэтому именно по философскому основанию чаще всего и осуществлялись различные интерпретации природы и сущности языка (Э. М. Ахунзянов).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Понимание природы и сущности языка в Древнем мире обуславливалось мифологическим восприятием действительности. В античности понимание природы и сущности языка было основано на неличностном, чувственно-материальном мировосприятии. При нерасчлененности человека и природы на первый план выступает природа, идеальное мыслится вполне вещественно. В соответствии с этим бытие, мышление и язык воспринимаются слитно, синкретично. Мыслимое и высказываемое отождествляется с реальным (Демокрит, Эмпедокл, Анаксагор, Анаксимен и Гераклит).

Мифологическое сознание порождало веру то, что слово обладает магическими свойствами. Произнесение слова ассоциативно связывалось с намерением совершить некое действие; отождествлялось говорение и суждение, говорение и поведение. Остатки такого понимания слова проявляются в ритуальных действиях и современных колдунов, ясновидящих, которые словом пытаются повлиять на дела, образ мыслей и чувства человека. Древняя философия языка (древнеиндийская, китайская — конфуцианская, греческая) видела смысл именованя в установлении гармонии и мирового порядка. Слово понималось не просто как наименование вещи или живого существа (в том числе и человека), а как формула поведения называемого и гармонизации среды обитания. Все это вызвало представление о способности слова совмещать в себе речь, намерение, причину, повод.

Древнеиндийские мыслители исповедовали представленную в «Ригведе» концепцию языка как высшего божества. Со временем (в поздневедийский период) в соответствии с развитием их религиозно-философских воззрений происходит отождествление Речи с Брахманом — некой мировой духовной субстанцией. Наиболее ярко это отождествление воплощено в трудах Бхартрихари (V–VI вв. н. э.). В его учении высшей реальностью, не имеющей начала и конца и называемой Брахман, выступает **Речь** или **Слово**. Согласно древнеиндийской философии языка, Брахман — это *sabdatattva* (букв. 'сущность слова'). Другими словами, если учитывать тождественность Речи и Брахман, данный феномен можно именовать как 'слово-сущность', из которого разворачивается вся Вселенная с ее бесконечным разнообразием предметов и явлений. В силу своего разнообразия Брахман проявляет себя как субъект, объект и сам опыт. Бхартрихари подчеркивает, что Брахман по-

рождает все предметы и явления в форме слова и что мысль и все знание с самого начала тесно переплетены со словом.

Под «словом» Бхартрихари не имеет в виду реальное, «проявленное» слово естественного языка, которое произносится говорящим и воспринимается слушающим. Слово-сущность понимается мыслителем как сверхментальный феномен. Он утверждал, что единство сознания и слова присуще даже новорожденным. Иначе, как они обретают способность к пониманию и сознательным усилиям? Происходит это только благодаря их врожденной способности. Человек, по его убеждению, уже рождается с рудиментами (остаточными следами) того понимания языка, которое было в его предыдущем существовании. Благодаря сохранившейся энергии, исходящей из его прежнего существования, в нынешней жизни человека актуализируются когда-то полученные знания и выработанные умения. Этим, собственно, и объясняется тот неоспоримый факт, что ребенок понимает ситуацию и знает, как и взрослые люди, как в этой ситуации поступать. Ребенок, считает Бхартрихари, действует благодаря интуитивной «вспышке», озаряющей значение ситуации. Если бы новорожденный не располагал рудиментами остаточного понимания языка, такое постижение не было бы возможно. В процессе обучения такая способность только развивается, хотя само по себе обучение не может служить первоисточником обретения такой способности.

Бхартрихари учит, что Слово до своей реализации в естественном языке проходит три стадии развития, которые традиционно соотносятся с тремя «скрытыми» шагами Речи в знаменитом стихе «Ригведы». *Первая стадия* — «провидческая». Она, своего рода, некий континуум, поскольку ее невозможно расчленить на составляющие части. К тому же она лишена и временной последовательности. На этой стадии речь неделима и вечна, она выступает как некий магический внутренний луч. На *второй стадии* — «промежуточной» — Слово является исключительно ментальной и не воспринимаемой другими. Но на этом этапе Речь, будучи единой с сознанием, находится вне времени. *Третья стадия* представляет артикулируемую речь, которая имеет определенную последовательность и звуковую форму, реализуя себя через фонемы или слогафонемы. Здесь слова и их значения дифференцированы не только между собой, но и внутри себя. Разумеется, из столь отдаленного от нас времени ожидать научного истолкования фонемы не приходится. Однако само ее выделение и противопоставление звуку речи — свидетельство высокого уровня древнеиндийского познания языка.

Китайские философы спорили об отношении названия к обозначаемой действительности. Конфуций и его последователи учили, что название неразрывно связано с обозначаемым и должно ему соответствовать. Их оппонентами были философы даосского направления, которые были убеждены, что связь между словом и именуемой вещью произвольна. Компромисс между этими крайними теориями был найден в III в. до н. э. Его предложил Сюнь Куан, утверждавший, что названия устанавливаются соглашением и закрепляются обычаем. Между названием и реальностью изначальной природ-

рождает все предметы и явления в форме слова и что мысль и все знание с самого начала тесно переплетены со словом.

Под «словом» Бхартрихари не имеет в виду реальное, «проявленное» слово естественного языка, которое произносится говорящим и воспринимается слушающим. Слово-сущность понимается мыслителем как сверхментальный феномен. Он утверждал, что единство сознания и слова присуще даже новорожденным. Иначе, как они обретают способность к пониманию и сознательным усилиям? Происходит это только благодаря их врожденной способности. Человек, по его убеждению, уже рождается с рудиментами (остаточными следами) того понимания языка, которое было в его предыдущем существовании. Благодаря сохранившейся энергии, исходящей из его прежнего существования, в нынешней жизни человека актуализируются когда-то полученные знания и выработанные умения. Этим, собственно, и объясняется тот неоспоримый факт, что ребенок понимает ситуацию и знает, как и взрослые люди, как в этой ситуации поступать. Ребенок, считает Бхартрихари, действует благодаря интуитивной «вспышке», озаряющей значение ситуации. Если бы новорожденный не располагал рудиментами остаточного понимания языка, такое постижение не было бы возможно. В процессе обучения такая способность только развивается, хотя само по себе обучение не может служить первоисточником обретения такой способности.

Бхартрихари учит, что Слово до своей реализации в естественном языке проходит три стадии развития, которые традиционно соотносятся с тремя «скрытыми» шагами Речи в знаменитом стихе «Ригведы». *Первая стадия* — «провидческая». Она, своего рода, некий континуум, поскольку ее невозможно расчленить на составляющие части. К тому же она лишена и временной последовательности. На этой стадии речь неделима и вечна, она выступает как некий магический внутренний луч. На *второй стадии* — «промежуточной» — Слово является исключительно ментальной и не воспринимаемой другими. Но на этом этапе Речь, будучи единой с сознанием, находится вне времени. *Третья стадия* представляет артикулируемую речь, которая имеет определенную последовательность и звуковую форму, реализуя себя через фонемы или слогофонемы. Здесь слова и их значения дифференцированы не только между собой, но и внутри себя. Разумеется, из столь отдаленного от нас времени ожидать научного истолкования фонемы не приходится. Однако само ее выделение и противопоставление звуку речи — свидетельство высокого уровня древнеиндийского познания языка.

Китайские философы спорили об отношении названия к обозначаемой действительности. Конфуций и его последователи учили, что название неразрывно связано с обозначаемым и должно ему соответствовать. Их оппонентами были философы даосского направления, которые были убеждены, что связь между словом и именуемой вещью произвольна. Компромисс между этими крайними теориями был найден в III в. до н. э. Его предложил Сюнь Куан, утверждавший, что названия устанавливаются соглашением и закрепляются обычаем. Между названием и реальностью изначальной природ-

ной связи быть не может, поскольку название дается людьми по договоренности. Однако связь между словом и предметом в общественном сознании становится устойчивой и произвольно изменяться не может.

С древнеиндийским термином *Брахман* соотносится понимание речи древнегреческими мыслителями. Речь, гармонизирующую мир, они называли термином *логос*, введенным в философию Гераклитом. Λόγος (греч. λόγος) — это и слово, и предложение, и высказывание, и речь, и мысль, и намерение.

Язык в античной философии языка — прежде всего средство познания истины. Основным предметом рассуждений древнегреческих философов было отдельное слово, имя, а также его соотношение с установлением и природой (Гераклит, Демокрит, Анаксагор, Эмпедокл, Протагор, Горгий, Платон). Аристотель, а затем стоики стали различать слово внутреннее и произносимое. И все же ко времени Аристотеля язык не стал еще предметом особой научной дисциплины. Нет целостной системы понимания языка и у Аристотеля. Наибольшее значение имеют те высказывания Аристотеля о языке, которые заключены в его исследованиях о суждении и видах умозаключения, а также в его сочинениях, посвященных словесным искусствам. Аристотель различал три начала языка: 1) звучание слова, 2) представление в душе, 3) предмет, которому соответствует представление в душе.

Из всех философских школ (скептической, эпикурейской и др.), сформировавшихся в эпоху эллинизма (III—I вв. до н. э.), только стоики (Зенон, Хрисипп, Диоген) проявили значительный интерес к проблемам языка. Три начала языка, выделенные Аристотелем, они дополнили четвертым — *обозначаемым*, соотносящимся со смысловой, содержательной стороной речи — *высказываемым*. Обозначаемое — просто представление в душе человека, еще не выраженное словами. Высказываемое — это особым образом организованная (выраженная) в речи мысль. Высказываемое находится в соответствии с «разумными представлениями». Разумным же является такое представление, которое может быть выражено в речи. *Высказываемое* — то содержание, которое непосредственно заключено в речи, но которое все же отлично от представления (*обозначаемого*), возникающего в нашем сознании в результате восприятия самой именуемой вещи.

Учение стоиков, воспринимавших языковые явления как средство постижения законов мышления и законов бытия, завершило философский период осмысления языка. В III—II вв. до н. э. начался грамматический период, названный александрийским (Зенодот, Ликофрон, Александр Этолийский, Каллимах, Эратосфен, Аристофан Византийский, Аристарх Самофракийский и др.). Наиболее значительным для истории науки о языке считают вклад Аристарха (217—145 гг. до н. э.). Как можно судить из названия этого периода, проблема природы и сущности языка уступает место формально-грамматическому интересу. Возрождается эта проблема только в XIX в. Тогда же формируется несколько подходов, систем взглядов на природу языку.

Интерес римлян к проблеме природы и сущности языка возник главным образом благодаря знакомству с греческой наукой и культурой (Элий Стилон, Аврелий, Стаберий Эрот, ученый-энциклопедист Марк Теренций Варрон и др.). Римляне были вовлечены в дискуссию между аналогистами, отстаивавшими господство закономерностей в языке, и аномалистами, утверждавшими, что в языке преобладают несовпадения между формой и содержанием. Последнее было вызвано противоречиями между грамматикой и логикой. Аномалисты утверждали, что в языке преобладают неправильности (аномалии) — противоречия между грамматикой и логикой, несовпадения между формой и содержанием, разного рода исключения и колебания. Эти и другие аспекты природы языка обсуждались в Риме главным образом в сопряжении с дискуссией о происхождении языка (слова воспроизводят природу вещей или нет?).

В Средние века под влиянием монотеизма античный принцип вещи, тела, природы сменяется принципом личности, общества, истории. С осознанием противоположности природы и человека, с одной стороны, и нераздельного единства в человеке души, ума и слова, с другой, пришло также понимание вторичности языка по отношению к действительности. На смену античной философии языка приходит так называемое Новое время. Под влиянием гуманистического мировоззрения эпохи Возрождения, проникнутого безграничной верой в человека и его разум, сущность языка пытаются интерпретировать через его внутренний мир человека, его душу и разум.

Осмысление природы и сущности языка в XVII в. осуществлялось по трем направлениям. Это английский *эмпиризм* (Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс), французский *рационализм* (Рене Декарт, Блез Паскаль, Бенедикт Спиноза) и философская концепция Лейбница.

В XVII в. у истоков научной революции и мировоззрения Нового времени стоял Галилео Галилей (1564–1642). Это истинный преобразователь науки, изменивший научную картину мира. Именно благодаря его доказательной концепции с конца XVI в. антропоцентрическая Вселенная Аристотеля постепенно уступает место детерминистической и механистической Вселенной Галилея. В целом его концепция определяет мировоззренческое кредо Нового времени, которое можно выразить тремя терминами: детерминизм, механицизм, опытное познание. Специально Галилей исследованием языка не занимался. Но не говорить о значении его мировоззренческих установок для развития лингвистической мысли тоже нельзя. Не случайно свою Галилеевскую лекцию, прочитанную в *Scuola Normal Superior* в Пизе в октябре 1999 г., Нозм Хомский начал со слов: Галилей, может быть, был первым, кто открыто признал важность основного свойства человеческого языка и одного из наиболее характерных его свойств: служить средством для выражения мыслей. По словам Галилея, язык — «величайшее из всех изобретений человека, сравнимое с творениями Микеланджело». Значимым является также обращение ученого к индивидуальному языку. Он, писал ученый, «не нуждается в апелляции к здравому смыслу или всеоб-

щим категориям, а сам способен создавать и поддерживать устойчивую систему связей и ассоциаций, давать объяснение и понимание явлениям внутреннего мира». «Каждый индивидуальный язык может создавать воображаемые объекты (mental objects), которые используются для выражения мыслей и для толкования бесчисленного множества образных выражений, с которыми мы сталкиваемся. Наконец, нельзя не упомянуть о том, как отразилась на понимании сущности языка «механистическая философия» Галилея. Именно язык как структурированный набор знаков является для Галилея лучшим примером механизма, который, с одной стороны, не допускает случайности, с другой — полностью удовлетворяет замыслу говорящего. Иными словами, того, что нельзя сообщить при помощи выразительных средств языка, не существует. Конечно, язык не тождествен бытию, но адекватно отражает его. Уже это принципиально отличает Галилея от Декарта, который хотя и придерживался безоговорочного детерминизма, в том числе и в исследованиях языка, все же полагал, что язык и сознание не равны друг другу, следовательно, существуют как невыразимые мысли. «Механистическая философия» Галилея, надо сказать, небезупречна (она была опровергнута Ньютоном), но для истории науки о языке важны две мысли ученого: (а) язык адекватно отражает сознание и (б) язык — структурированный набор знаков.

Рене Декарт (1596–1650) — наиболее яркий представитель рационализма — обратил внимание ученых на *повседневное «творческое» использование языка*. Люди могут выражать мысли новыми и бесконечными способами, которые ограничиваются нашими физическими возможностями. «Творческий аспект» языка для Декарта и его последователей был самым удивительным явлением человеческой природы. Декарта поражало в языке не только умение создавать почти бесконечное количество значений при помощи ограниченного числа символов, но и способность сообщать эти значения другим людям. Можно сказать, Декарт одним из первых задумался не только над информационной и коммуникативной функцией языка, но и на рефлексивной природе всякого общения. Иными словами, уже в XVII в. в благодатную почву философии языка были брошены семена, которые прорастут только к концу XX в., став предметом новой дисциплины — прагмалингвистики.

Язык, по мнению мыслителей Нового времени, не только соответствует миру, но язык и мир «живут» по одним и тем же законам. Потребуется еще много лет, чтобы наука выработала правильное представление о языке как средстве моделирования картины мира, что каждый из этих двух феноменов (язык и действительность) существуют по собственным законам

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) особое внимание уделял речевому общению, предостерегая, что язык может выражать не только истину, но и ложь. Бэкон выделяет 4 вида «идолов» (ложных понятий), пагубно влияющих на человеческий ум. Это: а) «идолы рода» — предрассудки; б) «идол пещеры» — ложные представления, исходящие от отдельного человека; в) «идол пло-

щади, или рынка» — проявление влияния на сознание коллективного опыта людей; г) «идол театра» — результат слепой веры в авторитеты. Язык, в его интерпретации, — главное средство общения людей, но используемые людьми слова не всегда являются достаточно точными. Это объясняется тем, что «имена даются вещам в соответствии с уразумением народа, и достаточно некритического и неадекватного применения слов, чтобы совершенно сбить с толку разум. Определения и объяснения, которыми часто пользуются ученые для самозащиты, также не способствуют восстановлению естественной связи разума и вещей». Неточные словоупотребления ведут, в свою очередь, к искажению истины: «слова насиляют разум, мешая рассуждению, увлекая людей бесчисленными противоречиями и неверными заключениями». Особая опасность этих «идолов» состоит в том, что они произвольно проникают в сознание, и зачастую не поддаются контролю разума. Бэкон выделяет два рода «идолов», воздействующих на сознание с помощью слов: наименование вещей несуществующих («судьба», «рок» и т. д.) и неточные определения вещей реально существующих. Преодолеть «идол площади» можно на основе отказа от отождествления слова и вещи, осознания, что слова — это только знаки вещей, а также признав существование единичных вещей. Этим своим утверждением Бэкон, по сути, отстаивает позиции номинализма.

Томас Гоббс (1588–1679) как представитель номиналистического конвенционализма утверждал, что реальны только единичные вещи, общее же — продукт нашего осмысления связей между предметами, существующих в реальном мире. Такого рода продукты осмысления объективируются языком, который хотя и отражает связи между предметами, но не обладает самостоятельным существованием. Слова являются для памяти знаками, при помощи которых она может вспомнить о представлениях, еще не совсем угасших, и оперировать ими при помощи слов-знаков, обозначающих те ощущения, которые возникли от воздействия предметов на органы чувств.

Знание всегда обретает языковую форму — форму связи между словами, высказываниями, предложениями, суждениями, умозаключениями и т. д. Поэтому истинными или ложными могут быть только высказывания, а не обозначаемые предметы или вещи. Данную мысль хорошо представляет ставшее крылатым выражение Т. Гоббса: «Язык есть паутина, в которой слабые умы запутываются, а умные — легко прорываются».

Джон Локк (1632–1704). Особенно актуальным для осмысления природы и сущности языка является труд Локка «Опыт о человеческом разуме» (1698 г.). Этот трактат основан на новой для того времени мировоззренческой доктрине: Локк отвергает доопытное знание — базовую категорию картезианской философии. Теперь проблема об объективном существовании предметного мира не является столь важной, как для картезианцев. Центр внимания перемещается с предмета на идеи, связанные с осмыслением данного предмета. Человек существует в мире идей, а не в мире предметов и в своих рассуждениях оперирует именно ими (идеями). Идеи

составляют основу любого познавательного процесса. Но существует еще и представление о возникновении определенной идеи, а помимо него и представление о прообразах идей.

В целом Д. Локк пребывал в согласии с учением Бэкона и Гоббса. Ему был свойственен прагматический подход к языку: язык рассматривался им с точки зрения его пользы для человека. Удобства и выгоды общественной жизни не могут существовать без взаимообмена мыслями. Для этого необходимы «чувственные знаки», при помощи которых можно было бы свои невидимые идеи (мысли) делать доступными для других. Такими необходимыми для общения чувственными знаками идей и являются слова. Собственно философия языка в трактовке Локка представлена, прежде всего, в рассуждениях о семантике слова и о верном соединении и разъединении знаков — сообразно взаимному соответствию или несоответствию обозначаемых ими вещей.

Коммуникативная функция языка предполагает и другие свойства слов — извлекать свои мысли из собственной памяти, выражая их, непосредственно обозначать идеи. Поскольку слова отображают реальное существование вещи, важно употреблять слова, не искажая их истинного значения. Нарушение этого положения ведет к злоупотреблению словами, под которым он понимал употребление слов в искаженном (в том числе и метафорически переосмысленном) значении. Несколько позже в работе «О пользовании разумом» Локк не так категоричен: он допускает, что образные и метафорические выражения, аллегории могут быть весьма эффективными для выражения неординарных идей, поскольку способны находить и выражать новые смыслы в ранее найденной истине. Однако метафора, в его понимании, все же не может служить оптимальным средством «поучений и обогащения знаниями». Их предназначение — обслуживать риторику и искусства, служить «остроумию» и «воображению». Причем Локк видит различия между искусством («остроумием»), с одной стороны, и научными истинами и здравым смыслом — с другой. Делает правильный вывод, что и исследование этих областей должно иметь свою специфику. К сожалению, Локк не смог оценить эстетический потенциал языка. И это притом, что ему принадлежит мысль о «чувственном» характере мышления и первобытного языка. Будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что даже слова, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, изначально исходили от чувственных идей. Эта материалистическая и сенсуалистическая идея была позже развита Гердером в учение о поэтическом характере первоначального языка. Взгляды Локка на сущность языка тоже остались вне критики. Особый интерес для истории лингвистических учений представляют возражения Локку, высказанные Лейбницем.

Итак, приближался закат эпохи лингвистического рационализма. Напомним, что картезианская наука о языке исходила из допущения об идентичности лингвистического и мыслительного процесса. Ее значение для понимания сущности языка неоспоримо. К концу XVII в. ее рационализм под-

вергается критике, стимулировав тем самым обращение к творческому потенциалу языка. В XX в. она привлекает сторонников логической грамматики, подпихивает идею Н. Хомского о разграничении поверхностных и глубинных структур. В рациональности картезианского понимания сущности языка Н. Хомский находит истоки важного для его концепции представления о существовании для всех языков единой мыслительной основы (глубинной структуры), которая по-разному соотносится с поверхностными структурами конкретных языков. Однако, следуя истории развития лингвистической мысли, обратимся к философии языка конца XVII в., непосредственно сменившей картезианское учение. Она была связана главным образом с реакцией европейской науки о языке на суждения Ньютона и Лейбница.

Исаак Ньютон (1643–1727) пытался убедить научное сообщество в том, что, поскольку мир не может быть полностью понят средствами нашего разума, он, следовательно, не может быть адекватно описан средствами языка. Ньютон показал несостоятельность «механистической философии» не только в физике, но и в философии языка. Теория Ньютона послужила стимулом к тому, чтобы пересмотреть принципы понимания проблемы соотношения языка и действительности. В конечном счете, философия языка отказалась от механицизма в языкознании и сосредоточилась на творческих способностях языка, названных Дарвином «изумительным даром» людей.

Для теории соотношения языка и действительности важно также утверждение Ньютона о том, что природа не имеет собственного языка. Он развенчивает средневековое представление о том, что мир представляет собой «текст». А именно таковым в представлении Августина было Божественное писание, у Б. Спинозы (1632–1677) — книга природы, а у Галилея — механизм Вселенной. Направленность науки на мир всегда опосредована сознанием, с которым, по сути, и имеет дело. Совершая этот феноменологический ход, Ньютон на несколько столетий определил принципы языка науки.

Г. Лейбниц (1646–1716) в известном трактате «Новые опыты о человеческом разумении», состоящем из 3-х книг (написан труд в 1704 г., опубликован в 1765 г.), прежде всего дискутирует с Локком. Не случайно историки науки называют эту работу Лейбница Анти-Локком. Для нас особый интерес представляет третья книга — «О словах». В ней Г. Лейбниц излагает свою доктрину сущности языка и происхождении слов. Ученый выступает против номиналистического понимания идей и общих терминов. Он считает, что сходство между вещами определяется не словами, их обозначающими, — оно содержится в самой их природе. Ведь слова — это у с л о в н ы е понятия, даже если в основе их лежат первичные ассоциации — естественные или случайные. Если некоторые вещи объединяются под одним названием, то лишь потому, что сами эти вещи сходны между собой. Их сходство вполне реально. Польза языка состоит в том, что он помогает определить и классифицировать вещи. Само же опытное знакомство с реальными вещами убеждают в реальности их языковых номинаций. Лейбниц утверждал, что эти реальные вещи выражаются номинальными определениями. Челю-

век сомневается, выражают ли данные номинации нечто реальное (возможное) до тех пор, пока ему на помощь не придет опыт, т. е. пока не сформируется у него *a posteriori* — эмпирическое знание об этой реальной вещи. Вещь имеет лишь одну сущность, но несколько определений (они зависят от места, которое мы занимаем по отношению к вещи). Определения вещей должны быть такими же точными, как у весов и мер: иногда следует устанавливать фиксированные границы. Следовательно, расчленение действительности с помощью понятий представляет собой в то же время и внесение в нее структурной упорядоченности, хотя Лейбниц не исключает неточное использование слов в речи, что ведет к возможному злоупотреблению ими.

У Лейбница как бы существуют два языка: язык провидения (необходимости) и язык свободы. Естественную природу языка, основанную на звуках, по мнению Лейбница, можно постичь с помощью этимологии. Его собственный опыт изучения происхождения слов подвел к мысли, что в основе возникновения слов лежит нечто изначально простые познавательные структуры. Весьма ценным является понимание Лейбницем знаковой сущности языка. Несмотря на некоторые противоречия, взгляды Лейбница на язык оказались весьма полезными для современной лингвистики.

Кондильяк. Природа и сущность языка рассматривается ученым сквозь призму его представлений о происхождении языка. Это положение было в философии того времени достаточно существенным. Для современной лингвистики в самом этом вопросе не содержится ничего достойного научного внимания, но именно вопрос о происхождении языка для философов того времени был основополагающим. Основываясь на научном наследии античности и полемизируя с позднейшими философами, Кондильяк пытается преодолеть границу, разделяющую две противостоящие концепции о зарождении способности говорить как чисто психофизическом механизме и о языке как божественном даре.

Ученый пытался решить дилемму: язык определяет характер нации или народ определяет развитие языка? Для Кондильяка этот вопрос решался в пользу главенствования языка как начала формирующего и определяющего не только характер и дух нации, но и собственно искусства — поэзию и музыку. Вне сомнения, люди могут внести несущественные изменения в строй и характер языка, однако человеку неподвластны коренные преобразования языка. Таким образом, из рассуждений Кондильяка язык предстает некой системой, контролируемой человеком, однако не поддающейся его власти.

Таким образом, философия Нового времени возвращает понимание языка как инструмента познания истины. На первый план вновь выходят проблемы правильного использования языка. На основе идей Декарта о закономерности логической связи между знаком и мыслью возникают проекты специального языка науки (Кондорсе), универсального философского языка (Лейбниц), универсальной грамматики (всеобщая грамматика Пор-Рояля

А. Арно и К. Ласло). Намечается междисциплинарная стратегия понимания природы и сущности (натуралистическая, психологическая, социальная).

Развитие натуралистического подхода к осмыслению сущности языка связано с именем выдающегося немецкого исследователя **Августа Шлейхера** (1821–1868). Близость языка к природным организмам Шлейхер видит, в частности, в способности языка к эволюции. При всех недостатках натуралистическое направление в языкознании должно рассматриваться как этап поступательного движения науки о языке. Ошибочным в концепции А. Шлейхера и его последователей явилось показное, словно нарочитое, перенесение на язык законов, присущих биологическим организмам. Языки, конечно, тоже возникают, развиваются и иногда умирают, однако «смерть» эта носит не биологический, а социально-исторический характер. Язык умирает только с исчезновением говорящего на нем общества, коллектива людей. И все же, несмотря на ошибочный характер натуралистической концепции в языкознании, следует учитывать тот факт, что сравнение языка с живым организмом способствовало утверждению системного взгляда на язык как на объект, обладающий собственной структурой.

Другая известная точка зрения на природу и сущность языка — это то, что язык — явление психическое. Одним из виднейших представителей, которые представляли психологическую точку зрения на язык, был Гейман Штейнталь (1823–1899). Наиболее четко и последовательно психологическая концепция Штейнтала представлена в его работе «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения». Рассматривая язык как явление исключительно психическое, Г. Штейнталь все свое внимание сосредоточивал на индивидуальном акте речи.

В течение XIX и XX вв. определение языка в качестве отражения духовных (В. Гумбольдт), биологических (А. Шлейхер), психологических (Г. Штейнталь, В. Вундт, А. А. Потебня), социальных (Ф. де Соссюр, А. Мейе, Ж. Вандриес, Ш. Балли), эстетических (К. Фосслер), этнических (Л. Леви-Брюль, Э. Сепир, Л. Вайсгербер) структур было господствующим. Как правильно заметил датский лингвист Х. И. Ульдалль, «в лингвистике мы вынуждены мириться с пестрой мешаниной исторических, физиологических, физических, биологических, логических, психологических, философских, и даже иногда теологических идей». К этому побуждает его амбивалентная природа.

Прежде всего, двойственную природу языка ощущали языковеды XIX века (В. фон Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.). Так, В. фон Гумбольдт, рассматривая язык как единый и целостный феномен, выделял в нем два аспекта: а) *ergon* (греч. 'продукт деятельности') и *energeia* (греч. 'совершаемая работа, деятельность'). Их особое понимание Ф. де Соссюра отразил в своих известных дихотомиях (антиномиях), противопоставив язык речи, хотя, согласно его теории, «оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга».

Однако последователи Ф. де Соссюра в стремлении к формализации категориального аппарата лингвистики, вопреки убеждениям самого Ф. де

Соссюра, пытались обосновать более жесткую оппозицию языка речи. Так, Л. Ельмслев четко разграничил систему языка, норму и узус речи, речевые акты. Н. С. Трубецкой полагал, что язык и речь «по своему существу... совершенно различные вещи, поэтому они и должны рассматриваться независимо друг от друга». Жестко противопоставляют язык и речь А. Гардинер, Г. Гийом, Л. Блумфилд и ряд других лингвистов. Их последователи есть и в современном языкознании.

Наконец, существует точка зрения, что язык явление социальное. Язык отдельного человека зависит от окружающей среды и находится под влиянием речи коллектива. В XX в. язык стали рассматривать как систему знаков.

В зависимости от широты трактовки языка и контекста его существования можно выделить три основные концепции философии языка. Первая — имманентно-семиологическая — восходит к учению Ф. де Соссюра. Вторая — антропологическая, согласно которой язык рассматривается в контексте «человек и его мир», — находит свое выражение в философии языка В. фон Гумбольдта и в неогумбольдтианстве. Для представителей этой концепции «язык — своеобразное духовное око» (Х. Г. К. фон дер Габеленц), которым люди взирают на мир. Третья — (тео)антропокосмическая, в соответствии с которой язык рассматривается во вселенском контексте: «Бог — человек — космос». Третью точку зрения хорошо выразил русский философ С. Булгаков: «Язык дан человеку, потому что в нем и через него говорит вся вселенная, он есть логос вселенной»; «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию». При понимании человека как микрокосма границы между второй и третьей программами-установками сливаются, и они частично отождествляются: «...человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично, или, скажем точнее, антропологично».

1. В поисках сущности языка

С точки зрения лингвистической философии, современные интерпретации сущности языка можно разделить на когнитивные и онтологические. К когнитивным концепциям будут отнесены такие, в которых язык определяется через мышление. Язык определяется в качестве средства когниции (познания) или базы (основы) мышления в его различных формах. Онтологические концепции рассматривают язык как отдельный и особый объект, характеризующийся собственной структурой и обладающий специфическими внутренними законами эволюции.

Когнитивные концепции языка можно, в свою очередь, разделить на два типа: а) «орудийные» и б) «отражательные». Первый тип об-

разуют так называемые «инструментальные» концепции, согласно которым язык — орудие мысли, познания, общения, творчества и борьбы. Второй тип составляют, условно говоря, «отражательные», или «мировоззренческие», концепции. В их интерпретации язык — отражение действительности, мышления, национального самосознания (национального духа) и даже классового мировоззрения. Согласно концепциям второго типа, язык — духовная сокровищница народа: средство его мышления, этнического самосознания и национального духа. Если всмотреться более пристально, то второй тип концепций языка представляет собой дальнейшее развитие его орудийных определений. Все они, так или иначе, строятся на основе отождествления языка с мышлением.

2. Двойственная природа языка

Главное проявление двойственной природы языка — в его способности быть одновременно и средством речемышления, и деятельностью, представляющей сам процесс обмена мыслями. В этом отношении научные представления о двойственной природе языка воплощаются двумя объектами лингвистики. Один из них относится к наблюдаемому, второй — к мысленно воображаемому. Кстати, соотношением наблюдаемых объектов с теоретическими, мысленно представляемыми объектами характеризуется не только языкознание, но и любая иная современная наука. При этом следует помнить, что мысленно представляемые понятия языкознания формируются не только путем отвлечения от наблюдаемых признаков речевого общения, но и благодаря выявлению новых свойств и признаков. Так формируются, в частности, понятия об основных единицах языка. Их «инвариантные» признаки выявляются путем обобщения регулярных, повторяющихся признаков соответствующих их речевых проявлений. Несложно заметить, что мысленно представляемые объекты относятся к единицам языка, а объекты с наблюдаемыми признаками — к речевым образованиям. И снова речь возвращается к двойственности природы и сущности языка. По мнению В. А. Звегинцева, например, «в каких бы формах ни представляли двойственность объекта лингвистики, совершенно очевидно, что мы имеем дело с двумя разными явлениями». При этом такое различие не сводится к одному

признаку. В одном случае внимание акцентируется на различии в языке и речи коллективного и индивидуального (Б. А. Серебренников), в другом — потенциального и реального (Н. Хомский), в третьем — статического и динамического (Э. Косериу). Однако по какому бы признаку ни определялась двойственность языка, в ходе научно-теоретического обобщения повторяющихся в речи структур был искусственно выделен лингвистический феномен, называемый языковой системой. Кстати, этот феномен так и остается научной теорией, «о которой, скорее всего, не подозревают люди, не «испорченные» лингвистическими знаниями» (Ю. А. Левицкий). И все же невозможно отрицать пусть даже теоретической целесообразности рассмотрения двойственной природы языка. Смысл такого различения состоит в том, что оно позволяет отделить (а) социальное от индивидуального, (б) существенное от побочного (случайного)¹. «Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу»². Различая язык и речь, выделяют, прежде всего, потенциальное, находящееся вне конкретного акта общения, и то, что реализуется человеком в данном коммуникативном акте.

Язык *социален* по своей сущности, тогда как речь в ее конкретном проявлении *индивидуальна*. Как явление социальное, язык — идеальная система, элементы которой (языковые знаки) представляют собой ментальные образования, фокусирующие в себе некоторое мыслительное содержание и психический образ его звукового выражения. Примером тому может служить образ именуемого предмета (явления) и звуковой образ слова. При таком понимании языка сложно согласиться с теми, кто считает языковые знаки материально-идеальными образованиями, у которых план выражения якобы материален, а план содержания — идеален. В представленном толковании, идущем от Соссюра, оба плана языкового знака идеальны. Однако сущности языкового знака будет посвящена отдельная глава. Здесь же отметим, что само функционирование языковых знаков осуществляется в речи, обеспечивающей их реализацию в той или иной субстанциональной форме — звуковой или графической.

Соотношение между языком и речью может рассматриваться, с одной стороны, как идеализированная модель языка, а с другой, —

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 52.

² Там же.

как эмпирический (речевой) материал. Такое представление было характерно, например, для Пражского лингвистического кружка. Совокупность идеализированных моделей языка формирует лингвистическую теорию, где язык — предмет лингвистики, а эмпирический материал — речь. Идеализированная модель языка в значительной степени искусственна, конструируется наукой для систематизированного познания и объяснения явлений речевой действительности.

Эта действительность непосредственно предстает перед исследователем в виде отдельных речевых образований (текстов). При этом внимание исследователя может быть сосредоточено на разных их аспектах. Если наше внимание сосредоточено на внутреннем психологическом механизме создания речевых произведений, — то это предмет психологии речи. Если на механических способах их реализации языковой системы, то это предмет физиологии речи. Если на побудительных мотивах, которыми руководствуются при построении речевых произведений, то это предмет социологии. Если на том, чем каждое из речевых образований отличается от других и какова их эстетическая ценность, то это будет предметом лингвопоэтики. Все, что связано с изучением закономерностей реализации языковой системы в различных схемах общения, является предметом лингвистики речи. Языковая действительность, таким образом, оказывается предметом не только лингвистики языка, как утверждали структуралисты, но и лингвистики речи.

3. Лингвистики языка и лингвистика речи

Своеобразием лингвистики языка является вектор исследования: из речевого материала путем абстрагирования от частных признаков речевых структур и их обобщения моделируются идеальные (языковые) сущности.

В лингвистике языка отдельные речевые образования рассматриваются со стороны использования в них соответствующих элементов языковой системы для того, чтобы воссоздать и описать эту систему в целом и в таком виде, в каком она способна обеспечить построение любого речевого произведения. Лингвистику языка интересует, следовательно, то общее, что заключается и отражается в достаточно большом (принципиально бесконечном) числе речевых

произведений. В лингвистике языка допустимо также абстрагирование от речевого материала в целом. По отношению к речи это будут лишь разные ступени абстракции, разные способы моделирования языка, которое и позволяет с той или иной точки зрения подойти к исследованию его существенных и специфических свойств и характеристик.

Оба указанных способа моделирования языка при «извлечении» его из речевого материала одинаково правомерны, в частности, потому, что язык, получая эмпирическое воплощение в речи, вместе с тем с необходимостью воплощается также в сознании членов данного языкового сообщества. Причем система этого языка в цельном виде содержится именно в коллективном сознании, тогда как в речи мы наблюдаем только разрозненные детали этой системы, для соединения которых приходится обращаться к коллективному языковому сознанию. Рассматриваем ли мы язык в абстракции лишь от сугубо индивидуальных свойств речи или от речевой субстанции в целом — во всех случаях за основание, по которому осуществляется абстрагирование, принимается знание языка, его мысленная проекция.

Итак, лингвистическое изучение языка по необходимости опирается на его коллективное знание. Такая необходимость ставит лингвистику в совершенно особое положение среди других наук. Ведь коллективное знание языка — не то же самое, что знание о предметах и явлениях окружающей нас природы. Предметы и явления окружающей нас действительности существуют объективно, независимо от человека. Язык же существует лишь постольку, поскольку он «живет» не только в речи, но и в сознании человека. Однако язык как амбивалентное явление связан с мышлением и разными формами проявления действительности. Благодаря знаковой репрезентации эти формы проявления действительности «встречаются» друг с другом в нашем сознании, образуя то, что называется внешним миром. Как пишет М.В. Лебедев, такая «встреча» обеспечивается именно с помощью языка, который в связи с этим располагается, как сейчас принято говорить, в той же концептосфере, в том же этнически и культурно обусловленном пространстве единой картины мира. Этим, собственно, и объясняются причины возникновения таких «гибридных» дисциплин, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика и др.

Попытки разграничения языка и речи предпринимались и после Ф. де Соссюра. Многие из них наряду с языком и речью выделяют

еще языковую и речевую деятельность. Здесь остается проблемным вопрос об их статусе: это одно и то же понятие, именуемое по-разному, или явления, требующие разграничения? Так, Л. В. Щерба, например, предложил трехчленную систему:

- речевую организацию (психофизиологическую организацию индивида);

- языковую систему [обобщение правил, которое делается «на основании всех актов говорения и понимания, имевших место в определенной эпоху жизни той или иной общественной группы»];

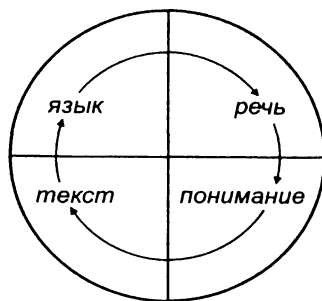
- языковой материал (речевую деятельность). Под речевой деятельностью Л. В. Щерба понимал «совокупность актов говорения и понимания».

Эта система была модифицирована А. А. Леонтьевым. Ученый выделял (а) «языковую способность» — отражение системы языка в сознании говорящего, (б) «языковой процесс», т. е. собственно речь, реализацию языковой способности, и (в) «языковой стандарт» — язык как систему, существующую вне индивида.

Речевая деятельность стала основным предметом новой дисциплины — психолингвистики, которая еще называется теорией речевой деятельности (РД). РД предполагает наличие определенной системы средств (языка), с помощью которых «продукты» этой деятельности получают внешнее воплощение (например, в виде устных или письменных текстов). РД возможна только при условии, что соответствующая система (язык) отражается в сознании членов данного языкового сообщества, при условии, что они знают языковую систему, умеют ее использовать, т. е. при обязательном участии мыслительных механизмов. Некоторые лингвистические школы первоочередной задачей лингвистики считают исследование системы языковых средств, используемых в РД для выражения мысли. Именно эта система и получила обобщенное название «язык», который чаще всего рассматривается как один из компонентов РД, противопоставляемый другому ее компоненту — речи.

Следуя устоявшейся традиции, в современном языкознании противопоставляемые явления все же рассматривают в качестве двух сторон единого целого, называя его по обыкновению языком. «Язык и речь, — пишет Э. Р. Атаян, — не разные вещи, и не разные “части” одной и той же вещи... а нечто целокупное, которое в одном отношении... выглядит некоторой системой, а в другом — процессом»¹.

Взаимоотношение речи (говорения), понимания, текста и языка может быть изображено в виде схемы:

Каждый из выделенных на схеме компонентов требует отдельного рассмотрения. В целом, разграничение языка и речи пока не имеет однозначного решения и является до известной степени условным. Вместе с тем, оно важно для понимания закономерностей развития языка и условий его изменения.

4. Язык

В истории языкознания имеется множество определений языка, которые обусловлены исходными философскими взглядами исследователей. Обычно они учитывают лишь отдельные аспекты сущности языка. В связи с этим при определении сущности языка нередко используются признаки его речевой ипостаси. Так, у В. фон Гумбольдта встречается понимание языка не как орудия, а как множества речевых процессов: «В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности»². Причем такого рода деятельность, по Гумбольдту, имеет когнитивную направленность. Ученый пишет: «Язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука речи материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность мышления и язык представляют по-

¹ Атаян Э.Р. Язык и внеязыковая действительность. Опыт онтологического сравнения. Ереван, 1987. С. 17.

² Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 70.

этому неразрывное единство... Язык есть как бы внешнее, проявление духа народа; язык народа есть его дух, а дух народа есть его язык — трудно представить себе что-либо более тождественное... Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли». Эти суждения Гумбольдта созвучны гегелевскому утверждению: «Язык есть деятельность теоретического разума в собственном смысле, так как он является ее внешним выражением».

Когнитивно ориентированные определения даются А. Шлейхером, Г. Штейнталем, А. А. Потебней и др.:

1. «Язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления...» (А. Шлейхер).

2. «Язык есть выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков» (Г. Штейнталь).

3. «Язык есть... форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается» (А. А. Потебня).

Определения семиотического характера принадлежат Ф. Ф. Фортунатову, И. А. Бодуэну де Куртенэ, Ф. де Соссюру.

1. «Язык состоит из слов, а словами являются звуки речи, как знаки для нашего мышления и для выражения наших мыслей и чувствований» (Ф. Ф. Фортунатов).

2. «Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на основании общего им всем языка... Язык есть одна из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова» (И. А. Бодуэн де Куртенэ).

3. «Язык есть система знаков, выражающих идеи... социальный продукт речевой способности, совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц» (Ф. де Соссюр).

Понимание языка как продукта коллективной деятельности представлено в трудах Г. Шухардта, О. Есперсена, А. Мейе, Ж. Вандриеса.

1. Сущность языка заключается в общении (Г. Шухардт).

2. Язык есть человеческая деятельность с целью сообщения мыслей и чувств (О. Есперсен).

3. Язык — бесспорно общественное явление (А. Мейе).

4. Язык образовался в обществе. Он возник в тот день, когда люди испытали потребность общения между собой... Язык как социальное явление мог возникнуть только тогда, когда мозг человека был достаточно развит, чтобы пользоваться языком (Ж. Вандриес).

Структуралисты пытались обосновать понимание релятивной природы языка. Крайнее его выражение принадлежит Л. Ельмслеву: «Язык есть... структура чистых отношений... форма или схема, не зависящая от практических реализаций».

Все эти определения языка неравноценны. Одни из них подчеркивают существенные моменты языка, другие оттеняют его менее характерные признаки. Учитывая все многообразие существующих дефиниций, наиболее приемлемым представляется следующее определение. Язык — это открытая знаковая система особого рода, находящаяся в постоянном развитии и служащая важнейшим средством общения людей, средством формирования и выражения их мыслей и чувств.

4.1. Биологические предпосылки возникновения языка

С точки зрения укрепляющей свои позиции нейролингвистики, биологической предпосылкой языка человека служат формы сигнальной деятельности животных. Биологические истоки человеческого языка убедительно раскрываются В. П. Поповым и И. В. Крайнюченко в контексте исследования проблем возникновения психосферы вообще. Они утверждают, что алгоритм своего развития «человечество могло унаследовать из опыта животных предков, из опыта биосферы». Гипотезы о животном происхождении языка выстраивались уже в XIX в. (И. Гердер и др.). Высказывалось убеждение в том, что языки могут формироваться только в условиях стадного существования высокоразвитых животных для их объединения. Л. А. Орбели в 1949 г. высказал гипотезу о существовании промежуточных этапов развития сигнальных систем в процессе эволюции, т. е. о наличии переходных способов отражения реальности. Так называемый «язык животных» существенно отличается от языка человека. Это скорее некие конкретные сигналы — звуковые, обонятельные, зрительные, жестовые. К ним относятся сигналы половым партнерам, сигналы между родителями и потомством, крики тревоги, сообщения о наличии пищи, сигналы коммуникаций между членами стаи, сигналы

намерения, агрессии, миролюбия, неудовлетворения. Обезьяны, как и люди, имеют некоторые врожденные «заготовки» языков, которые совершенствуются в процессе общения. Чем выше уровень развития мозга, тем сложнее организована акустическая сигнализация.

На заре человечества язык мало отличался от языка животных. Реконструкция показала, что голосовой аппарат древних людей не позволял говорить быстро. Они, видимо, растягивали звуки, пели. Можно предположить, что язык древних людей, как и язык животных, имел эмоциональный характер. Причем «алфавит сигналов» зависит от ситуации. Имея всего 10–20 сигналов, животные применяют их во множестве разных значений. Язык животных всегда конкретен, так как сигнализирует о конкретной обстановке или состоянии животного. Большинство сигналов носит вероятностный характер.

В Кении обезьяны ритмическим пощелкиванием сообщают о леопарде, питоне, орле, о вооруженном человеке. В звуках обезьян и человека много сходных фонетических элементов. Голоса обезьян выражают страх, угрозу, радость, гнев, удовольствие, жалобу. Эти сигналы и люди воспринимают адекватно. Сигналы приматов указывают на конкретных хищников, на определенную пищу. Сигналам обучаются, подражая сородичам. В 1990-х годах стало очевидно, что антропоиды самостоятельно осваивают язык, общаются на нем, используя начала грамматики и синтаксиса, расширяют его (изобретая новые слова), обучают друг друга и потомство. Построение речи у антропоидов напоминает примитивную речь бушменов, которая состоит из совокупности единичных образов. Например, «белый – давать – мясо – бушмен»; «бушмен – идти – есть – мясо». В такой речи логические связи очень слабые, синтаксис отсутствует.

Обезьяны усваивают языки-посредники, язык жестов, компьютерный язык символов, знают сотни знаков и понимают до 2000 слов. Горилла Коко освоила 375 знаков азбуки глухонемых. Шимпанзе Уошо комбинировала знаки для обозначения новых предметов (арбуз — это «конфета + питье»), учила знакам своего детеныша, из знаков составляла предложения. В большинстве случаев порядок слов в них соответствовал правилам естественного языка (подлежащее – сказуемое – дополнение). Такое предложение в целом отражает структуру денотативной ситуации, как и предложение любого человеческого языка. Шимпанзе, похоже, владеют элементами синтаксиса. Было доказано, что обезьяна строит фразы самостоятельно

но, без подсказок человека. Рассмотрим языки более примитивных животных.

При помощи голоса волки могут передавать много сложной информации. Некоторые люди способны понимать язык волков. Об этом в 2011 г. по телевизионному каналу «Animal planet» шел цикл передач «Человек-волк». Собаки живут с людьми 12 000 лет, хорошо реагируют на интонации голоса человека. По тому же каналу была организована передача «Переводчик с собачьего языка». Собаки уверенно различают все гласные и даже согласные русского языка, различают и фонемы, независимо от того, кто их произносит. Некоторые собаки понимали до 100 слов.

Очень выразительны «песни китов». Язык дельфинов также является языком эмоций. Дельфины способны общаться на языке свистов, обучать друг друга, могут комбинировать фонемы в подобие слов. Сигнализация дельфинов очень схожа с человеческой речью. Ей даже присущи синтаксическая организация и смысловые отношения. Л. Херман научил дельфинов точно следовать инструкциям — знакам. Дельфины понимали знаки, символизирующие пространственное расположение предметов, и хорошо запоминали прошлые уроки. Аналогично дельфинам ведут себя морские львы. Животные подражают речи человека, способны имитировать ограниченное количество слов. Например, тюлень Гувер в бостонском аквариуме встречает посетителей фразой «How do you do». Суслики и белки издают специфические сигналы, соответствующие разным видам опасности. В лексиконе многих рыб есть сигналы опасности, угрозы, предупреждения сильного слабому и слабого сильному. Язык пчел — это звуки и движения. Муравьи способны передавать много разных сообщений (не только запахом). Их коммуникативные системы более развиты, чем у пчел. Птицы способны составлять песню из звуковых элементов. Голосовой аппарат птиц позволяет исполнять дуэты и квартеты. «Поведение птиц никоим образом нельзя сводить к врожденным реакциям, безусловным рефлексам» (А. М. Промтов), ибо птицы проявляют творчество. В языке кур сигналов мало, но вороны, как это ни удивительно, оперируют отвлеченными понятиями и довербальными понятиями числа. Птичий язык понимают только особи данного вида. Но есть интернациональные языки. Сорока подает знак опасности всем животным. Птенцы в яйцах «разговаривают» с наседкой. Многие птицы подражают пению других птиц и

человека (попугай, сорока, дрозд, пересмешник, снегирь, сойка). Соловьи обучаются пению от своего окружения, и качество их песен зависит от наличия хороших «учителей». Представители разных видов могут выучивать и произносить сотни слов, составлять предложения и фразы, адекватные ситуации, вступать в осмысленный диалог со своим воспитателем. Попугаи, например, осваивают 100–500 слов и даже делают попытки самостоятельного словотворчества.

Итак, язык как некая семиотическая (знаковая и сигнальная) система не является прерогативой человека (М. Е. Петерсон). Кстати, мышление также своими конями уходит в биосферу. Известный американский психолог и лингвист Стивен Пинкер онтологической основой языка называет инстинкт. Ученый ищет доказательство того, что язык — это особый инстинкт, а не просто мудрое решение проблемы, придуманное от природы смышленными живыми существами. Если язык — это инстинкт, рассуждает С. Пинкер, у него должна быть определенная область в мозгу и даже, возможно, некий набор генов, которые запускают этот инстинкт. Ученый склонен полагать, что такая область в мозгу человека есть. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. У людей, получивших травмы мозга, обычно страдает язык, в то время как остальные части интеллекта продолжают работу. Значит, в мозгу человека имеются некие нейроны, повреждение которых искажает язык. Если же повреждаются другие участки мозга, а речевые зоны остаются невредимыми, человек превращается в отсталого индивида с хорошо сохранившимся языком. Это и позволяет ученому ставить вопрос о возможности существования у человека языковых генов. Правда, языковые гены или «орган языка» еще никем не были открыты, но поиск их ведется.

Существует несколько видов неврологических и генетических нарушений, которые ставят под угрозу язык, оставляя нетронутой способность к познанию и наоборот. Об одном из них известно уже в течение целого столетия, а может быть, и тысячелетий. Если повреждены определенные области в нижней части лобной доли левого полушария, например, от удара или от пулевого ранения, человек часто страдает от синдрома под названием афазия Поля Брока. Одна из жертв этого синдрома, человек, в итоге восстановивший способность говорить, по данным Ст. Пинкера, делился своими воспоминаниями того, что ему пришлось пережить: «Когда я проснулся, у меня слегка болела голова, и я подумал, что я, должно быть, спал, придавив свою

правую руку, потому что она онемела, и в ней покалывало, и я не мог заставить ее делать то, что хотел. Я выбрался из кровати, но не смог удержаться на ногах; фактически, я просто упал на пол, потому что моя правая нога была слишком слабой, чтобы выдержать мой вес. Я принялся звать жену из соседней комнаты, но не мог издать ни звука — я не мог говорить... Я был ошеломлен, напуган. Я не мог поверить, что это происходит со мной, и начал приходить в ужас и замешательство, и вдруг я внезапно понял, что со мной случился удар. В какой-то мере осознание этого принесло некоторое облегчение, но ненадолго, потому что я всегда считал, что от последствий удара страдают всю жизнь... Я обнаружил, что могу чуть-чуть говорить, но даже мне самому слова казались неправильными и обозначали не то, что я думал сказать». Потеря речи называется афазией. Афазия сопровождает и другие мозговые нарушения и нередко имеет катастрофические последствия. В тяжелых случаях пострадавший человек деградирует как личность.

Новые стимулы к обсуждению вопроса о биологических предпосылках человеческого языка дала увлекательная книга З. А. Зориной и А. А. Смирновой «О чем рассказали “говорящие” обезьяны» (М., 2006), побуждающая к постановке вопросов, существенных для будущего диахронического изучения языка в контексте сопряжения лингвистических, естественнонаучных и математических исследований.

При сопоставлении систем коммуникации людей и животных в центре внимания обычно оказываются следующие проблемы:

- 1) эволюция названий чисел и счета;
- 2) соотношение в эволюции речи, пения и музыки;
- 3) генетические истоки естественного звукового языка;
- 4) теоретико-информационный подход к языкам человека и животных.

4.2. Генетические истоки естественного звукового языка

Вопрос о биологических предпосылках языка получил в самые последние годы новое освещение благодаря серии работ, посвященных недавно открытому гену *POXP2*, нарушения которого у человека ведут к неправильной работе многих частей речевого аппарата, а также тех лицевых мускулов, которые могли играть роль и в языке жестов.

Отличительной особенностью гена является его крайняя консервативность. За 75 миллионов лет, которые на эволюционной лестнице разделяют мышь и шимпанзе, изменилась только одна аминокислота, тогда как человека от шимпанзе отличает целых две аминокислоты. Этим подчеркивается связь данного гена с эволюцией человека разумного. Коммуникативная функция тех механизмов, за которые отвечает этот ген, предположительно является очень древней. Ее можно обнаружить уже у некоторых певчих птиц. У летучих мышей предполагается связь эволюции этого гена с эхолокацией. А у мышей нарушение гена ведет к прекращению или ослаблению ультразвуковой связи между самкой и ее детенышами. Поскольку ген соотносится с областью хромосомы-7, нарушения которой ведут к аутизму (понимаемому как генетическое заболевание), ставился вопрос о связи этого гена с аутизмом. Но он пока остается без определенного ответа. Предполагают, что нарушения этого гена влияет на появление акустических галлюцинаций при шизофрении. Исследование этого гена представляет собой только часть начавшегося изучения нестабильности генома человека, который мог претерпеть существенные изменения во время становления современного языка. Этот ген, по предположению ученых, является источником большинства языков. Однако нужно заметить, что некоторые генетики для рассмотрения гена *POXP2* в качестве основного фактора развития человека не видят достаточных оснований.

* * *

В философии языка различаются три основные парадигмы представления языка, делающие акцент на семантическом, синтаксическом или же прагматическом планах языка: 1) философия имени («семантическая парадигма»), исходящая из имени и его отношения к миру; 2) философия предиката («синтаксическая парадигма»), опирающаяся на предикат как на ядро суждения и изучающая синтаксические связи между языковым выражением и взглядом на мир лишённого личностных свойств усредненного носителя языка; 3) «философия эгоцентрических свойств языка» («прагматическая парадигма»), исходящая из момента связи между языком и говорящим субъектом. Первая парадигма разрабатывалась в философии языка со времен античности вплоть до начала XX в. Вторая — в философии языка неопозитивизма. Третья — в философии языка позднего

логического неопозитивизма (Б. Рассел) и в формальной прагматике (Р. Монтегю, К. И. Льюис, Я. Хинтиikka и др.).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

- Алефиренко Н.Ф.* Теория языка. Вводный курс. М.: Академия, 2010.
- Атаян Э.Р.* Язык и внеязыковая действительность. Опыт онтологического сравнения. Ереван, 1987.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Иванов В.В.* Лингвистика третьего тысячелетия. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
- Левицкий Ю.А.* История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Высш. шк., 2009.
- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970.

Дополнительная

- Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Локк Дж.* Сочинения: В 3-х т. Т. 1: Опыт о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985.
- Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Попов В.П., Крайнюченко И.В.* Психосфера. Пятигорск: РИА-КМВ, 2008.
- Соссюрь Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Хомский Н.* Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Masataka N.* Music, Evolution and Language // Developmental Science. V. 10. № 1. 2007.

РЕЧЬ: ТЕКСТ И ДИСКУРС

1. Текст. 2. Дискурс. 3. Понимание речи. 3.1. Порождение речи. 3.2. Восприятие речи.

Проблема разграничения языка и речи занимает центральное место в современном теоретическом языкознании.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Начала учения о разграничении языка и речи можно найти в диалоге Платона «Софист», относящемся к IV в. до н. э. В этом диалоге ясно намечены две фундаментальные, полярные сферы языка: слово как название сущего и предложение как словесное суждение о сущем. При этом предложение обозначается термином *речь*. отождествление предложения и речи, как известно, проходит через всю древнегреческую грамматику. По Платону, слова («имена» и «глаголы») вне предложения, вне речи сами по себе ничего реального не утверждают и не отрицают; лишь в предложении, в речи они получают подлинный смысл, утверждая и отрицая нечто конкретное о вещах, являющихся предметами суждения говорящего. «...Из одних имен, последовательно произносимых, не получается речь, так же как и из глаголов, произнесенных без имен, — говорит Платон устами своего персонажа. — Ведь прозвучавшее не показывает ни в том, ни в другом случае ни действия, ни бездействия, ни бытия сущего или не-сущего, прежде чем кто-нибудь не примешает к именам глаголы. А тут-то уже первое соединение оказывается сложенным и становится речью, — пожалуй первой и самой малой речью... Когда кто-нибудь скажет: человек учится, то это — наименьшая и первая речь...»¹. Античное учение о словах-именах и предложении-речи, развитое Аристотелем и стоиками, в дальнейшем, у александрийских ученых, послужило основой для создания определенных контуров теории грамматики с морфологическим и синтаксическим разделами.

Дальнейшим этапом на пути принципиального различия в языке системы и продукта ее функционирования становится эпоха Возрождения, когда происходит накопление материала по разным языкам, и, наряду с продолжающейся деятельностью грамматистов, начинается планомерная деятельность лексикографов. Именно в этот период вычленяется традиционная формула состава языка в виде представления его как совокупности словаря и грамматики, воплощенная, между прочим, в известной фразе Готфрида Германна: «*Daue res longe sunt difficillimae — lexicon scribere et grammaticam*» («Две вещи суть особенно трудны — писать словарь и грамматику»). Что же касается сравнительно-исторического языкознания XIX века, то здесь

¹ Античные теории языка и стиля. М., 1936. С. 58.

разграничение между языком как системой средств словесного выражения и речью как высказыванием, реализуемым в результате функционирования системы, можно считать полностью сложившимся. В дососсюровском языкознании появляется и термин *механизм языка*, который пользуется популярностью в современной лингвистике.

Небезынтересно отметить, что разграничение языка и речи в дососсюровском языкознании получило особый импульс в связи с психологическими и эволюционистскими изысканиями, обращавшимися к изучению семиотических систем у животных и их сравнению с языком человека. Вот что пишет, например, эволюционист Д. Романэс о языке и речи, говоря о различии между человеком и животными: «Сказать, что оно является с возникновением языка, в смысле объяснения знаками, значило бы выразиться слишком широко, так как мы видели, что язык, в широком смысле слова, доступен и низшим животным. Следовательно, границу надо провести не там, где является язык или способность объясняться знаками, но там, где является тот особенный вид этой способности, который мы понимаем под словом "речь". Отличительная особенность этого вида делания знаков, следовательно, такая особенность, которая чужда всем остальным его видам, заключается в предикации, то есть в употреблении знаков, как подвижного шрифта, для составления предложений»¹. Разграничение языка и речи здесь принимается как нечто само собой разумеющееся.

Наконец, следует сослаться на известные положения И. А. Бодуэна де Куртенэ о «механизме языка», о «строе и составе языка», который, хотя и представляет собой результат исторического развития и обуславливает пути дальнейшего развития, не может измеряться категориями предшествующего или последующего времени. Важно отметить, что эти положения были высказаны еще в 1870–1871 гг., то есть почти за полвека до опубликования «Курса» Ф. де Соссюра. И все же строгое разграничение языка и речи (в узком смысле терминов) обычно связывается с именем Ф. де Соссюра. Однако, если внимательно рассмотреть предшествующие и последующие лингвистические концепции, то нельзя не увидеть, что положения Ф. де Соссюра — это лишь одна из вех длительной истории, начало которой восходит к самым далеким истокам европейской грамматической традиции. Стоит вспомнить тезис самого Ф. де Соссюра о том, что для правильного понимания природы языка нужно возвратиться к статической точке зрения традиционной грамматики. Лингвистика, полагал ученый, уделяла слишком много внимания истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже понятой в новом духе, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом, который, таким образом, косвенно помогает лучше осознавать состояния языка. Что касается послесоссюровского языкознания, то с обоснованием специфически «речевой» сущности предложения выступил в начале 1930-х гг. английский

¹ Романэс Д.Д. Духовная эволюция человека. М., 1905. С. 232.

ученый А. Гардинер, но с особенной остротой и последовательностью разграничение языка как системы средств построения предложений и речи как текста, формируемого готовыми предложениями, было проведено в лингвистической концепции А. И. Смирницкого. Анализируя язык как набор фонетико-смысловых элементов и моделей их сочетания, А. И. Смирницкий вывел за пределы единиц языка на низшем уровне фонему (как несмысловой элемент), а на высшем уровне — предложение и со всей четкостью провозгласил слово основной единицей языка, а предложение основной единицей речи (минимальным «речевым произведением»).

В послессосюрровском языкознании делались также попытки установить между языком и речью промежуточную категорию, называемую узусом или нормой¹. Что касается введения соотносительной пары понятий «норма речи — норма языка», то эта пара по собственным определениям не снимает, а утверждает основную дихотомию «язык — речь». Поэтому на настоящем этапе исследований полностью сохраняет силу следующее обобщение В. А. Звегинцева: «В последние годы нередко можно встретиться с утверждениями, что сосюрровское разграничение между языком и речью должно быть снято и заменено новым, соответствующим новым представлениям о природе языка. Так, ныне противопоставляют друг другу схему и узус, код и сообщение, систему и текст (корпус) и пр. Может быть, формулирование в новых терминах по существу старой проблемы способствует ее уточнению, но отнюдь не снимает ее».

Несмотря на признание двойственной природы языка, всегда больше внимание уделялось одной из двух сторон этого феномена — собственно языку. И только после заката звезды структурализма ученые основательно обращаются к речи. Можно сказать, создается масштабная панорама лингвистики речи.

Имеются ли достаточные основания для противопоставления языка и речи? Наличие в языке нормы делает возможным определить различие между языком и речью как различие между нормой и отклонением от нормы. Наличие в языке явлений, закрепленных обычаем и отклоняющихся от обычая, называемого узусом, делает возможным определить различие между языком и речью как различие между общепринятым, закрепленным в обычае, распространенным и необщепринятым, случайным, нераспространенным. С этой точки зрения язык есть то, что объединяет речь значительных масс людей, образующих данный коллектив, т. е. то, что представляет собой узус, обычай, общие навыки, то, что характеризуется широкой распро-

¹ См.: Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.

страненностью. Речь есть то, в чем различается говорение отдельных индивидуумов, образующих данный коллектив, то, что представляет собой окказиональность, случай, происшествие, событие, то, что характеризуется малой распространенностью.

Нередко понятия «узус» и «норма» используются как взаимозаменяемые. Однако на самом деле понятие узуса принципиально отличается от понятия нормы. Узус — это то, что наиболее распространено; норма — это то, что поощряется, поддерживается, одобряется. Норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу. Узус складывается в процессе развития языка и никем не предписывается. Распределение фактов по этим основаниям не всегда совпадает. Факты, отвечающие нормам и поощряемые обществом, могут быть мало распространенными. Наоборот, факты, широко распространенные, могут не отвечать требованиям нормы. Из этого следует, что для противопоставления языка и речи не могут быть использованы оба эти основания, вместе взятые.

Этический принцип нельзя принять в качестве основания противопоставления языка и речи, так как он выделяет поощряемое и не поощряемое обществом; в таком случае речь представляла бы собой то, что осуждается обществом. Принцип узуса также не может быть принят в качестве противопоставления языка и речи, так как он различает то, что освящено обычаем, и то, что не освящено обычаем; в этом случае речь представляла бы собой то, что не закреплено в обычае, т. е. некоторые отклонения от обычая.

В настоящее время наиболее популярным является взгляд, согласно которому язык и речь представляют собой разные аспекты лингвистической реальности. Такому пониманию отношения между языком и речью во многом способствовала книга Ф. Соссюра «Курс общей лингвистики». Автор утверждает, что «язык, обособленный от речи, составляет предмет, доступный обособленному же изучению». Язык и речь, по Соссюру, — разные предметы разных наук. «Изучение языковой деятельности распадается на две части: одна из них имеет предметом язык; другая индивидуальную речевую деятельность, т. е. речь». Предложив рассматривать язык и речь в качестве разных явлений, представляющих собой предметы разных наук, Соссюр вынужден был пойти по линии поисков таких особенностей, которые имеются в языке и отсутствуют в речи.

1. В качестве основания противопоставления языка и речи Ф. де Соссюр выдвинул разное отношение к развитию. Речи свойственна эволюция. Язык тоже изменяется, но он не содержит в себе источников необходимости своего развития. Развитие языка определяется речью. «Явлениями речи, — говорит Ф. де Соссюр, — обусловлена эволюция языка». Согласно этой концепции, все изменения в словарном составе и грамматическом строе возникают и закрепляются в речи. Возникающие в речи новообразования ломают существующую систему языка, видоизменяют ее, переходят из речи в язык. Таким образом, источником развития языка является речь. Язык — только продукт развития речи.

2. По словам Соссюра, в процессах речевого общения индивиды воспроизводят, — конечно, не вполне одинаково, приблизительно — те же самые знаки, связывая их с теми же самыми понятиями. Следовательно, в процессах речевого общения есть то, что *воспроизводится*, и оно должно отличаться от того, что *производится* в тех же процессах речевого общения.

В развитие этой концепции А. Смирницкий предложил в качестве основания противопоставления языка речи различие воспроизводимого и производимого. По мнению А. Смирницкого, к языку относится то, что имеет готовый характер и воспроизводится в акте общения, а к речи — то, что не имеет готового характера и производится в акте общения. Согласно этой концепции, слова и формы слов являются единицами языка, а свободные словосочетания и предложения — единицами речи

3. Последователи Ф. де Соссюра признали системность в качестве характерного свойства языка. Тем самым предполагается, что речи не свойственна, по крайней мере, та системность, которая свойственна языку. Если за системное распределение фактов принять наличие в русском языке противопоставления согласных по твердости — мягкости, например [до — д'о], [то — т'о] и т. д., то отсутствие указанного противопоставления в области заднеязычных должно быть признано нарушением или выпадением из системы. С этой точки зрения соотношения [до — д'о], [то — т'о] являются фактом языка, поскольку они представляют собой систему, а наличие слов, содержащих [к'о] (*Këроглу* — в некотором роде турецкий Робин Гуд), [г'о] (*Гёте*), представляет собой факт речи, так как выходит за пределы системы. Однако такое противопоставление языка и речи едва ли

может быть принято, ибо оно логически противоречиво. Если язык признается системой и при этом оказывается, что некоторые факты не имеют системного характера, то из этого следует вывод: либо язык — не система, либо система языка установлена неправильно. Если сохраняется положение о системном характере языка, то оно должно быть распространено и на речь. Отношение к системности не может быть основанием противопоставления языка и речи. Как было указано выше, основное в концепции де Соссюра — это различение языка и речи как разных объектов разных наук. Однако именно это как раз и вызывает возражения.

В отечественном языкознании принимается положение, согласно которому язык развивается по своим внутренним законам. Но если признать, что язык и речь являются разными объектами, что единицы языка и речи изучаются разными науками, то из этого должно следовать, что у речи должны быть свои *особые* внутренние законы развития. Однако фактов, подтверждающих такое предположение, у науки нет. Следовательно, нет и оснований для признания отдельных законов развития языка и речи. Это влечет за собой еще одно опровержение: язык и речь — не разные явления, представляющие собой объекты разных наук, а разные стороны одного явления, представляющие собой один предмет одной науки.

В речи нет и быть не может таких единиц, которых бы не было в языке, а в языке нет таких единиц, которые не могли бы быть обнаружены в речи. Язык и речь различаются не как разные явления, а как сущность и ее проявление в процессах общения. С этой точки зрения единицами языка являются не только слова и их формы, но и словосочетания и предложения. Дело в том, что в словосочетаниях и предложениях имеется не только то, что всякий раз производится заново, но и то, что во всяком коммуникативном акте воспроизводится. Воспроизводимыми являются модели словосочетаний и модели предложений. Можно сказать, язык представляет собой такую сущность, способом существования и проявления которой является *речь*. Язык познается путем анализа, речь — путем восприятия и понимания. В выражении *Брат пишет стихи* факт употребления слова *стихи* относится к проявлению того, что может найти свое проявление в другом слове. Например: *Брат пишет картины*. Есть некое тождество, которое сохраняется и в первом, и во втором предложениях и которое по-разному в них проявляется. Эти предложения со

стороны своего различия относятся к речи, а со стороны своего тождества — к языку.

Рассмотрим основания противопоставления языка и речи как разных сторон одного явления.

1. И язык, и речь имеют общественную, социальную природу. Но в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. Язык в акте общения не существует иначе, как в форме индивидуального говорения. Для Соссюра язык и речь — разные явления. Язык как социальное явление противопоставляется речи как индивидуальному явлению. По его мнению, в речи нет ничего коллективного, а в языке нет ничего индивидуального. Такое понимание отношения между языком и речью обусловлено опровергнутым ранее предположением, что язык и речь — разные явления, предметы разных наук. На самом же деле язык социален по своей природе. Однако и индивидуальная форма проявления социальной природы языка по своей сущности также социальна. Индивидуальная форма проявления социальной природы языка свидетельствует о том, что и индивидуальная форма по своей сущности также социальна. Индивидуальное не противоположно социальному, поскольку служит формой социального бытия.

2. Язык и речь противопоставляются по основанию общего и единичного, постоянного и переменного, которые также нельзя рассматривать как отдельные явления, существующие порознь. Общее и постоянное существует в форме единичного и переменного, а во всяком единичном и переменном есть общее и постоянное. Отсюда два взаимосвязанных тезиса: а) язык есть речь, взятая со стороны общего и постоянного; б) речь есть язык, взятый со стороны единичного и переменного. Всякая лингвистическая единица одной стороной обращена к языку, а другой — к речи.

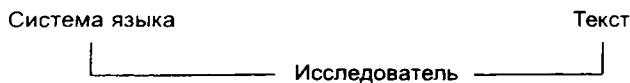
3. Язык и речь различаются по основанию некоего установления и процесса. Есть язык как *средство* общения и есть речь как *процесс* общения с помощью языка. Речь обладает свойством быть громкой или тихой, быстрой или медленной, длинной или краткой. О языке так не скажешь. Речь может быть монологической и диалогической. Язык не может быть ни монологическим, ни диалогическим. В отличие от языка (орудия общения), в речи можно выделить то, что характеризует сам процесс общения. В речи, например, различают частоту встречаемости тех или других единиц языка.

Сила характеризует не фонему как единицу языка, а произношение звука в процессе общения. Можно пользоваться единицами для измерения силы звука. Помехи характеризуют не единицы языка, а осуществление процесса общения. Можно пользоваться единицами для измерения степени помех. Такими единицами не могут быть не только слова или их формы, словосочетания или предложения, но даже и абзацы. Выделение сложных целых или абзацев в качестве единиц речи, а не языка также не опирается на существующие критерии противопоставления языка и речи.

Итак, язык и речь — не разные явления, а разные стороны одного явления. В теории речи базовыми понятиями выступают «текст» и «дискурс». Первое из них знакомо со школы.

1. Традиционно текст рассматривается как совокупность написанного и сказанного на том или ином языке. В зависимости от этого различают речь письменную и устную. Продуктом письменной речи являются тексты художественной и научной литературы, периодические издания, древние рукописи, документы; продуктом устной речи — фольклорные произведения (песни, сказки, легенды, былины), а также выступления (на собраниях, митингах), радио- и телепередачи, обычная беседа.

Для языкознания текст — первейший и самый ценный объект исследования. Ведь тексты как продукты речи и язык как система средств речевой коммуникации — две стороны одной медали. Без текста в широком его понимании невозможно исследовать язык. Дело в том, что язык непосредственному наблюдению и исследованию недоступен. Можно изучать только процессы говорения и понимания, т. е. речевую деятельность, речь, и их продукты — тексты. Вне изучения текстов трудно представить изучение языковой системы. По словам Л. В. Щербы, язык — это то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальном речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала. Описание языковой системы осуществляется в направлении *текст* → *система*, то есть от непосредственно наблюдаемых синтагматических свойств языковых единиц к осмыслению их парадигматики (системы).

Понятие «текст» (лат. *textus* 'ткань, сплетение') — достаточно сложный феномен. Обычно под текстом понимается **объединенная смысловой связью последовательность языковых знаков**. Его основными свойствами являются **с в я з а н н о с т ь** (когезия, когерентность) и **ц е л ь н о с т ь**. Основная единица текста — *сверхфразовое единство*, которое представляет собой сочетание нескольких содержательно и синтаксически связанных предложений, развивающих одну основную тему или идею. Прежде всего, предложения в тексте связаны смысловыми и формальными средствами.

Выделяют следующие основные средства связанности текста: а) грамматические (единство времени и лица, особенности глагольных форм, модальность и др.); б) однородность лексики; в) тематическая последовательность; г) кореференция (подчинение всех элементов одной теме); д) различные лексические средства связи (повторы, местоимения, синонимы и др.). Благодаря этим свойствам текст характеризуется *единством формы и содержания*.

Согласно широкому подходу, текст — то же самое, что речь. В «узком» понимании текст — это *единица речи*. Однако ни один из этих подходов в определении текста не устраняет всех вопросов, связанных с его лингвистическим статусом. Ведь кроме текста к единицам речи относятся и предложения-высказывания, и абзацы, и сверхфразовые единства. Причем, по сложившейся традиции, каждой единице речи соответствует та или иная единица языка: высказыванию, например, соответствует предложение, лексеме — словоформа. С какой же единицей в системе языка соотносится текст? Ситуация усугубляется попыткой некоторых ученых рассматривать сам текст как единицу *языковой системы*. Однако чтобы текст мог считаться единицей языка, он должен обладать воспроизводимостью. Текст же — **п р о и з в о д и м о е** в речи образование. А производимость, как известно, — главный признак речевых образований. Можно, конечно, найти достойные контраргументы, обратившись к единицам с двойным статусом. Предложение, например, является и единицей языка (обобщенная структурная схема ряда однородных синтаксических построений), и единицей речи (конкретное предложение-высказывание); слово также выступает и единицей языка (лексема), и единицей речи (словоформа). Все это разделило исследователей на два противостоящих лагеря: одни настаивают на речевом статусе текста, другие, не отрицая его, ищут языковой коррелят.

Позиция второй группы — конструктивно-эвристическая. Ее наиболее ярко представляет концепция известного австрийского ученого В. Дресслера, который в 1973 г. предложил дихотомию «текст (этическая единица, единица речи) — *текстема* (единица языка), или *потенциальный текст*, или *эмический текст*». Под текстемой понимается потенциальный текст, в отличие от актуального, конкретно создаваемого речевого произведения. Текстема — своего рода «модель текста», наименование абстрактного инварианта, реализующегося в речи в виде конкретных вариантов — текстов. Иными словами, текстема — это некий тип текста, или текстотип. Однако данное понятие еще не стало общепринятым.

Все это создает достаточно сложную ситуацию: с одной стороны, неразумно отрицать наличие связи языка и текста, а с другой — также очевидно отсутствие между ними прямой корреляции. Это первая причина, вызвавшая поиск единицы, которая бы находилась между языком и текстом. Она-то и побуждает нас к поиску того, что лежит за предложением. С середины XX в. обосновывается мысль о том, что взаимоотношение языка и текста опосредовано дискурсом.

2. Термин «**дискурс**» многозначен. Заимствован он из французского языка (через посредство английского), в котором он приблизительно именуется то, что обозначается русским словом *речь* и термином *функциональный стиль*. В чем же необходимость его использования? Не является ли он дубликатом русских терминов *речь* и *текст*?

Многозначность термина позволяет использовать его и в других гуманитарных науках — лингвистике, литературоведении, семиотике, социологии, философии, этнологии и антропологии. Дискурс — понятие более широкое, чем текст. Поскольку это одновременно и процесс речевой деятельности и ее результат (текст), дискурс стали рассматривать как *коммуникативное событие*.

3.1. Порождение речи. Существует несколько моделей порождения речи, разработанных известными психолингвистами А. Р. Лурия, А. А. Леонтьевым, Т. В. Рябовой-Ахутиной и И. А. Зимней. Процесс порождения речи, согласно учению А. Р. Лурия, включает в себя 5 этапов: 1) мотив; 2) замысел; 3) внутреннюю речь (механизм, превращающий внутренние субъективные смыслы в систему внешних развернутых речевых значений); 4) формирование глубинно-синтаксической структуры; 5) внешнее речевое высказывание, опирающееся на поверхностно-синтаксическую структуру.

Большинством современных ученых процесс речепорождения рассматривается как целенаправленная, мотивированная деятельность, имеющая определенные уровни. Внутренняя программа высказывания обеспечивается различными кодовыми системами (речедвигательный, слуховой, зрительный, предметно-схемный коды). В процессе выбора слов обычно выделяют три этапа поиска: ассоциативный по семантическому облику слова; по звуковому облику слова; на основании субъективной вероятности характеристики слова. В качестве «базовой» модели порождения речи обычно используют концептуальную схему-модель, разработанную А. А. Леонтьевым. В его представлении процесс порождения речевого высказывания включает пять последовательных, взаимосвязанных этапов («фаз»).

1. Исходным моментом («исток») высказывания является **мотив**. Мотивация порождает речевую интенцию (намерение) — направленность сознания, воли, чувства индивида на какой-либо предмет (в нашем случае — на предмет речевой деятельности).

Мотивом речевого высказывания может быть:

- требование (к выполнению определенного действия);
- обращение информационного характера (сообщение);
- желание выразить (сформулировать) какую-либо мысль.

Сам мотив при этом не имеет четко определенного смыслового содержания.

2. На следующем этапе порождения речевого высказывания мотив преобразуется в замысел, который, в свою очередь, «трансформируется» в обобщенную смысловую схему высказывания. Ссылаясь на концепцию А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев считает, что на этапе замысла впервые происходит выделение **темы** и **ремы** будущего высказывания. Здесь же осуществляется их дифференциация, т. е. определяется, (а) **о чем** надо сказать — предмет высказывания, или его тема и (б) **что** именно надо сказать об этом предмете (ситуации, факте, явлении окружающей действительности) — рема высказывания. На данной фазе порождения речи эти два основных структурно-семантических компонента высказывания «существуют» (осознаются говорящим) «глобально», в нерасчлененном виде.

3. Следующий — ключевой этап порождения речи — этап внутреннего программирования. А. А. Леонтьевым было выдвинуто положение о *внутреннем программировании высказывания*, рассматриваемом как процесс построения некоторой смысловой схемы, на

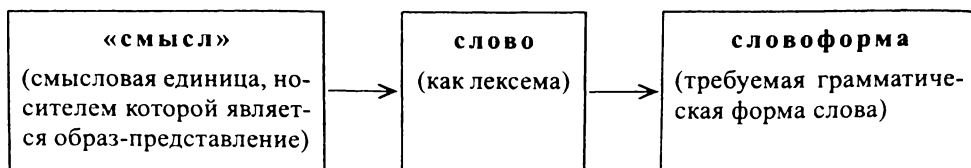
основе которой порождается речевое высказывание. Такое программирование может быть двух типов: программирование отдельного конкретного высказывания и речевого целого. Внутреннее программирование представляет собой два взаимосвязанных процесса: а) приписывание единицам высказывания определенного смысла; б) построение функциональной иерархии этих единиц. Первый процесс: с потенциальными элементами высказывания говорящим соотносятся предметные содержания реально существующих элементов (объектов) того фрагмента окружающей действительности, который должен быть отображен в данном речевом высказывании. В составе этого процесса очень важной является операция выбора тех единиц смыслового содержания, которые «актуальны» для говорящего в данной речевой ситуации. Их актуальность, в свою очередь, определяется мотивами и целевой установкой говорящего или пишущего.

Второй процесс составляет основу синтаксической организации будущего высказывания. Здесь же происходит разграничение главного и второстепенного, «основного» и уточняющих моментов в содержании речевого высказывания. Значение имеет то, на чем сосредоточено внимание говорящего (например, на субъекте или объекте высказывания), каковы его установки на слушателя. Внутренняя программа высказывания представляет собой иерархию пропозиций, лежащих в его основе. Так, известный пример Л. С. Выготского: *Я видел сегодня, как мальчик в синей блузе и босиком бежал по улице* допускает различную интерпретацию высказывания в зависимости от того, что для говорящего является основным, а что — второстепенным.

Основываясь на концепции Н. И. Жинкина о кодах внутренней речи, А. А. Леонтьев полагает, что характер («вид») кода программирования может варьироваться в широких пределах, но наиболее типичным случаем является вторичный зрительный образ, возникающий на языковой основе. Кодом внутреннего программирования является *предметно-изобразительный код* (термин Н. И. Жинкина).

4. Этап лексико-грамматического развертывания высказывания, по мнению А. А. Леонтьева, можно соотнести с переходом от плана внутренней речи к семантическому плану. В рамках его выделяются, в свою очередь, нелинейный и линейный этапы лексико-грамматического структурирования.

4.1. Нелинейный этап заключается в переводе смысловой программы с субъективного кода на объективный (языковой) код, в «приписывании» семантическим единицам «функциональной нагрузки», имеющей в своей основе грамматические характеристики. По А. А. Леонтьеву, этот процесс схематически можно представить следующим образом:

Основной операцией здесь является отбор слов для обозначения элементов смысловой программы.

4.2. «Линейное развертывание» высказывания состоит в его грамматическом структурировании — создании соответствующей грамматической конструкции предложения. При этом на основе выделения «исходной» предикативной пары (субъект – предикат), начинается осуществляться синтаксическое «прогнозирование» высказывания. Процесс грамматического структурирования включает:

- нахождение грамматической конструкции;
- определение места элемента (выбранного по значению слова) в синтаксической структуре и наделение его грамматическими характеристиками;
- выполнение роли, определяемой грамматической формой первого (или ключевого) слова, в словосочетании или предложении.

Наделение слова грамматическими характеристиками предполагает выбор нужной словоформы из соответствующего ряда грамматических форм слова. Данный этап завершается выяснением, соответствует ли составленное речевое высказывание задачам речевой коммуникации. Составленный вариант речевого высказывания соотносится с его программой, общим «контекстом» речи и ситуацией речевого общения. Затем принимается решение о переходе к завершающей фазе составления речевого высказывания — фазе его внешней реализации.

5. Заключительным этапом порождения речевого высказывания является этап его реализации во внешней речи. Этот этап осуществляется на основе целого ряда взаимосвязанных операций, обеспе-

чивающих процесс фонации, звукообразования, воспроизведения последовательных звуко сочетаний (слов), операций продуцирования целых «семантических» звукокомплексов (слов), операций, обеспечивающих требуемую (в соответствии со смысловой программой и языковой нормой) ритмико-мелодическую и мелодико-интонационную организацию речи. Этот процесс осуществляется на основе реализации фонационной, артикуляционной, ритмико-слоговой и темпоритмической «автоматизированных» программ внешней реализации речи, в основе которых лежат соответствующие речепроизносительные навыки. Как видим, в основе предложенной А. А. Леонтьевым модели порождения речи лежит концептуальная идея «внутреннего программирования».

Итак, в отечественной психолингвистике порождение речевого высказывания рассматривается как сложный многоуровневый процесс. Он начинается с мотива, который объективируется в замысле, замысел формируется с помощью внутренней речи. Здесь же формируется психологическая «смысловая» программа высказывания, которая раскрывает «замысел» в его первоначальном воплощении. Она объединяет в себе ответы на вопросы: что сказать? в какой последовательности и как сказать? Эта программа реализуется затем во внешней речи на основе законов грамматики и синтаксиса данного языка.

3.2. Восприятие речи — это процесс извлечения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний. Занимается изучением процесса восприятия речи психолингвистика. В. П. Белянин под восприятием речи понимает рецепцию слышимых или видимых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении. Восприятие тем самым разворачивается на двух ступенях — собственно восприятие и понимание. *Восприятие речи* прежде всего избирательно. Оно определяется важностью того сообщения, которое попадает в поле внимания индивида. Избирательность направляет деятельность реципиента, помогает ему выбрать наиболее значимые для него аспекты воспринимаемого сообщения. Кроме этого, избирательность также служит проявлением активности реципиента. Она в значительной степени определяет характер последующей интерпретации воспринимаемого сообщения.

В современной науке сущность восприятия речи (текста) рассматривается в единстве с ее пониманием. *Понимание речи* — это рас-

шифровка общего смысла, который стоит за непосредственно воспринимаемым речевым потоком. Это процесс преобразования воспринимаемого речевого потока в лежащий за ним смысл. Смысл фразы может быть разным в зависимости от того, в какой коммуникативной ситуации она порождалась. Как, например, воспринимается фраза «Холодно!»? Если это сказала мать ребенку, то он может понять ее слова как *совет одеться теплее*. Если это говорится в комнате и сопровождается жестом в сторону открытой форточки, фраза может быть понята как *просьба закрыть окно*. А если это говорит девушка в парке, то понятно, что это намек *на пиджак ее кавалера*. Та же фраза, высказанная взрослым, играющим с детьми в игру «холодно-горячо», может иметь иной, предписанный правилами игры смысл и т. д. И во всех случаях слово *холодно* является предикатом к действительности, к разным ситуациям.

В ходе понимания реципиент устанавливает между словами содержательные связи, которые составляют в совокупности смысловое содержание всего высказывания. В процессе восприятия высказывания слушатель может прийти к пониманию или непониманию его смыслового содержания. Процесс понимания речи не является зеркальным отражением процесса речепорождения, а всегда есть превращение данного высказывания в сокращенные смысловые схемы на уровне внутренней речи, которые потом снова могут быть развернуты в высказывания. Процесс понимания речи есть выделение из потока информации существенных моментов или существенного смысла. Л. С. Выготский считал, что смысловая сторона речи, понимание идут в своем развитии от целого к части, от предложения к слову, а внешняя сторона речи, ее продуцирование — от слова к предложению.

Начальный, самый общий уровень понимания состоит в понимании только основного предмета высказывания, т. е. того, о чем идет речь (концепции А. А. Брудного и Л. С. Цветковой). На этом уровне реципиент может только сказать, о чем ему говорили, но не может воспроизвести содержание сказанного. Смысловое содержание услышанного служит как бы фоном, на котором реципиент может определить основной предмет высказывания.

Второй уровень — уровень понимания смыслового содержания — определяется пониманием всего хода изложения мысли говорящего или пишущего, хода ее развития и аргументации. Он харак-

теризуется пониманием не только того, о чем говорилось, но и того, что было сказано (т. е. ремы высказывания).

Высший же уровень определяется пониманием не только того, о чем и что было сказано, но и для чего, зачем (т. е. с какой целью). При необходимости уясняется также, с помощью каких языковых средств выразил свою мысль говорящий. Такое проникновение в смысловое содержание речи позволяет слушающему понять мотивы речи говорящего, разгадать, что тот подразумевает, проникнуть во внутреннюю логику его высказывания. Этот уровень понимания включает и оценку языковых средств выражения мысли.

Поскольку процессы восприятия и понимания взаимно предполагают друг друга, их нередко рассматривают как единое целое. Остановимся на достаточно простой по форме, компактной, но вместе с тем содержательно емкой модели процессов восприятия и понимания речи в их функциональном сопряжении. Ее автором является Л. С. Цветкова. Согласно общепринятому взгляду, понимание речи (высказывания), — отмечает Л. С. Цветкова, — обеспечивается пониманием слов и их связей, связей предложений и абзацев. Для понимания слова прежде всего необходимы анализ и синтез звуков, входящих в его состав. В чем их суть? Анализ и синтез звуков слова заключаются в сравнении фонематической основы воспринимаемых звуковых комплексов и торможении несущественных звуковых признаков. Понимание значения слова во фразе зависит от тех логико-грамматических связей, в которые оно вступает во фразе. Это звено в структуре понимания речи обеспечивает перешифровку логико-грамматических конструкций на единицы значения.

Л. С. Цветкова акцентирует внимание на наличии двух сторон понимания речи. Помимо той стороны понимания речи, которая выражается через значения слов и их сочетаний, а также через значение предложений, составляющих целое высказывание, существует другая, неотъемлемая сторона речевой деятельности. Это *мотивационная сфера*, определяющая личностное отношение человека к предмету высказывания. Полное понимание речи может быть обеспечено только при тесном взаимодействии указанных двух компонентов речи.

В последнее время большое внимание в рамках изучения процессов понимания речи уделяется проблеме ментального лексикона (mental lexicon). Под *ментальным лексиконом* понимается совокуп-

ность знаний человека о словах, их значениях и взаимосвязи между собой. Предполагается, что ментальный лексикон устроен по правилам, которые отражают фонологические, орфографические и семантические характеристики слов. Однако поиск слова в ментальном лексиконе зависит не только от этих характеристик, но и от других факторов, таких, как частота слова и влияние контекста. В целом же многое в речевом восприятии остается открытым для дальнейшего изучения. Современная наука продолжает поиск однозначного представления о механизмах и структуре речевого восприятия. Насколько это сложная проблема, можно судить уже по тому, что до сих пор еще не определена даже единица речевого восприятия. На данный момент важно то, что восприятие речи включает в себя а) осмысление слышимых или зрительно воспринимаемых элементов языка; б) установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении.

Таким образом, взаимоотношение языка, речи, текста и понимания являются частями единого целого — речевой деятельности.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

- Алефиренко Н.Ф.* Теория языка. Вводный курс. 5-е изд. М.: Академия, 2012.
- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания: Учеб. пособие. М.: Академия, 2003.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 2010.
- Степанов Ю.С.* Между системой и текстом: выражения фактов // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Наука, 1995.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Дополнительная

- Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И.* Текст и дискурс: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2012.
- Алпатов А.М.* «Грамматика Пор-Рояля» и современная лингвистика // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Амирова Т.А.* Из истории лингвистики XX в. Структурно-функциональное языкознание. М.: ЧеРо, 1999.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1982.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / Сост. И. М. Кобозева, В. З. Демьянков. Под ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Манаенко Г.Н. «Мир коммуникации»: взаимодействие значений «мира текста» и смыслов «мира дискурса» // Язык. Текст. Дискурс. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 17–22.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987.

ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

1. Понятие знака.
2. Основоположники учения о знаках.
3. Структура языкового знака.
4. Знаковая ситуация.
5. Знак и значение.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Вопросы, связанные с природой знаковых систем, интересовали исследователей с древнейших времен. Размышляя о природе и сущности языка, греческие мыслители в V в. до н. э. пытались прежде всего ответить на вопрос: как связано слово с обозначаемым предметом. Тогда-то и возникли две известные теории. Одна из них содержала представления о «природной» связи предмета с его наименованием; другая отстаивала противоположную точку зрения: связь предмета с обозначающим его знаком носит «условный», «договорной» характер. Эта дискуссия легла в основу сочиненного Платоном диалога «Кратил». Представленные в нем интереснейшие наблюдения и суждения во многом предвосхитили идеи языкознания Нового времени.

Заметный след в античной философии языка оставили размышления стоиков и скептиков о природе и сущности «знаков» и их роли в познании. Интерес стоиков к проблеме языка и знака имел прямое отношение к их взглядам на искусство и риторику. Философской основой их учения была сенсуалистическая, по сути материалистическая, теория познания. Скептики же утверждали субъективистские и индивидуалистические тенденции. Их скептицизм проявлялся в недоверии к чувственному познанию как критерию истины, что неминуемо обратилось также и против знаков, слов, языка. Секст Эмпирик (представитель классического античного скептицизма), критикуя стоиков за их ошибочное понимание отношений между знаком и вещью, называет их догматиками: «По мнению догматиков, существуют знаки: явный явного (например, тень тела) и явный неявного (например, краска стыда) ... имеется даже неявный знак явного и неявный знак неявного». Последние виды Секст Эмпирик приводит для парадоксальности, чтобы показать абсурдность мышления стоиков. Он же посмеивается над последователями Эпикура, которые считали, что знаки даны в чувствах. Сам Секст Эмпирик отрицает чувственную природу знака. «Знак не есть нечто чувственное», заключает мыслитель. Отсюда следует вывод, что знаки не существуют вообще. Однако сами скептики, критикуя стоиков, употребляли не что иное, как словесные знаки. Связь между вещами и знаками, как словами, более детально исследовал Блаженный Августин. Природу знаков рассматривали У. Оккам и Т. Гоббс.

Еще в IV в. до н. э. древнегреческий философ **Платон** (427–347 до н. э.), сравнивая язык с инструментом, по сути, рассуждал о его знаковости.

«Имя. — писал философ, — есть... орудие распределения сущностей». При этом он полагал, что слова во многом отражают природу обозначаемых ими предметов и что имена, названия вещей, органически связаны с обозначаемыми этими именами вещами. В диалоге «Кратил» Платон различает «первые слова» (πρῶτα φωναί) и слова позднейшие, возникшие из первых в ходе изменений значения, изменений звуковой формы, словосложения. Истинная связь между звучанием слова и его значением свойственна только «первым словам», в позднейших словах эта связь затемнена. Противоположного взгляда придерживался древнегреческий философ Аристотель (384–322 до н. э.). Он утверждал, что имена и названия никак не связаны с природой вещей, что они возникают в результате соглашения.

Спор Платона и Аристотеля продолжили средневековые схоластические школы реализма и номинализма. Реалисты утверждали, что именование вещей происходит «по природе», в результате поиска наилучшего соответствия их обозначаемым объектам. Они также утверждали, что общие понятия (универсалии) имеют реальное существование, происходят из божественного замысла и предшествуют обозначаемым вещам. Номиналисты полагали, что именование вещей происходит «по соглашению» и что реальные предметы предшествуют понятиям и именам, их обозначающим. Доминирующая в Средние века теория божественного происхождения языка обусловила поиски сущности некоего божественного языка, якобы существовавшего до вавилонского столпотворения.

Для современной знаковой теории языка важны также две основополагающие мысли Галилея: (а) язык адекватно отражает сознание и (б) язык — структурированный набор знаков. И все же, несмотря на удивительные пророчества, названные суждения древних скорее нужно отнести к предистории семиотики.

Непосредственно же для осмысления роли слов в познании к теории знаков обратился Т. Гоббс (1588–1679). Т. Гоббса, представителя номиналистического конвенционализма оккамистского типа, интересовали не законы мышления, а «имена», «названия», выступающие в качестве «знаков», «меток», посредством которых восстанавливаются сохраняющиеся в уме знания. По мнению ученого, условность связи имен с вещами, произвольность и субъективность их выбора зависят от воли человека. Именование не отражает сущности вещи, и связано оно не с чувствами, а со словами. Вот почему для познания, по Гоббсу, очень важна роль слов.

Что такое знак, по Гоббсу? В качестве знака можно использовать любой предмет, который будет нам напоминать и обозначать другой предмет. Туча, в его толковании, есть знак дождя, и наоборот: дождь — знак тучи. Поэтому знак, по Гоббсу, всегда материален, поскольку его мы всегда познаём посредством ощущений. Поскольку слово — один из видов знаков, Гоббс делает сомнительное заключение, что слово — это некая материальная вещь, которая обозначает другой материальный предмет. То, что в свое время люди

додумались в своей речи заменять вещи словами, является величайшим открытием человечества.

Язык, при помощи которого человек мыслит и общается (а общение также является одной из главных функций знаковой системы), существует для экономии мышления, а также для удобства. Ведь мыслить при помощи языка и слов, т. е. при помощи знаков и связей между ними, гораздо удобнее, чем без них. Тот факт, что для общения выбираются именно такие, а не другие знаки, достигается посредством соглашения между людьми.

Рене Декарт (1596–1650) полагал, что у человека имеются врожденные идеи, которые наделяются именами разумным, рациональным путем. Ему возражал английский философ-сенсуалист **Джон Локк** (1632–1704), полагавший, что врожденных идей не существует и что все человеческое знание происходит из опыта. Слова — это произвольно выбранные обозначения идей. Кстати, сам термин *семиотика*, означающий учение о знаках, впервые встречается именно в работах Д. Локка.

Особую концепцию языка как знаковой системы выстраивает **Кондильяк**. Начальной точкой отсчета для возникновения знаковой системы языка Кондильяк считает некий протоязык. Поэтому и связывает ее возникновение с теорией происхождения языка. Главной движущей силой формирования знаковой системы ученый считает инстинкт. В разработке семиотической концепции он сосредоточивается на изучении видов знаков с тем, чтобы создать их классификацию. Инстинкт будет руководить первыми людьми до того момента, пока не разовьется сила разума и не вытеснит инстинкт. Таким образом, инстинкт, в соответствии с учением Кондильяка, остается главной движущей силой для производства языковых средств, пока набирают силу и тренируются разум и память. Получив в пользование простейший набор элементарных знаков, первые люди используют их в мнемонических упражнениях и совершенствуются до такой степени, что последующей ступенью их языкового развития становится способность к искусству изобретения знака. Однако Кондильяк придает знаку не только свойство проводника идей. Сами идеи, считал ученый, создаются по аналогии с имеющимися в памяти знаками.

Кондильяк выделяет три вида знаков. Первый вид — наиболее разработанный в обществе, где говорят на развитом языке, — образуют случайные, или акцидентные знаки. Это те знаки, которые сопряжены с памятью, могут вызывать в восприятии человека воспоминание об означаемой идее.

Второй вид — естественные знаки. Это «протознаки», которыми оперировали первые люди. Это возгласы, сопутствовавшие эмоциям человека. И здесь главенствующее место Кондильяк отводит опыту, так как далеко не сразу естественный возглас становится знаком. Чувство и возглас приобретают живую и постоянную связь только при частом повторении. При таких обстоятельствах возглас станет знаком, но возбудит воображение он лишь тогда, когда случай заставит его услышать этот возглас. Знаки данного вида

имеют отношение к воображению, которое находится в полной власти человека. Им Кондильяк уделяет особое внимание, полагая, что и в развитом языке такие знаки сопровождают сообщение и закрепляют информацию в памяти.

Наконец, Кондильяк называет третий тип знаков — институционные, то есть те знаки, которые имеют лишь индивидуальное отношение к идее. Проще говоря, это индивидуально избираемые знаки, с которыми работает воображение. Знаки последнего типа, по мнению Кондильяка, не представляются необходимыми для совершения действий души, предшествующих воспоминанию. Но, как он пишет далее, если вообразить себе человека, который не производит никакого произвольного знака, и проследить за тем, как работает его память, то станет очевидным следующее. Поскольку в окружении этого человека нет ничего, с этим предметом связанного, то воображение не сможет ему помочь в формировании представления об этом предмете. Значит, воображение в этом случае не находится во власти человека.

В том же XVII веке Д. Локком было сформулировано господствующее в современной семиотике положение: между словами и их значениями нет «естественной связи», значение слов совершенно произвольно. Будучи произвольными, словесные знаки не являются достоянием отдельного человека. Поскольку же они являются общественным средством обмена мыслями, никому не дозволено по собственному усмотрению менять слова и значения, которые они выражают. Гоббс, таким образом, стоит у истоков конвенциональной теории языкового знака. С ним не соглашался **Готфрид Лейбниц** (1646–1716). В поиске компромисса между декартовским рационализмом и локковским сенсуализмом Лейбниц, создавая теорию происхождения языков, выстраивал также и учение о происхождении названий. Названия, в его понимании, отражают не индивидуальные представления, а наиболее общие идеи и понятия. Слова, по его мнению, — не конвенциональные знаки. Они вовсе не так произвольны и уж совсем не случайны. Семиотические воззрения Лейбница имеют, вне всякого сомнения, известную ценность и для современной лингвосемиотики. Вслед за Локком Лейбниц относит науку о языке к логике, которая в то время включала и имеющиеся сведения о знаках. Правда, Д. Локк допускал для этой части логики и другое название — *семиотика*.

Немецкий филолог **Вильгельм фон Гумбольдт** (1767–1835) представил язык и языковые знаки не как нечто застывшее, но как вечный и непрерывный процесс духовного творчества, как деятельность, выражающую глубинный дух народа. В XX в. **Ф. де Соссюр** разработал знаковую концепцию языка как целостной системы знаков. С некоторыми модификациями она используется и в современной лингвосемиотике.

1. Понятие знака

В современной науке о языке применительно к различным лингвистическим объектам часто используется понятие «знак». Им оперируют, когда речь идет о самых разных образованиях языка и речи: о буквах, словах, предложениях. При этом не всегда разграничивают знак и символ, знак и материальный объект (этикетка, например), знак и идеальный конструкт (представление слона связывается в сознании с представлением о неуклюжем человеке; о таком говорят *слон в посудной лавке*). Чаще всего под знаком понимается некий предмет, указывающий на нечто вне себя. Сам процесс такой репрезентации называется семиозисом. Акт семиозиса состоит в том, что некий предмет становится репрезентантом (представителем) того, чем сам не является (обозначением другого предмета). Пустое ведро, с которым человек переходит нам дорогу, само по себе представляет не само пустое ведро, а неудачу, неприятность. И наоборот, полное ведро, с которым переходят кому-то дорогу, представляет удачу. Точно так же звуковая последовательность *медведь* в системе русского языка существенна тем, что вызывает представление о медведе, а не тем, что состоит из определенной последовательности звуков.

Итак, знак есть некий предмет, существование которого осуществляется благодаря указанию на другой предмет. И в другом облике он существовать не может. Иными словами, знак не существует как семиотическая сущность, если он ничего не означает. Однако способностью указывать на другой предмет не исчерпывается сущность языкового знака. Чтобы быть таковым, он должен не просто указывать на предмет, каковым он не является, но еще и указывать на способ репрезентации этого предмета в языковом сознании человека. Знак информирует нас о многом: дает описание предмета, указывает на место этого другого предмета в нашем сознании по отношению к другим предметам. Так, восприняв словесный знак *стул*, мы осознаем его сходство и отличие от таких предметов, как табурет, кресло, кушетка или диван.

Символ — тоже знак, но знак особого рода. Его можно, скорее, назвать опознавательной приметой. Его сущность раскрывается через сопоставление со смежными категориями: образом и знаком. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немыслимые один без другого. Вне образа смысл

теряет свою реальность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты. По С. С. Аверинцеву, смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться». Не менее своеобразно соотношение образа и языкового знака. Языковой знак и образ существенно отличаются друг от друга. Обычно считается, что знак представляет собой единство идеального и материального. Образ не имеет другого содержания, кроме того, которое характеризует отражаемый предмет, образ *двойственен* по своей природе. С одной стороны, коррелятом образа является объективно существующий предмет, а с другой, — образ всегда содержит субъективную составляющую: каждый человек порождает «свои» вариации отражения соответствующего предмета. Знак имеет **тройственную** структуру. Ее составляющими служат некая *материальная субстанция* (например, слово), *предмет* и *понятие* о нем. И самое главное: образ является отражением познаваемого объекта, его идеальным аналогом; языковой же знак произволен, он репрезентирует предметы, с которыми не имеет какого-либо существенного подобия или сходства.

Наконец, необходимо различать языковой знак и простую этикетку (на товаре, например). Если бы знаки служили этикетками для вещей, — писал Ф. де Соссюр, — лингвистика прекратила бы свое существование, а точнее, даже не возникла бы. Языковой знак служит конструированию реальности и одновременно обеспечивает к ней доступ. Этикетка же — это рекламно-информационное листовое издание небольшого формата, содержащее сведения о товаре и его производителе. Этикетки бывают коммерческие и декоративные. Все они выполняют только одну функцию. Вот мнение на этот счет С. О. Карцевского: если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, тогда язык превратился бы из знаковой системы в простое собрание этикеток.

2. Основоположники учения о знаках

Истинными основателями теории семиотики являются Чарльз Пирс, Чарльз Уильям Моррис и Ф. де Соссюр. **Ч. Пирс** в семиотике стремился создать особый вариант математической логики: всякая мысль — это знак; всякий знак — это мысль. Ч. Пирс — основоположник семиотики вообще. Ф. де Соссюр же, исследовавший как си-

стему знаков естественный язык, считается основателем лингво-семиотики, которую он еще называл семиологией.

При более широком подходе объектом семиологии становятся знаки не только естественных, но и искусственных языков, знаки техники, архитектуры искусства, поведения и т. д. Своеобразие предмета семиологии предопределяется тем, что она изучает знаки с трех точек зрения: *синтактики* — сочетаемости знаков между собой, *семантики* — способности выражать предметное значение и смысл, *прагматики* — интерпретатора. Первоначально оба термина — *семиотика* и *семиология* — употреблялись в различных значениях: первый применялся формальным, логико-математическим направлением в науке, второй — лингвистическим. Позднее оба термина стали употребляться как синонимы. **Ч. У. Моррис**, развивавший семиотические идеи Ч. Пирса, уточнил сущность семиотических механизмов: *синтактика* — правила построения знаков в рамках знаковой системы; *семантика* — отношение знаков к обозначаемому и понятию (содержание знаков); *прагматика* — связь знаков с субъектом и адресатом, то есть представляет собой интерпретацию знаков теми, кто их использует.

В современной лингвистике эти понятия уточняются и систематизируются. Особенно весомым вкладом в развитие знаковой теории языка являются лингвосемиотические идеи **Ф. де Соссюра**. Ученый пишет: то, что отличает один языковой знак от других, и есть его сущность. Различие создает отличительное свойство, оно же создает языковую значимость и языковую единицу. Наконец, в качестве важнейшей составляющей знака выделяют еще так называемую *интерпретанту*. Утверждается, что знак только потому знак, что он интерпретируется как знак неким интерпретатором, т. е. имеет некую интерпретанту. Понять интерпретанту можно только путем обращения к другим знакам. Дело в том, что знаки «живут» в системе, данной человеком (интерпретатором). И не случайно, согласно одному из определений знака, существует он исключительно как элемент определенной семиотической системы. Но систему эту создали люди: без человека нет знака. Вот почему в адекватной концепции знака к его определению, раскрывающему устройство знака и особенности его функционирования, должны быть подключены сведения об интерпретаторе, а также о воздействии знака на других коммуникантов.

Несмотря на обширную научную литературу по семиотике и знаковости языка, в языкознании остается много спорных моментов. В их числе: а) устройство языка с семиотической точки зрения; б) определение языкового знака; в) его специфика в сравнении с другими знаками; г) неодинаковое понимание свойств знака и некоторые другие.

3. Структура языкового знака

В общей семиотике под знаком обычно понимается *любое материально-идеальное образование, которое используется для передачи идеальной информации*. В качестве знаков используются вещи, предметы, явления действительности, специально созданные человеком многочисленные знаковые системы. Таковыми являются дорожные знаки, знаки рекламы, олимпийская символика, знаки различия на погонах у военнослужащих, математические знаки, акустические и визуальные знаки человеческой речи, показания различных приборов. Это знаки предупреждающие, предписывающие, запрещающие, объявляющие, советующие. Знаки такого рода окружают человека во всех областях его жизни.

Согласно Ф. де Соссюру, языковой знак — это не связь вещи и ее названия, а совокупность понятия и акустического образа. Благодаря этому знак дает возможность человеку выйти за пределы чувственно воспринимаемых явлений, преодолеть пространство и время, накопить, передать и получить разнообразную информацию о мире. *Понятие* — это обобщенный, схематичный образ предмета в нашем сознании, наиболее важные и характерные черты данного объекта, как бы определение предмета. Например, стул — сидение с опорой (ножками или ножкой) и спинкой. *Акустический образ* — это звуковой идеальный эквивалент звука в нашем сознании. Когда мы произносим слово про себя, не двигая губами и языком, мы воспроизводим акустический образ реального звука. Обе стороны знака имеют психическую сущность, т. е. идеальны и существуют только в нашем сознании. Акустический образ по отношению к понятию в некоторой степени материален, так как он связан с реальным звуком. Доводом в пользу идеальности знака служит то, что мы можем говорить сами с собой, не двигая ни губами, ни языком, произносить звуки

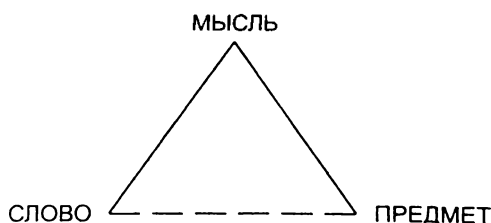
про себя. Таким образом, знак — двусторонняя психическая сущность, состоящая из означаемого и означающего. Понятие — означаемое (франц. *signifié*). Акустический образ — означающее (франц. *signifiant*).

Знаковая теория предполагает четыре компонента процесса обозначения. В нижеследующем примере участвуют следующие компоненты: 1) само реальное, материальное, которое мы хотим обозначить знаком; 2) идеальное (психическое) понятие как часть знака (обозначаемое); 3) идеальный (психический) акустический образ как часть знака (обозначающее); 4) материальное воплощение идеального знака: звуки произнесенного слова «дерево», буквы, обозначающие слово «дерево».

1. Денотат (референт)	2. Понятие	3. Акустический образ	4. Воплощения
		[ˈdʲɛrɐvə]	Дерево, Дерево

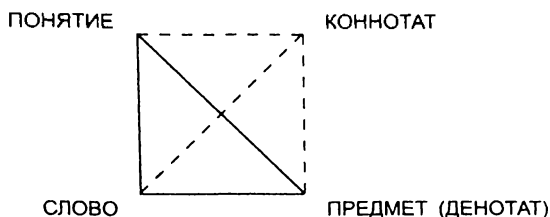
Деревья могут быть разными, нет двух абсолютно одинаковых берез, произносим слово *дерево* мы тоже все по-разному (разным тоном, с разным тембром, громко, шепотом и т. д.), пишем также различно (ручкой, карандашом, мелом, разным почерком, на пишущей машинке, компьютере), но двусторонний знак в нашем сознании у всех одинаков, так как он идеален.

Английские лингвисты Чарльз Огден (1889–1957) и Айвор Ричардс (1893–1979) в 1923 г. в книге «Значение значения» (*The Meaning of Meaning*) наглядно представили знаковое отношение в виде семантического треугольника (треугольника референции): 1) знак (*symbol*), т. е. слово в естественном языке; 2) референт (*referent*), т. е. предмет, к которому относится знак; 3) отношение, или референция (*reference*), т. е. мысль как посредник между символом и референтом, между словом и предметом.

Основание треугольника изображено прерывистой линией. Это означает, что связь между словом и предметом не обязательна, условна, и она невозможна без связи с мыслью и понятием.

Однако знаковое отношение можно выразить и в виде квадрата, если учесть, что второй член треугольника — мысль — может состоять из понятия и коннотата. Понятие — общее для всех носителей данного языка, а коннотат, или коннотация (лат. *connotatio* 'созначение') — ассоциативное значение, индивидуальное у каждого человека.

Главным свойством знака является его способность нести в себе какую-либо информацию. Помимо информации знак обладает целым рядом свойств: 1) внешними (чувственными, сенсорными), 2) регистрируемыми органами чувств, 3) внутренними, идеальными свойствами, которые постигаются нашим сознанием.

Основные **внешние свойства** знака:

- а) *материальность*,
- б) *воспроизводимость*,
- в) *линейность*, то есть протяженность во времени (акустический знак) или в пространстве (зрительный знак),
- г) *структурность*, то есть построение знака из определенного числа незначимых компонентов.

Материальность знака заключается в том, что он обязательно должен восприниматься органами чувств. Материальными формами существования знаков являются *звуковая*, или акустическая форма, воспринимаемая органами слуха, и *зрительная*, или оптическая форма знака, воспринимаемая органами зрения.

Воспроизводимость знака обусловлена тем, что в акте коммуникации он, как правило, не создается заново, а используется вновь с одним и тем же содержанием. Такое свойство знака, как *линейность*, вытекает из наличия пространственно-временных характеристик у любых материальных объектов.

Внутренние свойства знака включают в себя *обобщенность* знака, его *системность*, *преднамеренность* использования, *коммуникативность* и *ситуативность*.

Обобщенность знака заключается в его способности отражать не каждую отдельную вещь, явление, свойство, но целые их классы,

что позволяет ему выступать в роли мощного средства познания. Свойство *системности* знака свидетельствует о том, что характерным для него является функционирование в сопряжении с другими знаками. Значимость и содержание знаков обуславливаются свойствами всей системы в целом, а также значениями других знаков этой системы.

Характерной особенностью знаков является их *преднамеренное* сознательное использование людьми в информационных целях, что обеспечивает одинаковое понимание знаков членами определенного общества. *Коммуникативность* знака вытекает из его способности передавать информацию от одного человека к другому. Это свойство связано непосредственно с социальностью знака, с тем, что сферой его функционирования являются те или иные социумы, в которых знаки выступают как средство общения. Важным внутренним свойством знака является его *ситуативность* — способность одного и того же знака варьировать свое содержание вплоть до противоположного в зависимости от условий его использования. Например, звонок с занятий и на занятия, рукопожатие при встрече и расставании материально эквивалентны, но информативно контрастны.

Сочетание внешних (материальных) и внутренних (идеальных) свойств делает знак двусторонней материально-идеальной сущностью. Для обозначения внешней стороны знака используются следующие термины: *план выражения, означающее и форма*, для обозначения внутренней стороны знака — *план содержания, означаемое, значение* и некоторые другие.

Одной из обсуждаемых проблем в лингвосемиотике является характер связи между двумя сторонами знака, а именно его мотивированность/немотивированность и произвольность/непроизвольность. Ф. де Соссюр разъяснял причину отсутствия мотивированной связи между означающим и означаемым языкового знака тем, что в разных языках один и тот же предмет (явление) обозначаются различными словами. При этом он подчеркивал, что знак абсолютно произвольным быть не может.

Современная семиотика в качестве своего основного принципа выдвигает тезис о принципиальной немотивированности знака. Это значит, что между звучанием и значением нет необходимой природной связи. Вспомним поговорку: *Хоть горшком назови, только в печку не сажай.* Принцип немотивированности знака является первым

фундаментальным законом семиотики. Немотивированность — чрезвычайно важное свойство знака, поскольку она делает план содержания знака открытым, позволяя ему меняться независимо от формы знака (В. Б. Кашкин). Поэтому другим не менее важным свойством знака является его мотивированность, которую еще называют его *внутренней формой*. Сочетание этих двух принципов (произвольность и мотивированность) следует понимать диалектически. Да иначе и быть не может! Знак как посредник между миром и человеком, сферой предметов и сферой смыслов и не может быть иным. Произвольность знака — динамическая его сторона, обуславливающая самую возможность его использования как средства общения, его способности к разного рода изменениям. Произвольный перенос значения совершается уже в исходном пункте *семиозиса* (знакотворчества, создания знака). Мотивированность — консервативное свойство знака, обуславливающее относительную стабильность языковой картины мира и коммуникативной системы в целом. Произвольность знака не абсолютна и не относительна, но всегда принципиальна. Для выполнения *функции обозначения* безразлично, какая именно сторона объекта будет взята в качестве основы для семиозиса (ср. рус. *земляника*, нем. *Erdbeer* от *Erde* 'земля', англ. *strawberry* от *straw* 'солома' и т. п.), но то, что взят именно данный признак, становится нормой для определенного исторического периода того или иного языка.

Проблема мотивированности и произвольности языкового знака стала предметом всестороннего обсуждения. Мотивированность знака И. Н. Горелов, например, объяснял наличием соответствия между зрительным впечатлением и звукомоторным образом. Ученый сформулировал следующее предположение. *Определенные типы объективных стимулов вызывают типичные эмоциональные переживания и оценки, которые детерминируют типичные внешние выразительные движения. Стимулируемые эмоциональными состояниями движения мышц лица и дыхательных органов обуславливают, в свою очередь, типичные артикуляционные условия звукопроизводства.*

В силу взаимодействия механизмов синестезии¹ и механизмов выражения эмоциональных состояний, осуществляется связь между

¹ Синестезия (греч. *συναίσθησις*) — одновременное ощущение, совместное чувство. По мнению Ч. Осгулда, именно феномен синестезии, состоящий в возникновении ощущения одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности, служит основой метафорических переносов и оценок.

звуковыми и зрительными комплексами. По И. Н. Горелову, языковой знак можно считать первично мотивированным, если его звуковой комплекс моделирует какой-то признак обозначаемого. «Тик-так» — мотивированный знак детского языка, вне зависимости от того, обозначается ли им класс часов или конкретные часы. Эффект подражания зависит от слуховых и артикуляционных способностей, а также от степени определенности, четкости образца, которому подражают. Например, *мяуканье* кошки и *кряканье* утки обозначено звукоподражательно, почти одинаково в разных языках, русской «бульк-бульк» и нивхское «пульх-пульх» также очень близки. Понятны также и расхождения в звукоподражаниях: каждый язык имеет свои разрешающие возможности.

Наличие или отсутствие мотивации знаков и ее характер обычно используются в качестве основания для классификации знаков. Такая классификация просто необходима, чтобы упорядочить понимание множества различных знаков. Ведь такими знаками в значительной мере опосредованы жизнь людей, их отношения между собой и с миром. Принимая во внимание характер и степень сходства внешней стороны знака с обозначаемыми реалиями, традиционно выделяют четыре основных типа семиотических единиц.

Форма **п е р в о г о** типа знаков имеет внешнее сходство с соответствующими предметами — это *знаки-копии*. Они делятся на *естественные* (отпечатки пальцев, следы ног на снегу и т. д.) и *искусственные* (фотографии, рисунки и др.). К искусственным знакам-копиям близки некоторые виды письма — пиктографическое и в меньшей степени иероглифическое письмо.

В т о р о й тип знаков — *знаки-признаки*, или *симптомы* — характеризуется тем, что между ними и соответствующими явлениями имеется естественное, природное, причинное соотношение. Например, черная туча — признак дождя, дым — признак огня, высокая температура у человека — признак болезни и т. д.

В т р е т ь е м типе знаков сохраняется структурное сходство с обозначаемыми предметами или явлениями — это *знаки-символы*, которые через отдельные элементы обозначаемого передают его целостный образ. К ним относятся гербы, значки, эмблемы, изображения предметов, которые символизируют другие явления. Например: *маска* — символ театра, *бублик* — кондитерской, *ножницы* — парикмахерской.

Четвертый тип — собственно *знаки*, которые, по Ч. Пирсу, *не имеют ни внешнего, ни структурного, ни природного сходства с обозначаемыми предметами, явлениями*. К таким знакам относятся большинство языковых, часть дорожных знаков, математические знаки и др. Структура внешней формы самих знаков позволяет рассматривать знаковые системы как четкую иерархическую организацию, в которой выделяются как минимум три взаимосвязанных яруса: ярус *субзнаков*, ярус *знаков* и ярус *суперзнаков*.

Субзнаки образуют нижний ярус и входят как составные элементы в единицы следующего яруса — в знаки, последние, в свою очередь, включаются в единицы высшего яруса — в **суперзнаки**. Число субзнаков в семиотических системах, как правило, невелико. Оно колеблется от двух (*точка* и *тире* в азбуке Морзе) до нескольких десятков (*буквы* или *звуки* любого естественного языка). Субзнаки, сочетаясь между собой, образуют большое количество семиотических единиц следующего яруса (например, десятки и сотни тысяч слов в естественных языках). Знаки, комбинируясь друг с другом для передачи сложных сообщений, образуют единицы высшего яруса — суперзнаки, число которых практически бесконечно (например, предложения в естественных языках). Комбинирование единиц на каждом ярусе знаковой системы осуществляется одновременно на двух уровнях: синтагматическом (горизонтальном) и парадигматическом (вертикальном). *Синтагматическое* комбинирование единиц представляет собой сочетаемость знаков в линейном ряду, *парадигматическое* представлено различными оппозициями, группировками, парадигмами означающих и означаемых. Однородные группы знаков, составляющие единство взаимосвязанных и определенным образом упорядоченных элементов, образуют *знаковые системы*.

Структура знака. Сложились два лингвосемиотических учения, которые различаются своим пониманием структуры языкового знака: *билатеральная* (двусторонняя) и *монологическая* (односторонняя). Приверженцы двойственной природы знака различают в нем материальную форму и значение.

Ф. де Соссюр сравнивал словесный знак с листом бумаги, одна сторона которого — звуковой образ, а другая — понятийное содержание. Знаки языка — это психические образования, состоящие из звукового образа и понятия. Как нельзя отделить одну сторону бумажного листа, не повредив другой, так же нельзя и в словесном знаке

отделить звук от значения. Функциональная сущность знаков подает, так сказать, их материальное бытие. Поэтому для возникновения знака требуется знаковая ситуация.

4. Знаковая ситуация

В создании знаковой ситуации (при широком подходе к ее пониманию) участвуют многие базовые категории психологии — познание, восприятие, умозаключение, память, чувства и эмоции. Они рассматриваются как знаковые феномены.

Для возникновения знаков, если следовать за Э. Ч. Толменом, необходимы по крайней мере три фактора: 1) признаки знаковой ситуации; 2) объекты знакообозначения (когнитивные структуры, или, сигнификаты); 3) способ связи между знаками и их когнитивными (мыслительными) коррелятами, т. е. способ, при помощи которого обмен знаками приводит к обмену когнитивными (мыслительными) структурами.

1. В американской гештальт-психологии (разумеется, в самом общем виде) знаковая ситуация, или семиозис, определяется как «процесс, в котором нечто функционирует как знак» (Ч. У. Моррис). Обязательными структурообразующими «опорами» знаковой ситуации, или семиозиса, являются субъект-интерпретатор знака, обозначаемый предмет и обозначающий его знак. Трехчленная знаковая ситуация — простейшее звено в цепи знакообразования (А. М. Коршунов, В. В. Мантатов). Знакообразующее триединство нередко представляют в виде «семантического треугольника», или «треугольника отношений», как называли это единство сами создатели теории знаков Ч. К. Огден и А. И. Ричардс. Наряду с этим понятием Огден и Ричардс использовали также понятие знаковой ситуации, тем самым давая понять, что эти понятия ими не отождествляются.

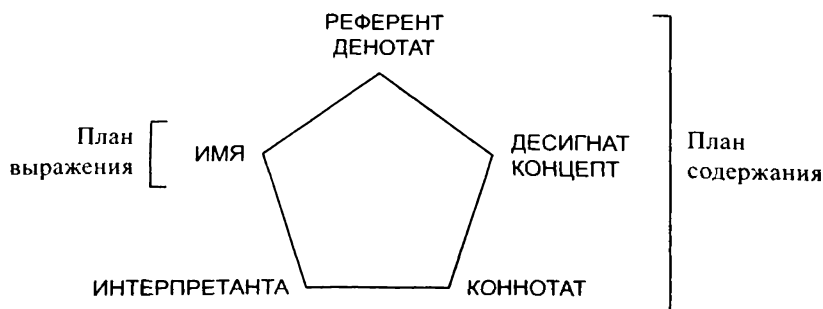
2. В отличие от статичного понятия «семантический треугольник» понятие «треугольник отношений» подчеркивает динамизм «отношений между мыслями, словами и предметами, как они обнаруживаются в случае рефлексивной речи» (Ч. Огден, А. Ричардс). «Треугольник отношений» имеет особый смысл: между словом и предметом нет прямолинейной связи. Отношение *слово – предмет* опосредовано мыслью, два других отношения (*слово – понятие* и

предмет — понятие) основаны на причинных связях: понятие выражается словом, понятие мысленное представление предмета в нашем сознании. Однако «треугольник отношений» — это еще не знаковая ситуация, поскольку в нем не представлен субъект знаковой деятельности — человек. Так, слово «Белгород», согласно «семантическому треугольнику», соотносится с денотатом «город с этим названием» и понятием «населенный пункт вообще». Если же пешеход или автомобилист окажется перед дорожным указателем «На Белгород ➡», то названный «треугольник отношений» преобразуется в знаковую ситуацию, поскольку возникнут иные отношения: 1) знак («На Белгород»), 2) в отношении к определенному месту (г. Белгород) и 3) интерпретируемый человеком. Как указывали авторы знаковой теории, «треугольник отношений» представляет знаковую ситуацию аспектно. Он представляет отношение между знаком и объектом обозначения в «чистом» виде («в рефлексивной речи»), т. е. без эмоциональных и других отношений человека к реальной жизни. Иными словами, «треугольник отношений» выражает только семантический аспект знакового отношения (не случайно позже он был назван «семантическим треугольником»). Понятие «знаковая ситуация», хотя и охватывает все случаи употребления знаков, прежде всего выражает их *прагматический* аспект.

3. Наконец, следует уяснить, как соотносятся между собой понятия «семантический треугольник» и «знаковая ситуация». В наиболее общем виде понятие «знаковая ситуация» представляет собой субстанциональную сторону знаковой деятельности, т. е. содержит мысль о существовании ее взаимосвязанных компонентов, а «семантический треугольник» выражает *идею* связи этих компонентов, т. е. *семантическую* сторону их отношений. Прагматический аспект употребления знаков (воздействие знака на человека) опосредуется семантическим аспектом знаковой деятельности. Прагматическое воздействие обуславливается прежде всего когнитивной деятельностью, точнее, концептуальным отражением именуемого фрагмента действительности. В связи с этим, утверждают философы, понятие «семантический треугольник» содержится в «снятом» виде в понятии «знаковая ситуация». Это означает, что понятие «знаковая ситуация» представляет собой конкретный случай употребления знаков, а «семантический треугольник» — суть этого употребления. Такая структура семиозиса позволяет утверждать, что под определение этого поня-

тия полностью подходит условный рефлекс. Более того, некоторые исследователи усматривают в нем особый вид семиозиса. Закрепление условного рефлекса создает особый вид знаковой системы, базирующейся на известных отношениях (а) субъекта к знаку и (б) обозначаемому объекту, а также (в) знака к обозначаемому объекту.

«Под знаком вообще в современной науке, — пишет Ю. С. Степанов, — понимают материальный, чувственно воспринимаемый предмет (явление, действие, процесс), который в познании и общении людей выступает в качестве представителя или заместителя другого предмета (явления, действия, процесса)»¹. Некоторые ученые (А. Н. Портнов, например) склонны полагать, что в развитых семиотических системах знак имеет особенно сложное устройство. И объясняют это тем, что со знаковым кодом контактируют по крайней мере еще две системы, которые к тому же контактируют и между собой. Знак — это посредник между человеческим разумом и миром, а системы знаков объединяют их в еще более высокую целостность. Все это побуждает семиозис к выработке все более сложных знаковых образований. В этой связи динамическое представление знака может включать не три, как считается традиционно, а пять и более компонентов. Прежде всего, сюда следует отнести всеми выделяемые компоненты: а) имя (означающее); б) денотат (референт), т. е. предмет внешней действительности, обозначаемый именем; в) десигнат (понятие или концепт), представляющий собой смысл, понятие о предмете или явлении. Этот ряд дополняют еще двумя составляющими. Считается, что сущность знака определяют: г) коннотат, охватывающий дополнительные экспрессивно-оценочные и прескриптивные значения, и д) прагматическое значение знака.

¹ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 9.

Каждый компонент структурно необходим знаку. Имя (означающее) образует план выражения; референт, концепт и коннотат формируют план содержания, а прагматическое значение — интерпретанту знака.

Все составляющие знака прежде всего связаны с номинативной деятельностью человека:

- номинируемая *реалия* предстает как референт (конкретный имеваемый предмет), затем как денотат имени, т. е. как совокупность свойств, присущих уже не одному предмету, а всем обозначаемым данным именем реалиям (целому классу объектов);

- *имя* осознается как звукоряд — означающее знака;

- *понятие*, вбирая в себя важнейшие (категориальные) признаки, выступает в номинации как сигнификат (смысл), или концепт, обозначаемый данным знаком;

- образная и оценочная составляющие концепта проецируют в знаке коннотат, или коннотативные смыслы, в которые могут входить и экспрессивные признаки;

- интерпретанта знака своим появлением обязана прагматическим смыслам.

Итак, языковые знаки выступают средством манипуляции предметами знакообозначения. Человек пользуется знаками для ориентирования в окружающем предметном мире. Однако материальность как знаковое свойство присуща, видимо, не всем знакам. Скорее, она присуща знакам речи, тогда как знаки языка — идеальные образования.

5. Знак и значение

Если придерживаться билатеральной теории знака, то рассмотрение его плана содержания не может не вывести нас на проблему значения знака.

1. Семиотическая концепция Ч. Морриса различает три типа значений, каждый из которых теперь изучается тремя различными семиотическими дисциплинами. Отношение знака к объекту формирует *семантику* и изучается семасиологией. Отношение знака к его интерпретатору, составляющее *прагматическое значение*, — предмет прагматики. Отношение знака к знаку, составляющее *синтаксическое значение*, находится в сфере интересов синтактики.

2. Другая точка зрения рассматривает значение как соответствующую в нашем сознании связь знака с тем, знаком чего он является (Ю. С. Степанов). Данные определения значения исходят из различных форм человеческой деятельности: значение связывают (а) с действием и (б) с возникновением связи между знаком и предметом. Такого рода связь, собственно, и превращает предмет обозначения в *референт* (конкретный объект именования) и *денотат* (обобщенный объект именования).

Некоторые авторы пытаются объединить эти два аспекта знаковой деятельности, говоря о замещении и указании как о двух основных характеристиках значения. Согласно их представлениям, замещение знаком обозначенного предмета состоит в том, что знак в рамках определенной деятельности субъекта выполняет одну из тех функций, которая ранее была присуща обозначенному предмету. Рассмотренные два определения значения лежат в основе современных теорий значения. Дело в том, что как бы ни определять значение, очевидно, что оно связано с двумя основными функциями человеческой психики: отражать мир и активно воздействовать на него.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

- Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академ. проект; Деловая книга, 2001. С. 45–97.
- Никитин М. В.* Предел семиотики // Вопр. языкознания. 1997. № 1. С. 3–14.
- Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академ. проект; Деловая книга, 2001.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Прогресс, 1977.
- Токарев Г. В.* Введение в семиотику: Учебн. пособие. М.: Флинта; Наука, 2013.
- Шаумян С.* О понятии языкового знака // Язык и культура: Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 149–165.

Дополнительная

- Вишнякова О. Д.* Языковой знак как предмет семиотической концептологии. Тула: Изд-во Тульского ГПМУ им. Л. Н. Толстого, 2008. С. 5–73.
- Горелов И. Н.* О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969. С. 17–20.
- Горский Д. П.* Проблема значения смысла знаковых выражений как проблема их понимания // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967. С. 54–82.
- Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: ЛКИ, 2007.

- Козлова М.В. *Философия и язык*. М.: Мысль, 1972. С. 175–182.
- Коршунов А.М., Мантатов В.В. *Теория отражения и творческая роль знака в процессе познания*. М.: Изд-во МГУ, 1974.
- Лебедев М.В. *Стабильность языкового значения*. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
- Локтионов В.И. *Нетрадиционные концепции в теории значения* // *Практика и познание*. М., 1973. С. 339–357.
- Павлов И.П. *Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных*. М.: Наука, 1973.
- Резников Л.О. *Гносеологические вопросы семиотики*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964.
- Секст Эмпирик. *Соч.*: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
- Тондл Л. *Проблемы семантики*. М.: Прогресс, 1975.
- Шингаров Г.Х. *Условный рефлекс и проблема знака и значения*. М.: Наука, 1978.

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ И СОЗНАНИЕ

1. Язык предопределяет мышление или мышление — язык? 2. Основные положения гипотезы Э. Сепира — Б. Уорфа. 3. Язык — зеркало мышления? 4. Знак и понятие. 5. Предложение и суждение.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Еще в древней Греции язык и мышление рассматривались не раздельно, а как непрерывный ряд, как взаимный переход языка в логику и логики в язык. В тех же случаях, когда факты языка не укладывались в логические рамки, эти факты выводились в риторику и поэтику. Благодаря такому выделению, в языке обнаруживалась полная «аналогия» с мышлением. Совокупность правил, сформулированных на логической основе, понималась как грамматическое «искусство» (греч. τέχνη), противопоставленное «навыку», языковой «практике» (греч. ἐμπειρία). Представление о тождестве языка и мышления, точнее, языка и нормативной логики, было сформулировано Аристотелем и стоиками. Византийские ученые логическим сочинениям Аристотеля дали название «Органон» (греч. ὄργανον 'орудие, средство, инструмент'), так как сочинения Аристотеля рассматривались как «орудие» познания истины.

В дальнейшем это тождество языка как грамматического искусства и логики как искусства познания истины было признано универсальным, а название «органон» в смысле «орудия», «средства», «инструмента» было перенесено на язык и сформулировано определение «язык — орудие мысли».

Согласно Т. Гоббсу, основой всего знания является не интуиция, как считал Декарт, а определение, дефиниция. Искусство давать определение сопряжено у Гоббса с умением пользоваться речью. Язык, по мнению Гоббса, играет огромную роль в приобретении опыта как вида познания. Язык, по Гоббсу, имеет знаковую природу. Опираясь на собственную теорию языковых знаков, а также выступая как сторонник и продолжатель средневекового номинализма, Томас Гоббс пытается решить проблему обобщенного достоверного знания. Для Гоббса мыслительная познавательная деятельность человека связана только со словами, с именами и поэтому всегда носит условный характер.

В работе «Язык исчисления», изданный посмертно, Кондильяк рассматривал мышление уже иначе — как оперирование знаками. В трудах Иоганна Георга Гамана, И. Гердера, Шлегеля и В. фон Гумбольдта язык понимается как особый орган мысли, особая форма развития человеческого духа, своеобразно обуславливающая отношение человека к миру. Эти идеи легли в основу так называемого психологического понимания языка (Г. Штейнталь, А. А. Потебня).

В. Гумбольдт в своих лингвофилософских построениях опирался на достижения как рационализма, так и сенсуализма. Он признавал конструктивную роль языка в мыслительной деятельности человека. Более того, по его мнению, язык способен превращаться в самостоятельную духовно-интеллектуальную силу. По В. Гумбольдту, мышление не просто зависит от языка, а в определенной степени им обусловлено. Еще более радикальной в этом плане была доктрина А. А. Потебни, интерпретирующая проблему отношения языка к миру и человеку. В его учении толкование взаимоотношения между мыслительными и языковыми категориями противоположно «рациональной» философии языка. Оценивая вклад языка в преобразование словесных элементов мысли и в само ее содержание, в создание отвлечений, А. А. Потебня приходит к выводу, что, будучи переходом от бессознательности к сознанию, язык вторичен по отношению к мышлению. Под влиянием идей В. фон Гумбольдта в популярных ныне феноменологической и герменевтической доктринах формируется особое отношение к языку как непосредственному самовыражению духа, сознания и бытия. Эта идея пронизывает неогумбольдтианскую «содержательную грамматику» Ф. Финка и Л. Вайсгербера, «философию символических форм» Э. Кассирера. Язык как «историческое сознание» раскрывается в трактатах Г. Дильтея. В этом же ключе взаимоотношение языка, мышления и сознания рассматривается в философской антропологии Арнольда Гелена (1904–1976) и феноменологической онтологии Мартина Хайдеггера (1889–1976).

1. Язык предопределяет мышление или мышление — язык?

Положение о том, что язык и мышление находятся в тесном взаимодействии, стало настолько общепринятым, что немногие задумываются над его векторами и механизмами. Те же ученые, которые пытаются выяснить, в чем проявляется воздействие мышления на язык и воздействие языка на мышление, не всегда находят компромиссные решения проблемы. Имеются и количественные перекосы. Большинство говорит о влиянии мышления на язык. В меньшинстве оказываются те, кто считает, что язык тоже воздействует на наши мышление, сознание и поступки. Сторонники этой концепции также предпочитают говорить об одном из возможных аспектов. Одни сосредотачиваются на национально-специфических проявлениях мышления в каждом из языков, другие пытаются доказать, что существуют единые для естественного языка способы вербализации окружающей действительности. В связи с этим первые выстраивают раз-

личные модели языковых картин мира, а вторые к такого рода построениям относятся весьма скептически, полагая, что картина мира, если уж согласиться с возможностью ее существования, одна для всех людей, на каком бы языке они ни говорили.

В связи с этим возникают две концепции: языковой относительности и языкового детерминизма. Согласно *первой концепции*, при рассмотрении проблемы взаимоотношения языка и мышления в центре внимания оказывается семантика в ее грамматической обусловленности. В английском, например, нужно употребить глагол в соответствующей форме, чтобы указать временную соотнесенность того события, о котором ведется речь. Например: *it's raining, it rained* и т. п. Турецкий, а также языки североамериканских индейцев предполагают несколькими прошедшими временами, которые используются в зависимости от источника сведений о сообщаемом событии. Одна из форм прошедшего времени служит для сообщения об увиденном лично, а другая — о результате собственных логических размышлений или об увиденном другими людьми. Таким образом, если вы попали под дождь прошлой ночью, вы скажете: «Вчера ночью шел дождь», используя ту форму, которая показывает, что вы были свидетелем дождя. А если, проснувшись утром, вы увидели мокрые тротуары и листву, то обязаны употребить другую форму прошедшего, которая подразумевает, что сам дождь вы не видели.

Такого рода различия уже долгое время вызывают глубокий интерес у лингвистов и антропологов, которые собрали сотни и сотни фактов об «экзотических» языках. Например, форма глагола, в семантику которого входит элемент 'держать в руках', может зависеть от геометрической формы находящегося в руках предмета (язык индейцев навахо). Кстати, у европейских языков тоже есть такого рода нюансы. Например, англичанин скажет: «*George Bush has worked in Washington*», но не «*Richard Nixon has worked in Washington*». Причиной тому — наличие в грамматической системе английского языка настоящего совершенного времени (Present Perfect), предназначенного для высказываний о живых людях.

Согласно *теории языкового детерминизма*, подобные различия между языками оказывают влияние на образ мышления людей и, быть может, на организацию человеческих культур в целом. Самые, пожалуй, убедительные формулировки этой точки зрения, появившиеся в первой половине XX в., принадлежат Бенджамину Ли Уорфу и его

ителю Эдварду Сэпиру. Поэтому теория языковой относительно- и н детерминизма называется «гипотезой Сэпира – Уорфа». В свете ее основных положений выходит, что турки уделяют большее внимание доказательствам, чем американцы. Американцы же более осознанно относятся к смерти, чем турки. Сомнительные выводы! Да и относятся они, скорее, к сфере экспериментальной психологии и когнитивной антропологии, чем к лингвистике. На самом деле мысли действия человека предопределяются множеством причин. И в их яду структура языка не является решающим фактором.

Языковой детерминизм можно лучше всего продемонстрировать ситуациях, когда язык является основным способом обратить внимание людей на отдельные аспекты события. Несколько весьма убедительных эмпирических исследований, которые демонстрируют ту или иную степень языкового детерминизма, выполнены под руководством Стивена Дж. Левинсона. В них выделяются (а) языки, которых пространственные отношения описываются относительно самого человека (как в английском: «слева – справа», «спереди –зади»), и (б) языки, в которых местонахождение определяется по неизменным ориентирам окружающей среды. Например: «север – юг – восток – запад» в некоторых языках аборигенов Австралии. Туземцы Австралии сказали бы о «северном плече» или о «западном крае стола». Таким образом, чтобы объясняться на таком языке, нужно постоянно помнить о своих координатах относительно сторон света. Исследования такого плана продолжаются, но уже сейчас очевидно, что язык — это лишь один из факторов, формирующих мысли и действия человека. Тем не менее, из-за того, что язык проникает во все сферы жизни, а в процессе разговора мы всегда должны будем решать когнитивные проблемы, гипотеза языкового детерминизма не перестает привлекать внимание научной общественности.

2. Основные положения гипотезы

Э. Сэпира – Б. Уорфа

Согласно гипотезе Э. Сэпира – Б. Уорфа, структура языка и семантика его единиц связаны со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа.

1. Язык того или иного народа отображает в себе «совокупность речевых моделей», складывающуюся из фиксированных способов выражения мысли и опыта.

2. Человек посредством своего родного языка обладает системой понятий, организующей его опыт и мировоззрение.

3. Система языка предопределяет связанную с ней картину мира.

4. Система языка в значительной степени предопределяет связанное с нею мировоззрение народа.

5. «Сущность вселенной», восприятие ее отдельных фрагментов — производные от языка, в семантике которого содержится или сообщается информация о них.

6. Грамматика и логика, хотя и не отражают действительности, видоизменяются от языка к языку.

Б. Уорф утверждал, что все мы живем в своего рода интеллектуальной тюрьме, стены которой возведены структурными законами родного языка. Это очень странная тюрьма, поскольку факт заключения мы начинаем осознавать только при столкновении разных культур. Согласно эффектной формулировке гипотезы языкового детерминизма Б. Уорфа, грамматика каждого языка представляет собой воплощение метафизики¹. Влияет ли на образ мышления тот факт, что в английском языке есть существительные и глаголы, язык нутка оперирует только глаголами, а язык хопи разделяет реальность на два мира — явный и неявный? Б. Уорф утверждает, что подобные языковые различия формируют у носителей языка своеобразный стиль мышления, непонятный для других народов.

На метафизическом уровне, чтобы обосновать свою точку зрения, Б. Уорф приводил странные на слух буквальные переводы с языков североамериканских индейцев. Но буквальный перевод с любого языка, даже такого знакомого, как французский или немецкий, звучит одинаково странно. Различие в мировоззрении получило свое подтверждение в многочисленных исследованиях. Примером тому может быть восточная традиция медитации. Элеонора Рош выяснила, например, что способность народов понимать эти традиции зависит от того, какие обычаи существуют у них самих, а не от того, каков их родной язык или какой язык они учат.

По утверждению Б. Уорфа, грамматические категории влияют на память или на такие стороны мышления, как способность к классификации. Однако полученные данные, как правило, свидетельствуют об обратном. Например, грамматические категории не могут способствовать развитию памяти. Если кто-то говорит на языке, располагающем системой классификаторов формы, это еще не значит, что ему легче классифицировать предметы по форме, чем по цвету. Возможно, грамматические категории обрабатываются настолько автоматически, что теряют свою семантическую значимость для носителей языка. Возможно также, что специально для речи существует отдель-

¹ Метафизика (греч. *μετὰ τὰ φυσικά*) — учение о понятиях отвлеченных, которые не могут быть подвергнуты непосредственному опытному исследованию, философское учение о сверхопытных началах и законах бытия вообще или какого-либо типа бытия.

ный модуль мышления, который не всегда вступает во взаимодействие с остальной системой языковых значений.

Гипотеза Э. Сепира – Б. Уорфа подвергается критике с момента ее появления. И все же и сегодня в связи с бурным развитием лингвистики и ее находят достаточно актуальной.

3. Язык — зеркало мышления?

Нередко язык называют зеркалом мышления. Недавно появилась в русском переводе книга Джорджа Лакоффа «Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении». Этот фундаментальный труд посвящен традиционным для теории менталингвистики проблемам: человеческому пониманию мира, отражению знания о мире в языке через систему взаимосвязанных понятий — категорий, образующих концептуальную систему. Исследование Дж. Лакоффа разделено на две книги: «Разум вне машины» и «Исследование конкретного материала». В первой из них детально рассматривается понятие категоризации, представляющей собой определенный способ организации человеческого опыта, своеобразные «очки», через которые мы смотрим на мир. Лейтмотив книги — противопоставление (а) традиционного подхода к категоризации, который Дж. Лакофф характеризует как «объективистский», и (б) развиваемого им нового подхода под названием «экспериментализм» (от англ. *experience*). Согласно традиционному взгляду, мышление представляет собой абстрактную, дематериализованную способность. Новый подход Дж. Лакоффа основывается на признании зависимости мышления от телесной организации человека. Иными словами, мышление ставится в один ряд с такими физиологическими способностями, как зрение, слух и т. п. Это допущение переносит фокус осмысления проблемы языка и сознания на образные средства мышления — метафору, метонимию и т. п. Тем самым взгляду на мир «извне» противопоставляется взгляд на вещи «изнутри» сознания познающего субъекта.

Что же представляют собой категории, с помощью которых человек организует свой опыт? Образный ответ на этот вопрос кроется в самом названии книги Дж. Лакоффа. Оказывается, в языке австралийских аборигенов дьирбал существует категория *balan*, образованная соответствующим классификатором языка и включающая жен-

щин, огонь и опасные предметы — такие, как волосатые гусеницы, утконос, ехидна, а также некоторые змеи. Традиционно под категорией понимают множество предметов, обладающих каким-либо общим признаком. При этом элементы множества неявно рассматриваются как обладающие соответствующим признаком в равной степени. Очевидно, что данная категория (а всего в языке дырбал их четыре) не может быть интерпретирована в терминах традиционной теории множеств потому, что крайне затруднительно обнаружить такой признак у перечисленных вещей. С точки зрения Лакоффа, основная причина такого несоответствия кроется в прототипическом эффекте. Его сущность заключается в том, что отдельные члены категории обладают особым статусом, отличающим их от других членов той же категории, а именно статусом лучшего образца. И этот образец Дж. Лакофф называет *п р о т о т и п о м* всей категории. Например, *малиновка* для обыденного сознания американца является более характерным представителем категории «птица», чем пингвин или страус. На этом эффекте строятся правдоподобные суждения. Например: *Типичная птица летает. Твити — птица. Следовательно, скорее всего, Твити летает.*

Некоторые когнитивные модели категоризации являются *метонимическими*, т. е. основанными на эффекте замещения, когда один легко и ясно воспринимаемый аспект чего-либо служит для обозначения вещи в целом или другого ее аспекта. Вот примеры метонимий, приводимые Дж. Лакоффом: 1. «*Одна официантка говорит другой: "сэндвич с ветчиной только что разлил все пиво на себя"*». 2. «*Не дадим Сальвадору стать вторым Вьетнамом!*» (лозунг). Специальные случаи метонимии представляют собой социальные стереотипы. Например, стереотип домашней хозяйки. В категории «мать» существует соответствующая субкатегория, хотя специального названия у нее нет. Тем не менее, она соответствует культурным ожиданиям относительно того, какой должна быть мать, и поэтому порождает прототипический эффект. В современной американской (да и нашей) культуре матери-домохозяйки считаются более хорошим примером матери, чем те, которые не ведут домашнего хозяйства. Вторая часть первой книги представляет собой (а) достаточно подробную и обстоятельную критику объективистской парадигмы и (б) изложение авторской позиции. Дж. Лакофф наряду с Э. Рош, Ч. Филмором, М. Джонсоном, Б. Берлином и П. Кэйем является

сновоположником нового направления — «прототипической или когнитивной» семантики.

Вторая книга всецело посвящена приложению построенной в первой книге теории. Отличительной особенностью исследования Дж. Лакоффа является привлечение широчайшего материала: от сравнительного языкознания до физиологии зрения и эволюционной биологии. Основная мысль книги Дж. Лакоффа: «разум есть нечто гораздо большее, чем только зеркало природы или оператор с символами». Здесь мы приблизились к одной из важнейших проблем учения о взаимоотношении языка и познания.

Механизм познания, как мы уже убедились, действует через знак. Если в результате познавательной деятельности человека создаются концепты (понятия обыденного сознания), то следует признать, что создание концепта есть вместе с тем образование знака. Пожалуй, самая существенная роль при этом принадлежит языку, который, осуществляя дискретизацию, устанавливает одновременно и смысловые границы каждой дискретной единицы (в силу взаимозависимости дискретности и смыслового содержания). Они затем получают свое реальное воплощение в единицах речи и мысли. Инструментальная функция знака состоит в *сигнификации*, т. е. в образовании сигнификата (понятия). Вместе с этим сигнификация есть процесс познания. Отсюда утверждение: *фокусом всего процесса познания является знак и его употребление*.

Изложенная концепция согласуется с физиологической трактовкой мыслительной деятельности, в частности, в трудах И. М. Сеченова и И. П. Павлова. Рисуя картину развития мышления из ощущения, И. М. Сеченов в качестве *первой ступени* этого процесса называл становление *предметной мысли*, которая «служит чувственным отражением внешних предметов и их зависимостей». Уже на этой первой ступени мысль приобретает дискретный характер, но не имеет еще завершенной формы. *Вторая ступень* — становление *отвлеченного мышления* или преобразование чувственно воспринимаемых предметов в абстрактные структуры, которые обладают всеми характерными чертами знака. И. М. Сеченов называл подобное преобразование символизацией, а Л. С. Выготский — сигнификацией. Особо следует подчеркнуть тот момент, что преобразование «чувственных конкретов» в «абстракты» И. М. Сеченов представлял как параллельный процесс, проходящий в плоскости мыслительной и в

плоскости речевой. Когда же мысль человека, — писал он, — переходит из чувственной области во внечувственную, речь становится необходимостью. Так возникают две параллельные и соотносимые (через язык) знаковые системы — система речевых единиц и система единиц мыслительных. Соотносимость этих двух систем обеспечивается *внутренней речью*, которая, по утверждению И. Н. Горелова, по сути, и есть сам процесс мышления, тайна которого волнует человека издавна. Большой вклад в разгадку этой тайны внес Н. И. Жинкин. В серии исследований, проведенных в период с конца 1950-х по конец 1970-х гг., он доказал, что имеется принципиальное различие между процессом мысленного проговаривания (например, чтением какого-либо стихотворения «про себя») и процессом внутренней речи — мышления. Для внутренней речи характерна не словесная, а какая-то иная структура. Когда мы вспоминаем увиденный нами ранее пейзаж, или восстанавливаем мысленно течение шахматной партии, или обдумываем конструкцию будущего прибора, то наша внутренняя речь обходится практически без речевых структур.

Н. И. Жинкин считал, что этот процесс опирается на специальные кодовые структуры, а сам этот код является основой функционирования больших полушарий нашего мозга (при обязательном участии в этом процессе подкорки). Этот внутренний код Жинкин назвал универсально-предметным — УПК. «Предметным» потому, что в нем присутствует конкретный образ-предмет (например, дерево, растущее под вашим окном) либо обобщенный образ (например, дерево вообще). Ученый полагал, что образы хранятся в нашей памяти в виде иерархической структуры. На ее нижнем уровне фиксируются предельно конкретные образы, а на верхних ярусах хранятся обобщенные образы, связанные с понятиями. Между этими уровнями имеются связующие нити, по которым осуществляется переход от конкретных образов к обобщенным и наоборот. «Универсальный» в названии УПК подчеркивает надэтническую природу образов, не зависящую от конкретного языка. Развивая эту мысль, И. Н. Горелов обратил внимание на характер связи поверхностных и глубинных описаний. Схема, определяющая глубинное описание, активизируется в нашей памяти лишь тогда, когда «созревает» определенная ситуация. Это значит, что понимание и порождение текста происходят не пословно, а посредством схватывания *общего смысла* текста. Такой целостный образ, возникающий в нашем сознании называют ге-

штальтом. Это важное обстоятельство позволяет нам понимать речь «с полуслова».

Поскольку язык — это средство общения, все его свойства возникли на основе общения и обусловлены этой важнейшей его функцией. Потребность в общении, в частности, обусловила когнитивную функцию языка. Язык является одним из наиболее универсальных способов получения и хранения информации, что определяет его уникальную роль в истории человеческой культуры. Причем слово выражает информацию, получаемую человеком двумя путями: а) через чувственное познание и б) через логическое. В первом случае используются образные слова, а во втором — слова с абстрактными значениями.

Образные слова и выражения. Рассматривая семантику образных слов финно-угорских языков, Д. В. Бубрих отмечал, что обобщающая сила изобразительных слов чрезвычайно мала. Исследователь якутского языка А. Е. Кулаковский писал, что для передачи представления о том или ином предмете или животном якут употребляет очень меткое, образное слово, которое нельзя перевести ни на какой другой язык. «Картинные слова» выражают «целый картинный ряд представлений», что для иного языкового сознания кажется абсурдным.

Особое место занимает образная лексика и в маньчжурском языке. Это словесные знаки воспринимаемых органами чувств действий и предметов. Как и всякие слова, они представляют собой продукты обобщающей деятельности человеческого мышления, поскольку способны обозначать не единичные признаки данного конкретного действия, а любые идентичные признаки любого такого же или подобного ему действия. Но, в отличие от других знаменательных слов, они выражают скорее не понятия, а представления (В. А. Аврорин), богатые конкретным содержанием, напоминающем живые картины окружающей действительности. В эвенском языке выделяются изобразительные глаголы (К. А. Новикова), которые отличаются от прочих глаголов своей семантикой. Изобразительные глаголы передают вполне конкретные действия, воспринимаемые через органы зрения и слуха, по своему значению *не выражающие ни действия, ни состояния* в обычном смысле слова. Они являются в эвенском языке одним из основных средств *эмоционального выражения* и широко используются в образной речи. По данным В. А. Роббек, своеобраз-

зие семантики образных слов проявляется не в степени абстрагирования явлений реальной действительности, хотя, безусловно, доля абстракции в ней имеется, а в особой направленности такого абстрагирования. Для образных слов эвенского языка важно не просто показать действие или предмет, а передать чувственно *воспринимаемый образ* предмета через характерный его признак.

Как и в финно-угорских языках, образные слова эвенского языка изображают не просто действие (хождение, движение), но и показывают множество способов хождения с помощью характеристики предмета, его внешнего вида, способа действия, звуков и т. д. Например, эвенское слово *гиркаваттай* означает 'ходить'. С помощью образных слов данное действие можно выразить следующими словами: 1) *тимбикаваттай* — ходить, неся свое грузное тело; 2) *бэңгэкэн-дэй* — ходить, раскорячивая ноги; 3) *нялдалбандай* — ходить, широко расставляя ноги; 4) *кандалбандай* — ходить, подняв голову, слегка прогнувшись; 5) *ундикандай* — ходить, вилля задом (о невысоком, маленьком человеке); 6) *диңгилбандай* — ходить (о человеке с непропорционально короткой шеей); 7) *насалаваттай* — ходить в оборванной одежде; 8) *навсалаваттай* — ходить, развевая длинными растрепанными волосами.

Образные слова изображают максимально конкретный, яркий, картинный образ выражаемого им звука, движения, явления, признака и т. п. Так, понятие *говорить* можно выразить обычным глаголом *төрэдэй*, но можно также употребить образные глаголы: 1) *хивкираңчидай* — говорить, показывая при этом золотые зубы; 2) *эгдэрэңчидай* — говорить, шлепая толстыми губами; 3) *буңгураңчидай* — говорить невнятно, будто с полно набитым ртом; 4) *делгараңчидай* — говорить, шевеля большим кривым ртом и др.

Итак, образные слова включают в себя целый образ, картину того или иного явления, признака или действия, выражают образные представления о различных звуковых и световых явлениях. Они копируют двигательные образы, передают вкусовые, осязательные, обонятельные и более сложные внутренние ощущения, являются названиями различных зрительно-образных представлений, возникающих у человека в процессе его общественной практики.

4. Знак и понятие

Понятие — это форма мышления, отражающая предметы в их существенных признаках. Например, понятия «дерево», «язык», «хищник», «совесть» и др. **П р и з н а к о м** предмета называют то, в чем предметы сходны друг с другом или чем они друг от друга отличаются. Признаками понятия «стул» является все то, чем стул отличается от понятий «стол», «диван», «табурет». Одни из них характеризуют отдельный предмет, являются *единичными*, другие принадлежат определенной группе предметов и являются *общими*. Различают признаки *существенные* и *несущественные*. Признаки, которые необходимо принадлежат предмету, выражают его внутреннюю природу, его сущность, называют *существенными*. Признаки, которые могут принадлежать, но могут и не принадлежать предмету и которые не выражают его сущности, называют *несущественными*. Так, для понятия «дерево» существенными признаками являются 'корень', 'крона', 'ствол', 'ветки', 'листья'; несущественными — 'форма кроны', 'форма листьев', 'цвет коры' и др.

Отражая предметы в существенных признаках, понятие качественно отличается от форм чувственного познания: восприятий и представлений, существующих в сознании человека в виде *наглядных образов отдельных предметов*. *Понятие лишено наглядности, оно — результат обобщения множества однородных предметов на основании их существенных признаков.*

Средством выражения понятий служат слова. Без них невозможно ни формирование, ни оперирование понятиями. Однако, как уже отмечалось, такое тесное сопряжение слова и понятия не означает их тождества. В отличие от понятий единицы всех языков различны: одно и то же понятие выражается в разных языках по-разному. Кроме того, в одном языке, как правило, также нет тождества понятия и слова. Свидетельством тому может служить наличие в любом языке синонимов, языковых вариантов, омонимов, полисемантов.

5. Предложение и суждение

Суждение определяется как мысль, в которой что-либо утверждается или отрицается. Языковой формой выражения суждения является повествовательное предложение. Суждение двучленно, вклю-

чает субъект (предмет речи) и предикат, т. е. то, что говорится о предмете речи. Обычно субъект совпадает с группой подлежащего, предикат — с группой сказуемого.

Высокие белостовольные березы росли по обеим сторонам дороги.

Поскольку суждение — это познавательный акт, и с предикатом связано то новое, что приписывается предмету речи. Однако новое не всегда выражается сказуемым. Коммуникативно и логически новым в суждении может быть любой член предложения. Универсальным средством выделения логического предиката в языке является логическое ударение, которое может падать на любой член предложения, выделяемый в таком случае интонационно, усиленным его произношением. Выделение логическим ударением члена предложения одновременно исключает возможное другое утверждение или отрицание. Ср.: 1) **Брат** вчера уехал в Москву (а не кто-либо другой); 2) Брат **вчера** уехал в Москву; 3) Брат **вчера** уехал в Москву; 4) Брат **вчера** уехал **в Москву**.

В русском языке отмечаются и другие средства выделения в предложении логического предиката, когда он не совпадает со сказуемым. Этому служат определительные и указательные местоимения, частицы и вводные слова: *этот, тот, каждый, только, лишь, вот, именно, конечно* и др. Используется также порядок слов. В некоторых языках для выделения логического предиката используются особые морфемы и служебные слова. Если суждение двучленно, то предложение, как известно, может иметь, кроме главных членов — подлежащего и сказуемого, — второстепенные члены предложения. Суждение всегда выражается в виде предложения, но не всякое предложение выражает суждение, т. е. утверждение или отрицание (ср. вопросительные, побудительные, условные предложения). В логике и языкознании однозначно не решен вопрос, какая форма мысли выражается в этих предложениях.

Односоставные предложения рассматривались в русской лингвистической традиции как логические или психологические суждения, внутренняя двучленность которых не выражена отдельными членами предложения. В предложениях типа *Пожар!*, *Чудесно!*, *Красота!*, *Светает* и т. п. предмет суждения не имеет словесного обозначения, а состоит из непосредственного представления или же может быть понят из ситуации. Поскольку в таких случаях отмечается непо-

средственное взаимодействие чувственных и логических форм мышления, то некоторые лингвисты видят здесь особый вид суждений, а именно: логико-психологическое суждение. Логико-психологическое суждение — это особая форма мысли, создающаяся сочетанием наглядно-чувственных образов и обобщенных образов-понятий.

Традиционное изучение суждения и его выражения в предложении, надо думать, повлияло на поиски чисто языковых средств выделения в мысли данного и нового содержания. Актуальное членение предложения, в соответствии с которым в предложении выделяется данное (тема) и новое (рема), по мнению многих лингвистов, соотносится с двучленностью логического суждения и с выделением в нем собственно субъекта и предиката. Однако концепция актуального членения предложения основывается прежде всего на языковых признаках этого членения, хотя в своем изучении предложения не исключает логических и психологических аспектов.

О логической природе вопросительных, побудительных и условных предложений высказываются различные мнения. Ряд ученых считает, что в таких предложениях следует видеть особую разновидность мысли, имеющей познавательное значение, а потому так или иначе заключающей в себе суждение. Эти предложения содержат суждение имплицитно, т. е. в неявной форме. Например, вопросительные предложения: *Кто принес эти книги?*, *Кто ответит на этот вопрос?* и т. п. предполагают утвердительный или отрицательный ответ. В. В. Виноградов по этому поводу рассуждал так. Ведь и в вопросе что-то высказывается, сообщается и понимается. Вопрос тоже может быть истинным или ложным. В прямом вопросе содержатся имплицитные (свернутые) или неопределенные предикаты, обеспечивающие возможность указывать на искомый предикат. Подобные мнения высказываются о побудительных и условных предложениях.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

- Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267–279.
 Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2005.
 Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. С. 113–170.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Кубрякова Е.С. Язык и знания. М.: Наука, 2001.

Лагута О.Н. Логика и лингвистика. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2000.

Дополнительная

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта; Наука, 2010. Гл. 12: Концепты культуры и языковая семантика.

Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М.: Аспект-Пресс, 2001.

Колишанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Мартинович Г.А. Лингвистические этюды. СПб., 1992. Гл. «Из истории изучения вопросов взаимоотношения языка и мышления» (С. 56–84).

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 2. Л.: Наука, 1980.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.

Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л.: Наука, 1989.

Фишель В. Думают ли животные? М.: Мир, 1973.

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

1. Предмет, цели и задачи социолингвистики. 2. Язык и история общества. 3. Языковой код и субкоды языка. 4. Перспективы развития социолингвистики.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Неявно мысль о тесной связи языка и общества просматривается уже в трактатах античных философов, которые свое понимание общественной природы языка связывали с проблемой его происхождения. Так, Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), последователь Демокрита, указывал, что совместная борьба за существование заставила людей объединяться в коллективы, перейти от бессмысленных звуков к членораздельным и установить слова — символы для каждой вещи.

Как известно, вопрос о взаимоотношении языка и общества не был актуальным для лингвистических школ и направлений Средних веков. Лишь на этапе Ренессанса в связи со становлением теоретического языкознания на этой проблеме было сосредоточено больше внимания. Так, по мнению Джона Локка, каждый язык имеет свой неповторимый, индивидуальный исторический облик, человеческое знание и идеи не есть нечто вневременное, они погружены во время, являясь плодом деятельности человеческих сообществ. Известны высказывания Г. Лейбница о языке как лучшем зеркале человеческого духа.

В эпоху Возрождения актуальной становится проблема связи истории языка и истории народа. В XIX в. проблема связи языка с обществом только затрагивалась. Однако эти суждения для понимания развития лингвистической мысли являются не менее весомыми. Важным представляется то, что в противоборстве рационализма с набирающим силу сенсуализмом наряду с признанием вторичности языка по отношению к бытию и мышлению все более осознается влияние языка на формирование мысли и восприятие действительности. Тем самым признается антропогенная природа языка. На нее указывали И. Г. Гердер, В. фон Гумбольдт, позднее — А. Шлейхер, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Э. Бенвенист, Г. Гийом и др.

Одним из первых социальные категории языка выделил и обосновал В. фон Гумбольдт. Надо заметить, что ученый рассматривал язык прежде всего с позиции идеалистической философии. Вот лишь отдельные его тезисы: язык — «саморазвитие духа», абсолютный дух заставляет язык развиваться и изменяться; он одинаково проявляется у всех людей. Схожесть речи группы людей объяснялась исследователем общностью языкового материала и психического содержания; единство звукового материала — наследственностью; единство содержания — единством культуры, единством об-

щества. Все эти обуславливающие развитие языка характеристики лежат, по В. Гумбольдту, вне лингвистики. Гумбольдт четко сформулировал два важных положения: 1) о том, что язык возник вследствие потребности людей в общении и 2) о соотношении в языке общественного и индивидуального. Ученый утверждал, что язык развивается только в обществе и человек понимает себя лишь постольку, поскольку его слова понятны и другим. Язык как целое, доказывал мыслитель, отличается от индивидуальных актов речевой деятельности. В. Гумбольдт наиболее полно для своего времени раскрыл диалектику языка в его отношении к миру и человеку.

Такой подход в языкознании XIX века стал преобладающим. С одной стороны, обосновывалось положение о том, что индивидуальная психология имеет дело с психологическими процессами отдельного человека и с языком как проявлением его индивидуальной жизни. С другой стороны, продолжением индивидуальной психологии признавалась коллективная психология (психология народов — В. Вундт), которая формируется с помощью языка. Г. Штейнталь, один из видных теоретиков «психологии народов», писал, что язык, по сути своей, продукт общества, является самосознанием, мировоззрением и «духом народа».

Теория «психологии народов» оказалась несостоятельной потому, что ошибочно пыталась свести все общественные отношения, в том числе и языковые, к отношениям психологического уровня. Так, Г. Штейнталь рассматривал психику явлением индивидуальным, а язык тем, что связывает звук и психологическое содержание. Тем самым ученый определял язык как нечто индивидуальное, являющееся частью психики. Наличие общих черт в психике и языке, по мнению Штейнталья, у представителей одной нации обусловлено передачей их по наследству. Влияние общества на язык Штейнталь не рассматривает, а языковые отношения сводит к психологическим, рассматривая язык как продукт народа, его самосознание, мировоззрение, логику. Реакцией на теорию Штейнталья явились попытки рассмотрения языка вне психики человека. Наиболее известной в этом отношении является концепция А. Шлейхера. Ее суть заключается в том, что, поскольку законы языка объективны, они являются внешними по отношению к психике человека. Более того, язык организован в соответствии с законами природы.

Учение школы младограмматиков — это соединение теорий А. Шлейхера и Г. Штейнталья. Для сторонников этой школы язык, с одной стороны — явление индивидуально-психологическое, а с другой — феномен, который управляется объективными законами, лежащими вне психики. Г. Пауль, в частности, рассматривал проблему взаимоотношения общего и индивидуального в языке. Действительно реальным, по мнению ученого, является лишь индивидуальный язык, имеющий свою собственную историю, а так называемый «сузус» — средняя величина — делает возможным коллективное общение. В целом в науке о языке этого периода преобладало противопоставление в нем индивидуального и социального. Избежать такого противопоставления пытался И. А. Боудэн де Куртенэ. Он исходил из того, что у

человека языковое сознание формируется только в обществе, а посему язык — явление социально-индивидуальное.

Так же, как и его предшественники, опираясь на концепцию В. Гумбольдта, ученый заменил идею философа о «саморазвитии духа» идеей о развитии природы и идеей объективной действительности. В выяснении причины единства языка и общества Бодуэн де Куртене солидарен с Гумбольдтом. Однако, в отличие от него, утверждал, что общество не только ограничивает развитие языка, но и является стимулом его развития. Язык, следовательно, выступает как явление коллективно-индивидуальное, что и позволяет ему быть средством общения.

Безусловную связь между языком и обществом отмечал также и Ф. Ф. Фортунатов. Он даже определяет задачу языкознания изучать язык и связи с его историей и общественным развитием. Так возникает интерес к внеязыковым факторам в жизни языка. К таковым Ф. де Соссюр, например, причислял связь языка и истории нации. С одной стороны, традиции нации отражаются в ее языке, а с другой — язык формирует саму нацию. На границы распространения языка влияет ряд факторов, среди них такие, как языковая политика, миграция и т. д.

На рубеже XIX–XX вв. общественная природа языка активно обсуждалась в трудах К. Фосслера, А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандрисса и целого ряда других исследователей. А. Мейе, например, опираясь на концепцию Ф. де Соссюра (язык — социальный продукт речевой деятельности) и учение младogramматиков (язык индивидуален), одной из задач лингвистики видит в установлении того, какой общественной формации соответствует та или иная структура языка и как изменения в структуре общества отражаются на изменениях структуры языка. По мнению А. Мейе, социальная природа языка определяет стратегию его изменений. Ученый приходит к выводу, что только те новообразования закрепляются в языке, которые могут быть усвоены обществом в целом. Языкознание же должно изучать общие формулы языковых изменений, которые обусловлены обстоятельствами, общими для всех людей или, по крайней мере, для отдельных типов цивилизаций.

Интерес к проблеме взаимоотношения языка и общества в ряде зарубежных лингвистических школ стимулировал кризис структурализма. Это был решительный поворот к этой проблеме, так как длительное время там доминировало положение блумфилдской теории, которая откровенно игнорировала влияние социальных факторов на язык. Методологическим фундаментом интерпретации соотношения языка и общества в мировой науке стали теории О. Конта, Г. Спенсера, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, К. Маркса, позже получившие свое развитие на Западе (К. Пайк, А. Грамши, У. Лабов). Основными достижениями западной социолингвистики принято считать доказательство имманентности существования языка и общества. Так, в частности, в XX в. западная социолингвистическая мысль строилась на научной платформе структурализма. Основные положения которого разрабатывались в Пражской (В. Матезнус, Р. О. Якобсон). Французской (А. Мейе,

Ш. Балли) и Американской (Л. Блумфилд, Н. Хомский) школах, позволявших интерпретировать язык как системно функционирующее в социуме и определяющееся им генеративное целое соответственно. В концепциях Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Э. Бенвениста все отчетливее утверждалась мысль об определяющем влиянии языкового отражения и формального моделирования не только на мышление и организацию понятийных систем, но и на восприятие и членение реального мира.

Весьма плодотворными оказались исследования ученых Пражской лингвистической школы (В. Матезиус, Й. Вахек и др.), которые убедительно аргументировали связь развития языка с общественными процессами. Особенно активно эта проблематика обсуждалась в отечественном языкознании XX века. Так, Е. Д. Поливанов в круг социалингвистических проблем ставил определение языка как социального явления. Правда, отечественные лингвисты тех лет нередко высказывали слишком категорические суждения. В это время еще сказывалось влияние теории Н. Марра. Многие исследователи пытались доказать, что язык есть, прежде всего, социальное явление и всякая дифференциация в обществе должна находить отражение в языке. Такое понимание проблемы оказывалось нередко излишне прямолинейным. Высказывались, разумеется, и достаточно сбалансированные суждения. Так, Г. О. Винокур, утверждая, что язык — социально-обусловленная норма, выступал против грубой социологизации учения о языке, против замены лингвистического анализа социологическим.

В целом отечественная наука, исследуя вопрос о соотношении языка и общества опиралась на положения диалектического материализма (Б. А. Ларин, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, Е. Д. Поливанов, А. Д. Швейцер, Ю. Д. Дешериев, Л. Б. Никольский, Е. А. Земская, Л. П. Крысин, Э. Г. Туманян). Язык рассматривался как комплексное материально-идеальное явление, проявляющее себя в процессах порождения (восприятия) речи и ее социализации. Такой подход к пониманию общественной природы языка не утратил своей продуктивности и в наше время, хотя и претерпел, разумеется, весьма значительные модификации. И все же, как бы ни расставлялись акценты в существующей теории взаимоотношения языка и общества, чувствуется, что социалингвистические проблемы еще нуждаются в изучении.

В современной социалингвистике выделяются четыре методологические стратегии исследования языка как социального феномена: логическая, психологическая, семиотическая и культурологическая.

1. Предмет, цели и задачи социалингвистики

Современная социалингвистика — научная дисциплина, сформировавшаяся на стыке разных антропоцентрических дисциплин: (а) лингвистических (этнолингвистики, теории языковых контактов

и контактных языков, интерлингвистики, теории языковой политики и др.) и (б) нелингвистических (социологии, политологии, культурологии, этнографии и др.). Под объективом социолингвистики рассматриваются проблемы, связанные с социальной природой языка, его общественными функциями и воздействием социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

Термин «социолингвистика» возник на базе своего полного эквивалента «социологическая лингвистика» (от лат. *societas* 'общество' и *lingua* 'язык'), предложенного в 1920-х гг. отечественным языковедом Е. Д. Поливановым. В своем сокращенном варианте термин (англ. *sociolinguistics*) впервые был употреблен в 1952 г. американским исследователем Х. Карри.

В первой половине XX в. фундаментаторами социолингвистики стали А. Мейе, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Р. О. Шор, М. В. Сергиевский, Н. С. Чемоданов, М. М. Гухман. Среди первых европейских социолингвистов следует назвать В. Матезиуса, Б. Гавранека, Й. Вахека, Т. Фрингса. Основателями американской социолингвистики по праву считаются Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Л. Уорф и другие представители антропологической лингвистики. В Японии социолингвистическую известность приобрела школа «языкового существования».

Становление современной социолингвистики обязано исследованиям отечественных (В. А. Аврорин, Г. В. Степанов, А. Д. Швейцер, В. Д. Бондалетов, А. И. Домашнев, Л. Б. Никольский, Ю. Д. Дешериев) и зарубежных ученых (Роджер Т. Белл, Делл Хатауэй Хаймз, Джон Дж. Гамперц, Уильям Лабов, У. Брайт, Дитер Вундерлих, Х. Лефлер и др.). В целом основным фактором возникновения социолингвистики была реакция на структурализм и генеративизм, которые в науке о языке исключали изучение экстралингвистических явлений. Она была призвана удовлетворить возросший в 1960–1970-е гг. интерес к социологии языка, в частности — к актуальным проблемам языковой политики и языкового планирования во многих государствах Азии, Африки, Центральной и Южной Америки.

Цели социолингвистики: выявить роль общества в возникновении, развитии и функционировании языковых явлений. В центре внимания оказывается влияние различных общественных факторов на взаимодействие языков, систему отдельного языка и его функционирование. Отсюда основная проблема социолингвистики — со-

циональная дифференциация языка на всех уровнях его структуры. В частности, социолингвистика исследует характер взаимосвязей между языковыми и социальными структурами. Структура социальной дифференциации языка многомерна. Она включает в себя как (а) стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и (б) ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций.

Предметом социолингвистики являются объекты, при рассмотрении которых происходит органическое соединение социологических и лингвистических категорий. Так, рассматривая языковую коммуникацию, социолингвистика представляет ее как континуум, который делится на сферы общения, совпадающие со сферами социального взаимодействия. С одной стороны — это сфера государственной или общенациональной коммуникации, с другой стороны — сфера повседневного бытового общения. Языки в многонациональной стране и формы существования национального языка (совокупность литературного языка, региональных и местных койне, территориальных диалектов, социолектов — жаргонов, аргот) в мононациональном государстве составляют нерархическую систему, называемую языковой ситуацией.

Первые социолингвистические исследования были направлены на систематизацию языков, создание письменности и алфавитов. Социолингвисты пытались зафиксировать самые разные аспекты взаимоотношения языка и общества. Общественная природа языка проявляется в его функциях. Не случайно в центре внимания социолингвистики оказались функционально значимые проблемы.

1. Закономерности функционирования языка в обществе. В этом ракурсе рассматривается один, но всеобъемлющий вопрос: каково назначение языка в обществе? Поиск ответа на него ведется через исследование различных общественных функций языка. Среди них:

а) коммуникативная функция, которую многие считают единственной (включающей в себя все другие). Общественный статус языка выражается в его использовании в межличностном общении, в профессиональной деятельности и в межкультурной коммуникации;

б) функция формирования и выражения мысли. Язык как явление общественное является не только средством общения, но и сред-

ством формирования ценностно-смыслового пространства жизнедеятельности общества, ментальности народа;

в) номинативная функция. В процессе называния предметов окружающей действительности в языковой семантике отражаются выработанные в данном сообществе общественно значимые представления об этих предметах и той среде, в которой они бытуют;

г) когнитивная (гносеологическая) функция. Мир познается через слово. В разных языках фиксируются разные аспекты познания, поэтому в моделируемой языком картине мира смысловые акценты расставляются в соответствии с накопленным ранее опытом, вырабатывается и хранится этнокультурное самосознание;

д) прагматическая функция. Словом осуществляется не только личностное, но и социально значимое и суггестивно-магическое воздействие на человека. вырабатывается социально обусловленное поведение и нормы общественной морали.

е) фатическая функция состоит в том, что язык выполняет важную для человеческого общества контактоустанавливающую функцию;

ж) эстетическая функция играет важную роль в организации духовной жизни человеческого общества. Чаще всего эта функция востребуется в словесно-художественной культуре, вызывая у членов того или иного сообщества консолидирующие его чувства и сопереживания.

Коммуникативно-когнитивные аспекты теории взаимоотношения языка и общества свидетельствуют о том, что социальность акта общения проявляется не в самом факте речевого общения, а в его особых качествах. Среди этих качеств важнейших — три: 1) историческая связь актов общения друг с другом, с общественной деятельностью людей, основанной на разделении труда; 2) способность быть выразителем общественного сознания; 3) способность формировать и выражать ценностно-смысловое пространство культуры.

Историческая связь с общественным бытием человека, способность выражать общественное сознание и быть носителем культуры составляют отличительные социальные свойства языка, которые проявляются только в членораздельной речи.

2. Язык и структура общества. Уязвимой стороной данной проблемы является игнорирование места в истории науки о языке попытки установить прямую зависимость структуры языка от структуры общества (Н. Я. Марр). Собственно лингвистическая сторона вопроса

сосредоточена вокруг территориального и социального членения национального языка.

А. Территориальное членение общества в той или иной степени отображается на статусе территориальных диалектов. Чем больше во времени какая-либо территория находится в обособленном состоянии, тем значительнее в национальном языке диалектные различия.

Б. Социальное расслоение общества имеет разнообразные последствия. Социальные различия, прежде всего, формируют *социальный статус* языка (В. Н. Карасик). Возрастные различия людей отражаются на их языке настолько, что принято выделять язык детей (детский язык). И дело здесь не только во внешних признаках речи. У детей слова обычно используются в ситуативном или диффузном значении. Им не воспринимается метафорические значения. Вместе с тем, в четырехлетнем возрасте дети весьма активно занимаются окказиональным словообразованием, занимаются поиском ложных этимологий. Дети старшего возраста (подростки) охотно используют сленг.

В. Гендерные (*гендер* — социокультурный пол) различия проявляются в особенностях речи мужчин и речи женщин. Их речь различается физиологически (тембром голоса и т. п.) и степенью эмоциональности. Есть различия и в тематике. И в современном мире есть языки, содержащие табу для женщин, разные формы обращения к мужчине и женщине.

Г. В любом языке можно выделить три группы профессиональной лексики: а) общественно значимые термины; б) номенклатурные слова — названия предметов, с которыми связана общественная жизнь человека; в) профессиональные жаргоны — эмоционально-экспрессивные слова, встречающиеся в устной речи людей определенного рода занятий. От жаргонов отличаются арготизмы. Арготизмы используют для того, чтобы разорвать коммуникацию. Цель жаргона — эмоционально выразиться. Выделяют также корпоративные языки, возникающие в группах людей, чем-то связанных между собой (возрастом, общими интересами). Социальное расслоение в обществе находит непосредственное отражение в лексике, фраземике и паремийном фонде любого языка.

3. **Язык и культура.** В центре внимания этой проблемы находится взаимоотношение языка и культуры как продукта социальной деятельности людей. Культура в языке находит разное выражение.

А. Она определяет план содержания языка. Любая культура содержит национальные и интернациональные ценности. В соответствии с этим, в любом языке есть универсальные и сугубо национальные маркеры. Чаще это проявляется на уровне лексики.

Б. Национальное своеобразие культуры отражается в особенностях языкового членения действительности.

В. Национальная специфика языка проявляется в коннотативной семантике языковых знаков (их эмотивно-оценочных импликациях). Национальная специфика может проявляться и в словах с переносным значением, и во фразеологии, хотя многие фразеологизмы одного языка имеют, как правило, аналоги в других языках. Национальная специфика проявляется также в манере самого общения. Взаимосвязь языка и общества проявляется в национально-культурном своеобразии словаря, в типологических особенностях нормативно-стилистической системы языка, в своеобразии речевого поведения.

Изменения в социальной жизни как правило находят непосредственное отражение в языке: его лексический состав расширяется и модифицируется параллельно с развитием материальной и духовной культуры. Отражение социальных новаций в языке, хотя и происходит, во одной из гипотез, со значительным запаздыванием, тем не менее, достаточно заметно даже на уровне бытового словоупотребления, тем более в условиях ускорения технического прогресса. В связи с этим встает вопрос о возможности воздействия на направление и характер социальных изменений путем лингвистического планирования.

2. Язык и история общества

Различают внутренние и внешние причины развития языка. Внутренние причины развития языка достаточно всесторонне охарактеризованы Б. А. Серебренниковым. Среди них:

а) приспособление языкового механизма к физиологическим особенностям человеческого организма. Например, тенденция к облегчению произношения, тенденция к унификации грамматических форм слов, тенденция к экономии языковых средств;

б) необходимость в улучшении языкового механизма. Например, в процессе развития языка в нем устраняются избыточные средства выражения или средства, утратившие свою функцию;

в) необходимость сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности;

г) разрешение внутренних противоречий в языке.

На развитие языка влияют также и внешние факторы, выделяемые Б. Н. Головинным, Ф. М. Березиным. Они прежде всего связаны с развитием общества. Воздействие общества на функционирование языков и их диалектов является важнейшим стимулом их развития.

Выделяют две разновидности взаимодействия языков: дифференциацию и интеграцию. **Дифференциация** — расхождение языков и диалектов, обусловленное расселением народов на обширные территории. **Интеграция** — схождение разных языков, вызванное консолидацией общества. Выделяют три вида интеграции: сосуществование, смешение и скрещивание языков.

Сосуществование — это длительное и устойчивое взаимовлияние смежных языков, в результате которого развиваются некоторые устойчивые общие черты в их структуре, что служит основанием для объединения языков в языковые союзы. Большую роль на судьбы языков играют социальные и культурные контакты народов. Некоторые из них обуславливаются миграцией и войнами. Чаше всего результатом этого является **скрещивание** — наложение двух языков, при котором один язык растворяется в другом. Как правило, это результат этнического смешения. Переход от одного языка к другому обычно сопровождается двуязычием.

В результате смешения возникает несколько типов языковых наслоений. Для их обозначения в 1930-е гг. были введены понятия суперстрата (Ф. фон Вартбург), адстрата (М. Фалькхоф) и субсубстрата (К. Мерло), а в 1960-е гг. появились понятия интерстрата (М. И. Занд), инстрата (М. А. Бородина) и перстрата (В. Фенкер).

Суперстрат (лат. префикс *super* — 'над', 'сверху'; *stratum* — 'слой, пласт') — элементы языка победителя, наслаивающиеся на язык коренного населения и растворяющиеся в нем с течением времени. Термин **суперстрат** предложил В. Вартбург на конгрессе романистов в Риме в 1932 г. Суперстрат не приводит к утрате языка, однако его влияние на развитие языка может быть очень значительным. Например, славянский суперстрат ощущается на всех уровнях молдавского языка (лексике, фонетике, морфологии). Ср. существительные: *тата* → *татаэ* (отец), *невеста* → *невестэ*, *сковорода* → *сковардэ*, *плуг* → *плуг*, *болото* → *балтэ*, *разбой* → *рэзбой* (война).

приятный → *приетен* (друг), насыпать → *нисип* (песок), князь → *княз*, поп → *попэ*, боб → *боб*, тайна → *тайнэ*, боярин → *бойер*, тебѣда → *тебудэ*, сусыня → *сыскэ* и т. д. Глаголы: надеяться → *а нэ-дждэчи*, читать → *а чити*, любить → *а юби*, платить → *а плэти* и т. д. Суперстрат — совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных населением. Суперстрат выявляется в фонетике, где оба вида языкового влияния трудно ограничить от языкового заимствования. Во французском языке наряду с другими германскими элементами сохранилось франкское¹ название страны: слово *France* — суперстрат. Во франкском языке — *frankono richi*, *Frankenreich*, *Frankreich* 'империя франков'. Различают два вида суперстрата. 1. Язык пришельцев, усвоенный в большей или меньшей мере языком местного населения (примером тому может служить латинский язык — суперстрат французского, итальянского, испанского, португальского языков; немецкий язык — суперстрат чешского или язык норманнов — суперстрат английского (вторжение норманнов в Англию произошло в XI в.)). 2. Язык пришельцев, оставивший свои «следы» в языке местного населения (примером этому виду суперстрата служат название немецкого города Кёльн от лат. *Colonia*; личные имена *Игорь*, *Олег*, *Ольга*, оставшиеся в русском языке от варягов; тюркизмы в русском языке от времени татаро-монгольского нашествия. Например: *артель*, *чулан*, *амбар*, *барабан*, *бахрома*, *бахча*, *бугор*, *буланый*, *войлок*, *каблук*, *кайма*, *лапша*, *палач*, *саранча*, *сундук*, *чалый*, *чемодан*, *чердак*, *каракуль*, *шитаны*, *айва*, *лиман*, *аркан*, *нефть*, *балаган*, *беркут*, *домра*, *изюм*, *кавардак*, *караван*, *карга*, *кинжал*, *очаг*, *сазан*, *сарай*, *севрюга*, *табун*, *туман*, *утюг*, *халат*, *чугун*, *шайка*, *шалаш*, *баклажан*, *башка*, *кабан*, *кадык*, *камыш*, *карандаш*, *тормоз*, *буран*, *ералаш*, *лаваш*, *айда*, *алыча*, *балбес*, *карануз*, *кобура*, *хурма*, *тахта*.

Субстрат (от лат. *sub* 'под' и *stratum* 'слой, пласт') — элементы языка побежденного народа в языке пришельцев. Кстати, букв. лат. *substratum* — 'подостланное'. Иными словами, субстрат — это след языка коренного населения в чужом языке, образовавшийся при пере-

¹ Германоязычное племя франков жило в III в. в бассейне реки Рейн. На рубеже V-VI вв. завоевало Галлию и образовало Франкское государство, но при этом перешло на язык местного населения — галло-романский.

ада коренного населения со своего языка на язык пришельцев. Явления субстрата способны проявляться на любом языковом уровне: от фонетики до лексики либо в виде вошедших в язык единиц и категорий, либо в виде специфических процессов исторических изменений в системе языка победителя, стимулированных диахроническими законами побежденного языка. Так, влиянием галльского субстрата и германского суперстрата объясняют некоторые особенности звукового и грамматического строя французского языка. Например: 1) во французском языке используется десятичный принцип счета, но в нем имеются элементы галльского двадцатеричного счета. Это числительные типа *quatre-vingt* '80', т. е. '4 × 20', или ст.-франц. *six-vingt* '120', т. е. '6 × 20'; 2) испанский язык возник на основе народной латыни, но латинский [f] изменился в испанском на [h] под влиянием иберийского субстрата, а во французской фонетике имеется галльский субстрат — латинский [u] во французском изменился под влиянием галльского в [o]. Это — галльский субстрат современного французского языка. Примерами субстрата могут служить и славянские топонимы в немецком языке Австрии (*Graz* ← *gradъсь*) и Венгрии (*Pest, Budapest*). Это происходит в результате завоевания, этнического поглощения, культурного преобладания и т. д. При этом, хотя местная языковая традиция обрывается, некоторым изменениям подвергается и язык пришельцев: в нем проявляются черты языка аборигенного населения. В свою очередь французский язык норманнов послужил таким суперстратом для англосаксонского, дакийский язык — субстратом румынского языка. Для латинского языка суперстратом выступают языки германских племен, захватывавших Западную Римскую империю. Эти языки, как известно, уступили латыни.

В целом, явление субстрата — обратное суперстрату. Если для субстрата сохраняемые элементы языка-подосновы являются реликтовыми (пережиточными), то в составе насаждающегося языка-победителя они рассматриваются как благоприобретенные. Воздействие субстрата, нарушающего в той или иной мере действие внутренних закономерностей развития языка, распространяется на все уровни языковой структуры.

Адстрат (от лат. *ad-* 'к, у, при') — сосуществование и соприкосновение языков (обычно в пограничных районах). В таком случае происходит взаимовлияние языков. Например: татарский адстрат в чувашском, марийском, удмуртском языках или турецкий адстрат в

балканских языках. Адстрат — это совокупность черт, объясняемых как результат влияния языка на другой в условиях длительного существования и контактов народов, говорящих на этих языках. Адстрат — нейтральный тип языкового взаимодействия, когда один язык, находившийся в длительном контакте с другим языком, оставивший в нем следы, не растворяется в нем, а продолжает существовать и самостоятельно развиваться и после прекращения связей. По отношению к латыни, это древнегреческий язык и арабский языки. Адстратные явления образуют прослойку между двумя самостоятельными языками. Примером адстрата может быть скандинавское влияние на английский язык в IX–XI вв. Иногда термин *адстрат* применяют для обозначения смешанного билингвизма. В таком случае языком-адстратом является язык, усваиваемый другим народом как второй при условии территориального соседства населения. Ср. белорусско-литовские, польско-литовские языковые отношения в период Средневековья.

Позже в теорию языковых контактов вводятся понятия «инстрат» и «перстрат». Первым термином обозначают случаи территориального и географического контакта двух языков, когда территория одного народа включает в себя клинья и островки другого. Например: курдский инстрат в Армении, Азербайджане и Туркмении. Инстратом является также узбекско-таджикское и латышско-русское языковое взаимопроникновение. Вторым (*перстратом*) называют результаты взаимодействия языков в сфере духовной культуры и науки. В литературных языках Европы перстратом является древнегреческий язык, так как в результате христианизации Руси по византийскому образцу в русском языке появились перстратные старославянизмы-грецизмы: *апостол, икона, лампада, монах, пасха, грамота* и др.

Длительные контакты соседних этнических и языковых групп, живущих в схожих географических, климатических, социально-экономических и бытовых условиях, приводят к формированию *языковых союзов*. Возникают они в результате речевого взаимодействия, в ходе диалогического общения хозяйственно-бытовой сферы. Языковой союз образуется путем сближения входящих в него родственных и неродственных языков и диалектов. Их объединяет общность хозяйственно-бытовой лексики, синтаксических конструкций, характерными особенностями морфологии и фонетики. Наиболее известен в Европе балканский языковой союз. Он включает в себя бол-

гарский, румынский, албанский и греческий языки. В него входят также и южные говоры сербского и хорватского языков. Общие для языков этого ареала черты (балканизмы) никакого отношения не имеют к происхождению этих языков от одного праязыка. Они — продукт языковых контактов в форме непосредственного устного общения.

Последствия языковых контактов весьма разнообразны и могут быть значительными. В одних случаях они приводят к различного рода заимствованиям, в других — к конвергентному развитию взаимодействующих языков, в третьих — к образованию вспомогательных «общих» языков, в четвертых — к языковой ассимиляции. Изучение языковых контактов способствует проникновению в сущность организации языковой системы.

* * *

Разные стратегии взаимоотношения языка и общества приводят к возникновению разных языковых ситуаций. Точнее, функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества и формируют языковую ситуацию, характерную для этого сообщества.

Под *языковой ситуацией* понимается совокупность форм существования языка (языков, региональных койне, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения людей в рамках определенной этнической общности или административно-территориального объединения.

Выделяются два типа языковых ситуаций: (а) экzogлоссный тип — совокупность различных языков, и (б) эндоглоссный тип — совокупность подсистем одного языка. Экzogлоссные и эндоглоссные ситуации подразделяются на сбалансированные, если их компоненты функционально равнозначны, и несбалансированные, если их компоненты распределены по различным сферам общения и социальным группам.

Понятие «языковая ситуация» применяется обычно к большим языковым сообществам — странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация — это состояние социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования. Например, на Украине, где социально-коммуникативная система включает в качестве главных компонен-

тов украинский и русский языки (помимо них есть и другие: белорусский, болгарский, венгерский, чешский и некоторые другие), до распада СССР наблюдалось относительное динамичное равновесие между этими языками. Существовали школы и с украинским, и с русским языком обучения. В области науки и высшего образования использовались оба языка. Каждый из них располагал «своей» сферой применения: естественные и технические науки — преимущественно на русском языке, гуманитарные — преимущественно на украинском. В быту выбор языка общения определялся самими говорящими, типом адресата, характером ситуации общения и т. п. В 1990-е годы функции украинского языка расширяются в сфере среднего и высшего образования, науки, культуры. Области применения русского языка в бытовом общении также сужаются. Эти перемены — несомненное свидетельство изменения языковой ситуации, в то время как состав социально-коммуникативной системы, обслуживавшей украинское языковое общество, остается прежним.

Иерархичность языковой ситуации состоит в неравной функциональной нагрузке используемых языковых образований или форм их существования: язык общегосударственного общения или литературный язык обслуживают большее число сфер общения, чем соответственно язык национального меньшинства или территориальный диалект. Языковая ситуация в целом и функциональная нагрузка ее компонентов зависят от того положения в обществе, которое занимает говорящий на них этнос. Колонизаторы (национальное меньшинство) в колониальных странах господствовали, как известно, во всех областях жизни, и их язык в функциональном плане доминировал над автохтонными (местными) языками. В ходе общественного развития, особенно при кардинальных социально-политических переменах, положение этих общностей меняется. Появляется необходимость привести в соответствие новый статус языка с его изменившимися функциями. При этом встает проблема выбора того или иного языка для тех или иных коммуникативных целей. Эта проблема относится к компетенции языковой политики.

Языковая политика — это совокупность мер, принимаемых (государством, партией, классом, общественной группировкой) для изменения или хранения языковой ситуации, т. е. существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или закрепления старых языковых норм.

Предметом языковой политики являются также процессы нормирования, кодификации литературной нормы, сознательная слово- и терминовороческая деятельность. Члены этноса, в котором функционирует несколько языков, вынуждены, кроме родного, овладевать другим языком или другой формой существования языка. Они становятся *билингвами* либо используют так называемую *диглоссию*. Вообще, нужно отметить, что социальные аспекты билингвизма и диглоссии являются одной из важных социалингвистических проблем. Билингвизм и диглоссия обычно характеризуются функциональным распределением языков, отражающим конкретную языковую ситуацию. Поскольку языки при билингвизме и диглоссии функционально распределены, люди используют каждый из них для разных коммуникативных целей и в разных ситуациях общения.

В условиях билингвизма (двухязычия) два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного сообщества, использующего эти языки в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. В условиях диглоссии наблюдаются сходные отношения между разными формами существования одного языка (литературным языком, койне, диалектами). Социалингвистика изучает также использование языка в коммуникативных целях, и в частности речевое поведение как процесс выбора оптимального варианта для построения социально корректного высказывания.

В повседневной жизни происходит выбор языкового образования и на индивидуальном уровне, получившем название «речевое поведение», которое определяется как процесс выбора варианта для построения социально корректного высказывания. В связи с этим социалингвистика пытается выявить сам механизм отбора социально значимых вариантов, установить критерии, лежащие в основе выбора. Конечной целью социалингвистического анализа является выявление социальных норм, детерминирующих речевое поведение.

Речевое поведение меняется в зависимости от условий осуществления коммуникативного акта. Определяется оно статусом коммуникантов, заданным их социальной принадлежностью или социальной ролью; темой и ситуацией (общения), правилами использования вариантов разных уровней (разных языков, подсистем одного языка, вариантов языковых единиц), заложенных в индивидуальных речевых наборах у билингва или диглоссного индивида. Речевое поведение зависит также от смены каналов (переход от устного общения к

письменному, и наоборот), кодов (языковых и паралингвистических), жанров сообщений и т. д. Кроме того, предметом социолингвистики является обширный круг проблем, связанных с активной ролью языка в жизни общества. Так, рассматривая национальный язык, социолингвистика заостряет внимание на том, что возникает он вместе с нацией. В данном ключе дается определение: национальный язык — социально-историческая категория, возникающая в условиях экономической и политической концентрации, характеризующей формирование наций. При этом социолингвист непременно обратит внимание на то, что он становится важным фактором дальнейшей консолидации нации. Иными словами, задача социолингвистики состоит не только в исследовании отражения в языке различных социальных явлений и процессов, но и в изучении роли языка среди социальных факторов, обуславливающих функционирование и эволюцию общества. Обычно изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и т. п., — все это может так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов — кодов и субкодов.

3. Языковой код и субкоды языка

Языковой код. Каждое языковое сообщество пользуется определенными средствами общения — языками, их диалектами, жаргонами, стилистическими разновидностями языка. Любое такое средство общения можно назвать кодом. В самом общем смысле код — это средство коммуникации: естественный язык (русский, английский, сомали и т. п.), искусственный язык типа эсперанто или типа современных машинных языков, азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и др. В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне и под.

Наряду с термином *код* употребляется термин *субкод*. Он обозначает разновидность, подсистему некоего общего кода, коммуникативное средство меньшего объема, более узкой сферы использования и меньшего набора функций, чем код. Например, такие разновидности современного русского национального языка, как литера-

турный язык, территориальный диалект, городское просторечие, социальный жаргон. Это субкоды, или подсистемы единого кода (русского национального языка). Субкод, или подсистема, также может члениться на разновидности и тем самым включать в свой состав коды (подсистемы) более низкого уровня. Например, русский литературный язык, сам являющийся субкодом по отношению к национальному языку, членится на две разновидности — кодифицированный язык и разговорный язык. Каждая обладает определенной самостоятельностью и различается по функциям. Кодифицированный язык используется в книжно-письменных формах речи, а разговорный — в устных, обиходно-бытовых формах. В свою очередь кодифицированный литературный язык включает в себя разные стили, а стили реализуются в разнообразных речевых жанрах. Некое подобие такой дифференциации есть и в разговорном языке.

Считается, что коды (языки) и субкоды (диалекты, стили), составляющие социально-коммуникативную систему, функционально распределены. Что это значит? Это значит, что один и тот же контингент людей, владея общим набором языковых средств, использует их в зависимости от обстановки и ситуации общения. Так, эмигранты чаще всего дома, в семье говорят на родном языке, а за его пределами (на службе, с соседями) — на языке окружающих. Люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, — билингвы — обычно «распределяют» их использование в зависимости от условий общения. Иными словами, им приходится переключаться с одного кода на другой. Подобное происходит с монолингвами. Ученые, например, в своей научной деятельности пользуются средствами научного стиля речи, а в административной переписке или делопроизводстве те же люди обращаются к средствам официально-делового стиля. В таком случае индивидuum переключается с одного субкода на другой.

Таким образом, каждый из кодов (языков) подразделяется на субкоды: диалекты, жаргоны, стили. *Диалект* (от греч. διάλεκτος 'говор') — локальная или региональная форма языка, отличающаяся от других его территориальных вариантов. Наряду с территориальными диалектами существуют диалекты социальные. *Социальный диалект* — язык определенных социальных групп. Такой язык отличается от литературного *только лексикой*. Это значит, что социальные диалекты не имеют особой грамматики. Пользователи социальных диалектов выстраивают высказывания по правилам грамматики ли-

тературного языка. Прежде всего, к социальным диалектам следует отнести: (а) профессиональные языки (охотников, сапожников, рыбаков) и (б) корпоративные, или групповые жаргоны (студентов, солдат и др.). К ним близок **арго** (франц. *argot*) — тоже особый язык ограниченной профессиональной или социальной группы (охотников, рыбаков, военных). Употребляется такой язык в конспиративных целях, с целью сокрытия смыслового содержания. Не случайно словом *арго* первоначально называли воровской язык. Арго обладает специфической или своеобразно освоенной общеупотребительной лексикой. В современной социолингвистике арго — это язык определенной социальной группы, который создают (а) с целью языкового обособления и (б) для того, чтобы отличать тех, кто принадлежит к данной группе, от чужаков.

Жаргон (от франц. *jargon* 'неправильный') — язык некоторой социальной или профессиональной группы, отличающийся от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией. Таковым является, например, биржевой жаргон.

* * *

В результате языкового смещения возникают межплеменные **пиджины** (языки-пиджины) и аборигенные **креоли**, или креольские языки. Пиджин (англ. *pidgin* 'упрощение'; название происходит от искаженного на китайский манер английского слова *business* 'дело') — общее наименование языков, возникающих в ходе межэтнических контактов при острой необходимости достичь взаимопонимания. Используется пиджин как средство межэтнического общения в среде разноязычного населения. При образовании пиджина, как правило, контактируют три языка и более. Обычно, если в контакте находятся два языка, пиджин использует лексику одного языка, а грамматику — другого. В результате такого контакта возникает язык с радикально упрощенной грамматикой и сокращенным словарем (до 1500 слов и меньше), который ни для кого из говорящих не является родным. Такого рода упрощенные формы языков появляются в таких ситуациях, когда возникает временная необходимость общения между людьми, не владеющими общим языком. Распространены они главным образом в Юго-Восточной Азии, Океании и Африке. Развиваются пиджины на основе одного языка (путем упрощения его структуры) или разных неродственных или родственных языков (например,

путем смешивания европейских и местных языков). Насчитывается около 50 пиджинов и пиджинизированных форм языков. Чаще всего пиджины устаревают или выходят из употребления. Однако когда пиджин достигает уровня родного языка, он превращается в креол.

Креольские языки (креоли) — это языки, формирующиеся в результате развития пиджинов. Иногда пиджин может стать единственным языком сообщества, члены которого достаточно тесно связаны между собой, и начать использоваться во всех видах общения (а не только, например, в торговом), в том числе внутри семьи. В результате для нового поколения такой пиджин становится родным, а часто и единственным языком. Этот процесс называется *нативизацией*, или *креолизацией пиджина*, а новая ступень развития контактного языка — креолом. Термин *креол* восходит к возникшему в Бразилии португальскому выражению *crioulo*, первоначально обозначавшему африканского раба, родившегося в Америке. Иногда также креольские языки называют «крестьянскими».

В настоящее время в мире насчитывается свыше 60 креольских языков, что превосходит число существующих пиджинов (в названии креольского языка может в той или иной форме присутствовать слово *пиджин*, отражая предшествующее положение дел). Наиболее известные группы родственных креольских языков расположены по обоим берегам Атлантического океана. Здесь возникали пиджины на испанской, португальской, голландской, французской, английской основе. К ним восходит более 30 современных креольских языков Вест-Индии, Южной Америки, западного побережья Африки. Ярким примером испанского креоли может служить тагало-испанский креоль — вариант испанского языка на Филиппинах, который возник в результате колонизации архипелага во второй половине XVI в. На уровне разговорной речи он смешался с местными языками и говорами, образовав подобие креолизованного тагало-испанского языка. На португальской основе возникли португальско-африканские креоли. Это, прежде всего, креольские языки островов Зеленого Мыса, Сан-Томе, Принсипи (у Атлантического побережья Африки). Креоли, основанные на французском языке, используются на Гаити, в Маврикии, в отделенных океаном французских департаментах Гваделупе, Мартинике, Реюньоне и Гвиане, а также в Доминике и Санта-Люции. В практически исчезающем состоянии они также существуют на некоторых Карибских островах и на юго-западе Луизианы. Выделяют **гаитянский французский креоль**, **маврикийский французский креоль**, **сейшельский французский креоль**.

На базе английского языка на атлантическом побережье возникли так называемые **пиджин-инглиши**. Примером служат гамбийский креоль или

камерунский и нигерийский пиджин-инглиши. В Карибском бассейне креольские языки, восходящие к пиджинам английских колоний, мало отличаются друг от друга. С другой стороны, на некоторых островах этого региона возникли совсем другие креольские языки — восходящие к пиджинам французских колоний (например, гантянский креольский, признанный государственным языком Ганти). На испанской основе возник креольский язык папьяменто, распространенный на Кюрасао. Есть креольские языки и в других частях света. Иногда креолы образуются путем «двойного смешения». Так в джунглях Суринама на рубеже XVII–XVIII веков креолизировался язык беглых рабов. Большинство из них прибыло в Суринам с опытом общения на английском пиджине, а на плантациях осваивало местный португальский креол, который был родным языком меньшинства «лесных негров». В результате конвергенции возник новый креол (с одной частью единиц португальского происхождения и двумя английского).

Адекватное представление о сущности креольского языка может дать Ток Писин (Tok Pisin) — государственный язык Папуа-Новой Гвинеи. Этот креольский язык является одним из официальных языков этой страны. Лексика Ток Писин является индоевропейской на 5/6 и австронезийской на 1/6. Английская лексика «положена» на «меланезийскую» или «китайскую» грамматику. Объясняется это тем, что Ток Писин восходит к сложившемуся к середине XIX в. в южной части Тихого океана английскому пиджину *бичламар* (*бислама*). Процесс его медленной креолизации начался при доминировании английского языка. Однако в начале XX в. ток-писин уже перешел на стадию расширенного пиджина. На этом этапе началась фонетическая и семантическая «подстройка» ток-писина под английскую лингвосистему. Грамматика сильно упрощена, но ближе к австронезийской. Глагол, например, имеет только один суффикс, *-im*, показывающий транзитивность (*luk* — 'смотреть', *lukim* — 'видеть'). Некоторые глаголы, например *kaikai* ('есть') могут быть транзитивными и без него. Время обозначается словами *bai* (будущее), *bin* (прошедшее), *stap* (настоящее длительное). Существительное не имеет категории числа. Прилагательные могут образовываться из существительных прибавлением суффикса *-pela*. Местоимения имеют категории лица, числа и инклюзивности.

Лексика и грамматика ток-писина заметно отличается в различных частях Папуа-Новой Гвинеи. Особый тип образуют американские (европейско-индейские) креолы. Представление о них дает, например, чинукский жаргон — язык тихоокеанского побережья Северной Америки. Возник он, с одной стороны, на основе английского и французского языков, а с другой — с использованием индейских языков чинук и нутка. В конечном итоге, пиджины и креольские языки весьма похожи на все прочие языки, но существенно от них отличаются: они располагают упрощенной грамматикой.

4. Перспективы развития социолингвистики

Перспективы развития социолингвистики всесторонне определены Л. П. Крысиным. В качестве наиболее актуальных называются две проблемы: а) проблема языковой интеграции и б) проблема языкового строительства. Для социолингвистики США перспективными являются вопросы, связанные (а) с Black English, его соотношением со стандартным American English, (б) с обучением мигрантов литературным формам английского языка, (в) с процессами *языковой интеграции* латиноамериканцев, родными языками которых чаще всего являются испанский или португальский языки. Вопросы языковой адаптации в последние десятилетия обостряются также и в Европе. В большинстве стран Африки на первом плане по значимости стоят вопросы *языкового строительства*: выбор языка или диалекта, который мог бы претендовать на статус государственного языка (или языка межнационального общения), разработка письменностей, функциональное и ситуативное соотношение разных языков и диалектов и т. п.

Традиционно сходными проблемами озадачена и отечественная социолингвистика. Практический смысл имеет ответ на вопрос о том, в какой степени языковыми средствами можно влиять на развитие общества, на формирование его особенностей. Вопросы взаимовлияния языка и общества в реальных жизненных условиях представляют интерес для социологии, *поскольку снабжает* ее сведениями, необходимыми для адекватного *осмысления*:

- специфики *общественных изменений*;
- *социального поведения* тех или иных общностей и отдельных индивидуумов:
- *эффективного распределения* социальных ролей и значения социальных статусов.

Итак, язык как *социальный феномен* возникает на основе *социальной деятельности* людей, в ней реализуется и функционирует. Поэтому разработку новых лингвистических теорий желательно начинать с *осмысления* механизма порождения языка данной социальной деятельностью. Это важное обстоятельство может стать достаточно эффективным принципом будущих социолингвистических исследований, *поскольку сама природа* языка побуждает изучать все уровни *языка* именно через призму социальной деятельности чело-

века — основного компонента культурно-антропологической методологии современной социалингвистики.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

- Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социалингвистики. Л.: Наука, 1975.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социалингвистика и социология языка: Учеб. пособ. М.: Гуманитарная академия, 2004.
- Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. М., 1977.
- Крысин Л.П., Беликов В.И. Социалингвистика. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Никольский Л.Б. Введение в социалингвистику. М.: Высш. школа, 1978.
- Швейцер А.Д. Современная социалингвистика. Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1977.

Дополнительная

- Бези Р.Т. Социалингвистика. Цели, методы и проблемы / Пер. с англ. М.: Международ. отношения, 1980.
- Никольский Л.Б. Синхронная социалингвистика. М.: Наука, 1976.
- Новое в лингвистике. Вып. 7: Социалингвистика. М.: Прогресс, 1975.
- Принципы и методы социалингвистических исследований. М.: Наука, 1989.
- Проблемы языковой политики в странах Тропической Африки. М.: Наука, 1977.
- Теоретические проблемы социальной лингвистики / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М.: Наука, 1981.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социалингвистику. М.: Высш. школа, 1978.
- Языковая политика в афро-азиатских странах. М.: Наука, 1977.
- Социалингвистика вчера и сегодня: Антология / Ред. Н. Трошина, А. Кузнецов. М.: ИНИОН РАН. Сер. Теория и история языкознания. 2008.

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

1. Понятие системы и структуры языка. 2. Понятие языкового уровня

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Принято считать, что осмысление системно-структурной организации языка — достояние лингвистики XX века. На самом же деле идея системности языка вызревала многие столетия, хотя в древнеисторическую эпоху грамматические построения, разумеется, не могли быть последовательно системными. Конечно же, в трактатах того времени не могло использоваться само понятие системы. В древние века его просто не существовало. Однако в скрытой форме идея системности присутствовала уже в древнеграмматических учениях.

Первые представления о системной организации языка изложены в трудах Аристотеля. В работах «Категории», «Об истолковании», «Толкиа» мыслителем изложена целостная логико-языковая концепция, основанная на закономерных связях понятий-слов (их называли «слогосами»), разбитых на категории. Такое убеждение вело к анализу различных типов высказываний-суждений и их связей.

Можно сказать, что древнеграмматические построения были стихийно (интуитивно) системными. Дело в том, что в описательных теориях грамматического строя языка они так или иначе отражали его внутреннюю системную организацию. Интуитивно-системными были грамматические построения не только у древних греков (взгляды Аристотеля, стоиков, александрийских грамматистов), но и у древних индийцев (Панини), ученых эпохи Ренессанса («рациональная» грамматика Пор-Рояля).

В эпоху становления сравнительно-исторического языкознания стало возможным более глубокое проникновение в природу языка и его системную организацию.

Однако, сконцентрировавшись на эволюции отдельных языковых явлений (звуков, слов, флексий), сравнительно-историческое языкознание, увлекаясь «атомистическим» анализом, теряло перспективу закономерных связей между языковыми элементами, отдалялось от интуитивно-системного подхода к языку, характерного для ранних грамматических учений.

К концу XIX в. неудовлетворенность атомистическим подходом к языку достигает апогея. Возникает новая концепция языка, предполагающая раскрытие сущностных свойств языковых единиц как элементов целостного образования — системы языка. Для этого важно было сосредоточиться на выявлении их закономерных связей и взаимозависимостей, которые, собственно, и создают систему языка.

Первые камни в методологический фундамент современной концепции языка как системы были заложены только в XIX в. — в философии языка, разрабатываемой Ф. фон Гумбольдтом. Правда, свое понимание системности языка ученый излагал метафорически, сравнивая язык с живым организмом. Разумеется, термин *живой организм* ученый употреблял не в биологическом, а в философском смысле, пытаясь противопоставить свою концепцию механистической теории языка. В представлении В. фон Гумбольдта, язык не мертвый механизм, не механическое соединение отдельных знаков, а связанная система, которая в ходе исторического использования изменяется и развивается. Именно с и с т е м н о с т ь ю языка через его непрерывное воспроизведение обеспечивается его стабильность. Вследствие таких рассуждений В. фон Гумбольдт заключает: язык — не простая совокупность знаков, а стройная знаковая система. Эта мысль В. фон Гумбольдта является для современной лингвистики основополагающей. Можно предположить, что аналогично истолковывал язык и А. Шлейхер. Уподобляя язык живому организму, ученый тем самым выражал свое понимание языка как естественно возникшей структуры, постоянно развивающейся по своим внутренним законам. За Шлейхером типологическую классификацию языков разрабатывает Г. Штейнталь, который прямо говорит о целостности и закономерной организации их лексического, фонологического и морфологического строя, подчеркивая его своеобразие в разных языках.

Более явно (на материале грамматики) идея системности языка воплощается К. Беккером и Ф. И. Буслаевым. Попытка К. Беккера создать целостную систему сравнительной грамматики на основе универсальной логики, как известно, не удалась, хотя благодаря его подходу, по мнению Ф. И. Буслаева, была правильно определена система частей речи и членов предложения. Синтаксическая же система самого Ф. И. Буслаева надолго определила стратегию школьного построения и изучения синтаксиса русского языка. Особенно плодотворно идеи В. фон Гумбольдта развивались харьковским лингвистом-философом А. А. Потебней. Системность его концепции проявляется в строгом разграничении реального языкового явления и языковых средств его выражения. По убеждениям ученого, предмет, качество, действия, отношения и связи даны в языке не автономно одно от другого, а в целостном единстве, хотя наше языковое сознание представляет их аналитически (расчленено) «как составляющие цельной мысли». Отсюда ученым делается вывод: лингвист обязан собрать воедино результаты изучения собственного языкового анализа и, отражая *реальные связи и отношения*, представить их в некой *целостности*. Сам А. А. Потебня, подвергая анализу любое частное языковое явление, рассматривал его как форму или функцию *единой языковой системы*, не опускаясь до схематического анализа частности.

Новая концепция системности языка была разработана европейскими учеными: в конце XIX в. польско-русским лингвистом И. А. Бодуэном де Куртэнэ и швейцарским ученым Фердинандом де Соссюром (1920-е гг.). Возникли две доктрины языковой системности. В рамках первой понима-

ние системности языка мирно уживалась с синхронно-диахроническими представлениями о его развитии и функционировании. Принималось в качестве основополагающего следующее положение: хотя язык непрерывно меняется, развивается и совершенствуется, на каждом временном срезе он остается целостной системой взаимосвязанных единиц. Такое понимание синхронной системы языка следует отличать от диахронических явлений, связанных с его эволюцией и относящихся к разным периодам языкового развития. Как утверждает М. Я. Блох, история языка — это последовательное изменение единиц синхронной системы языка, не вызывающее разрушения системы как таковой ни на одном этапе ее существования. Последствия такого разрушения были бы катастрофическими: невозможно было бы само общение людей ни в пределах одной эпохи, ни тем более продуктов языковой деятельности, созданных в более ранние периоды истории народа. Было бы невозможным полноценное понимание современными англичанами гениальных творений В. Шекспира; русскими — чарующих текстов А. С. Пушкина; украинцами — волнующих душу произведений Т. Шевченко.

Последовательное понимание системности языка позволило И. А. Бодуэну де Куртене задать исключительно важный для современного языкознания вектор изучения языка как *системы систем*. Определяя сущность каждой подсистемы языка, он, прежде всего, исходил из характера соотношения между единицами разных языковых ярусов. Так, фонологический ярус им рассматривался в составе и взаимодействии с другими элементами языка, какими являются морфемы в сопряжении с их семасиологическими и морфологическими представлениями. И, пожалуй, самое главное: (1) при интерпретации языковой структуры и системы языка ученые Казанской лингвистической школы исходили из объективного существования языка; (2) они обосновали необходимость изучения языковых систем и подсистем; (3) дали им верные определения и установили соотношения между ними на разных уровнях языка, начиная от фонемного, рассматриваемого во взаимодействии с другими живыми элементами языка (морфемы с их семасиологическими и морфологическими представлениями); (4) определили основные «атомы» (единицы) языковой системы: фонемы, морфемы, грамматические единицы и т. д.

В целом ученые Казанской лингвистической школы во многих областях науки о языке были оригинальными мыслителями. Они определили многие векторы системного языкознания XX века. Весомый вклад в концепцию системности языка внесли ученые Московской формально-грамматической школы Ф. Ф. Фортунатова. Согласно их убеждениям, форма той или иной грамматической категории определяется занимаемым ею местом среди других категорий языка, что, собственно, и получило название грамматической системности. В целом, грамматика определяется ими как система грамматических форм языка. Любая грамматическая категория существует в языке до тех пор, пока она образует систему, т. е. до тех пор, пока она внутренне противопоставлена другим категориям. Ф. Ф. Фортунатов и его единомыш-

ленники вели речь, главным образом, о системной организации различных грамматических категорий (системе форм слова, системе падежей, системе склонения имен и системе спряжения глагола).

Неограмматики пытались также систематизировать и сами разделы языкознания. В нем они начали выделять в самостоятельные дисциплины отдельные области языкознания: словообразование, фонологию, прикладное языкознание, методику преподавания языков и др. Конечно, известные непоследовательности и даже противоречия в высказываниях неограмматиков о системности языка найти несложно. Однако здесь важно другое: своими трудами они приближали создание системной доктрины языка, а имеющиеся в их рассуждениях противоречия объяснялись общим уровнем развития науки во второй половине XIX в. Знаковым было появление в 1880-х гг. труда немецкого языковеда Габеленца под названием «Система языкознания».

Согласно второй доктрине, разработанной Ф. де Соссюром, системные свойства приписывались только синхроническому состоянию языка. Его теория теснейшим образом связана с разграничением языка и речи, что, в свою очередь, подчинялось методологически архиважной задаче — обосновать предмет лингвистики. Им, по убеждению ученого, должен стать как раз язык как система знаков. Язык, в его понимании, «есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента протекает только от одновременного наличия других». Иными словами, система — это не просто множество единиц, а совокупность определенным образом связанных между собой элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом. По словам ученого, «весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых». Поэтому, с одной стороны, «в языке нет ничего, кроме различий», а с другой — «образующая язык совокупность звуковых и смысловых различий является результатом двоякого рода сближений — ассоциативных и синтагматических».

Следует помнить, что именно Ф. де Соссюр впервые выделил синтагматические и ассоциативные отношения (последние теперь называют парадигматическими). Это те категории, без которых не обходится ни одно современное лингвистическое исследование. Идея Ф. де Соссюра о системности языка стали базовыми для разных структуральных школ: датской глоссематики, американского дескриптивизма и пражского функционализма. Каждая из этих школ внесла определенный вклад в понимание языковой структуры.

1. Датский структурализм, называемый еще «глоссематикой», опирался на логистическую теорию языка Р. Карнапа. Эта теория и определила характер концепции, разработанной основателем глоссематики, копенгагенским профессором Луи Ельмслевым. Языковая структура рассматривается как явление чистой формы и чистых отношений. Отсюда делается вывод, что каждое суждение о языковом явлении должно основываться на выявленных между языковыми элементами отношениях, а не на понимании

нии *сущности* самых элементов, входящих в эти отношения. Конструктивистские структуралисты, выявляя отношения между языковыми единицами, стремились создать точное описание языка. В результате ими и была создана глоссематика, по их словам, — «алгебра языка, оперирующая неопределенными единицами». В этом же направлении работали и В. Брендалль, пытавшийся построить общую (логическую) грамматику.

2. Американские дескриптивисты наиболее значительных результатов добились в области дистрибутивного описания фонологической системы, включающего описание супraseгментных (просодических) явлений — ударения и тона. Заметными стали успехи дескриптивистов и в области описания морфологических систем, учитывающих сопряжение сегментных единиц (морфем) и супraseгментных явлений (чередования фонем, ударение, интонации и др.). Дескриптивная лингвистика содала структурный синтаксис и разработала для его нужд метод синтаксического анализа по непосредственно составляющим. Его цель — установить иерархические отношения между синтаксическими конструкциями внутри предложения. Подобное деление синтаксических сочетаний, основанное на установлении определенной иерархии языковых структур и последовательно проводимом в соответствии с этой иерархией дроблением исследуемого отрезка на всё более мелкие единицы, выявляет действующие в языке нормы соединения слов и соответствует современным системным отношениям. В целом дескриптивисты, как бы ни оценивать их деятельность, оказали на системные исследования в мировом языкознании значительное влияние. Однако их справедливо критикуют за увлечение абстрактным моделированием отношений между языковыми единицами.

3. Ученые лондонской школы (ее основоположник и глава — Джон Руперт Фёрс), наряду с построением общей (абстрактной) теории языка, стремились выработать адекватные методы структурно-функционального исследования конкретных живых языков. Однако их наработки долгое время оставались малоизвестными.

4. Более реалистичными оказались представления лингвистов Пражской школы. В своих изысканиях они опирались, с одной стороны, на идеи И. А. Бодуэна де Куртене, Н. В. Крушевского и частично Л. В. Щербы, а с другой стороны, — на идеи Ф. де Соссюра. Прежде всего, они пытались применить системно-структурный подход к объяснению процессов изменения и функционирования языка. При этом в поисках методологии своей структуральной концепции, они, в отличие от Ф. де Соссюра, не противопоставляли синхронический и диахронический векторы исследования. Языковые изменения (т. е. диахронические процессы), по справедливому мнению пражцев, приводят к упрочению, совершенствованию языковой системы, а синхронное изучение языка не исключает понятия эволюции, поскольку в любом синхронном секторе живы результаты прошлого состояния языка.

Наиболее глубоко представления пражцев о системности языка реализованы в исследованиях фонологии (Н. С. Трубецкой) и морфологии/морфе

мики (Р. О. Якобсон). Именно в фонологии, изучающей фонетическую систему языка с помощью выявления звуковых оппозиций, были представлены их основные структуральные идеи. Задачи структурной морфологии сводятся к (1) выявлению морфологических оппозиций (падежей, числа, рода, времени), их взаимоотношению в системе языка и их нейтрализации, и (2) определению средств, при помощи которых морфологические оппозиции данного языка выражаются в его фонологическом плане. Другой известный представитель пражской школы — В. Скаличка — подходе с методологических позиций своей школы к проблеме типологии языков, стремился показать механизм взаимосвязи различных языковых явлений (морфологических, синтаксических, фонетико-комбинаторных, словообразовательных) для языков разных структурных типов, определяющих специфику того или иного языкового типа.

Главное отличие пражской функциональной лингвистики — в широком понимании языка как предмета исследования. В этом ее достоинства и ее недостаток: широта подхода к языку порождала некоторую неопределенность исходных положений пражской школы. Отдельные стратегии исследования языка даже выводили функциональную лингвистику за рамки структуральной методологии. Понимание многих общелингвистических проблем сближает Пражскую функциональную лингвистику с русским языкознанием XIX–XX вв.

В современной «анатомии» языка, когда обращаются к проблеме устройства языковой системы, использование введенного американскими дескриптивистами понятия «уровень» или равнозначного ему понятия «ярус» стало обычным явлением. Вместе с этими понятиями принимается и новое понимание организации языковой системы. Если в доструктуральной лингвистике разные по структуре языковые явления рассматривались как рядоположенные, то теперь — как образующие сложную систему, иерархически зависимые. Несмотря на то, что понятие «система» и термин, его обозначающий, используется практически всеми лингвистами (говорят о системе образов, системе взглядов, системе уроков, системе знаний или отсутствии таковых), они всё еще остаются, пожалуй, одними из самых противоречивых. Возможно потому, что зачастую используется не к месту, называя системой то, что системой не является. Поэтому рассмотрение проблемы системности языка целесообразно начать с рабочего определения. Разумеется, оно должно быть простым и понятным. Вот одно из них. *Языковая система — это упорядоченная совокупность постоянных элементов речевой деятельности, представленная в словарях и грамматиках разных языков*

1. Понятие системы и структуры языка

Научная разработка понятия структуры началась в XIX в. А. М. Бутлеровым и Д. И. Менделеевым в области химии; К. Марксом и Ф. Энгельсом в области социологии, а в лингвистике — И. А. Бодуэном де Куртенэ и его школой в России и Ф. де Соссюром — за рубежом.

Понимание языка как системы стало для Казанской лингвистической школы базовым научным принципом. Причем, если Ф. де Соссюр рассматривал системность на уровне синхронного состояния языка, то И. А. Бодуэн де Куртенэ обосновывал этот принцип применительно к нуждам диахронии, как «обобщающую конструкцию» языка. Такое понимание системности языка ученый пытался воплотить, прежде всего, при взаимосвязанном описании фонетической и морфемной структуры слова. Суть его компаративистского подхода состоит в том, что система языка рассматривалась им как категория историческая, которая изменяется в процессе исторического развития языка. Иными словами, И. А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал отдельные языки как исторически изменяющиеся системы. Понятие системы ученый пытался увязать с разграничением языка и речи. Как система язык присутствует только потенциально, хотя элементы находятся друг с другом в тесной связи, в тесном взаимодействии. Речь, напротив, — постоянная психофизическая реалья.

Более подробно системные отношения между единицами языка рассматривал Н. В. Крушевский, воспринимавший язык как «одно гармоническое целое». Его заслуга в том, что он определил те структурные связи языковых единиц, благодаря которым язык, собственно, и обретает системную организацию. Таковыми структурными связями языковых единиц, по Н. В. Крушевскому, являются (а) ассоциации по сходству (позже у Соссюра — *ассоциативные*, в современных терминах — *парадигматические* отношения) и (б) ассоциации по смежности (у Соссюра и в современных терминах — *синтагматические* отношения). По Н. В. Крушевскому, ассоциации по сходству и по смежности антагонистичны, хотя вторые и определяют первые. Рассматривая систему языка, Н. В. Крушевский во многом предвосхитил идеи современной когнитивной лингвистики. Система, в его понимании, связана с процессами *типизации* — способ-

ностью человеческого мышления классифицировать и обобщать предметы и явления объективного мира в определенные целостные понятийные классы и разряды. В современной когнитивной лингвистике такое свойство языка связывают с формированием системы обыденных понятий — *концептосферы* языка. Кроме того, Н. В. Крушевский полагал, что законы языка подобны законам природы, что они не знают «никаких исключений и уклонений». Это положение им сформулировано в 1880 г. в известной лекции «О предмете и методе науки о языке». Ученый призывал изучать то, как устроен человеческий язык вообще, а не отдельные языки, чем предугадал концепцию американских генеративистов, появившуюся значительно позднее. Несколько уклоняясь от принципов сравнительно-исторического языкознания, Н. В. Крушевский считал, что главной задачей лингвистики является *не в восстановлении картины прошлого в языке, а в постижении законов его развития и функционирования*.

Характерно, что последователи Бодуэна де Куртенэ понимали язык как процесс коллективного мышления или как языковую деятельность, но только не как статичную систему, на чем настаивали структуралисты. Наиболее последовательными в утверждении этой идеи были Л. П. Якубинский, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба и С. И. Бернштейн. Вот только некоторые их суждения: 1. Язык — «не свод различных установившихся, застывших правил, а непрерывный процесс...», «язык есть разновидность человеческого поведения» (Л. П. Якубинский). 2. «Язык должен изучаться как трудовая деятельность... но не индивидуальная, а коллективная» (Е. Д. Поливанов). 3. Грамматика — «сборник правил речевого поведения» (Л. В. Щерба). 4. «Языковая система — это совокупность правил речевой деятельности» (С. И. Бернштейн). 5. Ф. де Соссюр определил язык как систему взаимообусловленных знаков. При этом многие исследователи не различали термины «система» и «структура», считая их синонимами.

В середине XX в. делаются попытки их разграничения. Так, А. С. Мельничук отмечал, что слово *система* в его общепринятом употреблении служит для выражения *синтетического* понятия о свойстве единого сложного объекта как о проявлении объединения в его составе более простых частей. Структура же — понятие *аналитическое*. Оно отражает свойства единого сложного объекта, его расчлененность на взаимосвязанные части. Следовательно, синтез, объ-

единение, при таком подходе предполагает наличие *системных* отношений, а анализ, расчленение — *структурных*. Такое понимание языковой системы в настоящее время преобладает. Однако в ряде вопросов, касающихся принципов ее устройства и функционирования, мнения современных лингвистов расходятся.

В отечественном языкознании сосуществуют две противоположные точки зрения. Их суть определяется различным пониманием того, зависят ли от материальной субстанции (а) функциональные свойства языковых элементов и (б) характер организации их в систему. Г. П. Мельников, утверждавший, что многие свойства языковой системы нельзя понять без учета особенностей субстанции, отвечает на поставленный вопрос положительно. Согласно второй точке зрения субстанциональная (материальная) природа языка в принципе безразлична для использования языковых знаков. Это положение подтверждается двумя фактами: (а) возможностью перевода того или иного речевого произведения из «природной» звуковой материи (устной речи) в материю графическую (письменную речь) и (б) возможностью мысленного создания такого произведения, образующего так называемую внутреннюю речь.

Не лишена смысла и первая точка зрения. Дело в том, что в интересах практического овладения языком необходимо не только иметь общее представление о его системной организации, но и (а) владеть конкретными механизмами сопряжения языковой структуры с субстанцией (материальной природой языка), а также использовать (б) правила, соотносящие систему языковых единиц с внеязыковыми реалиями. Поскольку же «природной» материальной субстанцией языка служат звуки речи, то в соответствующих целях система этого языка должна изучаться именно в ее звуковом воплощении.

В современной лингвистике к вычленению в системе языка отдельных частных ее подсистем подходят на основе так называемого принципа стратификации¹ языкового материала. Согласно этому принципу, языковая система складывается из подсистем, которые как бы наслаиваются друг на друга, располагаясь одна над другой в строго иерархическом порядке. Отдельные подсистемы выделяются по вертикали и представляют собой разные уровни соподчинения сис-

¹ Стратификация — от лат. *stratus* 'слой'.

темно организованных языковых единиц. В связи с этим возникает вопрос о том, что является языковой единицей¹.

Единица языка (языковая единица) — это элемент системы языка, неразложимый в пределах данного уровня сегментации речевого потока (текста) и противопоставленный другим элементам этой же подсистемы языка (фонологической, морфемной, грамматической). Чтобы какой-либо элемент языковой системы считать ее единицей, необходимо, чтобы он удовлетворял двум требованиям. Во-первых, он должен сохранять существенные признаки языка вообще; во-вторых, в нем не должны обнаруживаться какие-либо новые признаки, вносящие в него «новое качество» (А. И. Смирницкий). Это означает, что 1) элемент системы языка, подводимый под категорию единицы, как и язык в целом, должен быть двусторонним образованием (представлять собой единство формы и содержания); 2) должен быть воспроизводимым в речи, т. е. извлекаться из памяти как готовое образование, а не создаваться говорящим в коммуникативном акте. На первый взгляд, такого рода ограничения должны приниматься как безусловные. Однако при более вдумчивом к нему отношении возникают вопросы: все ли знакомые нам со школы понятия при таких ограничениях можно считать языковыми единицами? Так, если принять первое ограничение, то в состав единиц языка нельзя включать фонему, поскольку она *о д н о с т о р о н н я я* (имеет план выражения, но лишена плана содержания). Второе ограничение не позволяет считать единицей языка предложение, поскольку в процессе общения предложения *с о з д а ю т с я* говорящими. И все-таки некоторое замешательство возникает только при первом, поверхностном, осмыслении проблемы. Оно легко устраняется, если вспомнить (а) о двойственной природе языка и (б) о разном предназначении его элементарных структур. Тогда единицами языка можно называть те постоянные элементы языковой системы, которые отличаются друг от друга назначением, строением, сочетаемостью и местом в системе языка. Ж. Вандриес, например, разделял все языковые единицы

¹ Любая сфера деятельности, не говоря уже о научной, должна располагать своими «средствами измерения». Так, расстояние раньше измеряли саженьями (единица — одна *сажень* = 2,16 м), аршинами (1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м), верстами (единица — одна *верста* = 1066,8 м); в наше время такими единицами служат *метр* или *километр*. Единицами счета служат знаки до девяти включительно. Своими единицами располагает и речевая деятельность.

на две группы: 1) смысловые, выражающие понятия и идеи, и 2) указывающие на отношения между элементами первой группы. В таком случае к языковым единицам первой группы следует отнести *лексемы, фраземы, грамматические формы*, выражающие значения. Вторую группу единиц образуют *фонемы*, служащие смысловоразличению, и *морфемы*, выступающие структурными элементами основной единицы первой группы — *лексемы*. Если применить к этому семантическую терминологию, то фонемы окажутся не языковыми единицами (их еще называют сигнальными), морфемы — полуязыковыми, остальные единицы — языковыми. Языковые единицы принято делить на номинативные (лексемы, словосочетания, фраземы) и коммуникативные (предложения). Согласно учению о двойственной природе языка, следует различать *единицы языка* и *единицы речи*. Тогда легко решается вопрос и со статусом предложений. Модели предложений — единицы языковой системы (они воспроизводимы), а высказывания — модели предложений, наполненные словами, — единицы речи. Ср.: N + V + A (модель предложения) и *Брат пишет стихи, Сестра рисует цветы* и т. п. Свойствами единиц языка определяются уровни языковой системы.

2. Понятие языкового уровня

Языковые единицы, как известно, различаются по сложности своего устройства и по своим функциям. Причем вопреки распространенному мнению, что единицы более высокого порядка развиваются из единиц более простых, единицы низшей и более высокой степени организации не находятся в эволюционном отношении. Это означает, что единицы более высокого порядка не «складываются» из единиц низшего порядка. Вместе с тем, идея языкового уровня предполагает разграничение более и менее сложных структур по степени их развития или организации. Именно соотношение разных по степени внутреннего устройства и функциональному предназначению языковых объектов и принято называть иерархичным.

Низшими по уровню организации являются более простые языковые единицы типа фонем или морфем. Уровни более высокой организации образуют единицы более сложной организации. Таковыми являются, например, слова. Причем образуемые этими единицами уровни качественно отличаются друг от друга. Видимо, это имел в

виду С. Д. Кацнельсон, критикуя теорию языковых уровней, разработанную американскими дескриптивистами. Ученый подчеркивал, что слово «состоит» из морфем совсем не так, как предложение «состоит» из слов¹. Автор сожалел, что дескриптивисты всё сводят к различиям «уровней сборки», различая единицы одного уровня от единиц другого только степенью своей сложности и ничем иным. Нужно же учитывать природу и сущность той системы, чье устройство рассматривается. Так, в биологии понятие высших и низших уровней в значительной мере связано с эволюционным развитием живой природы. Однако перенос такого понимания уровней на систему языка в принципе невозможно. Единицы языка более высокой организации не являются продуктом эволюции единиц менее сложных. Нельзя говорить, что слово развивается из фонем или морфем.

В систему языка входят единицы разной степени сложности и правила их использования. Причем система языка устроена так, чтобы язык мог наилучшим образом выполнять свои функции. Поэтому, кроме единиц, система языка содержит в себе еще и те модели и схемы, по которым образуются как сложные единицы языка, так и различные речевые произведения — конкретные словосочетания и предложения. В соответствии со своим предназначением быть средством общения, средством формирования и выражения мысли единицы языка являются либо двусторонними единицами — звуковыми комплексами, выражающими определенные значения (например, словами), либо односторонними единицами — фонемами, служащими для различения двусторонних единиц. Этим, собственно, и становится возможным применение языка в качестве средства общения. По направлению от низших единиц к высшим, утверждал Э. А. Макаев, возрастает количество конститутивных единиц уровня, увеличивается архитектурная сложность данных единиц, возрастает сложность их парадигматических и синтагматических отношений, возрастает степень их вариативности².

Поскольку систему языка, как уже отмечалось, образуют именно единицы языка и правил их комбинирования, определение языкового уровня как совокупности этих единиц не вызывает возражения. Одна-

¹ Кацнельсон С. Д. О теории лингвистических уровней // Вопросы общего языкознания. М., 1964. С. 39.

² См.: Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // ВЯ. 1962. №5. С. 49.

ко совокупности единиц, обнаруживаемые в разных современных языках, весьма разнообразны. Значит ли это, что следует выделять *уровень производных слов, уровень простых слов, уровень сложных слов, уровень корневых морфем, уровень словообразовательных морфем, уровень гласных фонем*? Все зависит от того, какие свойства языковых единиц считать системообразующими. При решении этого вопроса исходят из того, что свойства любой группы языковых единиц проявляются в их отношениях с другими единицами. Нужно различать отношения между языковыми единицами одного уровня и отношения между языковыми единицами разных уровней.

Остановимся на внутриуровневых отношениях. Их можно свести к отношениям трех видов: синтагматическим, парадигматическим и иерархическим. *Синтагматические* отношения формируются линейными связями языковых единиц. Их еще называют комбинаторными. *Парадигматические* отношения имеют ассоциативно-смысловую природу. *Иерархические отношения* — это расположение единиц по степени сложности их организации, отношения зависимости одних единиц от других. Предельно широкие объединения единиц В. М. Солнцев называет *сверхклассами*, или *сверхпарадигмами*¹. Объединение единиц в сверхклассы, или сверхпарадигмы подчиняется определенным правилам. Поэтому всякая языковая парадигма — класс единиц, но не всякий класс единиц образует языковую парадигму. Между членами разных сверхклассов могут быть только иерархические отношения. Сверхпарадигмы, представляющие собой совокупности относительно однородных единиц, являются такими объективными группировками единиц, выделение которых осуществляется по единым, общим для всех единиц языка признакам. Такие сверхпарадигмы и представляют собой уровни языковой системы. Итак, языковой уровень — это совокупность всех относительно однородных единиц (единиц одной степени сложности), которые могут вступать между собой в синтагматические и парадигматические отношения, но не могут находиться в иерархических отношениях. Иерархические отношения характеризуют только отношения между единицами разных уровней, т. е. отношения качественно различных величин. При этом переход от единицы более низкого уровня к единице более высокого уровня осуществляется, как правило, в резуль-

¹ Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1977.

тате комбинирования, т. е. реализации синтагматических свойств элементов более низкого уровня. В конечном итоге эти отношения определяют строение языка, его внутреннюю уровневую организацию. Следует иметь в виду, что языковые единицы разных уровней функционально тесно связаны, обслуживая друг друга. Из небольшого количества первичных знаков образуется огромное количество знаков сложных. В естественных языках количество сложных знаков неограниченно.

Таким образом, система в языке проявляется во взаимодействии и взаимообусловленности однородных языковых явлений в пределах одного уровня. Структура выступает как обусловленность и взаимосвязь всех уровней в пределах языка. Структура языка непосредственно не поддается непосредственному наблюдению. В связи с этим говорят, что структура языка — это скрытая конструктивная схема его системы.

История языкознания в последние десятилетия XX в. развивалась в значительной степени под знаком системно-структурного подхода к языку, который оказался весьма плодотворным. Структурализм, несмотря на его критику, привнес реальным научным достижениям, особенно в области фонологии. Однако некоторым крайним направлениям структурализма свойственна абсолютизация системы и структуры и выдвижение положения о первичности языковых отношений в ущерб языковой субстанции. Вторая его особенность — признание языка знаковой системой, образуемой якобы только взаимоотношениями между знаками и поэтому являющейся замкнутой, самодовлеющей, не связанной ни с внеязыковой действительностью, ни с реальными общественными условиями функционирования языка.

Истоки этой тенденции следует искать в концепции Ф. де Соссюра. Признавая язык системой, подчиняющейся своему собственному порядку, он не избежал абсолютизации отношений в языковой системе. Об этом свидетельствует хотя бы его пресловутое сравнение знаковой системы языка с правилами игры в шахматы. Современные представления о системности языка пытаются эти достаточно ущербные идеи преодолеть. Ведь признание языка замкнутой системой ведет к «дегуманизации» языкознания. Между тем языковая система развивается весьма противоречиво. В ней имеются новые и отмирающие явления. Отдельные элементы языковой системы, вступая друг с другом в определенные внутриязыковые отношения, так или иначе оказы-

ваются связанными с реальной действительностью и благодаря этому обнаруживают не только релятивные (внутриязыковые), но и экстралингвистические, внеязыковые свойства. Уже поэтому взаимодействие языка с внеязыковой действительностью должно находиться в поле зрения лингвистики. Какой бы теории ни придерживаться, важно не забывать главное: предназначение языка — быть средством обмена мыслями. Обмениваться же мыслями — значит обмениваться суждениями о реальной действительности, сообщать результаты познания окружающего нас мира.

В целом системный подход к анализу фактов языка оказался чрезвычайно плодотворным не только в синхроническом, но и в историческом языкознании. В качестве ведущей внутренней тенденции здесь стало выявление имплицитных связей между отдельными языковыми явлениями, которое ведет к пониманию языковой эволюции как единого динамического процесса. Перспективными являются попытки глобального описания языка как целостной развивающейся системы, которое могло бы показать принципы согласованности между собой всех ее подсистем и ярусов, выявить гармонию структуры и субстанции каждого языкового компонента. Современный идеал системного описания языка зиждется на выявлении механизмов органического сопряжения в его системе языковых и внеязыковых отношений синхронического и диахронического характера.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979. С. 90–110.
Будагов Р.А. Система и антисистема в науке о языке // ВЯ. 1978. № 4. С. 3–17.
Попова З.Д. Общее языкознание. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 77–87.
Шелякин М.А. Язык и человек. М.: Флинта; Наука, 2005.

Дополнительная

- Маслов Ю.С.* Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка // ВЯ. 1968. № 4.
Мельничук А.С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // ВЯ. 1970. № 1.
 Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972.
Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977 или:
Солнцев В.М. О понятии уровня языковой системы // ВЯ. 1972. № 3. С. 3–19.
Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. С. 218–220, 227–229, 258.

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

1. Фонетика. 2. Становление фонологии. 3. Основы фонологии. 4. Проблемы системной фонологии.

1. Фонетика

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Первые ростки учения о звуках речи появляются в древнеиндийской филологии. Причем его развитие оказалось настолько плодотворным, что древнеиндийское учение о звуках речи превосходило европейское. На начальном этапе своего становления древнеиндийское учение о звуках речи было «формалистским». Основное внимание здесь было направлено на изучение «формальной» (звуковой) стороны языка. В этот период создаются классификации звуков санскрита, исследуются такие явления, как регулярные чередования и просодия.

При классификации и описании звуков древнеиндийские ученые придерживаются физиологического принципа. В памятниках ведической литературы вводятся и раскрываются такие фонетические понятия, как артикулятор, место артикуляции, взрывной, фрикативный, гласный, полугласный и т. д. Было осуществлено подробное описание способов образования каждого звука. Огромное внимание было оказано сочетаниям звуков в речи и их взаимовлиянию. Интерпретируя способы образования звуков речи, древнеиндийские ученые различают место артикуляции и орган, принимающий участие в артикуляции, — артикулятор. Когда речь идет о гласных, они говорят о сближении органов речи, а применительно к согласным — о смыкании их. В качестве артикуляторов назывались корень языка, середина языка и кончик языка. При произношении гортанных звуков артикулятором выступает нижняя часть голосовой щели. В качестве мест артикуляции определяют «корень челюсти», т. е. мягкое нёбо, само нёбо, зубы или «корень зубов» — альвеолы. Нижняя губа служит артикулятором, а верхняя — местом образования звука.

Интересна трактовка слоговой структуры. Считалось, что в основной слога вы выступает гласный, согласный же элемент лишь присоединяется этой гласной к основе. В соответствии с этим гласные считаются самостоятельными фонетическими элементами, так как они наделены слогообразующими функциями (образуя слоги даже и без участия согласных), а согласные — подчиненными, не способными выступать без гласных. Древнеиндийская классификация звуков речи признавалась более разработанной, точной и обоснованной вплоть до конца XIX в.

Становление фонетики в Китае происходит под воздействием буддизма, принесшего с собой из Индии интерес к звучащей речи и соответственно к поэзии, рифме, мелодике и тону, а также знание принципов индийского алфавитно-слогового письма. С V в. появляются опыты изучения тонов. Значительно позднее проявляется интерес к начальным согласным (инициалам) и их классификации. Как самостоятельная наука фонетика утверждается с появлением фонетических таблиц, включающих сведения о рифме, инициалах, промежуточных гласных и тонах («Юнь цзин», вероятно, X в.).

В 90-х гг. XIX в. традиционная китайская фонетика, не выходявшая за пределы классификации слогов, исчерпала себя. Лао Найсюань (1842-1921) был одним из ее последних представителей. Позже китайские фонетисты знакомятся с принципами алфавитного письма. В 1892 г. появляются проекты алфавитов для китайского языка. Обсуждается проблема членения китайского слова (и слога) на звуки. Однако в настоящее время переход к звукобуквенному письму в Китае не является актуальным. Одна из главных причин — чрезвычайная диалектная раздробленность китайского языка. Вторая — опасение утратить гигантское многотысячелетнее культурное наследие, созданное традиционной графикой.

Зарождение интереса к звуковой стороне индоевропейских языков, накопление и углубление знаний о произносительных и акустических (физических) свойствах звучащей речи обстоятельно описаны М. В. Гординой¹. В этой части истории фонетики целесообразно обратиться к ее исследованию.

Во времена античности лингвистический интерес ограничивался греческим и латинским языками. К тому же для удовлетворения нужд практики — обучения пению и письму — достаточно было определить набор звуков и их соответствие буквам, поскольку письменность была основана на фонемографическом принципе. Не было также настоятельной необходимости подчеркивать разницу между звуком и буквой. Интерес к качеству звуков речи был первоначально связан главным образом с рекомендациями, относящимися к ораторскому искусству, к благозвучию речи. В эллинистическую эпоху создаются классификации звуков (фонем) греческого языка, основанные на слуховых впечатлениях (Гален и Аристотель), сообщаются и некоторые сведения об образовании голоса и об артикуляции звуков.

Средние века новыми знаниями артикуляторно-акустическую фонетику не обогатили. Однако к концу этого периода использование латинского алфавита для записи языков с иным, более богатым набором фонетических признаков, заставляет задумываться о соотношении звука и начертания, выяснять состав фонем новых языков, искать способы их адекватного отражения на письме, с учетом их фонетических характеристик. Так, в XIII–XVI вв. появляются трактаты, посвященные совершенствованию исландской, чешской, польской письменности, но все еще без анализа самих звучаний. С конца

¹ Гордина М.В. История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та. 2006.

XVI – начала XVII в. наряду с исследованием органов речи и образования звуков начались поиски некоторых обобщенных закономерностей, действующих при образовании звуков речи. Предпринимаются попытки создать их универсальную классификацию. На протяжении XVIII в. продолжалось изучение артикуляций звуков речи физиологами. Так, подробное описание артикуляций немецких гласных и согласных, анализ действия голосовых связок содержатся в трудах физиологов Галлера и Хеллвага.

С началом XIX в. повышается интерес к звукообразованию. Это было обусловлено бурным развитием индоевропейской компаративистики, знакомством с санскритом и с описаниями его звуковой системы. Объясняются звуковые соответствия между языками, исследуются фонетические изменения, происходившие в родственных языках. Это требовало ясного понимания закономерностей образования звуков речи вообще и знания артикуляторных характеристик отдельных звуков в частности. К началу XX в. были даны артикуляторные характеристики многих звуков речи с учетом объективных результатов инструментального анализа.

В истории фонетических исследований можно увидеть несколько этапов.

Интуитивно-фонологический подход связан с алфавитной — по сути фонемной — графикой и господством фонетического принципа при записи слов. Чисто фонологический (в современном понимании) подход характерен и для более позднего времени (XIII–XVII вв.), когда благодаря распространению письменности на новых европейских языках с использованием латинского алфавита выявилась недостаточность латинской графики для записи звуков-фонем новых языков. В разных странах появляются предложения реформировать письменность так, чтобы каждой фонеме соответствовало свое обозначение. Этот принцип для совершенствования письменности защищали: в XIII в. некий анонимный автор из Исландии; в конце XV в. — Антонио Небриха из Испании; в XVI в. — Я. Гус в Чехии, Я. Паркош в Польше; Дж. Бартоли в Италии; П. Рамус и Л. Мегре во Франции.

Интересные попытки классифицировать звуки того или иного языка базировались на фонологических отношениях, которые замечались наиболее проницательными лингвистами. Так, таблицы гласных и согласных французского языка, построенные во второй половине XVIII в. известным французским лингвистом Н. Бозе, очень хорошо (разумеется, в то время без теоретического обоснования) отражают их фонологические отношения — противопоставления по дифференциальным признакам. Вплоть до XIX в. авторы фонетических работ оперировали только фонемными единицами.

В XIX в. начинается новый период фонетических исследований: в связи со стремлением выяснить пути и причины звуковых изменений, объяснить различия между звуками разных языков, осуществляется всё более детальный анализ звуков речи, создаются всё более полные их классификации. Однако в 70-х годах XIX в. проявляется стремление к рассмотрению системных связей в языке и к оценке звуковых единиц не просто по их фонетическим характеристикам, а по их отношениям друг к другу.

Появление теории фонемы можно рассматривать как начало третьего этапа в истории фонетики, этапа, на котором ясно определилась разница между двумя аспектами при изучении звукового строя языка: а) фонологическим (функциональным) и б) собственно фонетическим. В дальнейшем в России сформировались две фонетические школы: Щербовская, или Ленинградская, и Московская. В Западной Европе теория фонемы развивалась участниками Пражского лингвистического кружка в основном в 1930-е гг. и была последовательно изложена в труде Н. С. Трубецкого «Основы фонологии». Впоследствии эта теория получила название «классической фонологии».

Развитие фонетики во второй половине XX в. шло по двум основным направлениям. Приверженцы первого из них учитывают речевую деятельность человека и материальные свойства звучащей речи, связи между акустико-артикуляторными признаками и их лингвистической интерпретацией носителями языка. Для сторонников второго направления характерен интерес к построению абстрактных фонологических схем.

2. Становление фонологии

Становление теории фонем изучено весьма обстоятельно¹. Назовем лишь основные этапы развития этого учения. Впервые, пожалуй, термин *фонема* был введен в науку в 70-е годы XX в. (А. Дюфриш-Деженетта, Л. Аве, Ф. де Соссюр). Употреблялся он с целью отличия фонемы от звука как более общего и абстрактного понятия от реально произносимого. Одновременно с французскими лингвистами противопоставление общей физиологии звуков речи и их морфологического употребления было осуществлено И. А. Бодуэном де Куртенэ еще в ранних работах по др.-польскому языку и общему языкознанию (1870-1871). В русском языке термин «фонема» впервые употребил Н. В. Крушевский — коллега Бодуэна по Казанскому университету (1881-1894).

Второй период (1879-1916 гг.): И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский и Л. В. Щерба впервые формулируют главные категориальные отличия фонемы от звука.

Третий период развития учения о фонеме связан с именами Ф. де Соссюра, Н. С. Трубецкого, Э. Сепира, Л. Блумфилда. В трудах этих

¹ См.: Протогенов С. В. История учения о фонеме. Ташкент, 1970; Зиндер Л. Р. Фонология и фонетика // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1962; Зиндер Л. Р., Матусевич М. И. К истории учения о фонеме // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1953. Вып. 1. Т. 12; Капранский Р. Р. Из истории учения о фонеме // Вопросы общего и германского языкознания. Уфа, 1964.

лингвистов на первый план выдвигается дифференцирующий (различительный) характер фонемы.

Четвертый период развития теории фонем (после 1939 г.) характеризуется учениями Петербургской (Ленинградской) и Московской фонологических школ, за рубежом — концепцией Р. О. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле.

Итак, учение о фонеме существует почти целое столетие. Основные, узловые, моменты этого периода выделены в работе А. Ф. Лосева¹.

Подлинным основателем учения о фонеме явился И. А. Бодуэн де Куртенэ. Оно сводится к следующим положениям.

Основное понятие его теории — альтернация, под которой ученый понимал разнообразную реализацию одной и той же фонемы в разных контекстах. Вот почему Бодуэн рассматривал фонему как психический эквивалент звуков речи с разных сторон: то как «представление» (или «образец») звука в отличие от простой артикуляции звука; то как физическое звуковое обобщение, как сумму альтернирующих звуков, как сумму обобщающих моментов звучания в речи.

Принципиальную значимость при этом приобретает понимание смысловой роли альтернаций. Вместо слова «смысловой» (семантический) Бодуэн употребляет термин «психический эквивалент».

Итак, фонема представляется Бодуэну следующим образом:

- это единица сложная;
- она состоит из элементарных единиц (свойств);
- функционируют такие элементарные единицы как неделимое целое;
- фонемы выступают как члены корреляций (соотношений);
- фонема — это отвлеченность, результат языкового обобщения реальных звучаний;
- эти реальные проявления — суть антропофонической природы.

Фонема у Бодуэна по существу выступает как конструкт (понятие), как нечто постоянное (инвариант) в плоскости множества вариантов, реально произносимых и слышимых. Понимание фонемы как психической сущности (по Бодуэну) решительно отвергал Н. С. Трубецкой. В «Основах фонологии» (1939; рус. — 1960) он пишет: «Фонема является языковым, а не психологическим понятием».

¹ См.: Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания. М., 1989. С. 34.

Она есть функция звука, а не самый звук, и функция эта — смысловая, а не артикуляционная и не психическая.

Основное положение Н. С. Трубецкого сводится к следующему: фонема есть смысловоразличительная функция коммуникативной сущности языка. В своих рассуждениях о смысловоразличительной функции фонемы Н. С. Трубецкой использует термины «оппозиция» и «нейтрализация». «Оппозиция» — более сложное явление, чем простое различие. Под ним понимается единство противопоставленных звуков (именно противопоставленные звуки объединяются в одно неделимое целое — фонему). По Трубецкому, «фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию». Это значит, что фонема есть не только единство, но и раздельность, причем такая раздельность, которая необходима для фонемы, чтобы она была еще и цельностью. Другими словами, фонема не есть просто смысловоразличительная функция, но смысловоразличительная структура (под структурой как раз и понимается единораздельная цельность). Что касается понятия нейтрализации, то фонема является не чем иным, как нейтрализацией всех ее возможных речевых вариаций.

Итак, в концепции Н. С. Трубецкого фонема — это (1) наименьшая единица речевого потока, функционирующая не как артикуляционно-акустическое образование, но как (2) структурно дистинктивная, т. е. (3) различительная (4) экспликация (выявление) строго определенного ряда (5) звуковых вариаций, для которых она является (6) нейтрально образованным и (7) активно порождающим принципом. Существующие в фонологии разногласия обуславливаются главным образом разным пониманием сущности фонемы, прежде всего — проблемы ее отношения к реальности. Это отношение определяет характер и содержание любой из существующих теорий фонем. Не случайно многие работы в области фонологии предварены далеко не риторическим вопросом: «Фонема — единица языка или метаязыка?»¹.

¹ Так озаглавлен, например, первый параграф монографии И. И. Ревзина «Структура языка как моделирующей системы» (М., 1978. С. 11); метаязык (< греч. μετά 'через, после') — формализованный язык для исследования соответствующих явлений науки как объекта науки.

С точки зрения современной системно-структурной теории языка каждому уровню языковой системы соответствует особая функция. Поэтому изучение того или иного уровня, как справедливо считает Д. Г. Богушевич, должно быть ориентировано на выделение его единиц, определение их функций и отношений¹.

В связи с этим исходным положением основными задачами фонетики и фонологии являются: а) проблема выделения фонетических и фонологических единиц; б) определение функций звуков — единиц фонетики и фонем — единиц фонологии; в) выявление механизма их взаимоотношений.

Единицей фонетики служит звук речи, или аллофон; единицей фонологии — фонема. Звуки речи (аллофоны) обладают функцией опознавания, а фонемы — функцией различения. Отношения между аллофоном и фонемой представляют собой простую парадигматическую иерархию. Это отношения инкорпоративной иерархии (лат. *incorporatio* 'включение'), когда фонема как идеальная сущность выступает инвариантом для множества своих аллофонных вариантов. Видимо, поэтому кроме собственной функции различения слов и морфем ей приписывают еще и функцию опознавания, которая принадлежит аллофонам. Различие в функциях между фонемой и аллофонами предполагает расхождение в их внутренних связях и отношениях.

Опознавание связано с членением звуковой цепи на единицы, которые могут быть узнаваемыми. Для различения, по мнению М. В. Панова, достаточно опознать лишь различительные признаки. Иными словами, если аллофон необходим для опознавания по фонетическим (звуковым) характеристикам звукопроизводства (артикуляторных усилий), важным для опознавания смысла, то он (аллофон) оказывается синтагматической единицей, т. е. результатом сегментации речевого потока. Синтагматические характеристики необходимы для восприятия речи. Следовательно, аллофон (звук речи) базируется на слуховом восприятии, для чего должен соотноситься с определенными эталонами опознавания. Поскольку эталоны обязаны отличаться друг от друга (иначе они не смогут служить ориентирами опознавания), то они образуют систему, или парадигму. Парадигма же — элемент

¹ См.: Богушевич Д. Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка. Минск, 1985. С. 60.

порождения речи, поскольку порождение речи в значительной мере основано на выборе единиц (сигналов) из набора общественно признанных (опознаваемых) сигналов. Отсюда вытекает, что фонема — элемент речепорождения, эталон для аллофонных вариантов.

Итак, 1) функциональное назначение аллофонов — различать и отождествлять акустические сигналы (звуковые цепочки); основной же функция фонемы — различать знаковые единицы (морфемы и слова), т. е. единицы высших уровней; 2) фонема находится в парадигматических отношениях со своими дифференциальными признаками (ДП); функция ДП — образовывать различительный потенциал (совокупность скрытых возможностей) фонемы. Фонема имеет в языке свое предназначение — «быть компонентом слова» (Н. И. Жинкин), быть различительным средством, средством распознавания слов и разграничения их значений. Реализуются эти функции фонемы при помощи соответствующих звуков.

В наиболее распространенном понимании понятия «фонема» и «звук» соотносятся между собой следующим образом.

- Фонема — сущность; звук — явление.
- Фонема — единица языка; звук — единица речи.
- Фонема — единица абстрактная; звук — единица конкретная.
- Фонема — инвариант; звук — вариант.
- Фонема — дискретна; звук — недискретен.
- Количество фонем конечно; количество звуков бесконечно.

Выделенные категориальные признаки двух соотносимых понятий далеко не бесспорны, и все же они свидетельствуют о том, что рассматриваемые понятия не тождественны, что обнаруживается и в функциональной неоднозначности, например (по МФШ):

1) одна фонема может быть реализована в речи разными звуками. Ср.: [т] — [т]ам, [т°]ом; [с] — [с] картой, [с'] тигренком, [з] гарнизом, [з'] дичью, [ш] шумом, [ж] жестом, [ш'] чувством; [г] — сне[г]а, сне[к] и т. п.;

2) один и тот же звук может реализовать (представлять) в речи разные фонемы. Ср.: сжечь [ж]жечь — разжечь ра[ж]жечь; [ж] < [с] и [з]; (купил) сома́ [сла́ма] — (решила задачу) сама́ [сла́ма]: [л] < [ю] и [э].

Рассмотренные соотношения фонемы и звука позволяют дополнить названные выше их отличительные свойства.

• Фонему и звук можно представить как отношение части и целого. Фонему можно интерпретировать как общую для всех носителей

данного языка часть звука — его ядро. Звуковая периферия, находясь за пределами фонемы, отражает индивидуальные произносительные особенности говорящих.

- В соответствии с предыдущим положением фонема социальна, а звук — явление индивидуальное, хотя индивидуальные варьирования звука не беспредельны: они не должны разрушать фонологическое ядро звукового образования.

- Фонема как единица социальная, языковая выполняет три функции — дистинктивную (смыслоразличительную), перцептивную (словораспознавательную) и конститутивную (строительную), а звук речи — только две последние.

По аналогии с овладением детьми осмысленной членораздельной речью можно гипотетически восстановить картину появления различительной функции звуков речи в процессе возникновения языка.

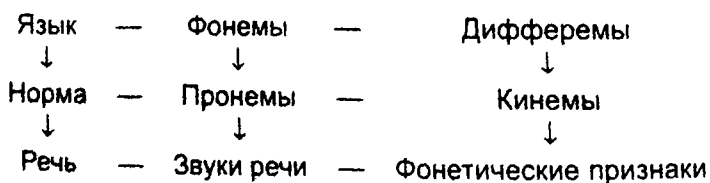
4. Проблемы системной фонологии

Перспективными направлениями в развитии фонологии являются системная фонология и фонология функциональная. В функциональной фонологии исследование считается законченным после определения отсутствия оппозиций. Согласно функциональной фонологии, слово/морфема состоит из сочетаний комплексов неразличительных (нерелевантных) признаков и комплексов различительных (релевантных) признаков (т. е. фонем). Однако существует немало слов, где определенные различительные признаки не могут выполнять свою функцию. Так, в словах *кот* и *код* признаки звонкости и глухости не противопоставляются, так как звонкие гласные на конце слов оглушаются. В функциональной фонологии подобные ситуации связываются с понятиями *нейтрализации* и *архифонемы*.

Звуки, не образующие оппозицию, в системной фонологии рассматриваются в структуре морфемы. При этом к понятиям фонемы, архифонемы и гиперфонемы добавляется новый элемент — *квазифонема*. Основные положения системной фонологии были сформулированы и обоснованы Л. Н. Черкасовым¹. Согласно его концепции, вся система фонем определяется исключительно их оппозициями.

¹ См.: Черкасов Л. Н. Теория лингвистических систем и системная фонология. Ярославль, 1996.

Автор опирается на тезис Н. С. Трубецкого: фонологический состав языка является, по существу, лишь коррелятом системы фонологических противопоставлений. В интерпретации М. В. Черноглазовой системная фонология рассматривает фонему как систему дифферем (различительных признаков). Как известно, фонемы репрезентируются в звуках речи. Релевантность признаков определяется установлением наличия функциональной связи между ними и значением морфемы. Например, если в слове *кот* первый твердый звука изменить на мягкий ([к] → [к']), то слово /кот/ превратится в /к'от/. Полученное сочетание звуков не соответствует какому-либо слову русского языка. На этом основании делается вывод: в данном слове признак твердости имеет функциональную семантическую связь со значением морфемы и является различительным признаком — дифферемой. При проведении полного анализа слова и выделении всех составляющих его фонем необходимо определить все репрезентанты дифферем, установить, какие признаки каждого звука в экспоненте слова поддерживают функциональную семантическую связь фонемы (выраженной этим звуком) со значением морфемы, в которую она входит. Определение дифферем ведет к идентификации каждой фонемы. Этот способ анализа дает исследователю возможность определить конкретные фонемы и в тех случаях, которые рассматриваются другими фонологами как гиперфонемные или архифонемные. К примеру, если в морфеме *-код-* заменить у конечного [т] глухость на звонкость, как в словоформе *коды*, значение морфемы не изменится, она не превратится в другую и не перестанет существовать. Значит, признак звонкости сохраняет здесь функциональную связь со значением морфемы. Однако, если мы в словоформе *коды* заменим у [д] звонкость на глухость, мы получим совершенно другое слово — *коты*. Значит, в данной морфеме глухость не имеет функциональной связи со значением и не является дифферемой. Согласно системной фонологии, в подобных случаях звуки [т] и [д] являются репрезентантами фонемы /д/. Однако на ее реализацию влияет норма языка. Норма, по Л. Н. Черкасову, занимает промежуточное положение между абстрактной системой языка и конкретной речью.

Единицы нормы — пронемы — состоят из кинем (фонетических признаков). Норма — своеобразный посредник между языком и речью. В зависимости от позиции фонемы в слове норма может по-разному регулировать ее реализацию в речи.

Как видим, подход, предлагаемый в системной фонологии, позволяет провести более глубокий анализ фонематического состава морфемы/слова и определить конкретные фонемы и в тех случаях, когда это невозможно с точки зрения традиционных фонологических школ.

Разрабатывается также учение о принципах организации звучащего текста. Его методологической основой является квантовый, парадигматический, синтагматический и коммуникативно-функциональный подходы. Задачей такого описания является выявление закономерностей сопряженного действия всех фонологических узлов языкового механизма при продуцировании и восприятии текста. На основе применения признакового, парадигматико-синтагматического и коммуникативного принципа развивается концепция модельного представления ментальной, парадигматической, синтагматической и коммуникативной фонемы. В этой новой области фонологии уже имеются определенные успехи: на материале русского языка создана таблица гласных и согласных фонем в едином признаковом пространстве; установлены деривационные отношения в системе парадигматических и коммуникативных фонем. На основе статистических подсчетов обнаружена делимитативная функция морфем русского языка. Обнаружен градационный принцип функционирования фонемных единиц в процессе коммуникации, что приводит к формированию концепции градационной фонологии.

Установлено, что фонемы в разных аспектных представлениях имеют разную функцию: а) фонемы в изолированном парадигматическом представлении обладают сегментирующей функцией; б) фонемы в синтагматическом представлении обладают функцией «складывания» кортежа, означающего морфемы; в) фонемы в коммуникации обладают доминирующей символизирующей функцией. Парадигматически в аспектном представлении выделяются фонемы языка и фонемы идиолекта. Синтагматически фонемы языка составляют кортеж (упорядоченный конечный набор) плана выражения морфем и лексем. При этом наряду с синтагмофонемами выделяются синтагматическая гиперфонема (или аспектно слабая фонема) и синтагма-

тическая квазифонема (неразрешимая гласная единица в сверхслабой позиции), а также морфонема как делимитативная единица. В соответствии с этим можно говорить о выделении фоностилей звучащей речи. Одной из главных проблем фоностилистики поэтической речи является проблема выявления ассоциативно-образной мотивированности звука в стихе. Мотивированность устанавливается из соотношения стилистически значимых приемов в звуковой композиции с приемами звукосимволической семантизации, которая представлена в двух видах: элементарного и контекстуального символизма. Спорные проблемы фонологии рассматриваются в книге Н. А. Катагощиной. В ней представлен также критический анализ существующих теорий фонемы.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Основная

- Бондарко, Т. В., Вербицкая, Т. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб., 1991.
 Зиндер, Т. Р. Общая фонетика и избранные статьи. М.: Academia, 2007.
 Реформатский, А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
 Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
 Черкасас, Т. Н. Теория лингвистических систем и системная фонология. Ярославль. 1996.

б) Дополнительная

- Гордина М. В. История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). СПб.: ИД Санкт-Петербургского ун-та, 2006.
 Златоустова Л. В. Из истории отечественной фонетики // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia slavica I, zeszyt 311. 1996.
 Катагощина Н. А. Особенности фонологической системы современных иберо-романских языков (португальского, каталанского и испанского). Изд. 2, испр. М., 2011.
 Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Фонетика в модели речевой деятельности. М., 1989.
 Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Современная американская фонология. М., 1981.
 Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. Раздел «Дихотомическая фонология».
 Руделев В. Г. Фонология слова. Тамбов, 1975.
 Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
 Чистович Л. А. и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л., 1976.
 Шаумян С. К. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962.
 Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1948.
 Якобсон Р. О., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

1. Слово как единица и предмет лексикологии. 2. Лексическое значение слова. 3. Значение и смысл. 4. Семантическая структура слова. 5. Мотивированность слова. 6. Разграничение омонимии и многозначности. 7. Проблемы системности словарного состава языка. 8. Парадигматические отношения слов. 9. Семантическое поле. 10. Лексический фонд: ядро и периферия. 11. Лексикографическая репрезентация слова.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Хотя научная теория слова сложилась только к концу XIX в., интуитивное ощущение того, что слово является главным феноменом в формировании и выражении мысли, было присуще уже античным мыслителям. Древнегреческие философы пытались понять природу слова через интерпретацию механизмов отнесения самого названия к именуемой вещи (предмету). Прежде всего, разное понимание этой связи отражено в известной дискуссии между сторонниками двух противостоящих теорий — *physei* и *tesei*. Первые (Гераклит Эфесский) были убеждены в том, что имя является «врожденным», что название обуславливается самой природой предмета; вторые (Демокрит) настаивали на том, имена даются самими людьми, «по установлению», или «по договоренности», без связи с природной сущностью предметов.

Важно уяснить, что уже в столь отдаленное от нас время многие нюансы этого спора созвучны современной лексикологии. Так, **Демокрит**, отстаивая теорию *tesei*, пожалуй, впервые обратил внимание на то, что отсутствие природной связи слов с сущностью обозначаемых предметов подтверждается многими фактами. Таковыми являются: а) способность одного и того же слова обозначать разные предметы (тем самым было обращено внимание на полисемию слов — способность слова иметь несколько значений); б) один и тот же предмет может иметь разные названия (в современной науке на этой базе сформирована теория синонимии); в) предмет может не иметь названия, когда понятие о нем существует без словесного обозначения; в таком случае в процессе общения прибегают к описанию данной вещи. Демокрит также заметил, что нередко одно слово может заменяться другим, что словарный состав языка, таким образом, далеко не консервативен, способен к изменениям и совершенствованию.

Таким образом, уже Демокрит заметил, что существуют неоднозначные отношения между словом и понятием, интерпретируемые в современных лингвистических терминах следующим образом: а) слово может соотноситься с несколькими понятиями, т. е. слова бывают многозначными и омонимичными, и тогда каждый ЛСВ многозначного слова соотносится с каким-то одним понятием; б) одно и то же понятие может выражаться разными слова-

ми, т. е. существуют синонимические выражения понятия; в) то, что понятие может быть выражено описательно, подводит к мысли, что оно может быть обозначено как одним словом — цельнооформленными единицами, так и раздельнооформленными единицами — фразеологизмами (например: *за тридцать земель* — далеко; *пожать плечами* — удивиться); г) смена наименований — это проявление динамического характера языка, состоящего в процессе архаизации — когда малоупотребительное слово переходит в пассивный запас языка или уходит из языка вообще, и процессе неологизации, когда слово только появляется и начинает использоваться для обозначения какой-либо реалии.

Опосредованно, обратившись к проблеме определения понятия, учение Демокрита способствовало становлению семасиологии — теории значений. Согласно его убеждениям, сначала возникают единичные данные чувственного восприятия, которые в последующем образуют простейшие суждения, затем возникают более сложные образования (понятия), которые состоят из сочетания суждений. Идея Демокрита актуальна и для современной семасиологии: данные чувственного восприятия служат основой возникновения словесных образов, суждения — мыслительная база предложения, понятия — смысловое ядро лексического значения.

Выдающийся мыслитель античности Сократ считал, что понятие — это объективное начало, через которое познается сущность вещей. Для установления точных определений Сократ разделял понятия на роды и виды. С этой целью он вводит новый прием исследования — индукцию: от единичных вещей к определению общего для них понятия. Сократовская индукция есть процесс образования, установления понятий, что и составляет основу дефиниции.

Большой вклад в развитие философии и теории языка внес философ-идеалист Платон. Ему принадлежит знаменитый диалог «Кратил, или О правильности имен», где сталкиваются два противоположных взгляда — Кратила и Гермогена — на связь между словом и обозначаемой вещью.

Сократ (выразитель идей автора) в качестве судьи пытается примирить стороны, занимая промежуточную позицию. Отвергая непосредственную связь между словом и обозначаемой вещью, он указывает на примере ономастических проявлений языка, что при появлении первых слов некоторая связь существовала действительно. А затем уже связь между обозначаемым и обозначающим была закреплена общественной традицией. Диалог «Кратил» интересен для истории лингвистической мысли и «показывает, как в Древней Греции занимались этимологизированием и семантизированием».

Следуя своему учителю Сократу, Платон развивает учение об определениях, т. е. о дефинициях. Он отмечает, что дефиниция должна состоять в указании специфического различия, выделяющего данный объект среди других. То есть Платон, фактически, отмечает одну из важнейших сторон дефиниции — это то, что в ней, прибегая к современной лингвистической терминологии, обязательно должен быть назван дифференциальный признак.

Другой выдающийся философ античности **Аристотель**, колебавшийся между идеализмом и материализмом, в разные периоды своей жизни по-разному относился к осмыслению феномена «понятие», поэтому он различал понятие в широком смысле — понятие, которое присуще всем предметам данного рода или вида, и понятие в узком смысле, которое раскрывает сущность единичных вещей. Философ искал ответ на вопрос, что такое определение понятия. Для того чтобы понять природу понятия по учению Аристотеля, нужно обратиться к его учению о предикациях. В своей книге «Топика», посвященной теории определений, Аристотель излагает учение о предикациях. Философ рассматривает четыре основных категории (предикации) или «четыре вида сказывания о предмете»: определение, род, собственный признак, случайное (привходящее). Собственный признак мыслитель рассматривает как свойство, присущее исключительно определяемому предмету, хотя и не являющееся существенным для него: «Это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и взаимозаменяемое с ней». Случайное (привходящее) не связано с сущностью предмета, а отнесено к предмету случайно, то, что «одному и тому же может быть присуще и не присуще». Оно не является ни определением, ни родом, ни собственным признаком.

Большой вклад в разработку философских проблем языкознания и формирование основ лингвистической теории внесли философы эллинистического периода. Представители стоической школы (особенно Зенон, Секст Эмпирик, Хрисипп) развивали свои учения на основе языкового материала. По учению стоиков, слово обозначает уже не вещь, а способ переживания вещи индивидом. Они утверждают, что важна не предметная соотнесенность слова, а смысл слова. Нужно отметить, что стоики серьезно продвинулись в учении о понятии (по сравнению с Платоном и Аристотелем), так как рассматривали проблему не в общелогическом аспекте, а в семантическом.

Стоики различали (а) «обозначаемое», (б) «обозначающее», т. е. объект и (в) его имя. Так, Секст Эмпирик в работе «Против логиков» утверждает, что эти три (вещи) между собой сопряжены. Из них (1) обозначающее есть некий звукоряд (Дион); (2) обозначаемое — выражаемый этим звуковым комплексом предмет, который мы постигаем своим рассудком; (3) объект — внешний предмет или явление (например, сам «Дион»). Из них две вещи телесны (звуковой комплекс и объект), одна — бестелесна (высказывание, которое бывает истинным и ложным. Различие между стоической и аристотелевской логикой хорошо видно на примере теории дефиниции. Согласно учению стоиков о дефиниции, она есть перечисление признаков, присущих вещи. При этом они не указывали на виды, а перечисляли различия вообще, полагая, что имя выражает понятие в целом, а дефиниция выражает его более детально.

Таким образом, уже в античной философии, благодаря исследованиям философов и языковедческой практике эллинистического периода, когда зародилась европейская филология, был введен термин *дефиниция*, или *опре-*

детение. Философы искали гармонию между языковыми и логическими категориями. Они уже рассматривали смысловую сторону понятия, указали на лингвистические очертания дефиниции, в которой должны быть сфокусированы отличительные признаки. И все же им было присуще синкретическое понимание термина *logos*. В частности такой синкретизм обнаруживался в неразграничении логических и лингвистических знаний. Античный спор о природе слова, о характере связи между словом и предметом стал источником формирования древнейшей в Европе философии языка.

В Средние века вопросы, связанные с определением понятия, слова и значения, обсуждались в связи со спорами, возникшими между реалистами и номиналистами. Так, реалисты (например, Ансельм, епископ Кентерберийский) были убеждены, что общие понятия существовали до появления вещей, а вещи — только копии реальных названий. То есть, грубо говоря, вначале существовало слово, а уже потом появлялась вещь. Напротив, номиналист П. Абеляр, французский философ и поэт, утверждал, что общие понятия не обладают самостоятельной реальностью и являются результатом деятельности ума. Из этого следует, что названия вторичны по отношению к вещам.

Ряд английских мыслителей-номиналистов Нового времени (например, Т. Гоббс) полагали, что понятие обозначает «идею», выступает как имя или термин. Философ-материалист Т. Гоббс большое внимание в своих исследованиях уделяет учению об определении понятий. Полагая, что определение устраняет двусмысленность, Т. Гоббс пишет, что сущность определения кроется в фиксировании значения определяемых имен, в отграничении его от всех других значений. Философы XVII-XVIII вв. (Дж. Локк, Г. В. Лейбниц, Б. Спиноза и др.) обсуждали вопрос о том, знаком чего является ли слово. Знаком представления о предмете или знаком самого предмета. Свою концепцию определений английский философ Дж. Локк изложил в труде «Опыт о человеческом разумении» (кн. III, гл. IV). Дж. Локк считал, что слова обозначают идеи и образы в умах тех людей, с которыми мы общаемся. По мнению философа, определить — это значит помочь собеседнику, которому адресовано определение, понять, какую идею обозначает сложный термин, используя для этого слова, которые обозначают более простые, ранее известные им идеи. Он писал: «... слово определено тогда, когда посредством других слов идею, знаком которой является связанное с ней слово в уме говорящего, как бы представляют или предлагают взору другого, и таким образом устанавливается ее значение». Б. Спиноза предлагал рассматривать понятие так, чтобы из него, при осмыслении соответствующего предмета, можно было вывести все его свойства. В России вопросами логики и языка занимался М. В. Ломоносов. Сам термин *понятие* он, правда, не использовал, вместо него употреблял термин *идея* — простые и «сложенные» представления вещей в нашем уме.

В XIX в. в логике возрос интерес к проблеме соотношения имени и называемого им объекта, что заложило теоретические основы учения о значе-

нии слова. Всё внимание было обращено к денотативной теории значения, или теории наименования. Английский мыслитель Дж. Милль в работе «Система логики, силлогистической и индуктивной» писал: «Все имена есть имена чего-либо реального или воображаемого. Когда я утверждаю, что "солнце есть причина дня", я имею в виду физическое явление, а не свое представление о нем».

Дж. Милль был продолжателем разработанной его предшественниками Т. Гоббсом и Дж. Локком теории определений. Особенностью его учения об имени было различие денотата и коннотата. Денотат, считает Дж. Милль, — это предметы или сущности, относящиеся к имени, а коннотат — общие признаки или свойства объектов, обозначаемых соответствующим именем. Философ противопоставляет коннотативные имена, называющие предмет и имплицитные атрибут, неконнотативным, обозначающим или только предмет, или только атрибут. По мнению логика, коннотативное слово — это имя тех предметов, которые оно денотирует (т. е. называет). «Не узнав, какие предметы называет имя, нельзя понять его значения», — отмечает он. «Значение, — пишет он, — заключено не в том, что имя денотирует, а в том, что оно коннотирует, и у имен, лишенных коннотации, строго говоря, отсутствует значение».

Немецкий логик и философ Г. Фреге явился новатором в теории определений, разработав ее с точки зрения построения символического языка. Он убежден, что предметом определения явлений являются не имена или реалии, ими обозначенные, а понятия. Фреге полагает, что нужно установить точные границы каждого понятия, чтобы в дальнейшем иметь возможность выявить, подпадает ли предмет или ряд предметов под данное понятие. В этом он видит функцию определений, которые, по его убеждению, обязательно должны быть полными. Следует отметить, что логик различает процесс определения (*Definieren*) и определение как результат этого процесса (*Definition*). По мнению Фреге, определение должно отражать в равной мере значение, смысл символа и смысл знака. «Недостаточно установить лишь значение знака. Надо еще установить смысл символа, соответственно понятия, обозначенного словом или символом». Заслугой Фреге в разработке теории определений является то, что она строится на основе основных понятий логической семантики.

Как видим, при определении понятия внимание обращается на существенные признаки предмета, а слово рассматривается в узком смысле. В русле этой традиции и в лингвистике значение слова длительное время рассматривалось в его сопоставлении с понятием. Однако сущность данных категорий в лингвистической и философской литературе понимается неоднозначно. Логика и лингвисту трудно договориться об употреблении таких терминов, как *значение*, *смысл*, *обозначение* и др. В логике под термином *значение* понимается отношение знака (символа, слова) к внеязыковому объекту (денотату, референту). В лингвистике же с этим термином ассоциируется понятийное содержание языковых выражений. Проблема соотно-

шения лексического значения слова с понятием до сих пор не получила общепринятого решения: одни ученые отождествляют лексическое значение слова с понятием, другие придерживаются противоположного мнения. Так, по мнению Е. М. Галкиной-Федорук, понятие — знание о предмете наименования лежит в основе лексического значения слова.

Говоря о связи лексического значения слова с понятием, некоторые исследователи не считают целесообразным производить различие между ними. Так, И. С. Поцов утверждает, что понятия и значения слов не отличаются друг от друга принципиально. Эту же мысль развивает и Г. В. Колшанский, утверждая, что семантика слова по существу совпадает с понятием, выражаемым в слове. Ее разделяла также Л. С. Ковтун, полагая, что слово имеет в основе своего значения понятие. Лексическое значение рассматривалось ею как реализация понятия лексическими средствами. Через понятие значение слова представляет нашему сознанию лежащую в его основе реальность. А в известной работе «О значении слова» Л. С. Ковтун еще более категорично заявляет: нет оснований сомневаться в адекватности значения слова понятию.

Итак, даже краткий исторический обзор основных этапов научного осмысления сущности слова показывает, насколько трудным и длительным был путь к современным теориям слова и его значения. Но каким бы извилистым ни был этот путь, лексикологам удалось заложить основы лексикологии. 1. Был введен термин *определение*, или *дефиниция*. 2. Разработана структура дефиниции слова, определены ее основные виды и функции. 3. Сформулированы требования, предъявляемые к формулировке непротиворечивых дефиниций.

И все же *научное описание языка начиналось с исследования не лексики, а его звукового состава. Видимо, поэтому фонетический уровень является наиболее разработанным. В XIX веке теоретическое языковедение занималось преимущественно изучением звуковой стороны языка, в XX веке — его формальными аспектами. В центре внимания были фонетика и морфология. Учение о слове оставалось на правах лингвистической «затушки», поскольку лексика и семантика долгое время находились на периферии исследовательского внимания. В особую отрасль науки о языке лексикология выделилась только в XVIII в. Этому, как можно было убедиться из исторического экскурса, предшествовал длительный период ее становления сначала в рамках философии, а затем в процессе практической деятельности по созданию толковых словарей различных языков. Впервые (в 1763 г.) термин *лексикология* ввел в науку французские энциклопедисты Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбер. В XIX–XX вв. большой вклад в развитие лексикологии внесли В. фон Гумбольдт, Г. Пауль, С. Ульман, Й. Трир, Ш. Балли, Э. Сепир, Л. Вайсгербер, А. А. Потебня, М. М. Покровский, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, В. А. Звегинцев, Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян и др.*

1. Слово как единица и предмет лексикологии

Сравнивая слово с другими языковыми единицами, каждый придет к выводу, что это наиболее реальная величина. И действительно, если для идентификации фонемы или морфемы нам нужны определенные знания и опыт выделения этих единиц из речевого потока, то слово из высказывания вычленяется, как правило, достаточно легко. К тому же, воспринимается оно как основная единица языка. Такое интуитивное вычленение и понимание слова вполне соответствует научному. Его центробежный характер обнаруживается в том, что слово оказывается конструктивной единицей на всех уровнях языковой системы. Звуки речи рассматриваются в составе слова. Слово остается объектом изучения и при переходе на морфемный уровень языка, так как единицы этого уровня вычленяются из состава слов. На морфологическом уровне слово в одной из своих форм является носителем грамматического значения. Не умаляется роль слова и на синтаксическом уровне. Хотя основной единицей синтаксиса является предложение, словоформы, конституирующие высказывания, выражают те или иные члены предложения. Слова обозначают и интерпретируют явления действительности, служат репрезентантами мыслительных категорий. Это создает научную интригу для теории взаимоотношения языка, мышления и сознания и делает слово объектом логики, психологии, информатики и семиотики.

Обозначая предметы, их признаки и свойства, слова выполняют номинативную функцию, соотносясь с понятиями, являются носителями лексических и грамматических значений. И в силу этого употребляются самостоятельно, обладая целостным смыслом. Тогда как морфемы целостным смыслом не обладают. Не соотносясь с предметами и понятиями, они лишены лексических и грамматических значений. И поэтому они лишены самостоятельности — употребляютсся только в составе слова.

Вычленимы слова и в составе словосочетаний. Их значения соотносятся с какими-либо постоянными признаками предмета. Являясь носителями собственных лексических и грамматических значений, в словосочетании слова служат обозначениями разных свойств составного понятия или представления, свойства которых представлены двумя разными словами. Поэтому в предложении слова словосочетания служат разными членами предложения. Еще более отда-

лены друг от друга слова и предложения. Слово служит для обозначения отдельного предмета, а предложение — для обозначения события, связанного с предметом. Предложение, в отличие от слова, обладает способностью выражать пространственно-временные отношения. Ср. выделенные слова и однословные предложения: 1) *Старый, давно запущенный сад* в это утро казался таким молодым, нарядным (А. П. Чехов); 2) *Утро. Молодой, нарядный сад.*

Выводы очевидны: слово — универсальная единица языка; оно, хотя и может быть сходно с другими единицами языка, все же существенно отличается от них. Слово либо включает в себя другие единицы (фонемы, морфемы), либо участвует в создании других языковых единиц (словосочетания, предложения).

Слово — это комплекс звуков (иногда — один звук), выражающий какое-либо значение. Причём словом является не любое сочетание звуков, а только такое, которое служит для обозначения какого-либо явления окружающей действительности. Эта способность слова называть предметы, их признаки, действия, признаки признаков получила название номинативной (назывной) функции — от лат. *nomen* 'имя'. Номинативную функцию слово может выполнять потому, что выражает некий самостоятельный смысл, имеет значение.

Высказанные суждения кажутся простыми и понятными. Однако в учении о слове остается множество спорных вопросов. Назовем лишь основные проблемы лексикологии. Среди них:

1) проблема идентификации и определения слова в типологически разных языках мира (свойства и признаки русского слова отличаются от таковых слов в суахили или китайском, арабском, финском языках);

2) проблема значения, типов лексических значений и смысла: слово *уголь* имеет определенное объективное значение — 'черный предмет древесного происхождения, результат обжига деревьев, имеющий определенный химический состав, в основе которого лежит элемент С (углерод)'. Однако смысл слова *уголь* может быть совершенно различным для разных людей и в разных ситуациях. Для хозяйки слово *уголь* — 'то, чем разжигают самовар или то, что нужно для того, чтобы растопить печь'; для ученого *уголь* — это 'предмет изучения (строения угля, его свойств)'; для художника *уголь* — 'инструмент, которым можно сделать эскиз, предварительный набросок картины';

3) проблема парадигматических и синтагматических свойств единиц лексического уровня; парадигматика — тематическая группа веществ: *уголь, торф, соль, нефть*; синтагматика (сочетаемость): 1. *Добыывать (грузить, разгружать, покупать, продавать, завозить, привозить, экспортировать, заготавливать, носить, жечь, подбрасывать куда-л. (в топку, в печь) уголь. Выгрести угли из печи. Разводить самовар углем. Рисунок углем* (специально обожженными палочками). 2. *Торф в брикетах. Торфяное болото*. 3. *Есть без соли, купить соль; морская соль, пищевая соль; обмакнуть в соль; соль истории, Хлеб-соль, подносить хлеб-соль*. 4. *Залежи нефти. Разведка нефти. Месторождение нефти*;

4) проблема эволюции словарного состава и др. Ср. устаревшие слова: *бармица* — в Древней Руси ‘кольчужная железная сетка; прикреплялась к шлему воина для защиты шеи’; *бáять* — ‘говорить, рассказывать, толковать’; *талан* (тюрк. *talán* ‘добыча’) (нар.-поэт., простореч.) — ‘судьба, удача, счастье’. *Кому есть талан, тот будет атаман. Всякому свой талан* (А. Кольцов). Новые слова: *кофе-брейк* (*брейк* в спорте — ‘прекращение игры, боя’) — ‘перерыв на кофе’; *гламурный* (англ. *glamour*) — ‘эффектный, привлекательный, обаятельный, очаровательный, блистательный’.

* * *

Традиционно словарный состав любого языка подвергается, прежде всего, функциональному описанию. Здесь лексика рассматривается с точки зрения ее функционального предназначения. Такой подход направлен на выявление специфических свойств лексических единиц, обуславливающих соответствующие лексико-семантические категории и категориальные лексико-семантические отношения.

Лексический фонд многих языков обычно описывается по одной схеме.

1. Словарный состав рассматривается с точки зрения его происхождения (разграничиваются исконные и заимствованные слова). Наиболее типичными среди исконных слов являются термины родства (*мать, брат, дочь*); названия животных, растений, продуктов питания (*овца, бык, волк, верба, мясо, кость*); названия действий (*братъ, везти, велеть, видеть*); названия качеств (*босой, ветхий* и т. д.). Из других языков слова были заимствованы в разные эпохи; некоторые из них уже не воспринимаются как чужие (*грамматика, медицина, авто-*

мобиль, авиация, бензин). Другие служат символами нашего времени. Такими являются слова, вошедшие в современную русскую лексику из английского языка: *драйвер, конвертор, курсор, файл*.

2. По частотности разграничивают активную и пассивную лексику. К **активной лексике** относятся слова, часто используемые носителями языка. Значение этих слов понятно всем носителям русского языка. Например: *земля, учиться, ходить, красный, быстро, лишь, восемь*. К **пассивной лексике** относятся устаревшие и новые слова. Устаревшая лексика представлена историзмами и архаизмами. Первые — устаревшие слова, являющиеся названиями не существующих в настоящее время реалий, объектов действительности типа *чашиник* ‘боярин, ведавший винными погребами и подносивший напитки к царскому столу’; *биржа* ‘уличная стоянка извозчиков’. Вторые (архаизмы) — устаревшие слова, вышедшие из активного употребления, но и имеющие в языке синонимы. Различают архаизмы **разнокорневые** (*рамена* ‘плечи’) и **однокорневые**, которые в свою очередь подразделяются на **лексико-семантические** (*идол* — в значении ‘кумир’), **лексико-фонетические** (*осемь* — *восемь*), **лексико-словообразовательные** (*рыбарь* — *рыбак*), **лексико-морфологические** (*зала* — ж. р., уст. *зало* — ср. р.). Новые слова, или **неологизмы** (греч. *neos* ‘новый’ + *logos* ‘понятие, слово’) — лексические единицы, которые отмечены свойством новизны как в своем звуковом комплексе, так и в семантике. Так, в русском языке после Октябрьской революции появились новые слова: *нарком, чекист, красноармеец, коллективизация, раскулачить* и т. п. В современном русском языке это уже историзмы. В 60–70-е гг. XX в. появились *космодром, космонавт, приземлиться*. К неологизмам относятся также **окказионализмы** (от лат. *occasio* ‘случай’) — слова, созданные по нестандартным моделям. Они являются индивидуальными словами, используемыми только в данном контексте. Например: *Плясал на Дону ветер, гривáтил волны* (М. Шолохов).

3. По характеру выполняемых функций слова подразделяются на два больших разряда: а) слова с **номинативными значениями** (их назначение — называние явлений, предметов, их качеств), и б) слова с **экспрессивно-синонимическими значениями**, у которых преобладает эмоционально-оценочный признак (*гореть на работе, падать от усталости, задыхаться в условиях тоталитаризма, пылающий взор, летящая походка* и т. д.).

4. С точки зрения сферы употребления слова делятся на две группы: (а) общеупотребительные слова и (б) слова, ограниченные в употреблении. Основу лексического фонда любого языка составляет общеупотребительная лексика. Например: *дом, дороги, здоровый, приехать, один, много*. Ограниченными в употреблении являются диалектные слова, специальные слова (термины и профессионализмы) и жаргонные слова.

5. По стилистической окраске выделяется лексика *высокая, низкая, народная, книжная, вульгарная, жаргонная, диалектная*. Кроме того, описываются способы словообразования, толкуются явления *гипонимии, синонимии, антонимии, полисемии* и др. Такого рода описания — важнейшая составляющая лексикологии, к тому же подготавливает почву для системного структурирования словарного состава. И все же моделирование лексико-семантической системы опирается на иные принципы.

Функциональный подход, господствовавший в отечественном языкознании и ожививший зарубежную лингвистику в начале XX в. (Пражская функциональная школа), вывел науку о языке из гипнотического воздействия формы и вызвал интерес к семантическим механизмам языка. Пришло понимание того, что без формы нет языка, она важна не сама по себе, а лишь постольку, поскольку служит выражению мысли, является носителем семантики. Вместе с этим пришлось усвоить еще одну важную истину. Чтобы служить выражению мысли и быть гибким средством коммуникации, лексический уровень языка должен представлять собой не простую совокупность всех слов того или иного языка. Структурно-функциональные свойства лексики должны порождаться ее системным устройством. Как теперь уже доказано, структурно-функциональные свойства языка как раз обуславливаются двумя факторами: (а) системно-структурной организацией словарного состава и (б) его функциональным предназначением. Иными словами, для того чтобы язык мог выполнять свои функции, его словарный состав должен быть соответствующим образом упорядочен. Слова любого языка, или лексикон, имеют три назначения:

а) обозначать (называть, именовать) явления, предметы и понятия (так выполняется языком его номинативная функция);

б) одновременно с процессом номинации (называя предметы), фиксировать в языковом сознании человека результаты познания окружающей действительности (так формируется семантическое пространство языка);

в) отображать выработанное в обществе понимание связей и отношений между познаваемыми предметами (в результате такой когнитивной деятельности формируется система словонизменения — система грамматических форм и категорий, морфологические парадигмы и синтаксические модели).

Раздел языкознания, изучающий проблемы лексического уровня языка, носит название лексикологии (греч. *lexikos* + *logos* 'учение'). В самом общем виде лексикология — это раздел языкознания, изучающий словарный состав языка, или его лексический фонд.

К важнейшим проблемам лексического уровня относятся:

- слово как значимая единица лексики;
- лексическое значение слова, связь значения с понятием, типы значений слов;
- система связей значения внутри слова и между словами (т. е. на уровне одного слова и на уровне группы слов);
- различные группировки слов;
- их анализ с точки зрения исторического развития, сферы использования, стилистической принадлежности, активной или пассивной роли;
- пути и способы обновления лексической системы языка и др.

И это далеко не исчерпывающий все проблемы список. Его называют «узким». А если в раздел лексикологии включать ещё и учение об устойчивых сочетаниях слов (фразеологических единицах), а также учение о словарях — лексикографию, то этот список значительно увеличится. Правда, сторонников столь широкого понимания лексикологии становится все меньше, поскольку фразеологию и лексикографию все чаще считают самостоятельными дисциплинами (со своим объектом, предметом и методами изучения). Но в целом объем и границы лексикологии остаются все такими же неопределенными. Одни ученые в лексикологию продолжают включать семасиологию и этимологию, другие выводят их за ее пределы. Основания для этого тоже имеются. Семасиология (греч. *semasia* 'обозначение' + *logos*) — это наука, предназначение которой не исчерпывается только исследованием лексических значений — она изучает также и грам-

матическую, и словообразовательную, и фразеологическую семантику. Этимология, конечно, базируется в основном на изучении происхождения слов, их родственных отношений с другими словами того же самого или иных языков. Однако и она обслуживает, кроме лексикологии, другие смежные дисциплины, разгадывая этимологические лабиринты фразеологических сочетаний и отдельных морфем. Кроме того, в лексикологии много внимания уделяется семасиологии, т. е. науке о значении слов; этимологии (греч. *etymon* 'истина' + *logos*) — науке, изучающей происхождение слов, их родство с другими словами того же самого или иных языков, и др.

В современной лексикологии всё более четко разграничивают два подхода (аспекта) изучения словарного состава языка — ономасию и семасию. Ономасиология ориентирована на изучение словарного состава языка с точки зрения его номинативных средств, типологии словарных единиц языка и способов номинации. От ономасиологии следует отличать ономастику — науку об именах собственных, в рамках которой выделяют антропонику, изучающую имена людей, и топонимику, исследующую географические объекты. В центре внимания семасиологии находятся значения слов, типы лексических значений, семантическая структура лексемы.

В целом теоретическая лексикология противопоставляется прикладной. Ее задача — разработать методологические основы специального (научного, филологического) осмысления языка (человеческого языка вообще или какого-либо конкретного языка). Существует, например, теоретическая лексикология английского (немецкого, китайского, персидского) языка. Практически любой из этих разделов можно изучать с двух точек зрения: синхронической и диахронической. Синхронический подход в лексикологии ориентирован на изучение системы одновременно существующих лексических единиц того или иного языка, то есть слов относящихся к одному времени. Диахронический подход направлен на осмысление путей исторического развития лексики, закономерностей ее «изменения во времени».

Слово как единица языка

Слово как основная единица языка воспринимается и без особых доказательств. В ряду таких единиц языка, как фонема, морфема, словосочетание, предложение оно является основной единицей. И такое восприятие слова не является иллюзорным. Слово действительно

расположено в центре системы языковых единиц. Оно даже является объектом изучения разных лингвистических дисциплин.

Слова обладают значением, включаются в грамматические ряды слов, употребляются самостоятельно. Звуки же не имеют значений, они лишь участвуют в создании знаковых единиц языка, но сами самостоятельно не употребляются.

Слова могут внешне походить на морфемы. Ср.: *стол* – *столяр* – *столовая*; *снег* – *снеговик* – *снегопад*; *дождь* – *дождевой* – *дождевик*. Слова имеют самостоятельное значение, обозначают конкретные предметы действительности, имеют лексические и грамматические значения, употребляются самостоятельно, являются членами предложения. Морфемы лишены самостоятельных значений, не имеют лексических и грамматических значений, употребляются только в составе слова.

Слово входит в состав словосочетания как самостоятельная единица языка, поскольку существует как средство обозначения предмета или его постоянного признака (поэтому является носителем лексического и грамматического значений). Словосочетание же — составное обозначение (как правило, обозначает предмет и его признак: *солнечный день*, *писать стихи*, *самоотверженно защищать*), каждое слово в словосочетании служит отдельным членом предложения.

Слово связано и с предложением, если оно выражено одним словом типа *Лето. Темнеет. Прохладно*. Если слово обозначает отдельный предмет, то предложение обозначает событие. Как видим, слово действительно находится в центре языковой системы, так как оно похоже на другие единицы языка, но при этом существенно отличается от них. Слово либо включает в себя другие единицы (фонемы, морфемы), либо участвует в создании других языковых единиц (словосочетания, предложения).

Таким образом, слово — это цельнооформленная воспроизводимая единица языка, представляющая собой единство формы и содержания, служащая целям коммуникации.

В современной науке о языке общепринятого определения слова пока нет. Никто не возражает, что слово — основная единица языка. Однако дать ей определение оказалось непростым делом. В истории науки о языке известны две крайности. Одна из них состояла в том, что вместо слова в качестве основной единицы языка рассматривалась морфема. Слово, согласно американской дескриптивной школе,

оказывалось лишь простой последовательностью морфем. Правда, эта позиция дескриптивистов не устояла. Даже такой сторонник структурной лингвистики, как Ф. де Соссюр, основной единицей языка считал слово. Он писал: «До этого времени в отрасли языка всегда удовлетворялись операциями над единицами, как следует не определенными». И все же, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, замечает Ф. де Соссюр, слово является единицей, воспринимаемой нашим сознанием как нечто центральное во всем механизме языка. Не случайно в наше время насчитывается несколько сотен определений слова. Но, увы, ни одно из них не может удовлетворить современную лексикологию. Все существующие определения слова можно свести к шести основным:

1) слово — это предельный минимум предложения (Л. В. Щерба и др.);

2) слово — это минимальная синтаксическая единица (Э. Сепир, Л. Блумфилд, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.);

3) слово — это минимальная значимая единица речи (А. А. Реформатский и др.);

4) слово — это единица языка, совмещающая в себе фонетические, грамматические и семантические признаки (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Г. О. Винокур и др.);

5) слово — это обозначение элемента действительности (В. В. Виноградов, В. Дорошевский и др.);

6) слово — это самостоятельный и центральный элемент речи (Ф. Ф. Фортунатов, А. Мейе, В. В. Виноградов и др.).

Ни одно из этих определений не указывает на все основные дифференциальные признаки слова, необходимые для отграничения его от других языковых единиц. Ближе всего к такому идеалу приближается набор признаков слова, предложенный Н. М. Шанским. Ученый выделил предельный минимум признаков, характерных для слова. К ним относятся:

— фонетическая оформленность (каждое слово организовано по законам сочетаемости звуков в том или ином языке: *паста*, но не **атсап*, *плечи*, но не **ичели* — в русском языке в начале слов недопустимы сочетания звуков *атс-* и *ичел-*);

— семантическая валентность (каждое слово имеет только ему присущую смысловую сочетаемость: нельзя образовать сочетания **круглый квадрат* или **зеленое солнце*);

- недвуударность (*колесó, водá, плясáть*);
- лексико-грамматическая отнесенность (каждое слово относится к какой-либо части речи, т. е. лексико-грамматическом разряду);
- непроницаемость (внутри слова, как правило, невозможно вставить другое слово, за исключением отдельных местоимений типа *кто – ни у кого*. Кроме указанных, в качестве категориальных признаков слова называют: единство формы и содержания (звучания и значения), воспроизводимость, цельность и единооформленность, изолируемость и номинативность.

Более компактно признаки слова определил В. М. Жирмунский. Сущность слова он раскрывает через осмысление единства в слове трех его составляющих: фонетической, грамматической и семантической. Словом является не любое сочетание звуков, а только такое, которое служит для обозначения какого-либо явления окружающей действительности. Эта способность слова называть предметы, их признаки, действия, признаки признаков и т. д. получила название номинативной функции слова (от лат. *nomen* 'имя'). Основные признаки слова легли в основу его определения: 1) это языковая единица, имеющая (если она не безударная) в своей исходной форме одно основное ударение, 2) обладает значением, 3) лексико-грамматической отнесенностью, 4) относительной непроницаемостью и 5) свободной воспроизводимостью в речи.

Итак, слово — это основная номинативная, фонетически и грамматически оформленная по законам того или иного языка единица (как правило, непроницаемой структуры), служащая для обозначения предметов (явлений), их свойств, отношения к действительности, свободно воспроизводимая в речи и служащая материалом для построения высказывания.

2. Лексическое значение слова

По мнению Э. Кассирера, нет более запутанной и противоречивой проблемы, чем проблема значения. Термин *значение* употребляется в широком и в узком смысле. В широком смысле значением называется вся информация, носителем которой выступает слово. В узком смысле значением слова называют только основную часть его содержания — то, что данное слово обозначает. При этом значением

слова обычно называют не сам объект, явление, свойство или отношение в действительном или воображаемом мире, к которым слово отсылает (= референт, денотат), а их отражение в сознании человека в виде набора существенных признаков этого объекта, явления, свойства или отношения (= обыденное понятие, сигнификат).

Реальным приближением к решению проблемы значения слова можно считать «языковую игру», в понимании Л. Витгенштейна. «Языковая игра» базируется на манипулировании теми когнитивными моделями, по которым возникает смысл. Если придерживаться понимания того, что в значении слова пересекаются силы некоторой деятельности человека, то именно в этой системе координат «языковые игры» должны получить свое обоснование, интерпретацию и понимание. Исходя из положения о неразрывности мысли и слова, языковая игра помогает выявить в слове те смысловые грани, которыми «играют» слова в речи. Через «языковые игры» просматривается скрытая конфигурация *словесной матрицы*. Она позволяет понять, как в слове проявляется мысль, какими дискурсивными гранями отражается в высказывании.

Конфигурация словесной матрицы весьма информативна. Чем больше векторов мысли или рефлексивных векторов закреплено за словом, тем более оно информативно. «Энергично-смысловый потенциал» слова проявляется через его способность возбуждать сознание и активизировать восприятие и понимание слова. К тому же конфигурация словесной матрицы изменчива. Не существует раз и навсегда фиксированных матриц. Сила, мощь и энергия слова обуславливаются субъективной природой его возникновения, жизни и функционирования в мыслящем сознании человека. Жизнь слова как единицы сознания и языкового мышления состоит в изменении его смысловой матрицы под влиянием социальных, индивидуальных, культурно-исторических факторов. Такие изменения связаны с процессами расширения, сгущения, размывания, постепенного затемнения, угасания рефлексивных векторов в смысловых матрицах.

Матрица слова способна хранить память о представлениях, актуализованных изначально, фиксировать текущие представления и predisположена к отражению потенциально возможных впечатлений. Благодаря этой способности развивающаяся мысль как раз и воплощается в слове. Все изменения во внутренней форме слова являются проявлениями новой интерпретации обозначаемого предмета мыс-

ли. По мнению Л. С. Выготского, только отказавшись от постулата о неизменности и консервативности значения слова, наука может выйти из тупика в учении о взаимоотношении языка и мышления. Для этого необходимо, прежде всего, увидеть закономерности взаимного воздействия на уровне значения и смысла не двух, а нескольких речемыслительных категорий: *мышления — сознания — языка — речи*.

Для успешной реализации такой установки важно в развитии этой темы исходить из понимания того, что лексическое значение слова формируется и конкретизируется его речевыми смыслами. Слово, как полагает Бертран Рассел, имеет значение, которое можно установить только через наблюдение над его употреблением. Из него и извлекается значение. Справедливость этого суждения многократно подтверждается фактами обыденного общения. Когда значение слова нами воспринимается слишком расплывчато, мы просим своего собеседника его уточнить, используя известный в речи вопрос «В каком смысле?». Ср. диалог:

— Да!!! Мой муж — моя собственность....

— В каком смысле собственность? Полагаю, слово *собственность* здесь неуместно. Мы пришли в этот мир ни с чем, ни с чем и уйдем, поэтому собственности у нас вообще нет. Тем более живой человек, тем более муж! Мне бы было неприятно, если бы меня называли собственностью, как кошелек. Прости Господи!

— Думаю, применительно к человеку слово *собственность* звучать не должно. Вот я сегодня разговаривала с одной счастливой женщиной. Для нее муж — любимая, неотъемлемая часть ее собственной жизни. Наверное, это правильно.

3. Значение и смысл

С точки зрения знаковой теории языка, слово — двусторонняя единица. Она обладает звучанием (звуковой комплекс — материальный экспонент содержания) и значением: обозначая что-либо, выражает определенное содержание. Слово является словом постольку, поскольку оно имеет значение. Бессмысленное сочетание звуков словом не является. Однако какова природа и в чем сущность значения? На этот счет в науке о языке существуют разные мнения. Все многообразие определений значения, предлагавшееся в то или иное время представителями различных научных школ, можно сгруппировать в дефиниции двух основных типов:

1) определение значения как психической, отражательной сущности, соотносимой с такими психическими явлениями, как представление, эмоции, понятие;

2) определение значения как реляционной сущности содержит несколько направлений таких отношений:

- отношение словесного знака к предмету — с этой точки зрения выделяют денотативное значение слова;

- отношение словесного знака к понятию — с этой точки зрения выделяют сигнификативное значение слова;

- отношение словесного знака к условиям речевого акта и его участникам — с этой точки зрения выделяют прагматическое значение;

- соотнесение словесного знака с физиологической реакцией на речевой стимул (значение в понимании Л. Блумфилда),

- отношение словесного знака к сфере или ситуации его употребления — с этой точки зрения выделяют стилистическое значение;

- отношение словесного знака к другим знакам — с этой точки зрения выделяют структурное значение.

Все это лишь подчеркивает неоднозначность термина *значение слова*. Употребляется он в широком и узком смысле. В первом случае он отождествляется с термином *семантика слова*, обозначающим одновременно и (а) лексическое, и (б) грамматическое значение слова. Во втором случае его содержание равноценно лексическому значению. Предметом лексикологии является лексическое значение слова, значения же грамматические — предмет изучения морфологии.

Вопрос о сущности лексического значения слова продолжает оставаться открытым и в современном языкознании. Прежде всего, спорят о когнитивной природе лексического значения, о том, что лежит в его основе: обозначаемый предмет или результат его осмысления — понятие. Действительно, в лексическом значении слова фиксируются знания и о предмете именовании и о том, как именуемый объект представляется нашему сознанию. Так, слово *волынка* имеет два лексических значения, настолько разных, что обуславливает отнесение данного звукосочетания к экспонентным структурам двух разных слов — омонимов. Ср.: *Волынка*¹ — ‘народный духовой инструмент из нескольких трубок, вделанных в кожаный мешок или пузырь, через который вдвухается воздух’. *Волынка*² (прост.) — ‘медлительность в каком-н. деле, намеренное его затягивание’: *тянуть волынку* (*волы-*

нить). В значениях этих одинаковых по звуковому составу слов отражены наши представления (1) о существенных признаках данного инструмента и (2) о признаках ситуации, связанной с медлительностью. Слово *волынщик*¹ имеет лексическое значение 'музыкант, играющий на волынке'; в этом значении отражено отношение человека к волынке-инструменту. В слове *волынщик*² отражены существенные стороны признака, присущего тому, кто тянет волынку. Отсюда *волынщик*² 'тот, кто волынит'. Связь слова и понятия закрепляется гносеологически, поскольку понятие всегда в сознании человека и оформляется, и выражается с помощью слова. Даже существуют теории, согласно которым понятие отождествляется с лексическим значением слова. И все же, как показывает анализ словарного состава любого языка, понятие и лексическое значение слова не тождественны. Это выражается в том, что все слова обладают значением, но не все слова выражают понятия. Междометия, например, как эмоционально значимые слова, выражающие чувства (удивление, печаль и т. д.), имеют в языке определенные значения, но понятий не выражают. Для того чтобы выразить понятие, соответствующее, например, чувству, передаваемому междометием, мы будем вынуждены использовать соответствующее существительное. Если, например, междометие *бр-р-р* выражает только чувство отвращения, то существительное *омерзение*, в отличие от междометия, называя это же чувство, выражает и понятие о нем — 'чувство гадливости, отвращения'. Лишены понятийной составляющей и значения имен собственных. Имена *Пелагея* и *Петр*, например, служат различению лиц, но лишены понятийного значения. Изначальное понятийное содержание каждого из этих имен уже не актуально для нашего языкового сознания, хотя когда-то они его имели. В качестве имени собственного слово *Пелагея* пришло к нам из древнегреческого языка, где оно означало 'морская'; *Петр* — тоже древнегреческого происхождения. Изначально это слово употреблялось в значении 'скала, утес, каменная глыба'. Даже их носители не всегда знают смысл своего имени. Пелагее свойственны практический ум, сильная воля, но полностью отсутствует интуиция. Она стоит прочно на земле, обладает врожденным чувством порядочности, может быть милосердна и склонна к самопожертвованию. Петр — человек с сильным характером; он крепок как камень, уверен в себе и всегда доводит начатое до логического завершения. В наше время эти слова в функции имен собственных используются

по традиции, а их понятийное содержание уже не актуально, поэтому не находится в светлой зоне нашего сознания. Также не выражают понятий местоимения, предлоги, союзы, частицы, числительные.

Большинство же слов в качестве смыслового ядра содержат в своем лексическом значении понятия. Однако и их лексические значения не исчерпываются понятиями. Наряду с ним в лексическом значении имеются такие элементы, которые выражают различные эмоции, оценки и отношения говорящих. Это хорошо иллюстрируют синонимические ряды слов. Ср.: *бояться, опасаться, пугаться, робеть, страшиться, трепетать, трусить, ужасаться*. И ядро, и периферия одинаково важны для лексического значения, поскольку каждая обозначаемая словом реалия говорящими на том или ином языке осмысливается по-разному. Значит, для общения одинаково важны и (а) *смысловой код* — *понятийное содержание* или *понятийная дефиниция* и (б) *эмотивно-экспрессивные элементы* в составе семантики слова. В связи с этим следует различать такие активно используемые понятия, как значение и смысл слова.

Впервые *значение* и *смысл* были разграничены в работе А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике». Учений полагал, что значение слова выступает как диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания. Будучи прикреплено к определенному языковому комплексу, оно вместе с ним образует слово, являющееся единицей языка, и в качестве таковой связано фонетически, грамматически с другими словами. Являясь отображением каких-либо явлений внеязыковой действительности, оно включает в себя понятие об этих явлениях, которые и представляют собой его внутренний стержень.

В речи, полагал А. А. Потебня, мы имеем дело с еще одним типом передаваемой с помощью языка информации — со смыслом. Под значением слова, — писал ученый, — вообще понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим значением, другую, составляющую предмет других наук, назовем дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение слова составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова. Ближайшее значение — это смысл слова, в котором оно употребляется в данном речевом акте. Ему противопоставляется дальнейшее значение, которое ныне называют системным, или просто значением слова.

Ближайшее значение слова выражает одинаковое для говорящего и слушающего представление, благодаря которому они понимают друг друга. Можно сказать, что ближайшее значение слова общенародное, тогда как дальнейшее у каждого человека может различаться и по качеству и количеству смысловых элементов. Так, например, Л. Г. Воронин предлагает различать смысловое значение слова и понятие. Смысловое значение слова — это такое его выражение, при котором в слове выражается совокупность любых признаков предмета или явления. Понятие же есть отражение определенной совокупности общих и существенных признаков предмета.

Смысловое содержание слова ситуативно, выражает представление о предмете в момент сообщения мысли. Такое представление может опираться не на существенные, а на периферийные, факультативные признаки предмета. Значение же слова понятийно ориентированное, выражает категориальные свойства обозначаемого предмета.

В начале XX в. эту мысль развивает Г. Фреге в известной статье «О смысле и значении». Значение — это способность имени к референции и денотации, а смысл — это способ представления предмета-денотата. Можно сказать, что смысл слова — это то его содержание, которое применимо к конкретному денотату. Оно, как правило, находится в сопряжении с всевозможными видами неязыкового мыслительного содержания, энциклопедической, ситуативной и контекстуальной информацией, невербальными образами сознания и речевыми коннотациями. Между значением и смыслом существуют очень сложные взаимоотношения, выражающиеся в правилах семантической деривации, правилах переносного употребления значений, правилах употребления родовых значений вместо видовых и т. д. В наиболее лаконичном изложении **з н а ч е н и е** представляет собой языковую форму, модель, схему денотата; **речево́й с м ы с л** — это план содержания слова, включающий (а) языковое значение, (б) контекстуальную, (в) ситуативную и (г) энциклопедическую информацию.

Академик В. В. Виноградов обращал внимание на то, что в системе языка смысловая палитра слова не исчерпывается свойствами ему значениями. Отразить богатство смысловых оттенков слова как единицы языковой системы сложно. Поэтому Л. А. Новиков в своей известной книге «Семантика русского языка» предложил под **смыслом** понимать отношение слова (во всей совокупности его синтаксического, структурного и прагматического значений) к рефе-

ренту (конкретному именуемому предмету) в данной коммуникативной ситуации.

Изучение внутреннего своеобразия лексических значений с точки зрения современной семасиологии еще продолжается. Скрытые механизмы его организации еще предстоит раскрыть. Видимо, поэтому, из-за нераскрытой пока семасиологической загадки, в науке о языке предмет семантического анализа продолжает оставаться размытым. Нередко рассматривают не само значение слова, а то понятийное содержание, которое за ним стоит. Особенно часто это обнаруживается при компонентном анализе лексики. Объяснение этому, конечно, можно найти. Дело в том, что значения слов в конкретном речевом употреблении (их контекстуально-ситуативные смыслы) не всегда легко определяются. А ведь слова начинают обладать смыслом только в контексте. Это происходит тогда, когда тот или иной ракурс значения слова становится для общающихся коммуникативно значимым.

В современной лингвистике выделяются следующие компоненты значений: 1) эмпирический — результат конкретного понятийного и образно-чувственного мышления, отражающего действительность в форме понятий и представлений; 2) рациональный — результат абстрактного понятийного мышления; 3) коннотативный — результат слабо расчлененного логически отражения действительности, связанного с чувственно-ситуативным мышлением.

Вопрос о типах лексических значений впервые был поставлен академиком В. В. Виноградовым. Он выделяет следующие типы значений:

- основные или первичные и производные или вторичные (по типу деривационных отношений);
- прямые и переносные (по характеру их предметно-понятийной соотнесенности);
- прямые номинативные и экспрессивно-синонимические значения (по парадигматическим связям слов, по их месту в составе парадигмы).

Синтаксически свободные и несвободные значения: фразеологически связанные, функционально-синтаксически ограниченные и конструктивно-обусловленные.

Несовершенство этой типологии — в ее многоаспектности, в отсутствии единой основы. Действительно, при классификации значе-

ний принимаются во внимание самые разнообразные признаки слова: семантические, функционально-синтаксические, формально-грамматические, деривационные и др. Поэтому типология лексических значений, разработанная В. В. Виноградовым, продолжает уточняться многими современными учеными.

Семантическая структура слова может представлять комплекс взаимосвязанных отдельных значений в многозначном слове и одно значение в моносемантическом, при этом семантическая структура простого слова не идентична таковой в производном и сложном слове. С. Н. Муране считает, что специфические свойства однозначных слов обозначаются при сопоставлении их с многозначными словами. Эти два основных типа слов различаются своим отношением к выражаемой мыслительной структуре: однозначное слово отличается четкой понятийной отнесенностью, многозначное включает в свой смысловой объем значения, выражающие разные понятия. Различный смысловой объем обуславливает различие связей и соотношений этих рядов слов с другими словами в лексической системе. Однозначность обуславливает слабые связи слов с другими лексемами и усиление предметных фактов на их парадигматические и синтагматические свойства. Все это отражается на своеобразии внутреннего устройства значений одно- и многозначного слова.

4. Семантическая структура слова

Семантическая структура слова представляет собой некую упорядоченную совокупность его минимальных смыслов. Наименьшие смысловые элементы семантической структуры слова называются семами. Семантическая структура однозначного слова сводится к его семному составу. Так, семантическая структура слова *удочка* состоит из следующих сем: *инструмент (снасть), для ловли рыбы, длинная палка, с леской и крючком*. Употребляется слово в составе фразеологических единиц. Ср.: *Закинуть, забросить удочку* — 'осторожно попытаться разузнать что-н.; намеренно на что-н.' (разг.). *Поймать (поддеть) на удочку кого-н.* — 'обманом, хитростью выведать что-н.' (разг.). *Попастись на удочку* — 'дать себя обмануть, перехитрить' (разг.). *Смотать удочки* — 'уйти, уехать откуда-нибудь'. *Сматывать удочки!* — 'уйди, убирайся!' (прост.).

Простейшим элементом семантической структуры многозначного слова является его лексико-семантический вариант (ЛСВ). Упорядоченная совокупность ЛСВ образует семантическую структуру многозначного слова. Так, в семантической структуре слова *старый* выделяют 9 ЛСВ. Ср.:

1. *Достигший старости*. Старый человек. И стар и млад (все без исключения — и старые и молодые; устар.). 2. *Давний, существующий с давнего времени, долго*. Старый друг. Старый долг. Старая истина. Старые пашины. 3. *Долго бывший в употреблении*. Покупка старых учебников. Старый дом. Старое платье. 4. *Уже не действительный, негодный*. Старый билет. 5. *Старинный, древний*. Старые манускрипты. 6. *Прежний, не современный, устаревший*. Старый порядок. Старые времена. Старый режим. Старая мода. Смело ломать старое (сущ). 7. *Бывший прежде чего-н. другого, предшествующий*. Вернуться на старую квартиру. Восстановить с. вариант текста. 8. *Не являющийся новичком, давно где-н. находящийся, живущий, работающий*. Старые ученики вместе с новичками. С. солдат (давно служащий). 9. *старо* (сказуемое). *О том, что давно известно, не ново* (разг.) Старо как мир (давно известно всем; книжн.).

Каждый ЛСВ этого слова связан с другими ЛСВ определенными отношениями, прежде всего, нерархическими. Нерархические отношения — это выражение подчинения зависимых ЛСВ от главного ЛСВ. В семантической структуре слова ЛСВ связаны друг с другом общностью их внутренней формы, их взаимной мотивированности, выводимости друг из друга. Поэтому в словарях каждый предшествующий ЛСВ определяет толкование последующего. Здесь нерархически главный ЛСВ — ‘*достигший старости*’, в содержании которого в наибольшей степени проявляется внутренняя форма. С этим ЛСВ метафорически связаны все остальные ЛСВ слова *старый*. При этом представление о давно существующем присутствует в толковании значений всех ЛСВ этого слова и внутренне связывает их в единое целое. Основанием для выделения главного и частных ЛСВ служат различный характер взаимодействия слова в таких значениях с контекстом, т. е. фрагментом текста, необходимым и достаточным для определения того или иного ЛСВ.

Главный ЛСВ в наименьшей степени обусловлен контекстом. Он является семантически наиболее простым по своему содержанию и обладает в силу этого самой широкой и свободной лексической сочетаемостью. Все прочие его ЛСВ выступают как частные. В частных

значениях по сравнению с главным слово в значительно большей степени обусловлено контекстом, присоединяет к себе его элементы и является в силу этого семантически более сложным.

Главный ЛСВ называют первичной семантической функцией слова, частные значения — его вторичными семантическими функциями. Наряду с частными ЛСВ главный ЛСВ выделяется как инвариант семантической структуры (от лат. *invariant* 'неизменяющийся'). Он совмещает в себе содержания всех ЛСВ слова *старый*, является его постоянным, неизменным элементом. Он является предельно обобщенным и семантически простым содержанием и представляет собой лингвистическую абстракцию, полезную для семантического анализа слова. Отношение частных ЛСВ многозначного слова к его главному ЛСВ позволяет установить их семантическую иерархию по степени близости к нему. Центральные, доминирующие ЛСВ оказываются семантически наиболее простыми; периферийные — более сложными. По этой причине они располагаются дальше от главного ЛСВ. Со временем те или иные ЛСВ в семантической структуре многозначного слова могут отмирать. Например, ЛСВ «красивый» в общеславянском по своему происхождению прилагательном *красный* (ср. *Красная площадь*) было исторически исходным, главным в слове, образованном от той же основы, что и слово *краса*. В значении цвета слово *красный* стало употребляться позднее, в эпоху раздельного существования вост.-слав. языков. Это значение стало главным ЛСВ, приведя к частичной перестройке семантической структуры слова *красный*. Вместе с тем семантическая структура слова постоянно обогащается новыми ЛСВ, поскольку слово — единица «открытой» лексической системы. Так, семантическая структура слова *морж* пополнилась ЛСВ 'человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоемах' (ср. *секция моржей*); семантическая структура слова *бомбардир* обогатилась ЛСВ 'результативный нападающий игрок в футболе, хоккее' (ср. *лучший бомбардир сезона*) и др.

В семантическую структуру слова входят компоненты разных видов:

1) предметные (результаты отражения в общественном сознании конкретных предметов и их классов);

2) понятийные (результаты обобщенного отражения в общественном сознании наиболее существенных свойств целого класса однородных предметов);

3) эмоционально-экспрессивно-оценочные (представляющие отражение отношения говорящего к обозначаемому объекту применительно к тем или иным условиям общения);

4) системно-языковые (вытекающие от отражения места слова в системе языка)

Понятийный компонент значения может быть научным и обиходным, общепарадным или индивидуальным. В речи понятийный компонент, как правило, актуализуется не в полном объеме, а лишь в той части, которая оказывается востребованной условиями коммуникации и стилем речемышления.

Б. Мотивированность слова

Возникновение и функционирование слов обусловлены главным образом потребностями общения. Изначально появление в языке того или иного слова связано с процессами номинации (именования, или называния) того или иного объекта, явления, свойства и т. д.

Номинация — обозначение отдельных предметов и классов предметов, их свойств и отношений, а также фактов, событий и ситуаций, — предельно сложный процесс. Он характеризуется многообразием форм, способов, функций. В общих описаниях процессов номинации особое внимание уделяется критериям разграничения процессов номинации.

Первым критерием служит тип языковых форм и объектов номинации. В зависимости от используемых языковых форм — слов, словосочетаний или предложений — в пределах общей категории номинации выделяют: а) лексическую номинацию — именование с помощью слов и словосочетаний; б) пропозитивную номинацию — именование с помощью предложений; в) дискурсивную номинацию — именование текстом.

Лексическая номинация используется, как правило, для именования предметов внешнего и внутреннего опыта человека.

Объектами лексической номинации, или номинатами, выступают самые разные объекты действительности: предмет, качество, процесс, отношения (временные, пространственные, количественные), то есть любой реальный или мыслимый объект. Названные элементы номинации находят выражение в любом языке и формируют объективный фундамент для возникновения основных классов слов, их назы-

вающих. Такими классами слов выступают известные всем части речи: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, числительные, различного рода служебные слова. Хотя лексикология занимается лексической номинацией, ее своеобразие выявляется через сопоставление с другими видами номинации.

При препозитивной номинации объектом именования выступает микроситуация — событие, факт, объединяющие ряд элементов и представляющие собой сложные и многоплановые образования. Объектом дискурсивной номинации избирается целая цепь взаимосвязанных ситуаций. Очевидно, что по мере усложнения объекта номинации возрастает и сложность используемых средств номинации.

Определенное влияние на создание специфической языковой картины мира оказывает различная продуктивность использования в языках тех или иных способов наречения. В английском языке широкое применение нашли заимствование и словосложение, не столь распространенные, например, во французском языке. И все же главной причиной этнокультурного своеобразия языковых картин мира является специфика номинативной деятельности человека. С одной стороны, такая деятельность универсальна в своих процессуальных аспектах, с другой — нередко неповторима при выборе свойств и признаков, избираемых в качестве основы наименования. Об этом свидетельствуют многочисленные несовпадения даже в звукоподражательной лексике, в которой, казалось бы, единая техника номинации (имитация) и единый набор свойств (звуковые проявления), избираемые как основание для наименования, должны были бы обеспечить тождественный в разных языках результат. Такого тождества, однако, не происходит. Ср., например, англ. *cock-a-doodle-do* и рус. *кукареку*, англ. *tew-tew* и рус. *мяу-мяу*, англ. *quack-quack* и рус. *кря-кря*. Такие примеры, наряду с некоторым сходством звуковых форм, обладают значительными различиями.

Еще более яркие расхождения наблюдаются там, где выбор свойств и признаков именуемого объекта, избираемых в качестве основы номинации, свободен и достаточно произволен. Такой способ наименования свойственен вторичной номинации. Что же служит мотивирующим фактором при выборе основополагающего для номинации признака? Это (а) многообразие свойств, отношений и связей обозначаемых объектов, (б) их изменчивость и развитие при сохранении тождества, (в) индивидуальность каждого отдельного

объекта в классе однородных сущностей, равно как и (г) специфика восприятия одного и того же объекта в разных ситуациях и разными людьми. Все это как раз и позволяет в процессе номинации опираться на два типа признаков именуемого объекта: а) на его сущностные, чаще всего функционально значимые свойства и связи с другими предметами, и б) на случайные, периферийные, второстепенные или, казалось бы, незначительные свойства.

Выбор столь широкой гаммы мотивации именования познаваемых объектов становится возможным благодаря особому устройству языкового знака. Несмотря на прямое и неразрывное единство формы и содержания словесных знаков, сам звуковой комплекс, избираемый для наречения того или иного объекта и выражения определенного содержания, не зависит от обозначаемой вещи. Иначе говоря, означающее по отношению к означаемому условно, произвольно. Об этом свидетельствует сам факт существования различных языков. При первичной номинации у означающего словесного знака с означаемым нет никакой естественной связи. Вследствие произвольности языкового знака выбор звукового комплекса, нужного для обозначения, не обусловлен никакими свойствами обозначаемого предмета (явления). Это открывает широкие возможности использовать в процессе номинации самые разные технические приемы и способы. К таковым относятся: а) звукоподражание, использование звукового комплекса, означающего какой-либо из признаков, присущих обозначаемому явлению — наиболее распространенный способ номинации, б) словообразование (производство одного слова от другого слова), в) словосложение, г) образование фразеологизмов. д) заимствование и е) калькирование. Названные способы номинации являются универсальными для всех языков мира. Используя, однако, довольно ограниченную систему способов выражения смысла и принципиально единую технику номинации, разные этноязыковые сообщества создают, тем не менее, оригинальные системы наименований. Такие знаковые системы упорядочивают все многообразие объектов внешнего и внутреннего мира людей и в итоге являются своеобразными языковыми картинами мира.

Уникальность каждой языковой картины мира обуславливается разными факторами. Одним из них служат самобытные условия жизни того или иного этноязыкового сообщества: территориальные, климатические, экономические, социальные и т. д. Они, собственно, и

порождают так называемые языковые уникалии. К ним, прежде всего, принадлежит безэквивалентная лексика, обозначающая реалии (предметы и явления), сопровождающие быт и деятельность только данного этноязыкового коллектива. Поэтому такая лексика не имеет однословного перевода в других языках. Трудности ее перевода обусловлены тем, что она называет специфические реалии аборигенной (местной) культуры. Если же все-таки возникает потребность в их обозначении на другом языке, прибегают к заимствованию такой безэквивалентной лексики. В результате в заимствующем языке появляется экзотическая лексика, или экзотизмы. Понятно, что значения таких слов не столько раскрывают всю смысловую гамму чужой культуры, сколько символизируют ее, ассоциируясь с соответствующей страной. Так, слова *эсквайр*, *спикер*, *крикет*, *шиллинг* прочно ассоциируются с Англией; *джейлау*, *кишлак*, *арык*, *бехканин* — знаки-символы среднеазиатской культуры; *сакура*, *гейша*, *икэбана*, *сакэ* — символы традиционной японской культуры; *баз*, *курень*, *майдан*, *привада* — знаки-символы донского казачьего быта. Наряду с экзотизмами практически в любом языке имеются этнографизмы. Они могут быть внутриязыковые и межьязыковые.

Первыми оказываются лексические диалектизмы, которые не имеют синонимов, поскольку называют предметы, явления и производственные процессы, характерные для жизни населения конкретной местности. Например: *золить* — кипятить с золой или заливать кипятком с золой (белье, пряжу и т. п.); *одонье* — скирд необмолоченной ржи или пшеницы размером в 15-20 копен, сложенный особым способом для длительного хранения под открытым небом; *окорять* — снимать кору с деревьев (при добыче смолы и под.); *острамок* — небольшой остаток от стога сена, который можно увезти за один раз, на одном возу; *пагольник* — верхняя часть чулка, носка или сапога, прикрывающая голень (носится также и без нижней части).

Вторые — это лексемы, которые хотя и принадлежат одной этноязыковой культуре, получили распространения в других языках. Так, у южных славян, молдаван, валахов и венгров широкое распространение получило слово *hayduk*. Им обозначали повстанца на Балканах и в Венгрии; партизана, боровшегося за народную свободу, против гнета турецкого султанского правительства. Полагают, что в русский язык слово *гайдук* проникло через польское посредство из венгерского. Кроме того, этим же словом именуется одна из этнографических

групп венгров. Этимологически эта лексема происходит к тюркскому оригиналу *qaydaq* 'одинокий, холостой человек; молодец'. Экзотизмы нередко оказываются ключом к пониманию прошлого этнокультуры. Вот почему лексикологические разыскания экзотизмов служат важным инструментом в исследованиях дописьменной духовной культуры. В отечественной лингвистике такими, прежде всего, являются изыскания этнолингвистической школы Н. И. Толстого, за рубежом — труды основоположника польской этнолингвистики Е. Барминьского.

Национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии серий специфических слов, но и в отсутствии слов для значений, выраженных в других языках. Такие «пробелы», «белые пятна» в языковой картине мира называют *лакунами* (лат. *lacuna* 'углубление, впадина, полость') — пробел, пропуск, недостающий в этноязыковой системе знак. Подобного рода «черные дыры» имеет семантическое пространство каждого языка. Лакуны, как и безэквивалентные слова, обнаруживаются только при сопоставлении разных языков. Причины языковой лакунарности хорошо известны. Чаще всего лакуны появляются при необходимости назвать реалию, отсутствующую в данной культуре. Так, русское языковое сообщество в судебной ситуации использует защитника и называет его словом *адвокат*. В английском же языке, кроме слова *lawyer* 'юрист, адвокат', есть еще несколько обозначений разновидностей адвокатской профессии: *attorney* 'уполномоченный, поверенный', *barrister* 'адвокат, имеющий право выступать в высших судах', *solicitor* 'стряпчий (консультирует клиентов, в том числе организации и фирмы; подготавливает дела для барристера; имеет право выступать в низших судах)', *counsel* 'юрисконсульт', *counsellor* 'советник', *advocate* 'адвокат высшего ранга'. Во всех этих случаях русский язык обходится одним словом — *адвокат*.

Второй фактор возникновения языковой лакунарности обуславливается не отсутствием в одном из языков соответствующего денотата, а тем, что данному этноязыковому сообществу не важно обозначать то, что различает другая этнокультура. Так, в английском языке появилась лакуна для передачи различий, обозначаемых двумя русскими словами *девочка* и *девушка*. Английской этноязыковой культуре такие различия не важны. Поэтому этим двум русским словам соответствует одно английское слово *girl*. Подобную диспропорцию

иллюстрирует различие англичанами берега реки и берега моря: для обозначения первого служит слово *bank* 'берег реки', а для названия другого — слово *shore* 'берег моря'. Русские же вполне обходятся одним словом — *берег* (примеры В. И. Жельвиса).

Причины выбора разных признаков в процессах номинации — проблема занятая, но не лингвистическая. Это скорее предмет физиологии и психологии. Для лексикологии гораздо важнее вопрос о соотношении формы и содержания слова. В этой связи принципиальное значение приобретает проблема мотивированности слов, проблема их внутренней формы. Раскрыв внутреннюю форму слова, мы получаем возможность определить конкретный способ выражения понятия, выявить связь между формой (звуковым комплексом) и содержанием словесного знака. Мотивированность не обязательна для успешного функционирования языка. Однако необходимость ее осмысления возникает при обращении к проблеме вторичной номинации, когда первоочередным становится выяснение закономерностей использования слова в процессах вторичного именования. Внутренняя форма слова становится важнейшей чертой, той демаркационной линией, которая разделяет весь словарный состав любого языка на единицы мотивированные и немотивированные (первообразные). Оказывается, положение о произвольности языкового знака диалектически противоречиво. Прежде всего, неопровержимой является неразрывная связь между звучанием и содержанием, являющаяся неперенным условием существования любого слова. Вот только в мотивированных словах эта связь носит детерминированный характер, а в немотивированных словах она условна, произвольна. Так, в современном английском языке слова *black* в значении 'черный', *salt* в значении 'соль', *ten* 'десять' и многие другие не отражают в своей звуковой форме ничего, что «подсказывало бы» говорящим их значение, и являются немотивированными первичными лексическими единицами. Напротив, слова типа *clap* 'хлопать в ладоши', *cluck* 'кудахтать, клохтать', *chairbed* 'кресло-кровать', *poetess* 'поэтесса', *sable* в значении 'собольих мех', *warm* 'горячий, сердечный, теплый (о цвете)' и многие другие, мотивированы. К тому же и способы их мотивации разные. В звукоподражательных словах *clap*, *cluck* и им подобных звуковая оболочка как бы имитирует звуки, характерные для предмета или сопровождающие то или иное его действие. Сравнение звукоподражательных слов в разных языках убедительно демон-

стрирует, насколько приблизительна эта имитация. Ср.: англ. *cackle* и рус. хихикать, англ. *hiss* и рус. шипеть, англ. *bubble* и рус. булькать, пузыриться (о воде), англ. *whimper* и рус. хныкать др. Фонетическая мотивация, однако, представляет собой лишь частный и не самый распространенный способ мотивации.

Значительно чаще в языках встречаются морфологическая и семантическая мотивации. При **морфологической мотивации** лексическое значение слова «подсказывается» самим ее морфемным составом, что очевидно в приведенных выше примерах *chairbed* и *poetess*. Таким образом, звучание и значение морфологически мотивированного слова обуславливаются звучанием и значениями соединяемых в слове морфем.

В основе же **семантической мотивации** лежат связи (реальные и нереальные, существенные и несущественные), которые обнаруживаются между первичным обозначением имени и теми объектами, для наименования которых данное имя вторично используется. Соответственно основой семантической мотивации служат и сами связи между первичными и вторичными значениями слова. Слово *sable* в значении 'соболий мех' предстает как мотивированное первичным значением 'соболь', а слово *warm* в указанных значениях мотивируется первичным значением 'теплый'. В процессе функционирования мотивированность слова может изменяться, полностью или частично исчезать. Причины утраты мотивации, или демотивации слова различны. Это:

- фонетические изменения (напр., *cupboard* 'буфет');
- потеря признака, по которому был назван предмет (напр., *blackboard* 'классная доска', которая в настоящее время не обязательно должна быть черного цвета);
- утрата или изменение значения мотивирующей единицы вплоть до полного выхода ее из употребления (напр., *happy* 'счастливый', образованное от устаревшего 'случай, счастливая случайность') и т. д.

Главная же причина демотивации лексических единиц заключается в ненужности мотивированности слова в процессе его использования как средства общения.

Конечно же, при появлении слова мотивация архиважна. Она облегчает рождение слова, запоминание и распознавание его смысла. Благодаря мотивации в сознании говорящих закрепляются связи и ассоциации, проецируемые именами соответствующих явлений

целесообразности. Иначе говоря, мотивация имен выступает в качестве опоры при возникновении, хранении и распознавании слов. Поскольку мотивация слова отражает не всю совокупность наиболее существенных его свойств, и лишь один (нередко второстепенный) отрицательный признак называемого объекта, то она может оказаться избыточной. Особенно это явственно проявляется тогда, когда слово становится привычным обозначением объекта. Не случайно, что наиболее употребительные и самые важные для обывденного общения слова являются немотивированными, хотя этимологические исследования показывают, что когда-то они возникали как мотивированные слова.

Таким образом, в лексической системе наблюдается диалектическое противоборство двух важнейших принципов: произвольности, условности словесных знаков и их мотивированности. Причем один из них может оказаться на той или иной стадии развития языка доминирующим. Это позволяет говорить о разной степени мотивированности языка, которая становится типологической характеристикой. По данным С. Ульмана, древнеанглийский язык, например, был более мотивированным языком, чем современный английский. Утрата мотивации словарного состава английского языка объясняется, прежде всего, большим количеством в современном английском языке заимствований — французских и греко-латинских.

Количественное соотношение немотивированных и мотивированных слов и относительная частота разных видов мотивированности в разных языках зачастую не совпадают. В результате этого немотивированным словам одного языка в другом языке соответствуют мотивированные слова и наоборот. Считается, например, что степень мотивированности слов в немецком языке выше, чем в английском. Причиной тому — большая степень свободы немецкого словопроизводства и достаточно большое число оноματοпоэтических образований. Последствием различий в мотивированности английского и немецкого языков является наличие многих случаев, когда словам английского языка, формы которых не подсказывают их значений, в немецком языке соответствуют слова с внутренней формой. Ср. англ. *skate* 'конек' — нем. *Schlittschuh* — букв. 'скользящий ботинок', англ. *glove* 'перчатка' — нем. *Handschuh* 'обувь для руки', англ. *phonetics* 'фонетика' — нем. *Lautelehre* 'учение о звуках', англ. *hydrogen* 'водород' — нем. *Wasserstoff* 'вещество из воды'. Усвоение слов с различ-

ной внутренней формой сопряжено с большими трудностями, чем усвоение слов с одинаковой мотивацией. Ср.: англ. *teacher* – рус. *учитель*, англ. *singer* – рус. *певец*, англ. *swimming* – рус. *плавание* и многие другие, аналогичные по своей внутренней форме и потому не представляющие особой проблемы при их запоминании.

В заключение следует подчеркнуть, что внешняя форма и протяженность номинативных единиц, первичный/производный характер, глобальность, целостность, произвольность, мотивированность — те критерии, которые используются для создания типологии слов разных языков.

Внутренняя форма слова

Обычно термин *внутренняя форма слова* воспринимается как метафора. Действительно, бывает ли у слова форма? Что это такое? Более привычно под формой слова подразумевать разные формы склонения имен (*урок – урока – уроку – урок – уроком – на уроке*) или формы спряжения глаголов (*рисую – рисуешь – рисует*). Но в данном случае речь идет о какой-то другой форме. К тому же еще и *внутренней*. А коль так, то, выходит, существует и форма внешняя. Догадки верны.

Форма слова (англ. *inner form*, *bridge meaning*, франц. *forme intérieure*, нем. *innere Form*, исп. *forma interior*), может быть образованным и образующим явлением — *forma formata* и *forma formans*. Различением двух ее видов — внутренней и внешней — проводится разница между источниками образования формы слова. Внутренняя форма заключена внутри слова, проистекает из глубин языка — источник же внешней формы слова — звук или буква (или другой письменный знак) — находится снаружи. Под понятие внутренней формы слова в лексикологии обычно подводится его смысловое содержание. Однако такое его истолкование было бы слишком простым. А ведь над раскрытием природы и сущности внутренней формы ломают головы уже не одну сотню лет. Но, увы! И в начале XXI века оно остается одним из самых загадочных, одним из наиболее таинственных.

Такое положение дел, когда все интерпретации «внутренней формы» даже трудно обозреть, сущность этого явления, растворяясь в многочисленных и многоаспектных определениях, становится неуловимой жар-птицей. Чтобы найти выход из столь сложного лабиринта

та взглядов и подходов, нужно попытаться уменьшить их количество: распределить по двум группам. Первую группу составят теории тех ученых, которые считают «внутреннюю форму» экстралингвистической (внеязыковой) категорией; вторую — те концепции, согласно которым она рассматривается в ряду других компонентов семантической структуры слова.

Второй блок определений, начиная со второй половины XX в., достаточно убедительно представляют исследования отечественных ученых. Внутренняя форма слова — феномен языкового сознания, поскольку, по Б. А. Серебренникову, представляет собой результат «осознания основы наименования». Согласно точке зрения Л. Р. Зиндера, это элемент «семантической структуры знака». Р. А. Булагов относил ее к лексико-семантическому уровню языка на том основании, что внутренняя форма интерпретировалась им как «способ выражения понятия через слово». Л. В. Сахарный, усматривая в ней морфемную природу, рассматривал ее в структуре словообразовательного значения. Однако при таком разбросе мнений о статусе внутренней формы в ее определении можно выделить главную мысль: под внутренней формой слова понимается «признак, связывающий название с его источником» (Б. А. Серебренников), а также *характер связи*, ее способ, *сама связь* имени и выделяемого в предмете признака. Эта связь интерпретируется в нескольких ракурсах:

- как способ передачи понятия через значение, связанное со звучанием слова (К. А. Левковская);
- как связь слова с другими словами, объясняющая выбор его звуковой оболочки (С. С. Маслова-Лощанская);
- как морфо-семантические отношения, по которым, собственно, и осознается связь звукового комплекса (экспонентной структуры словесного знака) и семемы (И. О. Блинова, Е. Б. Трофимова, У. М. Трофимова).

Достаточно глубоко этот подход обоснован В. Г. Варинной. Под рубрику «внутренняя форма — элемент лексического значения» подводятся интерпретации внутренней формы как «семантической мотивированности», как «признака, положенного в основу номинации», как «этимологии языковых единиц», а также как «понятийного содержания лексических единиц». Несмотря на разные толкования, во всех этих определениях внутренней формы делается попытка найти ей свое место в семантической структуре слова. Такое понимание не

является новым, поскольку оно вытекает из концепции В. фон Гумбольдта. Именно в результате ее осмысления В. Г. Варина делает вывод о том, что внутренняя форма лексических единиц может быть определена как признак номинации, выражаемый словом и входящий в качестве особого компонента в состав лексического значения слова. Это структурно-семантическое истолкование внутренней формы слова. Оно дополняется еще одним важным аспектом: значимостью внутренней формы в речевом общении. Так, Н. Д. Голев рассматривает внутреннюю форму слова в двух ракурсах: (а) системно-языковом и (б) речевом. В рамках первого аспекта внутренняя форма слова определяется как продукт системного устройства языка. Внутренняя форма слова в таком случае является продуктом самоорганизации языка, стремящегося к взаимосоответствию содержания и формы лексических единиц. Речевой аспект интерпретации внутренней формы сосредоточен на осмыслении этого явления в структуре языковой личности и языкового сознания. Н. Д. Голев пишет, что разнообразие отношений языкового сознания и внутренней формы лексической единицы свидетельствует о сложном сплетении в природе слова материального и идеального начал.

В рамках этого подхода находится также вопрос о том, к какому временному состоянию языка относится и внутренняя форма слова — синхроническому или диахроническому. В. Г. Варина, например, убеждена в ее синхронической сущности. Главным аргументом для такого понимания служит факт «затемнения» внутренней формы, который возникает в истории (диахронии) языка. Это означает, что как реальность внутренняя форма слова существует только на уровне синхронии, когда нашим языковым сознанием легко распознается тот признак номинируемого предмета (явления), который когда-то послужил источником его наречения. Иными словами, внутренняя форма слова как осознаваемый признак номинации проявляется в сознании говорящих до тех пор, пока существует «семантический мотив» для того или иного восприятия лексического значения. Примером тому могут служить такие слова, как *живность*, *малодушие* или *расхлебать*. Так, «семантическим мотивом» лексического значения слова *живность* служит сема 'живой', что, собственно, и разъясняет значение этого слова — 'всякие мелкие живые существа, а также мелкий домашний скот и птица'. Лексическое значение слова *малодушие* нашему сознанию раскрывается благодаря прозрачно-

сти его морфемного строения (*мало* 'недостаточно' + *дух* 'начало, определяющее поведение, действия человека'): 'отсутствие твердости духа, решительности, мужества'. Прямое значение слова *расхлебать* ('хлебная, съесть все') мотивируется его производным *хлебать* 'есть (жидкое) черпая ложкой'. Переносное значение этого слова ('разобраться в чем-нибудь, с трудом распутав что-нибудь сложное, неприятное') мотивируется двумя смысловыми признаками производящего слова: (а) 'черпать (вычерпывать)' и (б) 'нечто жидкое (мало питательное, мало значимое)'. Ср.: *Заварили кашу, а я расхлебывай*. Однако многие слова лишены такой «семантической мотивации» вследствие (а) утраты производящего слова (так, исчезновение в русском языке слова *коло* 'колесо' привело к потере внутренней формы первоначально уменьшительного слова *кольцо* и слова *около*, буквально означавшего 'вокруг'); (б) утраты предметом признака, характерного для него ранее и послужившего основой номинации (рус. *мешок* более не связывается со словом *мех*); (в) значительных фонетических изменений облика слов в истории языка (к примеру, в сознании современных говорящих не связываются восходящие к одному корню слова *коса* и *чесать*, *городить* и *жердь*).

В результате таких процессов внутренняя форма слова либо «затемняется», либо вовсе отсутствует как реальность современного языкового сознания. Ср.: *казак* 'свободный, ни от кого не зависящий человек'; *ромашка* 'травянистое растение семейства сложноцветных'; *роса* 'мелкие капли влаги, оседающие на растениях'. Вряд ли кто из носителей современного русского языка может найти семантический мотив этих лексических значений. Однако это не значит, что данные слова «отродясь» не имели своей внутренней формы. На этапе своего появления в языке они, конечно же, были семантически мотивированными, т. е. обладали некой внутренней формой. Но это время настолько отдалено, что семантический мотив уже не удерживается нашим сознанием. Так, слово *казак*, полагают, восходит к древнетюркскому *kez-*, выражающему идею 'ходить, неприкаянно бродить'. В крымско-татарском языке — 'свободный, независимый человек; искатель приключений, бродяга, разбойник'. Забытая, но открываемая с помощью этимологического анализа семантическая мотивация, точнее признак номинации, называется э т и м о н о м. Этимологический поиск когда-то актуальной, а ныне забытой внутренней формы слова ставит перед нами еще один сложнейший вопрос: как

внутренняя форма соотносится с этимоном. В известном словаре О. С. Ахмановой *этимон* (франц. *etymon*) определяется как первоначальная форма (или значение) слова, его исходный или основной вид, мыслимый как исконный, настоящий. Это определение снова возвращает нас к форме слова — понятию с не совсем прозрачным содержанием, которое пытался истолковать еще А. А. Потебня.

Внутренняя и внешняя формы слова отделимы друг от друга. Внешняя форма немыслима без внутренней: меняется вместе с ней, без нее перестает быть сама собой. Однако, несмотря на столь устойчивую связь, внешняя форма совершенно отлична от внутренней. Если внешняя форма — способ «оязыковления» мыслительного содержания, то внутренняя форма слова — отношение содержания мысли к сознанию. Она выполняет важную когнитивную функцию, показывая, как представляется человеку его собственная мысль. Эта крылатая фраза А. А. Потебни не может не импонировать современным лингвокогнитивистам. Однако и она требует дополнительных размышлений. Прежде всего нужно ответить на вопрос: как, с помощью каких средств внутренняя форма слова «показывает, как представляется человеку его собственная мысль»? Видимо, она сначала указывает на признак, лежащий в основе наименования; тем самым в сознании человека возникает *образная схема мотивации* и, наконец, появляется понимание того, какой смысловой нитью новая номинации связывается со старой, производящей ее. В свете сказанного можно приблизиться к сущности внутренней формы слова как категории языковой семантики. Это означает, что, как заметил В. З. Демьянков, внутренняя форма — это поисковый образ слова, а не образ предмета, названного этим словом. И в силу этого различие между внутренней формой и этимоном (семантическим мотивом или «мотивирующим понятием») представляется более значительным.

Этимон — это тот элемент, который выступает для нашего языкового сознания опосредующим звеном, своеобразным «мостиком» от звуковой оболочки словесного знака к его значению. Его предназначение — служить, по выражению А. Марти, неким вспомогательным средством, с помощью которого достигается понимание лексического значения. Один и тот же этимон в разных языках может перейти в разные значения. Так, праславянское слово *garona*, образованное от глагола **garъnĭ* 'тянуть' и общесл. *garęnĭ*, производного от *repĭ*, 'зацепить, задеть, зацеплять, зацепить', послужило базой для

двух разных значений в белорусском, русском и украинском языках: а) *запона* 'занавес' и б) рус., укр. *запонка*, блр. *запінка* 'застежка, вдеваемая в петли на манжетах или воротнике мужской рубашки'. Ср.: польск. *zapinka* 'запонка'; серб. и хорв. *запѡнка* 'застежка; петля, петелька'; болг., серб. и хорв. *запѡн(а)* 'занавес'. Интересно знать, что и слово *запята́я* имеет той же семантический мотив: *zapęti* (*se*) > полн. страд. причастие *зап̑яты́й*, -ая, -ое с суф. -т- от глагола *зап̑яти(ся)*, ст.-сл. *зап̑ати(сѧ)*. Бывает и наоборот, однозначные слова различных языков происходят от разных этимонов. Так, в латинском языке слово *femina*, называющее женщину, опирается на этимон 'кормящая', в греческом *rotnia* — на этимон 'хозяйка', в английском *woman* — на этимон 'труженица', а русское слово *женщина* содержит этимон 'рождающая'. Как несложно заметить, в данных определениях внутренняя форма рассматривается как элемент современной семантической структуры слова.

Однако понимание внутренней формы как исключительно синхронно ощущаемой семантической мотивации наименования не отражает того представления о внутренней форме, которое было предложено В. фон Гумбольдтом и которое связывает внутреннюю форму слова с когнитивным субстратом его лексического значения. Поэтому обратимся к теории Густава Шпета, по убеждению которого внутренняя форма слова должна рассматриваться с точки зрения двух его взаимосвязанных функций — номинативной и семасиологической. Первая функция раскрывает *номинативную предметность* внутренней формы слова, а вторая — *предметность смысловую*.

Надо сказать, что внутренняя форма слова с точки зрения ее номинативной предметности всегда находилась в центре внимания отечественных языковедов. Пожалуй, впервые она была представлена в трудах Ф. И. Буслаева. Ученый считал, что источником языковой номинации служит, прежде всего, тот признак, который раньше других бросается в глаза и глубже, чем прочие, волнует наши «чувства и воображение». Собственно, такое понимание внутренней формы лежит в основе концепций В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя и В. Вундта. Оригинальную, собственно лингвистическую интерпретацию оно получило в трудах А. А. Потебни. Именно его учение о ближайшем и дальнейшем значениях стало основополагающим для современных ученых, разрабатывающих ономаσιологическую и семасиологическую доктрину внутренней формы слова. Однако откуда исходит

утверждение, что и ономаσιологическая и семасиологическая теории внутренней формы восходят к ее потебнианской концепции? Сразу же уточним, что идеи первой точки зрения появились у А. А. Потебни на раннем этапе его деятельности, а идеи второй — на втором.

Согласно ономаσιологическому подходу, внутренняя форма представляется, как правило, с позиции психологии речи. Это означает, что психической основой внутренней формы признаются представления о том или ином различительном признаке как источнике именования.

Семасиологическое истолкование сущности внутренней формы слов опиралось на различие языковых и внеязыковых знаний о номинируемом объекте. Важно подчеркнуть, что языковые знания ученый назвал «ближайшими», а внеязыковые — «дальнейшими» значениями. Открытое А. А. Потебней «ближайшее значение» (элемент языковой семантики) назван им *формальным*, поскольку оно «является *формой* другого содержания». Выражаясь языком современной семасиологии, «ближайшее значение» служит внутренней формой репрезентации дальнейшего значения, способом языковой объективации интеллектуально-эмоционального содержания.

В структуре внутренней формы слова выделяется так называемый «предметный остов», введенный в науку Г. Г. Шпетом. Он может быть реализован в языковом знаке, в котором ему сообщается *некий смысл*, включающий в себя образ действия. При этом зрительный образ еще не сформирован. Он формируется в дискурсивной деятельности *вместе с выбором той или иной словесной структуры*. До словесного облачения предметный остов остается стержневым элементом мысли: человек знает умом, что он хочет сделать, какое воздействие произвести, но не может то, что знает умом, собрать в зрительный образ. Виртуальная, желаемая реальность становится актуальной лишь тогда, когда *возникает наглядно-чувственный образ*, проецирующий в свою очередь образ словесный.

На этом этапе предметный остов превращается в «живую» внутреннюю форму слова, в которой динамика предметного действия сообщает слову почти осязаемую поэтическую (образную) энергию. Предметный остов в структуре внутренней формы слова в сочетании со смысловым восприятием объекта номинации представляет собой когнитивную базу любого языкового знака и в этом плане связан с *этимологием* слова. *Этимология* — это первая речемыслеобразующая ступень

пень в процессе порождения слова и его значения. Это своего рода мыслительный конструкт, в котором находит выражение то, как представлен сознанию человека концепт в результате сопоставления всех форм его репрезентации.

Согласно «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» П. Я. Черных, слово *береза* (праславянская форма **berza*¹) образовалось суффиксальным способом из и.-е. слова **bheræg*’-s, в котором корень **bher* выражал понятие о чем-то блестящем, светлом, белеющем. Название березы, как видим, возникло в глубокой древности. Его этимон — и.-е. корень **bherag*’-, выражавший идею о чем-то блестящем, светлом, белеющем и т. п. Поскольку белый цвет коры ярче других бросался в глаза, то именно он, а не другие признаки этого дерева (широко раскинутая крона, зубчатые по краям листья) послужил мотивацией данного именования в разных и.-е. языках. Ср. укр. *берéза*, блр. *бяро́за*, болг. *бреза*, серб. *бреза*, хорв. *breza*, словен. *breza*, чеш. *bříza*, словац. *breza*, польск. *brzoza*, в.-луж. *brěza*, н.-луж. *brjaza*. Из других и.-е. языков это слово употребляется главным образом в балтийской и германской группах: лит. *béržas*; латыш. *bērzs*; др.-прус. *berse*; др.-в.-нем. *birihha* : *bircha* (нем. *Birke*); англ. *birch*; др.-исл. *bjork*; швед. *björk*; дат. *birk*. Ср. также осет. *bærzæ* — ‘береза’. Однако внутренней формой этого названия служит не сам корень, а та идея (концепт), носителем которой он являлся. Иначе говоря, «светлый», «белый», «ясный» является семантическим мотивом этой номинации. И действительно, как показывает семантический анализ, именно цвет коры послужил прототипическим объектом, по ассоциации с которым появилось слово *береза*. Колоратив *белый* (цвет коры) — его внутренняя форма, являющаяся смысловым элементом изначального концепта «*bheræg*’-s». Все это помогает уяснить, почему для В. В. Колесова концепт — зерно перво-смысла, семантический «зародыш» слова. Концепт, следовательно, — не само значение, а диалектическое единство *потенциально возможных* образов, значений и смыслов словесного знака. А коль так, то концепт не подлежит изменениям в семантической структуре слова, он направляет мысль, говорящих на данном языке, определяет их выбор и создает гибкие возможности для речевой деятельности (выбор слова из той или иной его парадигмы — синонимической, антонимической, ЛСГ, семантического поля или выбор ЛСВ из структу-

¹ Праславянские формы принято обозначать знаком *.

ры многозначного слова). Как «зерно первосмысла» концепт тесно связан с внутренней формой названия. На начальном этапе наречения предмета или явления внутренняя форма как некий речемыслительный «эмбрион» выступает тем навигатором, благодаря которому внутренняя программа речепорождения подбирает наиболее оптимальный знак не только для репрезентации концепта, но и для развития его «смыслового эмбриона».

Таким образом, если концепт — «зерно первосмысла», семантический «зародыш», то внутренняя форма является уже неким эмбрионом будущего знака, из которого формируется форма и содержание номината (слова-названия). Можно сказать, что внутреннюю форму слова можно интерпретировать как присущий языку механизм выражения и обозначения смыслового содержания концепта. Что же представляет собой такой механизм? Прежде всего, некую выработанную модель, речемыслительную формулу, по которой с участием предшествующих слов и их значений появляется новое наименование. Этот языковой механизм «заводится» сознанием всякий раз, когда нужно понять, вербализовать и закрепить за неким звукосочетанием соответствующее смысловое содержание. С этой целью внутренняя форма должна каждый раз всплывать в светлой зоне языкового сознания и становиться источником нестандартных ассоциаций, стимулом возникновения целого ряда значимых для говорящих смысловых связей, коннотаций и представлений — всей той смысловой гаммы, из недр которой появляются образные контуры будущего слова. Такого рода смысловая гамма предопределяет парадигматические смысловые отношения двух типов: **словообразовательные** (когда отношение устанавливается с другим словом) и **эпидигматические** (когда вторым аспектом отношения является другое значение того же слова). Возможны, кроме того, смешанные случаи. В первом случае парадигматические отношения устанавливаются между разными словами, а во втором — разными значениями того же слова.

1. Внутренняя форма **словообразовательного** типа присуща словам, образованным от общего для них другого слова по более или менее живой словообразовательной модели. В результате любое слово, имеющее деривационную историю, является носителем внутренней формы. Например: *дел-ец, о-дарить, под-жар-к-а* (ср.: *дел-о, дарить, жарить*). Однако внутренняя форма не ощущается в словах *вертуг* 'подвижный конец бедренной кости, входящий в чашку таза';

столоначальник — исчезла сама называемая и дореволюционной России должность, чин: 'чиновник, начальник стола — отдела в учреждении, ведающего каким-нибудь кругом дел (адресный стол, стол заказов)'; нем. *Gang*. При этом следует различать разные деривационные истории, которые характеризуют сходные по звучанию слова с различными внутренними формами. Ср.: *делец* — *дележ* 'раздел' (от *делить*), *одарить* — *даровитый* 'обладающий талантом', *поджарка* — *поджарый* 'сухошавый и мускулистый, сухопарый'. Это важно для различения слов-омонимов. Ср.: *лама*¹ — 'род млекопитающих семейства верблюдовых; вид животных рода лам' (от слова *lama* в языке кечуа — местных жителей Перу); *лама*² — 'гавайское название хурмы гавайской'; *лама*³ — 'религиозный учитель в тибетском буддизме, священник у монголов и китайцев' (ср.: монг. *lama*, калм. *lamə*, тибет. *blama*). От внутренних форм этих нарицательных слов следует отличать внутренние формы имен собственных. Ср.: *Лама* — город в Бангладеш; *Лама* — коммуна во Франции, департамент Верхняя Корсика; *Лама* — озеро на юге Таймырского полуострова; *Лама* — река в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края, соединяющая озера Мелкое и Лама; *Лама* (приток Шоши) — река в Московской области России; *Лама* — река в Калининградской области, впадающая в Калининградский залив; *Лама* (приток Рыбинского водохранилища) — река в Тверской и Ярославской областях. Такие омонимичные слова, конечно же, имеют разные внутренние формы, поскольку пришли к нам из других языков.

2. Внутренняя форма эпидигматического типа характеризует слова, имеющие актуальные для нашего языкового сознания «прямое» и «переносное» значение. Ср.: *игрушка* — прямое значение 'вещь, служащая для игры' (например: *детские игрушки*) и переносное значение 'тот, кто слепо действует по чужой воле, послушное орудие чужой воли (неодобр.)' (например: *быть игрушкой в чьих-нибудь руках*). Еще пример: *рыцарь* — прямое значение 'в средневековой Европе: феодал, тяжело вооруженный конный воин, находящийся в вассальной зависимости от своего сюзерена' и переносное значение 'самоотверженный, благородный человек'.

3. В значительной части случаев внутренняя форма бывает смешанного типа. Например, слово *головка* (бот.) в значении 'соцветие с укороченной, иногда утолщенной (но неплоской) осью, на верхушке которой на коротких цветоножках сидят цветки (у клевера, вор-

сянки и др.)' непосредственно соотносится не со словом *голова*, со словом *голова*. Здесь имеет место не только связь эпидигматического типа (перенос по форме — утолщенная ось, верхушка короткой цветоножки), но и иная деривационная история. Слово *голова* образовано присоединением суффикса -к-, который имеет здесь не уменьшительное значение, как, например, слово *голова* в словосочетании *голова ребенка* — 'маленькая голова'. В силу этого слово *голова* (соцветие) имеет внутреннюю форму смешанного типа. Ср. также: *зазнайка*, *недоучка*, *тараторка*. Это не значит, что человек, которого так характеризуют, слегка обладает соответствующими качествами: немного зазнается, немного недоучен или чуть-чуть тараторит. К смешанному типу относятся внутренние формы других омонимичных слов: в воровском жаргоне *голова* — предводитель заключенных; *голова* — утолщенная или выступающая вперед оконечность (оконечность — конец, край чего-нибудь чего-нибудь); *голова* — группа начальствующих, руководящих лиц; *голова* — луковица репчатого лука, чеснока; *голова* — пришивная часть сапога, закрывающая пальцы и верхнюю переднюю часть ступни. Эти примеры иллюстрируют внутренние формы смешанного типа (эпидигматического и словообразовательного).

В изначальном варианте теория внутренней формы разрабатывалась для того, чтобы объяснить различия в видении одного и того же объекта, обозначаемого средствами разных языковых систем.

Внутренняя форма в соотносимых словах разных языков обнаруживается по-разному. Исследователи (Э. В. Кармацкая, например) отмечают:

- а) полное совпадение внутренней формы; например: *slave-trade* — работорговля (*slave* — раб, *trade* — торговля);
- б) частичное совпадение внутренней формы:
 - совпадение по первой части сложного образования; например: *sweet tooth* — сладкоежка (*sweet* — сладкий, *tooth* — зуб),
 - совпадение по второй части сложного образования; например: *life boat* — спасательная лодка (*life* — жизнь, *boat* — лодка),
 - совпадение по одной из частей сложного образования при наличии инверсии; например: *whirlpool* — водоворот (*whirl* — кручение, верчение, *pool* — омут, заводь);

в) полное несовпадение внутренней формы при наличии общего семантического множителя; например: *freshman* — первокурсник

(*fresh* — свежий, новый, *man* — человек, мужчина); общая сема новичок в какой-либо деятельности;

г) полное несовпадение внутренней формы при отсутствии общего семантического множителя, например: *funny farm* — психбольница (*funny* — смешной, забавный, *farm* — ферма, питомник).

6. Разграничение омонимии и многозначности

Лексема многозначна в изолированном состоянии; будучи соотнесенной с лексическими и стилистическими пластами, лексическими и семантическими группами, лексема становится однозначной.

Проблема разграничения полисемии и омонимии является одной из важнейших задач современной лексикологии. Почему? Не является ли этот вопрос надуманным, в котором исследователи упражняются в лингвистической казуистике?

Оказывается, от его понимания зависит решение таких важных задач семасиологии, как установление источников и пределов семантического варьирования слова, возможность возникновения новых ЛСВ, выявление истоков окказионального словоупотребления, причин употребления слов в ранее не зафиксированных значениях и др. Кроме теоретической значимости, адекватность такого разграничения влияет на решение прикладных задач лексикографического характера.

В словарях, изданных во 2-й половине XX в. — толковых и переводных, — нередко наблюдается диаметрально противоположная трактовка одних и тех же лексических единиц: в одних словарях они представлены как многозначные, в других — как омонимы.

Проблема разграничения омонимии и многозначности обычно требует своего незамедлительного решения в том случае, когда омонимы появляются в результате семантического расщепления слова-полисеманта. В результате на основе разных ЛСВ возникают разные слова. Первым признаком такого способа возникновения новых слов служит утрата ими прежних семантических связей. Восстановить утрату можно только с помощью этимологического анализа. Он позволяет восстановить некогда общий семантический признак, свидетельствующий о когда-то общей деривационной истории.

Так, в русском языке слово *ключ* прежде всего многозначно. Его смысловая структура содержит несколько ЛСВ:

1. Металлический стержень особой формы для отпираания и запираания замка.

2. Приспособление для отвинчивания или завинчивания гаек, откупоривания, завода чего-нибудь. *Ключ для часов. Гаечный ключ.*

3. *перен.* То, что служит для разгадки, понимания чего-нибудь, овладения чем-нибудь. *Ключ к шифру.*

4. *перен.* Пособие, помогающее изучению учебника, текста. *Ключ к задачку.*

5. (*спец.*) Знак в начале нотной строки, определяющий значение нот. *Скрипичный ключ. Басовый ключ.* В профессиональном языке строителей это слово используется и в шестом значении — верхний камень, замыкающий свод сооружения.

Все эти ЛСВ объединяются общей идеей **открытия** — то, что служит (а) открытию (ключом открывают замок); (б) отвинчиванию (для открытия) чего-л. (гаек, например); (в) разгадке (разгадать шифр, что равноценно открытию тайны кода); (г) открытию смысла (например, открыть способ решения какой-л. задачи в учебнике); (д) открытию значений нот (*скрипичный ключ*).

Со временем путем расщепления первого ЛСВ возникло слово *ключ* в значении 'бьющий из земли источник, родник' (*Вода бьет ключом* — т. е. сильной струей воды). Расщепление четвертого ЛСВ привело к образованию слова *ключ* в переносном значении 'то, что дает начало, служит основанием чему-либо, откуда исходит, берется, черпается что-либо'. Значения слов *ключ*¹ и *ключ*² уже не воспринимаются как родственные ЛСВ многозначного слова. Восстановлению общей семы служит этимологический анализ. 1. Сравним это слово в других языках: укр., блр, болг. *ключ*, с.-хорв. *кљѹч*, словен. *ključ*, чеш. *klíč*, словац. *kl'uč*, польск. *klucz*, в.-луж. *kluč*, н.-луж. *kluc*. 2. Откроем наиболее близкий восточнославянским языкам пласт и увидим, как звучало это слово в др.-русском языке: *ключь* — 'ключ', 'отмычка' (с XI в.). 3. Слово *ключ*, употребляющееся в разных славянских языках, восходит к общ.-слав. **ključь < kljukъ*. Оказывается, это тот же корень, что и в слове *клюка*. Общ.-слав. **kljuka* (с *-ju-* из *-eu-*). Полагают, что наиболее древнее его значение — 'нечто не прямое, изогнутое'. Отсюда (а) 'коварство, интрига' и (б) 'клюква, крюк'. Сравнение с другими языками позволяет реконструировать и.-е. корень: лит. *kliūti* 'зацепиться', 'задеть', 'попасть'; на другой ступени вокализма *kliáu-tis* 'полагаться (опираться) на кого-л.'; лат. *clāvis* 'ключ' (> франц. *clé* : *clef*), ср. *clau-dō* 'запираю', 'затворяю'; др.-ирл. *clō* 'гвоздь'. Все они происходят от и.-е. корня **kleu-* : **klāu-*.

Поскольку расхождение ЛСВ многозначного слова происходит очень медленно, появление омонимов не всегда осознается как завершившийся процесс. Возможны переходные случаи, которые могут быть по-разному истолкованы.

Существует несколько критериев разграничения омонимии и полисемии, помогающие развести ЛСВ полисеманта и омонимы, появившиеся в результате полной утраты ЛСВ своего семантического родства.

1. Лексический способ разграничения полисемии и омонимии заключается в выявлении синонимических связей анализируемых лексических единиц. Логика здесь проста: если созвучные единицы входят в один синонимический ряд, значит, между ЛСВ еще сохраняется объединяющий их смысловой элемент, что не позволяет считать их омонимами. Если же анализируемые единицы входят в разные синонимические ряды, то их следует считать разными словами-омонимами. Так, к слову *ключ*¹ можно подобрать синоним *отмычка*, а к слову *ключ*² — *источник*, *родник*. С помощью синонимии подтверждается правильность отнесения слов *ключ*¹ и *ключ*² к омонимии.

2. Морфологический способ разграничения двух сходных явлений состоит в том, что полисеманты и омонимы характеризуются разными морфологическими свойствами. Чаше всего этот способ применяется к глаголам. Ср.: *косить*¹ (срезать траву) и *косить*² (глазами). Первый глагол — переходный, а второй — нет. Значит, их следует считать омонимами.

3. Словообразовательный способ опирается на словообразовательный потенциал анализируемых слов. Если лексические единицы образуют новые слова с помощью одних и тех же аффиксов, их нужно относить к полисемантам. Так, имя существительное *хлеб* образует при помощи суффикса *-н-* прилагательное *хлебный* с двумя значениями: 1) 'хлебный знак' и 2) 'пищевой продукт, выпекаемый из муки'. Ср. соответственно их разную лексическую сочетаемость: *хлебные всходы* и *хлебный запах*. Иным словообразовательным потенциалом располагают омонимы *худой*¹ и *худой*². Производные первого слова — *худоба*, *похудеть*, *худущий*; производные второго — *ухудшить*, *ухудшение*. Отсюда делается вывод: прилагательное *хлебный* многозначно, *худой*¹ и *худой*² — слова-омонимы, характеризующиеся полным семантическим обособлением. К тому

же их омонимичность подтверждается также разными морфологическими свойствами. Ср. *худой¹ – худее, худой² – хуже*.

4. Семантический способ основан на принципе смыслового расстояния между анализируемыми единицами. Значения слов-омонимов всегда взаимно исключают друг друга, а значения многозначного слова образуют одну смысловую структуру, где один ЛСВ предполагает другой. Ср.: *Старый* — 1. *Достигший старости*. Старый человек. И стар и млад (все без исключения; устар.). 2. *Давний, существующий с давнего времени, долго*. Старый друг. Старая истина. 3. *Долго бывший в употреблении*. Покупка старых учебников. 4. *Уже не действительный, негодный*. Старый билет. 5. *Старинный, древний*. Старые манускрипты. 6. *Прежний, не современный, устаревший*. Старый порядок. Старая мода. 7. *Бывший прежде чего-н. другого, предшествующий*. Вернуться на старую квартиру. Восстановить с. вариант текста. 8. *Не являющийся новичком, давно где-н. находящийся, живущий, работающий*. Старые ученики вместе с новичками.

Однако ни один из этих способов разграничения полисемии и омонимии не является абсолютно надежным. Нередки случаи, когда отдельные ЛСВ не могут вступать в синонимические отношения, а слова-омонимы еще не лишились своего словообразовательного родства. Это приводит к неоднозначному разграничению омонимии и полисемии не только при изучении языков, но и при составлении словарных статей.

Встречаются случаи, когда в разных словарях одни и те же слова описываются то в одной словарной статье, то в разных. Например, имя прилагательное *славный* в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дано как омонимы: *славный* — «пользующийся славой, достойный славы (*славные имена*); *славный* — «очень хороший, приятный, симпатичный» (*славный ребенок*). Другие словари описывают это слово в одной словарной статье, как полисемант.

Поиск критериев разграничения омонимии и полисемии продолжается. Так, Д. Н. Новиков предлагает новый принцип разграничения полисемии и омонимии — прототипический. Основан он на наличии/отсутствии у лексических единиц единого лексического прототипа, служащего инвариантом семантической структуры слова. Автор полагает, что реальной основой непротиворечивого разграничения полисемии и омонимии может служить когнитивно-семанти-

ческий критерий. Его суть состоит в том, что звукоряд соответствует полисеманту, если возможно выведение общего для всех ЛСВ лексического прототипа. И наоборот, при несовпадении лексических прототипов анализируемых лексических единиц ЛСВ принадлежат разным словам-омонимам.

Вводится понятие ближайшего и дальнейшего лексического прототипа. Ближайший лексический прототип — это номинативно-непроизводное значение. Он является менее вероятным стержнем семантической структуры, чем дальнейший лексический прототип, который выступает неким семантическим инвариантом. Объясняется это тем, что дальнейший лексический прототип обладает большей устойчивостью по сравнению с ближайшим. За счет этого обеспечивается правильное понимание слова и успешный акт коммуникации.

Л. А. Араева в процессе рассмотрения пропозициональной организации гнезда однокоренных слов разработала пропозициональный принцип разграничения многозначности и омонимии. Она обращается к достаточно популярным примерам, привлекаемым в семасиологических работах: *телятник*¹ (работник, ухаживающий за *телятами*) и *телятник*² (помещение); *коровник*¹ (работник, ухаживающий за *коровами*) и *коровник*² (помещение); *пилка*¹ (маленькая *пила*) и *пилка*² (процесс *пиления* дров); *молочник*¹ (человек, производящий и/или разносящий *молоко*) и *молочник*² (кувшин для *молока*); *погодный*¹ (выполняемый по *годам*) и *погодный*² (прилагательное от *погода*); *опушка*¹ (меховая отделка в одежде) и *опушка*² (край *леса*); *планировать*¹ (составлять *план*, намечать что-л.) и *планировать*² (летать, совершать полеты на *планере*); *рубка*¹ (процесс по глаголу *рубить*) и *рубка*² (место на *корабле*).

Используются типичные для пропозициональной структуры символы: *S* — субъект, *P* — предикат, *O* — объект, *L* — локатив, *I* — инструмент, *R₀* — процесс протекания действия, *R* — название действия, *X* — неопределенный субъект, *T* — время действия. Сравниваются две тождественные формы в окружении однокоренных слов, описывающих прототипичную ситуацию:

- (1) *телятник*¹ (*S*) — ухаживает (*P*) — за *теленком* (*O*) — в *телянике*² (*L*);
- (2) *коровник*¹ (*S*) — ухаживает (*P*) — за *коровой* (*O*) — в *коровнике*² (*L*);
- (3) *пильщик/пильщица* (*S*) — *пилит/распиливает* (*P*) — *бревна* (*O*) — используя *пилу/пилку*¹ (*I*) — и в процессе *пилки*²/*распила* (*R₀*) — образуются *пиломатериалы/опилки* (*R*);

- (4) а) **молочник**¹ (*S*) – торгует (*P*) – *молоком/молочными* (продуктами) (*O*) – в *молочном* (магазине) (*L*);
 б) (*A*) некто (*S*) – хранит (*P*) – *молоко* (*O*) – в **молочнике**² (*I*);
 (5) а) некто (*S*) – осуществляет (*P*) – **погодные**¹/*годовые* (записи, отчеты) (*O*) – *ежегодно/каждый год* (*T*);
 б) некто (*S*) – составляет/читает (*P*) – (*прогноз*) *погоды/погодный*² (*прогноз*) (*O*).

Анализ представленных выше ситуаций показывает, что исследуемые слова *телятник*¹ и *телятник*², *коровник*¹ и *коровник*², *пилка*¹ и *пилка*² являются участниками одной ситуации, функционируя в роли различных актантов. Так, *телятник*¹ выступает в роли субъекта, а *телятник*² в роли локатива в ситуации ухаживания за теленком. Подобным образом, *коровник*¹ выступает в роли субъекта, а *коровник*² в роли локатива в ситуации ухаживания за коровой. *Пилка*¹ выступает в семантической функции инструмента, при помощи которого выполняется действие, а *пилка*² — в семантической функции процесса протекания действия в ситуации пиления/распила древесных материалов. Слова *молочник*¹ и *молочник*² входят в разные ситуации торговли молоком и хранения молока единого мотивационного пространства, которое маркируется ядром МОЛОКО.

Таким образом, ситуации с (1) по (4) описываются тождественными формами, которые характеризуются не только общностью корня и семантики, но и ситуационной связанностью, что позволяет отнести данные формы к различным значениям одного полисеманта.

Как следует из вышеизложенного, гнездо однокоренных слов является собой ментально-языковую категорию. Ее глубинную основу составляют прототипичные для языкового сознания ситуации — пропозиции. Пропозициональный принцип исследования гнезда однокоренных слов может использоваться для разграничения омонимии и полисемии, а также при объяснении явлений множественной мотивации производного слова.

Итак, в качестве способов разграничения полисемии и омонимии используются следующие критерии:

1) **семантический** — наличие или утрата живой связи между ЛСВ (утрата промежуточного звена (бумага), изменение представления о предмете (рак), изменение функции (такт));

2) **прототипический** — наличие или отсутствие у лексических единиц единого лексического прототипа, служащего инвариантом семантической структуры слова.

3) *несовпадение словообразовательных гнезд* — у омонимов разные ряды производных.

4) *несовпадение лексической и фразеологической сочетаемости* (завод тракторный — завод часов).

5) *несовпадение морфемного членения* — омонимы имеют другое морфемное членение (ударник).

От решения проблемы соотношения полисемии и омонимии во многом зависит моделирование центрального для лексической семасиологии конструкта — лексической системы языка.

7. Проблемы системности словарного состава языка

Несмотря на несчерпаемость лексического фонда, разнообразный характер связей между словами, словарный состав языка представляет собой некую систему — специфическую не только для каждого отдельно взятого языка, но и для одного и того же языка на разных этапах его развития. Лексическая система не сводима к каким-либо универсальным схемам. Она не поддается моделированию, т. е. это система *sui generis* — необычная, своеобразная. Значение термина *система* (греч. *systema*) — ‘целое, составленное из частей, множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство’. Выделяются материальные и абстрактные системы. К первым относятся биологические, химические, физические системы и экосистемы. Ко вторым — языковые, разного рода теории, гипотезы, научные знания. В языковой лексической системе (*sui generis*) развитие каждого слова в любом плане (семантическом, синтаксическом, морфологическом, деривационном) происходит не изолированно, а в связи с другими словами. Однако назвать словарный состав языка системой многим мешал его особый статус — *sui generis* (лат. букв. — своеобразный, единственный в своем роде).

Sui generis словарного состава настолько отдаляет его от классических представлений системы, что даже использование по отношению к лексике этого термина уже вызывало возражения¹. Действи-

¹ См.: Горнунг Б.В. О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей // ВЯ. 1965. № 5. С. 96.

тельно, системность лексики отличается от других подсистем языка, прежде всего, тем, что для словарного состава языка неприменима предельная формализация. А без нее невозможно его моделирование. Так, в системе словообразования выделяют словообразовательные модели, в синтаксисе — структурные и семантические модели предложений. А в лексике такое моделирование невозможно. И все же никто не станет отрицать, что у лексической системы с другими «подсистемами» есть много общего. Прежде всего, ее лексические единицы так же связаны и взаимодействуют между собою, как и единицы других уровней языковой системы. Спору нет: системные связи лексических единиц выстраиваются не с такой иерархической однозначностью, как между единицами других подсистем. Наконец, в силу многозначных связей между единицами лексической системы и ее немоделируемости крайне сложно определить для нее единый остов (константу). И все же, несмотря на это, сложно представить лексический фонд языка бессистемным образованием. Если допустить такую возможность, то непонятно, каким образом говорящие на том или ином языке мгновенно, почти автоматически, словно компьютер, отыскивают из безграничного моря слов нужную единицу, быстро сочетают ее с другими словами, легко (без заметных усилий) выражают мысль, выстраивают высказывание.

Лексический фонд любого языка представляет собой единую сложную систему, под которой понимается внутренне организованная совокупность лексических единиц, закономерно связанных между собой относительно устойчивыми отношениями. Данное положение вытекает из того очевидного (а может и не всегда явного) факта, что слова в языке не существуют изолированно друг от друга. В свою очередь это побуждает исследователей к поиску тех механизмов, благодаря которым слова существуют в некой взаимосвязанной целостности. С одной стороны, они постоянно соотносятся со всей лексической системой, а с другой — с единицами других уровней того или иного языка. Все это указывает на необходимость обоснования системной организации словарного состава. Главной категорией при таком обосновании, конечно же, служит система. Исходя из принятого ныне понимания этого понятия лексическая система должна представлять собой совокупность лексических элементов (лексем), целостность которых образуется некой структурой, т. е. некими закономерными связями между ними.

Для понимания любой системы, в том числе и лексической, прежде всего необходимо выделить ее элементы, или компоненты.

Основными единицами лексико-семантической системы (уровня) языка разные авторы называют слово, лексико-семантический вариант (термин А. И. Смирницкого), лексему, семему (Ю. Д. Апресян) и семантему.

1. На первый взгляд, все решается очень просто: основным элементом лексической системы является слово. И для этого имеются все основания: слово даже интуитивно воспринимается как центральная единица языка. Однако при всем этом слово многолико не только в разных языках, но и в пределах одного языка. Одной из причин такой многоликости слова является его многозначность, представляющая собой совокупность нескольких лексико-семантических вариантов.

2. В связи с этим некоторыми учеными на эту роль выдвигается именно лексико-семантический вариант. Однако и это предложение принимается с оговорками и сомнениями. Контраргументом при этом служит идущее от А. А. Потебни убеждение в том, что лексической многозначности вообще быть не может. Основатель Харьковской лингвистической школы полагал, что каждое новое соотношение данного звукосочетания с новым значением образует новое слово. В 1930-е гг. его поддержал Л. В. Щерба, а в 1980-е — В. М. Марков. Принятие их точки зрения делает невозможным считать лексико-семантический вариант основным элементом лексической системы языка.

3. Появилось третье (компромиссное) предложение. Вспомнили о понятии «лексема», предложенном А. М. Пешковским еще в 1918 г. Затем оно использовалось в Грамматическом словаре Н. Н. Дурново (1924). Позже в иных смысловых вариациях это понятие вошло в труды В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого и А. А. Зализняка. Опираясь на предшественников, лексикологи Московской семантической школы слово в одном из его значений предложили называть не лексико-семантическим вариантом, а лексемой.

В 1970-е гг. понятие «лексема» стало пониматься как слово в одном из его лексических значений (т. е. как лексико-семантический вариант). Тем самым «лексема» противопоставлялась «вокабуле» — множеству лексических единиц, описываемых одной словарной статьей толкового словаря. Однако, как справедливо замечает А. А. Кре-

ний, «терминирование» устранение многозначности является скорее решением проблемы, чем ее разрешением». С одной стороны, лексико-семантический вариант (или лексема, в терминологии Московской школы) — самая что ни есть элементарная единица. И это является поводом считать ее основным элементом лексической системы языка. Но решает ли это саму проблему? Скорее, лишь создается видимость разрешения проблемы, «потому что одна и та же форма может иметь много значений, а одно и то же значение может обслуживаться множеством форм». Кроме прочего, в этом случае предпочтение отдается форме; функция (лексическое содержание) как бы отодвигается на задний план, что противоречит функциональному принципу наделения единиц других уровней языковой системы. Так, формальное различие аллофонов одной фонемы или алломорфов одной морфемы оказывается не столь несущественным, как их функция.

4. Сглаживает возникшее противоречие четвертый путь, согласно которому понятие лексемы приобретает иную интерпретацию. Лексема рассматривается как двусторонняя единица лексической подсистемы (уровня) языка¹. Это понятие связывает лексикологию и морфологию. С одной стороны под одну лексему подводится некая совокупность словоформ (лексема *земля* = *земля*, *земли*, *земле*, *землю*, *землей*, *на земле*), а с другой — совокупность всех возможных значений (смысловых вариантов). Понятие «лексема» подходит к описанию лексико-семантической системы потому, что позволяет разграничить парадигматические и синтагматические свойства слова. Термин *лексема* употребляется большинством отечественных лингвистов (Г. В. Булагиной, И. Г. Милославским, А. К. Поливановой и др.). Однако используется этот термин неоднозначно. В работах одних авторов лексема — только план выражения слова и ЛСВ (абстракт-

¹ В некоторых лексикологических работах (Н. П. Толстого, В. Г. Гака, Б. Ю. Горденко, например) лексема трактуется как односторонняя единица, только как единица плана выражения. В значении, близком к принятому в отечественной лексикологии, термин *лексема* употребляется в трудах английских лингвистов Дж. Лайонса (с 1963) и П. Мэттьюса (с 1965). В американской лингвистике термин *лексема* используется начиная с Б. Уорфа (с 1938), причем в нескольких, не всегда четко определенных значениях. Во французской лингвистике распространено еще одно понимание термина *лексема*, предложенное А. Мартине (1963): лексема противопоставляется морфеме как знаменательный элемент служебному. В некоторых работах французских исследователей термин *лексема* используется для обозначения абстрактной единицы лексического фонда, в отличие от актуализированной единицы — слова (*mot*).

ная единица, звуковая оболочка), которому противопоставляется *семема* — план содержания. В таком случае в словарной статье семемы даются как отдельные ЛСВ. Другие ученые под лексемой понимают двустороннюю единицу, план выражения которой обозначается термином *словоформа*, а план содержания — термином *семема*.

Поскольку в план содержания лексемы может входить несколько семем, то их совокупность стали называть *семантемой*. Структура семантемы представляет собой семемы, которые находятся между собой в иерархических отношениях. Так, в структуру семантемы слова *золото* входят:

- семема Д1 — исходная: драгоценный металл желтого цвета (*добыча золота*);

- семема Д2 — производная от Д1: мерило ценностей (*не все то золото, что блестит*);

- семема Д3 — производная: монеты или изделия из этого металла (*нашим спортсменам досталось золото*);

- семема Д4 — производная от Д1: позолоченные нити (*шить золотом*);

- семема К1 — производная от Д1: что-то, имеющее большое достоинство, большую ценность (*Золото ты мое! Золото, а не характер*).

Понятие и термин *словоформа* используется для описания синтагматики слова, а *семема* — в исследованиях лексической парадигматики.

Как известно, парадигматические и синтагматические отношения формируют главный остов любой языковой подсистемы. Парадигматические отношения в лексико-семантической подсистеме — это такие отношения слов, которые рассматриваются как одновременно сосуществующие в языке. В парадигматике слова связаны друг с другом отношениями сходства и различия. На основе отношения (а) сходства в плане содержания слова группируются в синонимические ряды; б) отношение сходства в плане выражения присуще омонимии; в) неполное (частичное) сходство в плане выражения и в плане содержания характеризует паронимию; г) на отношении включения структурируются лексико-семантические и тематические поля; д) отношение противопоставления лежит в основе антонимии. Как несложно заметить, парадигматические связи слов представляют собой нелинейные отношения. Их называют ассоциативными, смыс-

ловыми или ассоциативно-смысловыми. Основа парадигматических отношений — семантическая (семная) структура слова.

Синтагматические связи слов являются линейными. Они обнаруживаются в речевом потоке в процессе сочетания слов в высказывания. Как утверждал Ф. де Соссюр, синтагматические отношения являются первичными. Они предшествуют образованию нелинейных (парадигматических) отношений. Противопоставления и смысловое содержание ЛСВ непосредственно в слове-полисеманте не даны. Их выделяют в результате анализа синтагматики слов (их употребления в тексте). Вот почему парадигматические отношения между словами следует рассматривать не изолированно, а в соотношении с их синтагматикой.

8. Парадигматические отношения слов

К парадигматическим отношениям относятся синонимия, антонимия, конверсия, лексико-семантические и тематические группы, семантические поля.

1. Синонимия. Синонимы — это слова, по-разному звучащие, но очень близкие по смыслу. Ср.: *надо* – *нужно*, *автор* – *писатель*, *смелый* – *храбрый*, *аплодировать* – *хлопать* и т. д. Существует несколько критериев определения синонимии: семантический, операциональный и стилистический.

1. Согласно первому, синонимами являются слова, которые выражают одно и то же понятие. Они практически тождественны; различаются лишь оттенками значения и стилистической окраской.

2. В соответствии с операциональным критерием, синонимами являются слова, которые легко заменяются в одном контексте (Стефан Ульман).

3. По стилистическому критерию синонимами являются слова, которые различаются оттенками значений, выражаемой экспрессией, эмоциональной окраской и сочетаемостью (Евгеньева). В основании синонимии лежат разные категории и отношения.

Философской (т. е. мировоззренческой) основой синонимии служат философские категории сходства и тождества понятий: **логической** основой — логическое отношение равенства, включения и пересечения; **языковую** природу синонимии обуславливает асимметричность языкового знака (Карцевский).

По степени синонимичности — близости значений и способности замещать друг друга в контексте — различают (а) полные и частичные синонимы. Для первых характерно тождество значений и контекстов (дублиеты, варианты) (*помидор* – *томат*). У вторых (частичных) синонимов совпадают только в части значений, что обуславливает их различия в стилистической окраске и сочетаемости (*холод* – *мороз*).

Семантическая сущность синонимии предопределяется различными оппозициями и дистрибуцией. **Полные** синонимы характеризуются нулевой оппозицией и эквивалентной дистрибуцией. **Частичные** синонимы характеризуются оппозиционными и дистрибутивными отношениями в зависимости от их разновидности. Для **родовидовой** синонимии присуща привативная оппозиция и включенная дистрибуция (*страх* – *ужас*, *страх* – *испуг*). **Видо-видовая** синонимия характеризуется эквиополентной оппозицией и контрастирующей дистрибуцией (*ужас* – *испуг*).

Синонимические отношения слов отражаются на их организации в синонимические ряды, в структуре которых различают **доминанту** — стержневое слово а) в семантическом плане самое простое, б) свободное в выборе сочетаемости и в) стилистически нейтральное.

По функциональным свойствам выделяют три группы синонимов: а) **семантические**, или **идеографические**, называющие разные стороны обозначаемого и различающиеся по (а) способу выражаемого действия (*погасить* – *задуать*); (б) по степени проявления в словах-синонимах синонимы, различающиеся эмоционально-экспрессивной окраской, содержащие разную оценку и принадлежащие к разным функциональным стилям (*харя* – *морда* – *лицо* – *лик*); в) **семантико-стилистические синонимы** (синонимы смешанного типа): *идти* – *тащиться*.

По структуре различаются (а) **однокоренные** — общий корень и различные аффиксы (*ругать* – *обругать* – *выругать*) и (б) **разнокоренные** (*парадный* – *пышный* – *помпезный* – *торжественный*); по **источнику**: (1) между исконно русскими словами: *придумать* – *выдумать*; (2) между русскими и заимствованными словами: *антипатия* – *неприязнь*; (3) между заимствованными словами: *алфавит* – *азбука*; (4) между народно-поэтическим, устаревшим и современным словами: *лазоревый* – *синий*; (5) между старой и новой формой слова: *младой* – *молодой*.

Наряду с языковыми синонимами существуют синонимы контекстуальные. Это слова, которые сами по себе синонимами не являются, но становятся ими в определенном контексте. Например: *Крепкий ветер вольно летит над широкой далью... Вот подхватил он тонкие гибкие ветви — и затрепетали листочки, заговорили, зашумели, зачematились изумрудной россыпью в лазоревом небе.*

Итак, синонимы — слова одной и той же части речи с полностью или частично совпадающими значениями, которые могут замещать друг друга в пределах одного контекста, не меняя смысла. Синонимия — категория ономаσιологическая. Как убеждает приведенный выше материал, при рассмотрении синонимии целесообразно избегают термина *тождество*, поскольку каждый член синонимического ряда имеет специфичное, отличное от других членов этого ряда значение. Поэтому предпочтительнее говорить о «сходстве», «близости» значений синонимичных слов.

II. Антонимия. Слова с противоположными значениями, выраженные разными словами одной и той же части речи и реализующие в тексте функцию противопоставления, называются антонимами. Философской (мировоззренческой) основой антонимии служат отношения противопоставленности внутри одной сущности; логической основой — противоположные видовые понятия, когда отношения противопоставленности достигают уровня предельного отрицания. Их дефиниции и смысловые структуры оказываются близкими. Семантическая сущность антонимии детерминруется **функциональными** свойствами разных видов оппозиции и дистрибуции. Антонимию образуют эквиполентная оппозиция, контрастирующая дистрибуция, контактное употребление. Языковая сущность обуславливается совпадающей сочетаемостью и индивидуальными контекстами. В отличие от синонимов, антонимы образуют не ряды, а так называемые антонимические пары.

По видам противопоставленности выделяют три семантических типа антонимии. 1. **Контрарная** противопоставленность отличается тем, что между видовыми понятиями есть промежуточный член (*молодой — пожилой — старый*). Такие антонимы выражают качественно противоположные сущности: *горячий — теплый — холодный*. 2. **Комплементарная** противопоставленность характеризуется тем, что видовые понятия дополняют друг друга как родовые. Между ними нет промежуточного члена: *мальчик — девочка*. Комплементарные

антонимы выражают дополнительные противопоставления: *занятой – свободный*. 3. **Векторная антонимия** выражает противоположную направленность (*удар – контрудар*).

Не образуют антонимов: а) существительные, называющие предметы (*кошка – собака*); б) имена собственные; в) числительные; г) некоторые местоимения (*я – ты*).

Существуют структурная и семантическая классификации антонимов. По структурному критерию различаются (а) разнокоренные (*день – ночь*) и (б) однокоренные (*научный – антинаучный*) синонимы.

В речемыслительной деятельности человека антонимы выполняют разнообразные семантические функции: а) противопоставление (*ты богат – я очень беден*), б) ослабленное противопоставление – сопоставление (*малым огнем и большой кровью*), в) разделения – взаимоисключения (*вредно это или полезно*), г) чередование, последовательность фактов (*то порознь, то вместе*), д) охват всего класса предметов (*и верхние, и нижние — все ноты хороши*), е) превращение одной противоположности в другую, совмещение (*как много мало мыслей в нем*), ж) соединение, сложение (*расставания и встречи — из чего сложилось счастье*), з) для выражения образного сравнения или оценки (*не столько объединяет, сколько разъединяет*).

Стилистические функции антонимов можно свести к их способности образовывать три фигуры: 1) **антитезу** — противопоставление резко контрастных понятий, которое может выражаться контекстуальной, речевой или авторской антонимией (*и ненавидим и любим случайно*); 2) **оксюморон** — в одном контексте два взаимоисключающие понятия (*живой труп*); 3) **иронию** — употребление слов с противоположным значением с целью насмешки (*откуда умная бредешь ты голова*).

Кроме межсловной антонимии, выделяют еще и внутрисловную антонимию. Ее называют **энантисемией** (*одолжить кому — одолжить у кого*). Обратные отношения слов в исходном и производном высказываниях образуют **конверсию** (*продать – купить, справа – слева, перед – после*). Конверсия обычно рассматривается в грамматике, поскольку функции конверсиров связаны с формированием высказываний. Это: 1) семантический и конструктивный элемент формирования эквивалентных высказываний; 2) выбор одного из взаимно обратных слов; 3) определение актуального смыслового членения предложения (*на тему и рему*).

Антонимико-синонимические блоки

Синонимические ряды и антонимические пары слов в лексической системе существуют не сами по себе, а в тесном взаимодействии с другими лексическими группировками. Прежде всего, возникающая между ними взаимосвязь приводит к образованию так называемых антонимико-синонимических блоков. На такие группировки слов, собственно, и работает механизм языка. Как писал Ф. де Соссюр, весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь обратной стороной первых. Это суждение ученого близко диалектическому взгляду на отношения между тождеством и различием, сформулированному Гегелем. Мыслитель полагал, что особенностью диалектического рассмотрения тождества и различия является видение их не в качестве противоположаемых или соположенных, а как вообще не существующих одно вне другого: тождество предполагает различие, различие тождество. В свете сказанного лексическое тождество и различие следует интерпретировать как отражение единства тождества и различия объектов единой картины мира в их внутренней противоречивости.

Как доказано в работах Ю. В. Федосова, Е. В. Задорожневой и Н. В. Драчук, смысловая организация слова-полисеманта может проецировать структуру и функционирование антонимико-синонимического блока. По их данным, в подавляющем большинстве антонимико-синонимические блоки возникают на основе номинативных и производных значений, имеющих широкий парадигматический и синтагматический потенциал.

Антонимико-синонимический блок является сложным структурным образованием, ядром которого выступает антонимическая пара, находящаяся во главе двух противоположных по семантике синонимических рядов. Например:

КРАСИВЫЙ —

изящный,
очаровательный,
восхитительный,
хорошенький,
симпатичный,
привлекательный,
миловидный.

БЕЗОБРАЗНЫЙ

уродливый,
страшный,
некрасивый,
невзрачный,
неприглядный,
несимпатичный,
непривлекательный.

Синонимические ряды здесь упорядочены единой для всего блока градуальностью значений. В данном блоке есть признак, интегрирующий все слова вместе, и дифференциальный признак, различающий два синонимических ряда. Каждое слово внутри синонимического ряда отличается от каждого другого слова посредством дифференциального признака, содержанием которого служит степень проявления признака, являющегося общим для всего ряда и отличительным для синонимических рядов. Возможность объединения синонимов и антонимов в единый блок становится возможным благодаря наличию в их семантических структурах общей семы.

По принципу поля структурируются и другие парадигматические группировки слов: семантические поля и тематические группы.

9. Семантическое поле

В современном языкознании термин *поле* обозначает одновременно как лексическую группировку, так и принцип организации этой группировки. Идея семантического поля опирается на принцип системности и выдвигает на первый план связь словарного состава с действительностью.

Выделяют два типа семантических полей — а) предметные и б) понятийные. Предметное поле объединяет слова, соотносящиеся с одной предметной (денотативной) областью, с одной и той же темой. Ср.: 1) тематическое поле «Продукты питания»: *хлеб, молоко, мясо, фрукты, овощи* и т. д. 2) тематическое поле «Ёмкости»: *ведро, бутылка, фляга, пакет, пачка* и т. д. Такого рода поля основываются на классификации самих предметов и явлений. Члены такой тематической группы непосредственно не противопоставлены друг другу. Например: *мальчик, школьник, ученик, отличник, сын, внук* и т. д. В данном примере слова тематического поля называют одно и то же лицо. Поскольку слова в составе тематического поля не противопоставляются друг другу, то замена одного из них не приводит к изменениям стилистического своеобразия значений других слов. Так, в современном русском языке вышло из активного употребления слово *рыдван* 'большая дорожная карета', но это никак не повлияло на слова *повозка, карета, тарантас, бричка, ковчег*. Это является показателем того, что между словами одного и того же тематического поля нет внутренней (семантической) связи. Слова, входящие в тема-

тическое поле, обозначают определенные группы самих реалий, отражают классификацию самих предметов и явлений. Высказываются также суждения (В. И. Кодухов, С. Д. Кацнельсон и др.) о том, что такие внеязыковые факторы, т. е. предметные связи и отношения, предопределяют системные семантические связи слов. Некоторые современные исследователи (Б. А. Плотников, например) склонны утверждать, что объединение слов в тематические поля происходит только тогда, когда предметные связи закрепляются в их семантике.

Формально это проявляется в том, что предметное поле имеет свой гипероним — название этого поля, значение которого является родовым по отношению к видовым значениям других слов поля. Отношение между значениями его компонентов и значением имени поля — это отношение части и целого. Ср.: «Одежда» — *рубашка, пиджак, брюки, пальто, платье, жилет* и т. д. Состав тематического поля слов зависит от уровня знаний того или иного народа, от его классификационного опыта группировать номинируемые предметы и явления. В целом, тематический принцип классификации слов не является собственно лингвистическим. Ср. слова *голова, нога, колено, рот, спина, хребет, руки*. Связи этих слов, обозначающих части тела, не обуславливаются языковой системой.

Однако внутри этого поля можно выделить более тесно связанные между собой группы слов: *нога* (одна из нижних конечностей) — *рука* (одна из верхних конечностей); *спина* (часть туловища от шеи до крестца) — *хребет* (то же самое, но перен. прост.). Такие объединения называются лексико-семантическими группами слов. Следовательно, нужно различать тематические и лексико-семантические группы слов. Они различаются разным уровнем своей системной организации. Чтобы показать это различие, Д. Н. Шмелев, например, сравнивает слова, служащие для обозначения родственных отношений людей, с иными отношениями между ними. Члены первой группы представляют собой в полном смысле микросистему. Так, слова *отец, мать, сын, дочь, бабушка, дед, внук, внучка, дядя, тетя* достаточно четко реализуют противопоставления по трем признакам: а) «мужской / женский пол», б) «восходящая / нисходящая линия», в) «прямое / не прямое родство». Если же сопоставить с этой группой слова *друг, приятель, товарищ, дружок, знакомый, доброжелатель, недоброжелатель, противник, враг, неприятель, супостат, соперник*, то несложно заметить, что их значения разграничиваются менее

строго. Причина в том, что они не реализуют четких и односторонних противопоставлений.

И все же, несмотря на это, в любой лексической группировке, полагает Фомина, критерием объединения слов служит наличие или отсутствие как сходных, так и различительных признаков в семантической структуре слов. Этот критерий применим к объединению слов не только в ЛСГ, но и в тематические группы. Так, чтобы объединить в одну тематическую группу слова *диван, скамейка, кресло, тахта*, необходимо выявить тот общий признак, который и является основанием для объединения. Каждое из этих слов имеет свою референтную отнесенность, которую можно подвести под обобщающую — понятийную. Таким признаком в данном примере служит соотносительность каждого из приводимых слов с общим понятием «мебель». Но эти слова обозначают не любую мебель, а «мебель для сидения или лежаания». По этому различительному признаку из тематической группы «мебель вообще» можно выделить ЛСГ «мебель для сидения или лежаания». Выделение разграничительных семантических признаков перечисленных слов можно продолжить: а) «мебель для сидения» и б) «мебель для лежаания». Внутри каждой подгруппы можно выделить лексические значения каждого отдельного слова.

Итак, анализ показывает, что в пределах каждой группы и подгруппы слова имеют сходные и отличительные признаки. Наряду с названием «ЛСГ» для таких объединений слов имеется еще одно — *лексико-семантические парадигмы* (греч. *paradeigma* — пример, образец). Парадигма в данном случае — совокупность слов как элементов лексической подсистемы языка. Так, в одну лексико-семантическую парадигму можно объединить слова *река, речка, ручей, озеро, пруд, море, пролив, канал, водохранилище*. Отношения сходства и различия в подобных лексико-семантических объединениях называются парадигматическими, служащими наиболее существенным показателем системности лексического уровня языка, в котором выделяется несколько ярусов: семантические поля, лексико-семантические группы, антонимические и синонимические парадигмы.

Семантическое поле — наиболее объемная лексико-семантическая парадигма, которая объединяет в себе лексико-семантические группы — совокупность слов, относящихся к той же части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных семантических элементов. В пределах ЛСГ

выделяются синонимические и антонимические парадигмы. Так, в ЛСТ «земля» входят такие синонимические парадигмы, как: а) *планета — земной шар — мир*; б) *почва — грунт — слой*; в) *владение — поместье — имение — усадьба*; г) *страна — государство — держава*. В речи слово *земля* в одном из своих значений ('суша') служит антонимом к слову *вода*.

Первоначальное теоретическое осмысление понятия поля в языке представлено в работах Й. Трира, Г. Инсена, в которых впервые и употреблено словосочетание *семантическое поле*. Для выделения семантического поля необходимо наличие общего (интегрального) признака, объединяющего все единицы поля в единую лексико-семантическую парадигму. Такой признак обычно выражается лексемой с обобщенным значением (архилексемой). Так, например, признак перемещения в пространстве в семантическом поле глаголов движения *to go, to run, to swim, to fly* и т. п., и наличие частных (дифференциальных) признаков, по которым единицы одного поля отличаются друг от друга. Например: скорость, способ, среда передвижения. Интегральные семантические признаки в определенных условиях могут выполнять различительную функцию. Так, признак «отношение родства», объединяющий термины родства *father, mother, son, daughter* и т. п. становится различительным признаком, если эти термины оказываются включенными в семантическое поле, лексические единицы которого обозначают и другие отношения между людьми (например, *colleague, group-mate, chief* и т. п.). Такое взаимодействие слов и их значений свидетельствует о связях лексических единиц разных семантических полей. Такого рода взаимосвязь семантических полей в пределах всего словарного состава может основываться на вхождении многозначных слов в разные полевые объединения. Например: *rich, wealthy, well-to-do* и *rich, money, diamonds*. Л. А. Повиков рассматривал семантическое поле как иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу.

Семантическое родство слов, входящих в понятийные поля, определяется не подобием обозначаемых ими предметов, а сходством их сигнификатов — понятийного ядра их лексических значений. Например, понятийное поле «Эмоциональное состояние человека» (*радость, восхищение, грусть, печаль, горе*); поле «Процессы мышления» (*думать, размышлять, рассуждать*); поле «Восприятие» (*ви-*

деть, обонять, слышать, осязать). Сравнение этих двух типов полей показывает, что понятийное поле отличается от предметного, тем, что имеет высокий уровень обобщения результатов интуиции, интуитивных, определенных в семантике его лексических единиц.

Понятийные поля служат основой формирования семантических полей. Понятийное основание лексико-семантической организации позволяет включать в его состав номинации, имеющие грамматико-грамматическое (часть речи) оформление (подкатегории), в состав семантического поля могут входить слова как одной части речи, так и нескольких.

Впервые понятие «семантическое поле» было введено (интерпретировано) Ипсеном в 1924 г. Существующие его определения показывают, что критериями взаимосвязи слов и включения их в то или иное семантическое поле служат (а) «лексические значения в целом», (б) «семантический признак», (в) различные лексические значения какого-либо слова или его ЛСВ, (г) компоненты значения (семм). Нетрудно заметить, что признаки семантического поля делятся на две основные группы: (а) признаки, тем или иным образом связанные с лексической семантикой, и (б) признаки, ориентированные на предметно-тематическую и другие сферы. Первые — это лингвистические (значения слов), а вторые — экстралингвистические (тема или наименование некой ситуации).

Одним из важнейших признаков полевой организации лексики является выделение в данной группировке центра (ядра) и периферии. Ядро характеризуется максимальным сосредоточением полеобразующих признаков. Переход от ядра к периферии происходит постепенно, при этом по мере удаления от ядра происходит ослабление интенсивности или даже исчезновение части полеобразующих признаков. Периферийная же зона поля обычно оказывается значительно больше ядерной. Итак, поле в науке о языке — это некая совокупность языковых единиц, объединенных каким-либо общим семантическим признаком. Упорядочивающим фокусом лингвистического поля служит доминанта — слово, служащее наименованием поля и входящее в его состав.

Итак, семантическое поле характеризуется следующими признаками:

— отнесенностью слов и их отдельных значений к одному отрезку действительности (денотату),

- системным характером денотативных связей,
- взаимозависимостью лексических единиц,
- относительной автономностью поля,
- непрерывностью смыслового пространства,
- обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка.

Семантические поля объединяют слова по общности их значения, которое выражается центральным членом поля. В центре исследования стоят значения слов и их связи в поле. Причем семантические поля могут включать в себя слова, относящиеся к одной части речи, и слова разных частей речи, объединенных общим значением и словообразовательным признаком.

Первым шагом в определении семантического поля является определение центрального слова, а через него и понятия, которое предварительно как бы очерчивает контур будущего объединения лексических единиц. Эту методику выделения семантического поля часто называют семантико-логической. Предметом современного исследования в теории поля являются лексические единицы, объединенные на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип), или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации принципов. Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему. Основными типами структурных связей в рамках семантического поля являются вхождение, схождение и расхождение.

Вхождение включает гипергипонимическую (родовидовую) связь, пересечение, синонимическую, градуальную и партитивную связь. Вхождение означает, что лексическая единица входит в группировку, имея хотя бы одну идентичную сему с остальными элементами этой группировки. Например, слова *rich*, *gorgeous*, *splendid* относятся к одному понятийному полю, так как они имеют как минимум одну идентичную сему.

Схождение включает родовую связь, тяготение, темпоральную, локальную, инструментальную ассоциативную и реминисцентную связи. Например, слова *well-to-do*, *money*, *diamonds* не имеют ни одной идентичной семы, но совершенно определенно принадлежат одному понятийному полю, так как явно прослеживается тяготение и ассоциативная связь.

Расхождение объединяет антонимическую связь, несовместимость и противодействие: *prosperity – poverty, wealthy – poor* и т. п.

Ядерные конstituенты наиболее специализированы для выполнения функций поля. Это обязательные конstituенты поля. Однако граница между ядром и периферией «размыта» из-за сложных семантических отношений между элементами поля. Кроме того, по мнению многих исследователей, внутри поля существуют микросистемы, обладающие относительной самостоятельностью, которая проявляется в наличии связей не только между микросистемами внутри поля, но и вне его. Процесс выделения понятийного поля представляется достаточно сложным и состоит из нескольких этапов: 1) определение имени поля, 2) выявление исходного минимума на основании имени поля (обращение к словарю полей, толковому или словарю синонимов). 3) выделение из корпуса словаря конstituентов поля, в толковании которых имеются либо слово-идентификатор, либо единицы исходного минимума.

По мнению Ю. Н. Караулова, при выборе имени (доминанты) поля как отдельной единицы словаря следует придерживаться шести критериев. Это слово (а) не должно быть многозначным; (б) не должно быть эмоционально окрашенным, экспрессивным, метафорическим; (в) не должно являться термином. Но зато должно (г) соотноситься с каким-либо денотатом; д) обладать ассоциативной (или семантической) «прозрачностью»; е) при прочих равных условиях должно обладать наибольшей частотностью по сравнению с некоторой группой близких по смыслу слов.

Поля бывают *синонимические* и *гипонимические*. В синонимическом поле доминанта входит в состав поля наравне с другими членами этого поля. Если же доминанта возвышается над другими элементами поля, то такое поле называется гипонимическим.

Итак, семантическое поле обладает следующими основными свойствами:

- 1) оно интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью;
- 2) оно автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;
- 3) единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями;
- 4) каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

В целом, в основе организации семантического поля лежат гиперонимические отношения составляющих его единиц.

10. Лексический фонд: ядро и периферия

Значительным достижением отечественного языкознания стало разграничение в лексике языка основного словарного фонда и периферии. Это позволило адаптировать к изучению словарного состава языка полевою методику. Исходя из идей полевого структурирования языка в словарном составе языка стали выделять ядро и периферию. Ядро составляет так называемый основной лексический фонд, то есть наиболее устойчивая часть словарного состава, которая служит краеугольным камнем в структуре каждого языка. Разумеется, со временем меняется и он, но не так заметно, как единицы периферийного словаря. Это достаточно стабильная часть языка, сохраняющаяся в течение многих эпох. Вместе с грамматическим строем она определяет и обуславливает этнокультурную ауру языка. Эта часть лексического фонда обеспечивает (а) взаимопонимание всех членов этноязыкового сообщества, а также (б) единство языка на всех этапах его исторического развития. Вместе с тем, ядро словарного состава не стоит рассматривать как исключительно консервативную часть языка. Ведь оно (ядро) служит базой для образования новых слов. Можно сказать, что ядро лексического фонда служит надежным источником словопроизводства, материальной и структурной основой обогащения и развития любого языка. И это притом, что ядро основного словарного фонда состоит главным образом из корневых слов. Ср. в эстонском языке: *maa* 'земля', *vesi* 'вода', *mets* 'лес', *inimene* 'человек', *hingata* 'дышать', *käima* 'ходить' и т. д. В любом языке таких слов немного, но зато они служат языку очень долго, в продолжение веков. Нередко выступают деривационной базой слово- и фразеоморфозов.

Ядро словарного фонда более устойчиво потому, что его единицы обозначают жизненно необходимые понятия, которые представляют важные для данного общества жизнесмыслы. Слова, входящие в ядро лексического фонда, стилистически нейтральные единицы, являются достаточно употребительными в любом стиле речи. Они известны всем членам соответствующего этноязыкового сообщества. Это, как правило, именованья родства (*мать, отец, дед, дядя* и др.), наи-

менования частей тела (*голова, нос, глаза, лоб* и др.), названия объектов природы (*лес, дерево, трава, земля* и др.), наименования жилищ и предметов домашнего обихода (*изба, хата, чулан, посреб, вилка, метла* и др.). По частеречной принадлежности это преимущественно местоимения, числительные, глаголы, обозначающие производственную деятельность человека, прилагательные, выражающие бросающиеся в глаза свойства и признаки предметов, служебные слова.

С точки зрения происхождения, слова, входящие в ядро словарного состава, неоднородны: могут быть исконными и заимствованными. Причем их соотношение в разных языках варьируется. В русском языке, например, преобладает исконно русская лексика, а в английском — заимствованные слова. Объясняется это внеязыковыми факторами. Например, преобладание в ядре лексического фонда английского языка заимствований обусловлено исторически. Во-первых, в английский ареал они попали много веков назад; во-вторых, они обозначают жизненно важные понятия; в-третьих, они стали деривационной базой для многих новых слов современного английского языка. Заимствования, входящие в ядро лексического фонда английского языка, различны по происхождению: а) скандинавские заимствования (*they, them, cut, get, leg, ugly, happy, low, are, fellow, till, sky, skin, fellow, in, low, wrong, ill, take, want, husband, root*), французские заимствования (*government, state, country, county, power, parliament, people, nation, council, mountain, soldier, chair, river, pleasure, dress, decide*), латинизмы (*cheap, wine, wall, beet, cup, advantage, street, butter, box*), кельтские (*bard* 'певец', *bin* 'корзина', *brat* 'ребенок', *brock* 'барсук', *down* 'холм'). Русские заимствования проникают в английский лексический фонд начиная с XII–XIII вв.: *meolk* → *milk* 'молоко', *ploz* → *plough* 'плуг'; *sable* 'соболь, черный'. В XVI–XIX вв. — *beluga, starlet, rouble, pood, czar, kvass, shuba, vodka, babushka, siberite* 'рубин', *uralite* 'асбестовый сланец', *barshina, obrok, kopeck*. В XX в. — *decembrism, nihilist, narodny, intelligentia*. После 1917 г. — *pyatiletka, stakhanovism, kulak*. В наше время — *glasnost, perestroika, družba, matrioshka, bolshoi, ballet*.

Ядро основного лексического фонда составляют прежде всего корневые слова (*work, big, man*). Они служат производящими многих слов (*Englishman, well-known, beginning*), пополняющих основной фонд английской лексики. Корневые слова настолько продуктивны, что их производные образуют целые гнезда слов, многие из ко-

ных уже выходят за пределы основного словарного фонда языка: *work* — *worker, handworking, workable, workability, workman, workman*, слова, составляющие ядро словарного фонда, — основа этноязыковой климатики. Ср.: *go* → *go bananas* 'снять', *go home, go mad, go home* 'попасть в цель'; *go in for honours* 'сдавать экзамены с отличием', *go one's better* 'презойти себя', *go through fire and waters*. *Make* → *make homework, make up, make a fool* 'оставаться в дураках', *make one's way* 'двигаться вперед'.

Нужно заметить, что деление лексики на ядро и периферию весьма условно, а сама граница между основным лексическим фондом и периферией подвижна. Устаревшие слова (архаизмы), став моноупотребительными, переходят в разряд периферийных, а вновь образованные слова могут перейти в основной словарный фонд. Это происходит тогда, когда они полностью оказываются принятыми языком, их значения становятся общезвестными, а сами слова достаточно употребительными.

С делением словарного состава на ядро и периферию связано также разграничение активного и пассивного словарного запаса. К *активному словарному запасу* относятся или корневые слова, или их производные, слова привычные, обыденные, повседневно употребляемые типа *салога, школа, умный, отец, петь, хлеб, мой, близко, скоро, лицо, ребенок, знать* и т. п. Они не имеют оттенка устарелости или новизны. Иначе говоря, в активный словарный запас архаизмы и неологизмы не входят, хотя и включают в себя слова не только общеупотребительные, но и слова, ограниченные в своем употреблении (термины, профессионализмы, книжные слова, эмоционально-экспрессивно окрашенные слова и т. п.).

К *пассивному словарному запасу* относится лексика, редко употребляемая в повседневном общении, имеющая ярко выраженные признаки архаичности или новизны. Устаревшие слова, выйдя из повседневного употребления, продолжают служить определенным стилистическим целям главным образом в языке художественной литературы. По степени устарелости данные слова неоднородны. Среди них выделяется группа слов, совершенно неизвестных носителям современного языка и поэтому непонятных без обращения к соответствующим словарям: *зело* 'очень', *вежды* 'веки', *важсватый* 'разговорчивый, приветливый', *одрина* 'спальня' и др. Такие слова, хотя и принадлежат пассивному словарному запасу, требуют изучения, поскольку

ку многие из них используются в качестве корневых частей производных слов (*талока* 'толчая, суета, беспорядок' (ср. *сутолока*, *толкотня*), *скора* 'шкура' (ср. *скорняк*), *руг* 'насмешка' (ср. *ругань*)). Их нужно знать еще и потому, что многие из таких слов сохранились в компонентном составе фразеологических сочетаний. Чтобы понимать, почему говорят, что кто-то *с жиру бесится* или *ни зги не видно*, *точить лясы*, *благим матом*, нужно помнить, что *жир* — 'богатство', *зга* — 'дорога', *лясы* — 'резные столбики', а *благой* — 'сильный', *мат* — 'голос'. Необходимый колорит нашей речи придают многие устаревшие слова, которые остаются понятными носителям современного русского языка. Это такие слова, как *царь*, *боярин*, *градоначальник*, *крепостной*, *помещик*, *лапти*, *доспехи*, *князь*, *очи* и др.

Степень устарелости слов и их значений определяется временем их выхода из активного употребления, а также тем, насколько они сохранили генетические связи с родственными словами.

11. Лексикографическая репрезентация слова

В идеале словарная статья должна отражать системную организацию словарного состава языка. Это означает, что каждое слово должно быть представлено не изолированно, а в связи с другими словами, т. е. в их семантических, синтаксических, морфологических и деривационных отношениях. Однако это идеальная модель словаря. Пока же преобладает алфавитный принцип построения словаря, обрекающий его на логически-бессистемный статус. Такой словарь удобен для пользователя с точки зрения нахождения нужного слова. Однако алфавитный принцип его построения не позволяет представить словарный состав как целостную эпидигматическую систему. Это вовсе не означает, что существующие ныне словари вообще лишены системности. За многовековую историю лексикографии разработаны важные правила составления словарей.

Системная организация словаря тем выше, чем полнее выдерживаются названные ниже правила:

- 1) противопоставление парадигматических и синтагматических свойств слова;
- 2) противопоставление его лексических и грамматических значений;

3) на уровне грамматического значения указание на систему словоизменения в парадигматике и синтаксические условия употребления в синтагматике;

4) на уровне лексического значения выделяются: (а) дифференцированные семантические признаки в парадигматике и (б) лексическая сочетаемость в синтагматике.

Это обязательные правила, предъявляемые И. А. Мельчуком к разработке словарной статьи толкового словаря. Они обеспечивают не только верное понимание слова, но и правильное его употребление в речи.

Сопоставляя структуры известных толковых словарей, можно обнаружить основные принципы их построения:

- 1) каждый элемент словаря однозначно определен;
- 2) число описываемых элементов меньше числа описывающих;
- 3) информации о признаках достаточно для построения классификаций.

Владение такого рода информацией дает возможность пользователю словаря:

- выбрать оптимальную для своего высказывания словоформу;
- использовать ее в нужном значении;
- найти свойственные ей синтаксические условия для реализации соответствующей пропозиции;
- учесть особенности ее лексической и грамматической сочетаемости.

Первый принцип правильного употребления слова состоит в знании его словоизменительной парадигмы. Поэтому в толковании слова должна быть указана либо вся парадигма слова, либо ключевая словоформа парадигмы, по которой могут быть восстановлены недостающие члены.

Второй принцип для описания синтаксических условий употребления данного слова состоит в том, что в словарной статье последовательно должна использоваться система морфологических и синтаксических помет. Реализация этого требования усложняется тем, что система синтаксических помет разработана в современной лексикографии менее основательно.

Важнейшей предпосылкой употребления слова является владение его значением. Нужно разложить значение слова на составляющие его семантические признаки, на ряд значений. В словарной статье на правильное словоупотребление указывает его синоним.

Существенный объект лексикографической разработки слова — это его синтагматические свойства в области лексических значений, или его сочетаемость. Перечисление семантических функций данного слова и указание на возможность их выражения идиоматическими выражениями должно составить содержание того раздела статьи толкового словаря, в котором описывается лексическая сочетаемость слов.

Лексикографу приходится иметь дело с рядом факторов, определяющих своеобразие отбора и обработки одного и того же языкового материала. Их можно разделить на объективные и субъективные. Объективные факторы не зависят от типа, объема, назначения словаря. Важнейшим из объективных факторов является самый характер лексического значения слова. Ядром значения является понятие. Само выделение понятий связано с жизненным опытом человека, постоянно обновляющимся и изменяющимся, в связи с чем и понятия оказываются зыбкими в своих границах.

Лексикограф нередко вынужден отмечать одновременно как широкое, так и специализированное значение слова. Отношения целого и части отражаются в словаре с помощью:

- выделения самостоятельного значения;
- упоминания обоих аспектов формулировки единого значения;
- фиксации только целого.

При определении иерархии значений должна быть избрана различная последовательность признаков, что и предопределяет различный вид семантической структуры слова в разных словарях.

Из всего сказанного можно прийти к заключению, что словарный состав любого языка можно изучать в двух аспектах: а) с точки зрения выражаемых словами значений и б) с точки зрения их номинативной функции. Первым занимается ономазиология, вторым — семасиология. Основной аспект изучения слова — семасиологический. Его отличительная черта — исследовать слово в направлении от его плана выражения к плану содержания. Этот аспект еще называют семантическим, поскольку при таком подходе в объективе исследователя оказывается, прежде всего, все то, что связано с семантикой слова, его лексическим значением. В сферу его интересов входит соотношение лексической и грамматической семантики, типология лексических значений, способы изменения и возникновения новых значений и их оттенков, полисемия и ее виды и т. п. Особую

популярность здесь приобрел компонентный анализ лексического значения. Семасиологическое изучение слова имеет четко выраженный вектор: от знака — к смыслу. В этом смысле семасиология является теорией значения. Семасиологическому вектору следуют составители толковых словарей: лексема такая-то (например, *книга*) имеет такое-то значение (например, 'произведение печати в виде переплетенных листов с каким-н. текстом'), такой-то смысл (*книга за семью печатями* 'о чем-л. совершенно недоступном пониманию, разумению', *сидеть над книгами* 'много читать', *сесть за книги* 'начать заниматься', *книга жизни* 'жизненный путь', *книгоцел* 'человек, любящий читать, увлекающийся чтением'). Этот раздел лексикологии соответственно называется *семасиологией* (от греч. *sema* 'знак, значение'). Основной семасиологический механизм — ассоциативное объединение формально сходных единиц (например, многозначных слов). Такой подход к семантике отражает точку зрения воспринимающего звучащую речь или читающего и соответствует основному назначению толковых словарей, в которых раскрывается содержание одного из основных категориальных отношений лексики — многозначности (полисемии).

Ономасиология — аспект семантики, противоположный семасиологии. Здесь значение изучается в противоположном направлении: от плана содержания — к плану выражения. Смысл данного аспекта семантики раскрывает вопрос: «Какими словами или сочетаниями слов можно выразить данное значение?». В связи с этим ономасиологию можно называть *теорией обозначения*. Понятно, что этот аспект тесно связан с номинативным потенциалом различных парадигматических группировок слов; семантических полей, тематических групп, ЛСГ, синонимических рядов и антонимических пар. Если семасиологический аспект представляет позицию воспринимающего речь, то ономасиологический аспект реализуется другим участником коммуникации — говорящим или пишущим. Для успешной реализации этого аспекта создаются словари, в которых слова располагаются не по алфавиту, а по смысловому сходству слов (словари синонимов, словари антонимов, тематические словари). Хотя этот аспект менее разработан, он чрезвычайно важен для теории и практики преподавания и родного, и иностранных языков, поскольку связан с систематизацией лексических единиц в соответствии со сферами номинации и местом в составе того или иного поля. Ономасиоло-

гический механизм опирается не на ассоциативное сходство слов, а на их содержательное родство. В рамках ономастиологии лексикологии находится и ономастика — раздел об именах собственных.

В любом случае, и семасиология (теория значения) и ономастиология (теория обозначения) — это два крыла семантики, два ее ответвления и два методологических принципа изучения словарного состава языка.

ЛИТЕРАТУРА

а) Основная

- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1986.
Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М.: Наука, 1986.
Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. Воронеж, 1990.
Кретов А.А., Подтележникова Е.Н. Общая лексикология. Воронеж, 2010.
Крылов С.А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // Семиотика и информатика. Вып. 19. М., 1982.
Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. М., 1978.

б) Дополнительная

- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: Учебное пособие. М.: Гардарики, 1982.
Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М., 1984.
Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.
Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.
Слово в грамматике и в словаре. М., 1984.
Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.
Чейф У.Л. Значение и структура слова. М., 1975.
McCarthy M., O'Dell F. English Vocabulary in Use. Cambridge Univ. Press, 1994.

ДЕРИВАТОЛОГИЯ: МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. Проблемы взаимоотношения морфемки и словообразования. 2. Морфема. Типы морфем.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Морфемика и словообразование обычно называют молодыми лингвистическими дисциплинами. Однако их понятийный и терминологический аппарат морфемки формируется со времен античности.

Древнеиндийские филологи, разлагая слово на первичные элементы, уже выделяли окончание и основу слова, или корень, а корни подразделяли на три разряда: 1) простые, или первичные корни, 2) корни, выступающие в качестве образующих элементов, и 3) производные корни, включающие в себя определенные суффиксы. Древнеиндийские грамматисты обратили внимание также на внутреннюю флексию, ввели понятие нулевой морфемы.

В арабской языковедческой традиции структура слова всегда находилась в центре внимания. Арабы выделяли две основные единицы: слово и корень. В отличие от античных языковедов арабские ученые не считали слово нечленимой единицей. Слово членилось ими на составляющие как по форме, так и по значению. Исключение составляли лишь неизменяемые частицы (в состав которых могли попадать также наречия и др.). В обычном же слове выделялись корень, огласовка и окончания («добавки»). Как и в современной морфемике, при анализе слова вычленялось окончание — носитель определенного грамматического значения. Оставшаяся часть слова делилась на трехслого́сный (изредка двухслого́сный) корень и огласовку из гласных внутри корня и перед ним. Корень и огласовка рассматривались как нечто единое. Корень рассматривался как носитель лексического значения, а огласовка — как средство его модификации. Такое морфемное членение отражало особенности структуры слова в семитских языках. В принципе учение о морфемной структуре слова на арабском Востоке не только опережало европейские представления о структуре слова, но и оказало большое влияние на европейскую грамматическую доктрину XVIII и XIX вв.

Чтобы понять, с чего зарождались отечественные концепции морфемки и словообразования, целесообразно обратиться к доломоновскому периоду. Отдельные суждения о морфемных и словообразовательных явлениях можно найти в некоторых изданиях XVI — начале XVIII в. Внимания заслуживают следующие труды: «Букварь и катехизис» (Тюбинген, 1561), «Грамматика» (1574), «Грамматика славянского языка» (1586), «Адельфотис...» (1591), «Грамматика славянская» Лаврентия Зизания (1596), «Грамматика

словенския правильное синтагма» М. Смотрицкого (г. Вильно около Вильны, 1619), «Грамматика» И. Федорова (1621), «Грамматика» (Вильно, 1621), «Букварь» (Москва, печ. Бурцева, 1634), «Грамматика» М. Смотрицкого (Москва, 1648), «Грамматика словенская» Иоанна Ужевича (Франция, 1643-1645), «Грамматика или письменница языка словенскаго и тщательнъ кикратнъ издана в Креманце...» А. Лузины, епископа луцкого (1658), «Грамматическое изказанье об руском езику» Юрия Крижанича (1666), «Букварь языка славенскаго» С. Полоцкого (1679), «Букварь славянорусскихъ письменъ уставныхъ и скорописныхъ, греческихъ и латинскихъ и польскихъ со изображениемъ вещей и со нравоучительными стихами» И. Кариона (1696), «Грамматика славянская» Ф. Максимова (1723), которая представляет собой несколько переработанный вариант «Грамматики» М. Смотрицкого и «Грамматики...» А. Лузины. Разумеется, морфемные и словообразовательные явления в этих изданиях рассматриваются фрагментарно.

В послеломоносовский период морфемика как лингвистическая дисциплина обосновывается в трудах Казанской лингвистической школы. В работах И. А. Бодуэна де Куртенэ возникало стройное и последовательное учение о морфеме. Здесь, пожалуй, впервые морфема выделяется как единица языка. И. А. Бодуэн де Куртенэ в своих ранних работах в соответствии с традиционными представлениями считал морфему научной абстракцией, сформированной на базе понятия о словоформах, в составе которых она встречается. Позже ученый пытался обосновать психологическую реальность морфемы.

В работе Бодуэна «Некоторые отделы "сравнительной грамматики" славянских языков» (1881) морфема была охарактеризована как далее неделимая морфологическая единица языка. Он писал: «Неделимое с антропофонической точки зрения есть звук, неделимое с фонетической точки зрения есть фонема, неделимое с морфологической точки зрения есть морфема». Здесь еще отсутствует указание на семантику морфемы, но в статье «Николай Крушевский, его жизнь и научные труды» (1888) ученый говорит о «значимом характере» морфологических частей слова, называемыми им. Членение слов на морфологические части, указывал Бодуэн, «не может быть делением на голые, не имеющие значения звуки». «Морфемы и звуки являются, так сказать, несоразмерными языковыми величинами. Если бы морфемы могли делиться на звуки, то они не были бы морфемами, а были бы просто комплексами, соединениями голых, не оживленных психических звуков. В работе «Опыт теории фонетических альтернатив» морфема определяется как минимальная значащая часть слова: «Морфема = любая часть слова, обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения». Далее ученый дает более точные определения. Слова «состоят из морфологически и семасиологически неделимых единиц, которые мы называем морфемами». «Морфема — дальше не делимый, дальше не разложимый морфологический элемент языкового мышления». Таким образом, из учения И. А. Бодуэна де Куртенэ происходит понимание морфемы как далее неделимой значимой части слова.

В дальнейшем определение морфемы претерпевало не всегда оправданные изменения. При определении морфемы часто или не учитывался признак минимальности, или игнорировалась семантика. Многие зарубежные языковеды определяли ее без учета обоих признаков. Термином «морфема» иногда обозначали все грамматические средства языка (аффиксы, служебные слова, ударение, чередование звуков и даже интонацию). Такого взгляда придерживался Ж. Вандриес. Близка к нему точка зрения Ж. Марузо, изложенная в его «Словаре лингвистических терминов», и концепция Г. Глисона.

Бодуэновское определение морфемы было принято в «Проекте стандартизованной фонологической терминологии», который Пражский лингвистический кружок представил на обсуждение Международной фонологической конференции в Праге в декабре 1930 г. В этом «Проекте» морфема характеризуется как минимальная морфологическая единица, то есть часть слова, которая в целом ряде слов имеет одну и ту же формальную функцию и которую невозможно разложить на более дробные части, обладающие этим свойством. Однако данное определение морфемы приняли не все представители Пражского лингвистического кружка. Так, В. Скаличка предложил иное решение вопроса. По его мнению, «минимальной языковой единицей, обладающей значением, является сема. Она не может быть разделена на меньшие значащие части. Например, в слове *zuby-at-u* пять сем: *zuby-* 'зуб', *-at-* — суффикс прилагательного и *-u*, которое содержит три семы: 1) именительного падежа, 2) единственного числа, 3) мужского рода». Наряду с семой В. Скаличка сохраняет и понятие морфемы. Друг от друга они отличаются как «означаемое» и «означающее». В его толковании «морфема имеет формальную основу, сема — основу смысловую». Но различия между ними этим не исчерпываются. Понятие морфемы как бы расщепляется на ряд частных понятий, которые иногда поглощают друг друга или совпадают и перекрещиваются. Ср.: «Семема — любая грамматическая единица (сема, морфема, слово и т. д.)»; «Сема — грамматический элемент»; «Морфема — комбинация сем, которая выражается непосредственно или с помощью других морфем непрерывной цепочкой фонем». В то же время встречаются и такие утверждения: сема большей частью, хотя и не всегда, выражается непрерывной последовательностью фонем, то есть она обычно является тем, что принято называть морфемой.

Концепция В. Скалички не получила широкого распространения. С критикой отдельных положений его теории выступил другой представитель Пражского лингвистического кружка — Л. Новак. Полемизируя с В. Скаличкой, он отмечает: «Сема не может быть основной единицей грамматической системы». К такому выводу Л. Новак пришел в результате анализа соединительных гласных венгерского языка. Этим морфемам «в функциональном плане не соответствует никакая сема». «Поэтому, — полагает ученый, — основной единицей грамматической системы в дальнейшем следует считать морфему». Л. Новак рекомендует сохранить оба термина, разграничив их сферы применения. Термин *морфема* он предлагает сохранить при формаль-

ном анализе, а термин *сема* — при функциональном. Важным в концепциях В. Скалички и Л. Новака является идея отсутствия взаимоднозначного соответствия между планом содержания и планом выражения, идея асимметрии отношений между означаемыми и означающими, восходящая к известной теории дуализма языковых единиц С. Карцевского.

Много внимания уделяется морфеме в трудах дескриптивистов. Как отмечает М. Д. Степанова, «работы дескриптивистов в большей степени способствовали развитию теории морфемы. Большинство дескриптивистов при характеристике морфемы так или иначе учитывали ее важнейшие признаки — минимальность и наличие значения, хотя нередко трактуют их довольно своеобразно. Близко к традиционному пониманию морфемы определение Л. Блумфилда: «Морфема — это повторяющаяся (значимая) форма, которая в свою очередь путем анализа не может быть разложена на меньшие повторяющиеся (значимые) формы». Это определение не является общим не только для всех дескриптивистов, но даже для последователей Л. Блумфилда, которыми вопрос о значении морфемы был объявлен несущественным. Такому пониманию морфемы противостояли труды учеников и соратников И. А. Бодуэна. Так, А. И. Анастасиев, развивая взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского, предложил считать слово членимым, если входящие в его состав морфемы обладают собственным значением и вступают в сочетание с другими морфемами.

Особой заслугой Казанской школы следует считать заложение основ диахронической морфемики. Ими была разработана теория исторических изменений морфемного состава слов. В работах И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского обращается внимание на сокращение основ в пользу окончаний. Причем Н. В. Крушевский объяснял исключительно регрессивный характер этого явления тем, что оно обусловлено фонетическими изменениями, носящими прогрессивный характер. В. А. Богородицкий вначале разделял такую точку зрения и предлагал для нее «психологически-ассоциационное обоснование», которое было названо абсорбцией. Морфологической абсорбцией ученый называл такое явление в процессе развития языка, когда в сознании говорящего одна из морфем поглощает другую или ее часть. Однако впоследствии он отказался от понятия абсорбции и разработал теорию морфологических изменений слов. Основными процессами провозглашаются им *опрошение* и *переразложение*. Эти процессы, согласно его теории, не связаны с фонетическими изменениями и обусловлены повторяемостью в речи тех или иных элементов, воспринимаемых говорящими как грамматические или словообразовательные. Ср.: рус. *облако* < прасл. **ob-volk-, velk-ti* 'обволакивать'). Процесс опрошения, по Богородицкому, имеет несколько стадий, при движении по которым выделяемость морфем в слове падает, а фонетическое изменение «как бы закрепляет опрошение» на его последней стадии.

Первый этап развития отечественной морфемики закончился в 1920–1930 гг. В то время в морфологии господствовало фортунаатовское формально-

грамматическое направление. Словообразование еще не выделилось из общей морфологической проблематики. Начало второго периода относится к 1930–1940 гг., когда словообразование выделяется из морфологии в самостоятельный подуровень языковой системы. Третий хронологический отрезок приходится на середину 1950-х гг., когда в области словообразования осуществляется систематическое изучение словообразовательных типов и моделей. Теперь морфемику стали рассматривать в рамках словообразования. Затем пришло время, когда морфемика обрела статус относительно самостоятельной дисциплины.

Несмотря на значительный объем знаний о морфемном строении слова уже в период классической филологии и тем более сравнительно-исторического языкознания XIX в., оформление морфемики как самостоятельной и вполне самостоятельной области лингвистического знания в отечественной науке происходит лишь в 1970–1980-е гг.: к этому времени, благодаря трудам Н. М. Шанского, В. В. Лопатина, Е. А. Земской, А. Н. Тихонова, М. А. Скорняковой и др., обозначилась проблематика морфемики, пограничная со словообразованием, но в достаточной степени автономная; оформилась ее терминосистема и состоялось отграничение морфемики от словообразования, в составе которого она функционировала в 1950–1960-е гг.

Сопоставление трех академических грамматик: Грамматики русского языка [1953], Грамматики русского литературного языка [1970], Русской грамматики [1980] и ряда учебников убеждает в справедливости данного наблюдения: в Грамматике-53 нет еще ни раздела «Словообразование», ни тем более раздела «Морфемика», словообразование рассредоточено в «Морфологии» по частям речи. В вузовских учебниках 50–60-х и даже 80-х гг. единый раздел «Состав слова и словообразование» выделялся в морфологии и открывал этот раздел. В Грамматике-70 и Грамматике-80 есть оба раздела: и «Словообразование», и «Морфемика». Раздел «Морфемика» есть также в «Краткой русской грамматике» под ред. Н. Ю. Шведовой и в вузовском учебнике «Современный русский литературный язык» под ред. П. А. Леканта. В данных источниках дано определение морфемики, обозначен объект изучения данного раздела, сформулированы базовые проблемы морфемики, к числу которых относятся: морфемная структура русского слова, определение морфемы и принципы ее выделения в слове по функции и способу обозначения, вариантность морфем, чередование морфем и изменения в морфемном составе слова и основы слова.

XX век отмечен бурным развитием морфемики и словообразования (работы О. И. Блиновой, Б. Н. Головина, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, А. В. Крыжановской, А. В. Лемова, Д. С. Лотте, А. А. Реформатского, В. Н. Прохоровой и др.). Разрабатываются методологические основы построения этих дисциплин, принципы морфемного анализа и составления морфемных словарей. Однако в понимании понятия «морфема» продолжают оставаться очень глубокие расхождения. Эти расхождения, как отмечал А. Н. Тихонов, продолжают все больше и больше углубляться, затрагивая

принципиальные вопросы, имеющие прямое отношение к самой сущности морфемы. Так, в исследованиях по словообразованию и морфологии в качестве морфем нередко воспринимаются части слов, которые не обладают важнейшим ее свойством — семантикой, т. е. не имеют ни вещественного (лексического, деривационного), ни грамматического значения. Можно ли называть морфемой *-й-* в слове *кофейный*?

Согласно исследованиям последних лет, не все выделяемые в слове части можно относить к морфемам. В структуру слова входят разнообразные по функции компоненты, которые трудно подвести под существующие понятия морфемы. В связи с этим предпринимаются попытки расширить определение морфемы, чтобы оно могло охватить все вычленимые в составе слова элементы. Нередко у одних и тех же исследователей наблюдаются существенные расхождения и противоречия между тем, как определяется морфема, и тем, что в действительности под этим понимается. Разрыв между традиционным и современным пониманием морфемы все больше и больше увеличивается. Это требует специального изучения проблемы морфемы в свете современных достижений общей теории словообразования.

1. Проблемы взаимоотношения морфемики и словообразования

Принято считать, что дериватология — дублетное название словообразования. Изучает она два объекта: словопроизводственную структуру слов и словообразовательный процесс (В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Е. А. Земская, И. С. Торопцев и др.). Однако при изучении этих объектов, как известно, не обойтись без морфемики. Видимо, поэтому, несмотря на богатую литературу по теории словообразования, словообразовательный ярус языка, — писал польский языковед А. Бартошевич, — пока еще остается не вскрытым. Не определено до конца и место словообразования в кругу других лингвистических дисциплин. Разумеется, морфемика и словообразование как сферы языковой системы и как лингвистические дисциплины имеют различия. Морфемика изучает морфемную структуру уже «состоявшегося» слова, а словообразование — процесс порождения слова, мотивацию его производной структуры. Однако, поскольку обе дисциплины изучают структуру слова, их можно объединить в качестве подразделов в одну науку — дериватологию. Тем более это целесообразно в курсе общего языкознания, где приходится рассматривать соотношение морфемики и словообразования в разных языковых системах. Так, в английском языке слова могут быть про-

стыми, производными и сложными. Простое слово состоит из корня, к которому могут присоединяться флексии. Например, *table, book* — простые слова. Производное слово — это слово, образованное от простого типа *speaker, government, to bed*. При этом глагол *to bed* по морфемному составу является простым, не отличающимся от существительного *a bed*. И все же глагол является продуктом словообразования (конверсии). На этом основании глагол *to bed* следует считать производным словом. Как видим, морфемная и словообразовательная структура слова могут не совпадать. Поэтому при определении производности (членимости) / непроизводности (нечленимости) слова важно одновременно учитывать данные и морфемики, и словообразования. Учитывая подобные проблемы в русском языке, Н. Д. Голев предложил даже выделить морфодеривационный языковой уровень. Если относительно целесообразности выделения такого уровня наука еще не определилась, то интегрированный статус дериватологии мог бы снять многие существующие в этой области сложности и противоречия.

2. Морфема. Типы морфем

Морфемика — раздел языкознания, изучающий состав слова, его организацию. Основной единицей морфемики является морфема (от греч. *morphe* 'форма') — минимальная значимая часть слова, которая не членится на более мелкие его значимые части. Внешне она может совпадать с фонемой. Но она существенно отличается от фонемы, которая, выполняя смыслоразличительную и словораспознавательную функцию, значением не обладает. Так, с точки зрения фонетики, конечный звук в словоформе *вода* [вада] — это определенный вариант фонемы [а], позволяющий отличить ее звуковую оболочку от звуковой оболочки предложного словосочетания *в аду* [вадʲ] и т. п. С морфологической же точки зрения *-а* в словоформе *вода* — это окончание, имеющее грамматические значения именительного падежа, женского рода, единственного числа. Следовательно, как единица грамматического строя языка, морфема, как правило, обладает грамматической формой и грамматическим значением. Она способна передавать разные типы значений: лексическое (корневой морфемой), грамматическое (служебными морфемами) или словообразовательное (производными словами).

Понятийно-методологическая платформа морфемики, как и любой другой научной дисциплины, прежде всего, представлена соответствующей терминосистемой (М. С. Зайченко). На основе выборки таких терминов из работ известных специалистов в области морфемики и словообразования — В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Н. М. Шанского, Е. А. Земской, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, А. Н. Тихонова, З. А. Потихи и др. — был составлен их список из почти 200 единиц.

Системообразующим элементом в данной терминосистеме служит термин морфема. Вокруг него группируются массивы терминов, объединенных по тематическому принципу. Наиболее значительной является группа терминов, называющих значимые части слова: морфема, морф, алломорф, субморф, аффикс, корень, окончание, суффикс, префикс, флексия, постфикс, интерфикс, унификс, аффиксоид, конфикс, префиксоид, суффиксоид. Назовем их терминами первого уровня. Из этого ряда выделяются:

- обобщенные наименования значимых частей слова: морфема, морф, алломорф, субморф;
- наименования конкретных видов морфем:
 - а) по их месту в слове — корень, окончание, суффикс, префикс, постфикс, интерфикс, инфикс, трансфикс;
 - б) по их функции — унификс;
- наименования морфем, которые совмещают в себе признаки первых двух видов (а и б) морфем: аффиксоид, префиксоид, суффиксоид;
- бинарные и сложные морфемы называются соответственно конфикс и трансфикс.

Первая группа открывается термином *морфема*. В лингвистической литературе 1950–1960-х гг. это единственный термин, именуемый минимальную значимую часть слова. В таких авторитетных изданиях, как «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо, «Грамматика русского языка» 1953 года указывалось, что «слова могут делиться на отрезки, имеющие каждый то или иное значение в данном языке... Морфемы являются неделимыми со смысловой точки зрения, единицами». В «Грамматике-70» наряду с термином *морфема* уже используется термин *морф* — «минимальная значимая часть словоформы, наименьшая единица плана выражения, соотносимая с планом содержания». Это позволило выровнять соотноси-

мые образования в корреляции единиц языка и речи: морфема — единица в составе слова, морф — единица в составе словоформы. Иначе говоря, одна и та же морфема, используясь в разных словоформах, может видоизменяться по составу фонем. Такие видоизменения морфемы и называются **морфами**. В этом ракурсе даются и их определения. Морфема определяется как совокупность морфов, выступающих в различных словоформах одной и той же лексемы. Морфы — это минимальные значимые сегменты (линейные последовательности фонем), вычленяемые в составе словоформ. Таким образом, морф — линейная единица речи, а морфема — нелинейная, обобщенная единица языка, которая в речи реализуется через морфы. Два или несколько морфов, которые можно вычленить в разных словоформах, реализуют одну морфему, если они характеризуются следующими тремя признаками:

- 1) выражают одно и то же значение;
- 2) характеризуются формальной (фонематической) близостью, т. е. обладают откровенным сходством своего фонемного состава;
- 3) свободно замещают друг друга в любых словоформах, либо их употребление зависит от окружения, т. е. от свойств соседних морфем.

Во всех иных случаях выделяемые морфы будут представлять разные морфемы. Если же они удовлетворяют названным выше признакам, то такие морфы являются по отношению друг к другу *алломорфами* или *вариантами*. Таким образом, морфему образуют не любые сходные морфы, а только те, которые по своим взаимоотношениям являются алломорфами или вариантами. Совокупность корневых морфов представляют корневую морфему (корень); совокупность одноименных аффиксальных морфов — аффиксальную морфему (аффикс).

Сначала термины *морф*, *алломорф* и *вариант морфемы* употреблялись как синонимичные (О. С. Ахманова, В. Н. Немченко). Это означало, что понятия, которые они выражают, считались равноценными. Затем понятия *алломорфы* и *варианты морфемы* стали различаться (в трудах Е. А. Земской, Н. М. Шанского, А. Н. Тихонова, М. С. Зайчénковой и др.). По мнению М. С. Зайчénковой, основанием для этого служат разные условия их употребления и функционирования. Алломорфы не могут занимать одну и ту же словообразовательную позицию в слове, тогда как варианты морфемы, будучи семан-

тически тождественными, способны заменять друг друга во всех позициях. Так, чтобы определить, представляют ли флексивные морфы *-ой* [oj] и *-ою* [oju] одну или разные морфемы, нужно проверить, отвечают они трем названным условиям или нет. В качестве примеров возьмем произвольные пары слов типа *горой* – *горою*, *порой* – *порою*. Они (1) выражают одни и те же грамматические значения (творит. падеж, единственное число, женский род), (2) сходны по фонемному составу (второй морф длиннее первого на одну гласную фонему) и (3) свободно замещают друг друга. Отличия между ними сугубо стилистические (морф *-ой* стилистически нейтрален, тогда как словоформы с флексивным морфом *-ою* употребляются в книжной речи, обычно в поэтической. Значит, морфы *-ой* и *-ою* реализуют одну и ту же флексивную морфему. На том же основании корневые морфы *мороз-*, *мороз* [z] -, *морож-* и *-мораж-*, которые можно встретить в таких словоформах, как *мороз*, *морозить*, *морозу*, *морозеное*, *замораживать*, *заморозят* представляют одну корневую морфему.

Морфема может быть представлена и единственным морфом, например, префикс *вы-* (*вы-садить*) или глагольная флексия *-у* (*вез-у*, *играй-у*). По своей деривационной роли аффиксы делятся на словообразующие и формообразующие. Аффиксы, образующие новые слова, называются словообразовательными, или словообразующими. Например: суффикс *-тель* (*водитель*, *исследователь*), префикс *анти-* (*антикоррупционный*, *антигерой*). Если аффиксы образуют грамматические формы слов, они называются формообразующими, или словоизменительными. Таковыми являются (1) чистовидовые приставки (*рисовать* (несов. в.) → *нарисовать* (сов. в.)); (2) суффиксы, образующие формы несовершенного вида от форм совершенного вида глагола (*перестроить* → *перестраивать*, *надеть* → *надевать*); (3) суффикс *-л-* и нулевой суффикс, образующие формы прошедшего времени глагола (*кричал*, *вез*); (4) суффикс *-ть/-ти/-чь*, образующий инфинитив (*смотреть*, *плести*, *жечь*); (5) суффиксы причастий *-ащ/-ящ*, *-ущ/-ющ*, *-ви*, *-ш*, *-енн*, *-нн*, *-ем/-ом*, *-им*, *-т* (*говорящий*, *бегающий*, *бежавший*, *шедший*, *рубленный*, *сделанный*, *обожжаемый*, *делимый*, *молотый*) и деепричастий *-а/-я*, *-в*, *-ши*, *-вши* (*создавая*, *скавав*, *евши*, *улыбались*) (данные суффиксы являются формообразующими, если причастия и деепричастия признаются особыми формами глагола, а не самостоятельными частями речи); (6) суффиксы *-и*, *-й* и нулевой суффикс, образующие форму повелительного накло-

нения глагола (*говори, считай, сиди*); (7) суффиксы *-еє, -ей, -е, -ше, -еши -иши*, образующие формы сравнительной и превосходной степени (краснее, длинней, выше, дольше, величайший, прочнейший); (8) окончания; (9) глагольный постфикс *-ся/-сь*, образующий форму страдательного залога глагола (*мыться, строиться, бриться*).

Аффиксы, выполняющие одновременно обе функции, называются синкретичными. Таковым, например, является префикс *с-* в слове *слить* (*лить воду* — *слить воду*, но *слить информацию*). Большинство аффиксов являются материально выраженными, состоящими из одного или нескольких звуков. Иногда морфу не соответствует материально выраженный фонетический сегмент. В таком случае говорят о нулевом аффиксальном морфе. Это достаточно своеобразное явление. В разных языках оно проявляется по-разному. Так, в русском языке широко используется, например, нулевая флексия. Она выделяется только у изменяемого слова, если отсутствие в нем материально выраженного окончания указывает на какое-то грамматическое значение. Ср.: *кни́г* (им. п.), *автомобиль* (вин. п.), *рожд́ь* (ж. р. 3 скл. в им. п. / вин. п. ед. ч.), *кни́к*, *солдат*, *болот* (сущ. всех родов в род. п. мн. ч.). Поскольку слово есть совокупность форм и каждая из них воспринимается в сравнении, отсутствие материально выраженного грамматического показателя тоже имеет определенное грамматическое значение. В английском языке это явление может быть связано с чередованием звонких и глухих согласных для различения частей речи. Ср.: *House /s/ — to house /z/; To close /z/ — close /s/; To extend /d/ — extent /t/*. В немецком языке оно связано с таким распространенным для этого языка явлением, как умлаут (перегласовка), или чередование гласных. Ср.: *Mutter — Mütter* ('мать' ед и мн.ч.); *Bruder — Brüder* ('брат' ед и мн.ч.); *Tochter — Töchter* ('дочь' ед. и мн.ч.).

Нулевыми аффиксами могут быть как словообразовательные, так и формообразующие служебные морфемы. Нулевой словообразовательный суффикс выделяется в структуре производного слова в двух случаях: если (1) нулевой аффикс имеет синонимичные ненулевые аффиксы и если (2) рассматриваемый дериват имеет однокоренное слово, более простое по смыслу, которое могло бы быть производящим для анализируемого и если его деривационное значение выражалось озвученным аффиксом. Ср.: *прилетать* → *прилет*, *заплывать* → *заплыть*; *тихий* → *тишь*, *синий* → *синь*; *задираться* → *задира*, *супруг* → *супруга*, *кум* → *кума*.

По частности употребления различают *регулярные*, *нерегулярные* и *уникальные* аффиксы. Часто употребляющиеся аффиксы в значительном числе слов называются *регулярными*. Ср.: суффикс *-онок/-енок* (*тигренок*, *лисенок*, *поваренок*, *львенок*, *мышонок*, *котенок*, *медвежонок* и др.), префикс *вы-* (*выбежать*, *выскочить*, *вытащить*, *вылететь*, *выйти*, *вынести*, *вывезти* и др.). *Нерегулярными* называются аффиксы, которые встречаются в ограниченном количестве слов типа суффикса *-нь*: *болезнь*, *боязнь*, *неприятнь*, *жизнь*.

Существуют аффиксы, которые можно выделить в структуре лишь одного слова (а также в словах, образованных от него). Таковыми, например, являются: *-лин* (*навлин*), *-арад* (*маскарад*), *-амт* (*почтамт*), *ра-* (*радуга*), *му-* (*мусор*), *-альон* (*почтальон*), *-уз* (*француз*), *-овь* (*любовь*). Подобные аффиксы Е. А. Земская предложила называть *унификсами* (уникальными аффиксами). Аффиксы различаются также по их участию в образовании новых слов. Известно, что одни аффиксы являются деривационно актуальными, а другие к образованию новых слов индифферентны.

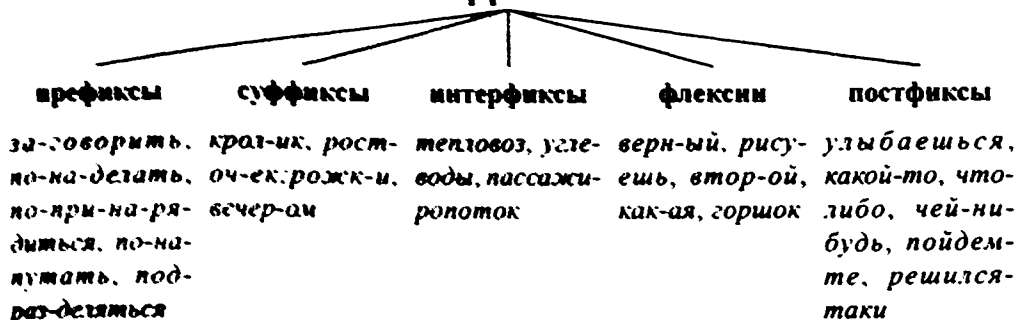
Аффиксы, использующиеся для образования новых слов, называются *продуктивными*. Так, достаточно продуктивным в современном русском языке является префикс *супер-* (*суперкомпьютер*, *супермодель*, *суперхит* и др.). Противоположностью продуктивным аффиксам являются *непродуктивные* типа префикса *су-*, использовавшегося ранее для образования слов *сумрак* и *суглинок*. В наше время в словообразовании он не используется. В немецком языке малопродуктивными являются многие варианты расширенных суффиксов: *-aner*, *-aster*, *-iner*, *-eser*, *-eiser*, *-iener*, *-ianer*, *-iter*, *-ienser*, *-lev*, *-ner*, *-ser* и др.

По способности употребляться без словообразовательного аффикса корни делятся на *радиксы* (от лат. *radix* 'корень') — свободные и *радиксоиды* (греч. *oid* 'подобный') — связанные. Радиксы — корни, которые могут употребляться без словообразовательных аффиксов как словоформы. Например, ср. корень и словоформы род. пад. мн. числа: *рек-* и *рек* (река); *гор-* и *гор* (гора). Радиксоиды — корни, которые не могут употребляться без словообразовательных аффиксов. Например: *вят-* (*Вятка*, *вятичи*), *кур-* (*Курск*, *куряне*), *де-* (*надеть*, *одеть*, *раздеть*), *тес-* (*втесаться*, *втешусь*, *втесешься*); *пер-* (*подпереть*, *подопру*, *подопрешь*, *подпер*, *подпереться*).

Поскольку аффиксальные морфы различаются своим положением в словоформе, выделяют следующие виды аффиксов: флексию (или

окончание), постфикс, суффикс, префикс (или приставка) и интерфикс (или соединительный аффикс).

Аффиксы

Некоторые лингвисты предлагают считать единой морфемой сочетание префикса и суффикса, одновременно присоединяющихся к производящей основе, называя ее *конфиксом* (лат. *con* 'вместе'), или *циркумфиксом* (лат. *circum* 'вокруг, кругом'). Однако это предложение не получило широкой поддержки. Более того, не решено, можно ли считать единой морфемой аффиксы, использующиеся при префиксально-суффиксальном словообразовании. Надо полагать, не всегда. Конфиксом следует считать только тот аффиксальный бином, члены которого самостоятельно образовывать слова не могут. Ср.: *сугли-нок*, где *су-...-ок* — конфикс, поскольку не существует слов **суглин* или **глинок*. Словообразование возможно только при их одновременном парном участии. Ср. *со-...-ся*: *созвониться* (**созвонить*, **звониться*), *со-...-ник*: *сокурсник* (**сокурс*, **курсник*), *со-...-ниц(а)*: *сокровищница* (**сокровищ*, **кровищница*). Ср. в немецком языке: *kaufen* 'покупаю', *gekauft* 'купленный'.

В семитских (арабский, иврит, мальтийский, мёртвый аккадский) и других родственных им афразийских языках существует явление трансфиксации — проникновения между согласными корня аффиксов, состоящих обычно из гласных. *Трансфикс* (его называют прерывистым аффиксом) сочетает в себе признаки инфикса и конфикса. В отличие от инфикса, трансфикс состоит из нескольких фонем, дистантно вставленных между фонемами корня. Иными словами, трансфиксы — это морфемы, звуки которых перемежают звуки корня. Трансфиксация характерна для семитских языков, в частности она часто встречается в морфемах арабского языка, корни слов которого состоят только из согласных звуков. Например, арабский глагол كَتَبَ

‘писать’ содержит корень, состоящий из трех согласных «к-т-б». При помощи разных трансфиксов от этого корня образуются разные слова и словоформы:

- كَتَبَ — *катаба* — он написал; трансфикс — **а-а-а**.
 أَكْتُبُ — *актубу* — я пишу; трансфикс — **а-у-у**.
 كِتَابٌ — *кита:бун* — книга; трансфикс — **и-а-у**.
 كُتُبٌ — *кутубун* — книги; трансфикс — **у-у-у**.
 كَاتِبٌ — *ка:тибун* — писатель; трансфикс — **а-и-у**.
 كُتَّابٌ — *кутта:бун* — писатели; трансфикс — **у-а-у**.

Чтобы образовать пассивную форму причастия, нужно использовать трансфикс **у-и-а**. Получим *кутиба* ‘Он был написан’. Причем грамматические значения, выражаемые трансфиксами, одни и те же, какие бы согласные корни они не перемежали. Так, гласные трансфикса **а-а-а**, перемежающие три согласных любого арабского корня означают прош. время ед. числа 3-го лица (т. е. он сделал то-то); гласные трансфикса **а-у-у**, перемежающие три согласных любого арабского корня, означают наст. время ед. числа 1-го лица и т. д. Нередко сложно разграничить в иностранном языке фонему, трансфикс и слово. Можно воспользоваться для этого следующей таблицей.

Фонема	Трансфикс	Слово
Выполняет смысловозначительную функцию	Имеет структурное значение, которое реализуется только совместно с другими морфемами.	Имеет номинативную и семасиологическую самостоятельность

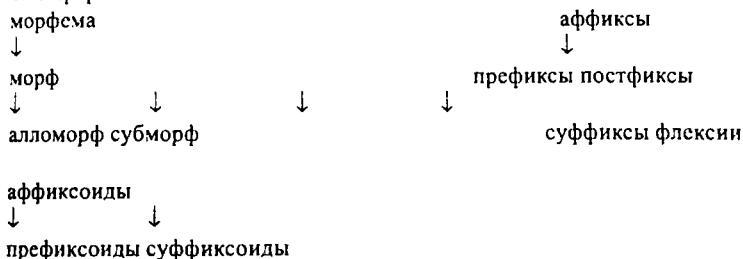
Морфемный состав слова в каждом типе языков имеет свою специфику. На нее обратил внимание еще Ф. Ф. Фортунатов. В семитских языках основы слов сами имеют необходимые формы, которые образуются так называемой флексией основ. При этом отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как в языках агглютинативных. Противопоставления *qataltu* ‘я убил’, *qatala* ‘он убил’, *qutila* ‘он убит’ показывают, что в семитских языках, в арабском в частности, производное слово делится на части. Корень, состоящий из согласных **-q-t-l-** и аффиксы (трансфиксы) **-а-а-** в основе *qatal-* или **-и-и-** в основе *qutil-*, которые находятся в независимом отношении друг к другу, хотя друг без друга не существуют. Такая самостоя-

тельность основы и аффиксов как частей слов сближает семитские языки с агглютинативными тюркскими языками и противопоставляет флективным индоевропейским языкам.

В некоторых языках используются также формообразующие морфемы — аффиксы, вставляемые в середину корня. Называются они *инфиксами*. Ср.: в латинском языке: *vici* ‘победил’; *vincō* ‘побеждаю’, где инфиксом является *-n-*. Инфиксы присущи и семитским языкам. Так, вставляя в арабский корень *ساوى сава* — ‘быть равным, равным’ (откуда происходит и русское местоимение *свои*) инфикс *-t-*, образуют глагол *استوى* ‘*истава*’ ‘выпрямляться’ (ср. рус. *стоять*). Кстати, русские слова *свая* и *стойка* принадлежат одному корню, от которого образовано рус. *стоить* ‘быть равным определенной цене’, по-арабски: *ساوى са:ва*:

Системный характер терминосистемы, обслуживающей область морфемики, обуславливается **иерархическими, словообразовательными и гиперо-гипонимическими** соотношениями между ее единицами.

1. Иерархические отношения:

2. Словообразовательные отношения в словообразовательной паре или словообразовательном гнезде:

аффикс → аффиксоид
 суффикс → суффиксоид
 → алломорф
 морф
 → субморф

3. Гиперо-гипонимические отношения:

морфема — родовой термин по отношению ко всем остальным в данной группе;
 аффикс — гипероним по отношению к терминам *префикс*, *суффикс*, *интерфикс*, *флексия* (окончание), *унификс*, *постфикс*;
 аффиксоид — гипероним по отношению к суффиксоиду и префиксоиду.

В приведенных схемах требует пояснения понятие «аффиксоид». Это особые морфемы, занимающие промежуточное положение между корнями и аффиксами. По утверждению Р. З. Мурясова, факт существования аффиксоидов в настоящее время можно считать бесспорным и доказанным на материале как родственных, так и неродственных языков. Использование в словообразовании аффиксоидов характерно, например, для всех германских языков. Английские полусуффиксы *-full*, *-man*, *-wise*, *-way* соответствуют немецким полусуффиксам *-voll*, *-mann*, *-weise*, *-weg*. Встречаются они и в восточнославянских языках. Так в русском языке на слуху полусуффиксы *-вар*, *-ведение*, *-носец*, *-подобный*, *-образный*, *-видный*, *-вед*, *-вод* и т. д. Например: *авианосец*, *лирообразный*, *серповидный*, *шквалоподобный*, *пушкиновед*. Аффиксоиды выполняют функцию аффиксов, образуя новые слова, но в то же время не теряют связи с однокоренными словами (*пушкинист* и *пушкиновед*; *пушкиновед* и *ведать*). Ученые такому словообразовательному элементу переходного типа дают разные наименования. Кроме термина *аффиксоид*, его именуют полуаффиксом, относительным аффиксом, относительно связанной морфемой и субаффиксом. Термин *полуаффикс* подчеркивает близость этих морфем к аффиксам, акцентирует их аффиксальность. Некоторые исследователи с этим не соглашались. Так, Б. А. Малинин, например, полагает, что этот термин не совсем точно отражает сущность данного словообразовательного средства. Дело в том, что словообразовательное средство, не дошедшее в своем развитии до возможности выполнения им аффиксальных функций или способное выполнять их лишь наполовину. К тому же в лингвистической науке не употребляются термины *полуморфема*, *полукорень*, *полуслово* и им подобные. На самом же деле, данный элемент выполняет функцию аффикса формально. Он все еще сохраняет в себе признаки принадлежности к знаменательным частям речи. Такого рода неполнота аффиксальной характеристики делает более целесообразным в этом случае использовать латинский префикс *суб-*, одним из значений которого является идея неполноты качества. В связи с этим эти словообразовательные форманты предлагается называть *субаффиксами*, а лексические единицы, их содержащие, — *субдериантами*. В этом смысле с ним может на равных конкурировать и термин *аффиксоид*, где греческий суффикс *-oid* выражает идею подобия. Таким образом, *аффиксоид* — не аффикс, а только его подобие.

Использование в деривации аффиксоидов образует особый словообразовательный тип, который находится между словосложением и словопроизводством. И как любое промежуточное явление, слова с аффиксоидами непросто отграничить от смежных образований — словосложения и деривации. Особенно это касается языков с продуктивным словосложением типа немецкого. Нередко специалисты-дериватологи в области немецкого языка расходятся в определении типа словообразования лексических единиц, содержащих аффиксоиды или сходные с ними элементы. Как определить, когда такие элементы являются компонентами сложных слов, а когда выступают средством словообразования — аффиксоидами? Дело в том, что в науке отсутствует единое понимание словообразовательных формантов промежуточного типа. Отсутствуют единые, надежные критерии идентификации (узнавания) и выделения аффиксоидов. Чаше других для идентификации аффиксоидов используются следующие критерии: а) регулярность, б) продуктивность, в) абстрактность (обобщенность) значения и г) связь с периферийным/непериферийным значением соотносимого полнозначного слова.

Подобно аффиксам, аффиксоиды подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды. Суффиксоиды — морфемы, подобные суффиксам типа *луноход*, *библиограф*, *лермонтовед*, *пушкиновед*. Иногда суффиксоиды имеют синонимы, т. е. могут заменяться другой морфемой. Ср.: *китаевед* и *китаист*, *славяновед* и *славист*. Префиксоиды — морфемы, подобные префиксам типа *авиалинии*, *лженаука*, *лжеученый*, *самоанализ*, *самообслуживание*, *видеофильм*, *видео пленка*, *полукруг*, *полупроводник*, *псевдоискусство*, *полумрак*, *ежедневный*, *ежегодный*. Можно назвать и другие префиксоиды русского языка: *водо-*, *домо-*, *звуко-*, *лесо-*, *слово-*, *мало-*, *много-*, *одно-*, *узко-*, *широко-*, *газо-*, *гидро-*, *космо-*, *термо-*, *электро-*, *аэро-*, *био-*, *радио-*, *би-*, *микро-*, *моно-*, *теле-*, *фото-*. В школьных лингвистических курсах аффиксоиды относят к корням, как отдельные морфемы не рассматриваются.

Проблемным остается и понятие «субморф». Субморф по сравнению с морфом в иерархии словообразовательных понятий находится на более низком ярусе. Объясняется это тем, что субморфы только формально тождественны морфам. По семантике они тождественными быть не могут уже потому, что значениями обладают только морфы. Субморфы значений не имеют. Поскольку субморф толь-

ко внешне похож на аффикс, своего значения не имеет, он в качестве самостоятельного элемента морфемной структуры слова не вычленяется. По этой же причине субморфы входят в состав корневого или суффиксального морфа.

Возьмем в качестве примера словообразовательную цепь: *воспламен'- ај-уц-ий-ся* ← *воспламеняј-ут* ← *воспламеняться* ← *воспламениться* ← *воспламенять* ← *воспламенить* ← *пламя (пламени)*. Корень *плам'/пламен'* свободный. Следовательно, *-ен-* — субморф в составе корня. При сопоставлении пары словоформ *воспламенять* и *воспламеняј-ут*, оказывается, что *-ј-* — субморф в составе суффикса.

Корневые и служебные (аффиксальные) морфемы (за исключением флексии) входят в основу слова, которая представляет собой часть слова без окончания. Производная основа состоит из отдельных морфем (корня и аффиксов); непронизводная основа — только из корня. Иначе говоря, производные основы членимы, а непронизводные — нечленимы. Обязательным условием членимости основы на морфемы является наличие у каждого из выделенных компонентов собственного значения. Это возможно в том случае, если выделяемые части слова с той же семантикой входят в состав других слов. Наличие смысла лишь у одного из компонентов не делает основу производной, т. е. членимой. Например, после выделения компонента *-eer* в английском слове *pioneer* (по аналогии с *profiteer*, *racketeer*, *mountaineer*) остаётся компонент *pion-*, не имеющий самостоятельного значения и не встречающийся в других словах. После выделения компонента *in-* в слове *incident* (по аналогии с *injustice*, *inexperience*, *inaction*) не остаётся значимого корня. Следовательно, морфемное членение слов *pioneer* и *incident* невозможно. При делении слова на морфемы, прежде всего, необходимо вычленить корень. Наиболее четко корень выделяется в том случае, если в языке имеется внешне совпадающее с ним (омонимичное) слово. Например, корни *broad-*, *paper-*, *peace-* четко выделяются в словах *broad-shouldered*, *paper-covered*, *peaceful*, *peaceminded*, так как в языке существуют омонимичные им слова *broad*, *paper*, *peace*. Корень можно вычленить и в том случае, если в языке нет омонимичного ему слова. Однако это корень особый. Он не имеет омонимичного слова, но вычленяется в ряде слов. Такой корень называется *с в я з а н н ы м*. Значение связанного корня выявляется путем сопоставления значений родственных слов (однокоренных слов). Примерами связанного

корня могут служить *scrib-/scrip-* (*describe, prescribe, inscribe, inscription, prescription*); *graph-* (*biography, geography, autograph, photograph, telegraph*); *circ-* (*circle, circulate, circular, circus*); *phone-* (*lingua-phone, telephone, phonograph, phonetics*).

Морфемная структура слова может подвергаться историческим изменениям (упрощению, усложнению и переразложению), которые на материале русского языка основательно рассмотрены в работах Л. Г. Панина. Так, слово *простыня* было образовано от прилагательного *простой*, в нем выделялся когда-то суффикс *-ын* '(-а). Когда-то это слово состояло из трех морфем — корня, суффикса и окончания. Теперь же в нем выделяются только две морфемы — корень и окончание: *простын* '-а. Следовательно, морфемная структура слова стала проще. Такое явление — слияние двух морфем в одну, т. е. сокращение количества морфем в слове, называется *упрощением*. Другой пример упрощения — слово *сметана*. В языке можно найти также прямо противоположные явления. Называется оно *усложнением* морфемной структуры слова, в результате которого одна морфема делится на две. Примером могут служить слова *зонтик* и *фляжка*. Оба слова — заимствованные, одно из голландского языка (*zonnedek*), другое из польского (*flaszka*). Причем ни в том, ни в другом первоначально не было суффикса. Позже эти заимствования были восприняты как уменьшительные, и от них были образованы слова *зонт* и *фляга*. Наконец, третий тип изменения морфемной структуры слова — *переразложение*. Количество морфем остается тем же, но изменяется граница между морфемами: от одной из морфем звук (или несколько звуков) присоединяется к другой морфеме. Например: в древнерусском языке были приставки *вън-*, *сън-* и соответствующие им предлоги *вън*, *кън*, *сън*. Если корень слова начинался с согласного звука, употреблялись приставки *въ-* и *съ-*, например: *въ-брати*, *съ-брати*, но если корень начинался с гласного звука, то использовался вариант приставки, оканчивающийся на *-н-*, например: *вън-имати*, *сън-имати* (ср. просторечный глагол *имать* 'хватать; брать'). Таким же образом распределялось употребление предлогов перед местоимениями: *къ тому*, *въ томъ*, *съ тѣмъ*, *по кѣн сѣмъ*, *вън емъ*, *сън имъ*. Позже согласный *н* отошел к корню. Так, сейчас мы выделяем морфемы *с-ним-а-ть*, *в-ним-а-ть*. Корень *ним-* по аналогии с этими словами появился и в тех однокоренных глаголах, где в древнерусском языке его в таком виде не было: *при-ним-а-ть* (др.-

рус. *при-им-а-ти*); *за-им-а-ть* (др.-рус. *за-им-а-ти*). Подобным происхождением характеризуются также сочетания предлогов с формами местоимений *в нем, к нему, с ним*. Ср.: *здороваясь с ним, но доволен им*.

Терминология морфемики остается открытой системой и в наши дни. С одной стороны она пополняется новыми понятиями и терминами, а с другой — освобождается от тех, которые оказались избыточными или не прошли проверку временем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Основная

- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М.: Наука, 1965.
Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977.
Тихонов А.Н. Современный русский язык. М.: Цитадель-трейд, 2002.

б) Дополнительная

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотип. М.: Ком-Книга, 2007.
Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
Грамматика русского языка. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1953.
Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970.
Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.
Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2005.
Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1984.
Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.
Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1: Словообразовательные гнезда. А-П. М.: Русский язык, 1985.
Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977.
Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1968.

ГРАММАТИКА. МОРФОЛОГИЯ

1. Грамматические единицы. 2. Морфология. 2.1. Становление морфологии. 2.2. Единицы морфологии. 2.3. Грамматическое значение. 2.4. Грамматическая категория. 2.5. Грамматические оппозиции в морфологии.
3. Учение о частях речи. 3.1. Принципы выделения частей речи

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Грамматика — древняя научная дисциплина. Первые ее признаки появляются примерно две с половиной тысячи лет назад в Греции и Индии. Этимологически термин «грамматика» восходит к слову *грамма* 'буква'. Не случайно в старину любой письменный документ называли грамотой, а человека, умеющего читать и писать, и в наше время называют грамотным.

Потребность в грамматике обуславливается практическими жизненными обстоятельствами. Как известно, весь жизненный уклад Древней Индии предопределялся Ведами. Сами веды очень почитались, а их язык считался образцовым. Его искажение было недопустимым. Но сутры из Вед передавались, как правило, устно, а поскольку живая речь индусов менялась, то это не могло не отразиться и на языке Вед. Возникла опасность засорения и искажения языка Вед. Некоторые слова и выражения Вед требовали **истолкования**, что, собственно, и положило начало грамматическому учению в Индии. Одна из **первых серьезных работ** по грамматике санскрита принадлежала Панини, жившему приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э.

В Древней Греции грамматические описания можно найти уже в философских трактатах. Так, в диалоге «Кратил» Платона предпринята первая попытка выделить части речи — глагол и имя. Однако расцвет грамматической мысли происходит в **александрийский**, собственно грамматический, период греческого языкознания. Особенно плодотворным в этом отношении было учение Аристотеля. В его знаменитых «Поэтике» и «Риторике» дано полномасштабное описание частей речи. Грамматика утверждала свои позиции в трудах Хрисиппа, Диогена и других стоиков, которые выделяли пять частей речи — имя, нарицание, глагол, союз и член (артикль). Постепенно к IV–I вв. до н. э. в Древней Греции грамматическая наука обособляется от философии и становится самостоятельной научной дисциплиной, а язык начинает осознаваться как самостоятельный объект изучения.

В Риме грамматика преломляла принципы александрийской грамматической системы к особенностям латинского языка. Римские ученые также большое внимание уделяли частям речи. Благодаря им в составе частей речи появилось междометие, а имена числительные были подразделены на количественные и порядковые.

Марк Теренций Варрон, автор трактата «О латинской грамматике» в 25 книгах, обратившись к дискуссии греческих аномалистов с аналогистами, полагал, что в основе словоизменения лежит аналогия, а в основе словообразования — аномалия. Опираясь на морфологические признаки слов, грамматист выделяет четыре части речи: имена, глаголы, причастия, наречия. Делаются тонкие наблюдения по поводу соотношения грамматического рода и биологического пола, числа грамматического и числа предметов. Варрон доказывает наличие в латинском языке отложительного падежа (*ablativus*) и устанавливает роль его показателя в определении типа склонения существительных и прилагательных. Ученый высказал предположение о возможности определения типов спряжения глагола по окончанию второго лица ед. числа наст. времени. Образцом изложения грамматического строя латыни на весь период Средневековья стала самый известный в науке труд — пространная грамматика латинского языка Присциана («Грамматическое учение»). Пожалуй, не менее популярными были также грамматики Элия Дона-та («*Ars grammatica*» — обширная и «*Ars minor*» — сокращенная). Грамматические законы латыни, единственного языка религии — основу основ средневековой идеологии, стали переносить и на другие языки. Латинский язык рассматривался как школа логического мышления. Благодаря античным грамматистам, накопленному ими грамматическому материалу и выделению основных категорий имени и глагола грамматика превратилась в самостоятельную дисциплину. Вместе с тем, грамматическим трактатам греков и римлян не удалось избежать и весьма существенных недостатков. Наиболее значимым из них, повлиявшим на развитие грамматики в XVII–XVIII вв., было смешение логических и грамматических категорий.

В целом грамматические учения Европы в XVII в. развивалось двумя путями: дедуктивным и индуктивным, связанным с попыткой выявить общие свойства реально существующих языков. Наиболее известным и популярным образцом индуктивного подхода стала так называемая грамматика Пор-Рояля Антуана Арно и Клода Лансло, или «Грамматика общая и рациональная». Основная идея этого труда — осуществить анализ грамматической организации языка с позиций «разума». Отсюда стремление авторов раскрыть взаимоотношение языковых и логических единиц. В центре внимания оказались 4 направления: 1) созерцание — понятие — слово, 2) суждение — предложение, 3) умозаключение — сложное предложение, 4) упорядочивание — текст.

Рациональное устройство языка, по мнению авторов грамматики Пор-Рояля, отражается в общем принципе строения всех языков. Отсюда два пост-позитивных определения к грамматике — «общая» и «рациональная». Характеризуя Грамматику Пор-Рояля, нельзя не упомянуть о двух ее отличительных особенностях. 1. В ней не удалось избежать влияния средневековой традиции: ориентации описания грамматического строя европейских языков на латинский эталон, хотя к анализу привлекаются и другие языки. 2. Это была сугубо синхронная грамматика. «Рациональная основа» всех языков

рассматривалась как нечто неизменное, поэтому фактор исторического развития здесь просто не учитывался. Значение же Грамматики Пор-Рояля в том, что она положила начало традиции «грамматической науки». По ее образцу в Европе XVIII – начала XIX в. были описаны многие европейские и неевропейские языки.

Становление грамматической науки в России было связано с диахронным подходом к языку. Первая «Грамматика словенская» была написана Лаврентием Зизанием в 1586 г. Правда, в этой грамматике преобладало описание книжно-письменной речи, причем это описание не выходило за пределы схем грамматики латинского языка. И все же пробивало себе дорогу в науку понимание того, что каждому народному живому языку свойственны свои особенности грамматики. В 1619 г. была издана грамматика Мелетия Смотрицкого, по которой впоследствии учился М. В. Ломоносов. Грамматику Смотрицкого и арифметику Магницкого М. В. Ломоносов называл «воротами своей учености». Первую подлинно научную грамматику русского языка создал сам М. В. Ломоносов («Российская грамматика», 1755). В ней ученый пропагандировал необходимость изучения грамматики; в частности, он писал: «Российская Грамматика есть знание, как говорить, писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению».

Ломоносовская грамматика появилась, разумеется, не с чистого листа. Она органически вписывалась в соответствующий культурно-исторический контекст. Кроме грамматики Смотрицкого, перед Ломоносовым лежали и другие образцы грамматических штудий. М. В. Ломоносову были известны грамматические труды В. Е. Адодурова. А в тексте его грамматики обнаруживается очень неплохое знакомство с современными ему западноевропейскими исследованиями по языкознанию. Вполне самостоятельно подходя к исследованию фактов живого русского языка, Ломоносов вовсе не стремился создать новый механизм грамматического описания. Его задача заключалась в составлении грамматики, достойной его родного языка, грамматики, ставящей русский язык вровень с другими культурными языками Европы. Его труд, несомненно, адресовался не только соотечественникам, но и ученому сообществу Европы. Об этом свидетельствует напряженный интерес ученого к скорейшему изданию немецкого перевода своей Грамматики.

Непосредственным источником грамматики М. В. Ломоносова была хорошо знакомая автору весьма популярная в XVIII в. (выдержавшая бесчисленные переиздания) грамматика французского языка Жана Робера де Пеплие. «Все науки, — разъяснял в предисловии М. В. Ломоносов, — в грамматике нужды имеют. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, непонятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

В первой половине XIX в. в свет выходит «Рассуждение о славянском языке» А. Х. Востокова. Это был первый опыт систематического применения сравнительно-исторического метода к ареалу славянских языков. Заметным явлением стал четырехтомный труд Ф. Миклошича «Сравнительная грамматика славянских языков». Во второй половине XIX и начале XX в. сравнитель-

ная грамматика славянских языков вступила в младограмматическую эру своего развития. (К. Бругман, А. Лескин, В. Вондрак). «Праславянская грамматика» Г. А. Шанского наметила тенденцию к обособлению науки о праславянском языке. Критика положений младограмматизма привела к появлению неограмматизма (Ф. Ф. Фортунатов, П. А. Бодуэн де Куртене и др.). В XIX–XX вв., кроме названных ученых, большой вклад в разработку грамматики внесли русские ученые Н. Н. Греч, Ф. Н. Буслев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.

В современной науке о языке, пожалуй, никто не станет оспаривать тезис о том, что грамматика — фундамент лингвистики, а грамматический строй — продукт многовековой мыслительной деятельности людей. Поэтому круг проблем, которыми приходится заниматься грамматике, несводим к парадигмам склонения, спряжения и другим знакомым со школы понятиям. В широком смысле грамматика — это учение о структуре языка вообще, поскольку по и начальному предназначению служит выражению коммуникативного смысла. Располагаясь на разных ярусах грамматического строя языка, синтаксические единицы являются носителями содержания с соответствующей ему функцией и в соответствующей ей грамматической форме. При таком понимании грамматики обнажаются ее традиционные белые пятна, ставятся новые задачи.

Все еще уточняется предмет грамматики. Существующие в этом разногласия объясняются тем, что различные лингвистические направления и школы никак не могут прийти к соглашению в этом вопросе.

Лакошное определение грамматики, данное П. С. Кузнецовым, гласит: «Грамматика любого языка представляет собой систему форм слов и способов сочетания слов в предложении, существующих в соответствующем языке». Более развернутым является определение, содержащееся в академической «Грамматике русского языка» (1952): «Грамматикой называется наука о строе слова и строе предложения в отвлечении от конкретного материального значения слов и предложений, а также и самый строй слова и строй предложения, присущие данному языку».

Даже подразделение грамматики на морфологию и синтаксис не является общепринятым. В ряде случаев в грамматику, кроме морфологии и синтаксиса, включают и фонетику. И весь этот набор противопоставляют лексике. Возникает вопрос о целесообразности включения в грамматику сведений по фонетике. Сторонники такой структуры полагают, что грамматические явления существуют лишь в связи со звуковыми процессами. Однако их оппоненты не соглашались, поскольку фонетическими средствами пользуется и лексика. Не логичнее было бы в таком случае фонетику (фонологию) включать в лексикологию?

Характерной чертой грамматических явлений признается их обобщенный, абстрактный характер. Например, общим для таких различных словоформ, как *стола, большого, этого, трех, имеющихся*, выступает присущее всем им значение родительного падежа. Это значение, как видно из приме-

ров, не связано с конкретным значением слов (данные словоформы характеризуются разными типами лексических значений). Формы родительного падежа указанных слов выделяются только в составе предложения, так как автономно, изолированно от других слов, их использование смысла не имеет. Такие лексические компоненты предложения принято называть *словоформами*. Иногда недоумевают: какая разница, как назвать лексические компоненты высказывания?! Смысл такого различия состоит в том, что лексемы — единицы словарного состава, а словоформы — единицы грамматики. Словоформу можно определить как лексему, используемую в интересах грамматики. При этом главным критерием разграничения грамматики и лексики признается абстрактный, обобщенный характер грамматических явлений. Однако этот критерий не лишен уязвимых мест. Разве лексика не может быть абстрактной? Например, слово *тьма* так же неопределенно в своем предметном значении, как и словосочетание *купить соли*. Ср.: *тьма* — неопределенное множество кого-либо (*тьма народу*); *купить соли* — тоже выражает неопределенное количество (ясно, что купить не всю соль, а какую-то часть; но сколько килограммов — два или три?).

Деление грамматики на морфологию и синтаксис усложняется еще и тем, что в некоторых зарубежных лингвистических школах (в дескриптивной лингвистике, например) основной грамматической единицей считается не словоформа, а морфема, поскольку именно она является минимальным значащим элементом языка. В таком случае деление грамматики на морфологию и синтаксис вообще лишено какого-либо смысла. Ведь слово в таком случае рассматривается как сочетание морфем (*води-тель, стол-ик, ног-а*), а словосочетания и предложения — как разные типы сочетания слов. Однако после заката дескриптивной лингвистики слову вернули статус основной единицы языка, что обострило актуальность проблемы разграничения грамматических и лексических значений. При этом важно не забывать, что выделение в грамматике морфологии и синтаксиса обусловлено самой природой и предназначением их единиц.

Предмет морфологии — значения и формы слов, которые обуславливаются закономерностями формообразования, существующими в том или ином языке. Предмет синтаксиса — значения словесных форм, которые обуславливаются их сочетанием с другими формами слов, закономерностями лексической и грамматической сочетаемости при построении высказываний.

1. Грамматические единицы

Любая научная дисциплина оперирует своими единицами. Грамматика располагает несколькими единицами — грамматически оформленными языковыми образованиями. В качестве грамматической единицы могут выступать морфема, слово, словосочетание, предло-

жение. Причем каждая из этих единиц может быть представлена всей совокупностью своих форм либо в одной из них.

Так, имя существительное *книга* — грамматическая единица, представленная всей совокупностью своих падежных форм в единственном и множественном числе; глагол *читать* — грамматическая единица в совокупности всех своих спрягаемых и неспрягаемых форм (инфинитива, причастия и деепричастия). Однако при порождении модели высказывания (предложения) каждая лексема используется в одной из своих форм, которая в грамматических конструкциях замещает определенную позицию. В таком случае каждую из таких форм тоже следует считать грамматической единицей. В этой роли могут выступать любые склоняемые (*книга, книги, книгой, книг, книгами* и т. д.) либо спрягаемые формы (*читаю, читаем, читаешь, читающий, читая* и т. д.). Все это единицы грамматики, поскольку оформлены они по законам грамматического строя того или иного языка. По тем же законам они объединяются в разряды, среди которых наиболее используемыми являются части речи. Внутри частей речи в разряды объединяются формы слов. Так, в рамках имен существительных можно выделить разряд творительного падежа, среди глаголов — разряд инфинитива, внутри имен прилагательных и наречий — разряд сравнительной степени и т. д. В синтаксисе выделяются различные разряды словосочетаний и предложений. Например, объектные словосочетания (*читаю книгу*) или односоставные предложения типа *Зима. Холодно* и др.

Рассматриваемые словесные и сверхсловные формы называют грамматическими. И в том и в другом случае под грамматической формой понимается языковой знак двусторонней структуры. В нем различают внешнюю (материальную) сторону и некое содержание — внутреннюю сторону, которую принято называть грамматическим значением. Эти две стороны тесно взаимосвязаны: грамматическое значение неотделимо от своего материального репрезентанта. И все же, несмотря на их единство, отношения между двумя сторонами грамматической формы неоднозначны. Как и в любом другом языковом знаке, они асимметричны. Одна грамматическая форма способна выражать несколько грамматических значений (*книг-и* — это грамматическая форма, выражающая и грамматическое значение им. пад. мн. числа, и грамматическое значение род. пад. ед. числа). Возможно и обратное: одно и то же значение может выражаться разными грам-

грамматическими формами (им. пад. мн. числа имен существительных может выражаться разными флексиями: *-и* (*книги*), *-ы* (*столы*), *-а* (*господа*), *-е* (*сраждание*), *-я* (*друзья*). Иными словами, грамматические значения могут быть многозначными и синонимическими.

Следует обратить внимание на то, что понятие «грамматическая форма» может использоваться как в широком, так и узком смысле. В широком смысле *грамматическая форма*, как вытекает из приведенных выше примеров, — это любая форма, представляющая в нашем сознании грамматическое значение, точнее, одно из регулярно повторяющихся в речи видоизменений грамматической единицы (слова или предложения). Это могут быть, например, формы слов той или иной части речи (*пою, поёшь, поёт*) или формы простого предложения (*Художник пишет картину — Художник будет писать картину — Написал бы художник картину*). Последние коммуникативные структуры составляют парадигму предложения. Грамматические формы, как можно заметить, — это видоизменения одной и той же грамматической единицы (слова, словосочетания или предложения), которые выражают одно и то же денотативное (предметное) значение, но различаются грамматическими значениями.

2. Морфология

Объектом морфологии, как и других лингвистических дисциплин, является слово. Однако слово, взятое в особом ракурсе. Прежде всего, как известно, слово — номинативная единица языка, обладающая целым комплексом разнообразных значений и функций. Это обуславливается самой природой слова. Однако, несмотря на свое номинативное предназначение, слово функционирует в речи не обособленно, а в комбинации с множеством других языковых единиц — лексического, грамматического и словообразовательного уровней. Входя в грамматические парадигмы, слово характеризуется теми признаками, которые свойственны всем единицам данного класса и тем грамматическим категориям, которые маркируют принадлежность этих единиц к данному классу. Так, прилагательное *веселый* обладает категориальным значением непроцессуального признака, а также грамматическими значениями рода, числа, падежа, степени сравнения. Являясь носителями общих грамматических значений, все слова того или иного грамматического класса (*веселый, сильный, боль-*

шой, зимний, милый, широкий и др.) тесно связаны друг с другом именно как члены данной грамматической общности. Эти связи обнаруживаются в самых разных ракурсах: (а) по характеру обобщенности лексических значений, (б) по деривационному потенциалу лексемы, (в) по законам употребления слова в речи. Видимо, поэтому, когда говорят о грамматических формах слова (о словоформах), понимают под этим видоизменения одного и того же слова. Ср.: *картина* – *картины* – *картине* – *картину* – *картиной* – (о) *картине*; *рисую* – *рисуешь* – *рисует* – *рисует* – *рисуете* – *рисуют*. Такие модификации слова имеют одно и то же лексическое значение, представляемое основой слова. Их грамматические значения различаются с помощью соответствующих морфем.

2.1. Становление морфологии

Изучение разных аспектов грамматики имеет различную историю. Так, грамматическая семантика – относительно молодая область науки о языке. Целые концепции грамматического значения появились только в 1950–1960-е гг. А такой раздел грамматики, как формальная морфология, является одной из наиболее древних областей лингвистики. Первые разработки морфологии появляются еще в древнеиндийской, античной и арабской грамматических традициях. Причем все эти традиции опирались на языки с широкой морфологической палитрой.

Древнеиндийская наука разработала элементы теории звуковых чередований и морфологического варьирования. В Грамматике Панини разрабатывались преимущественно проблемы строения слова. В античную эпоху морфологические свойства слова были объектом внимания главным образом александрийских грамматиков. Дионисий Фракийский определял слово как «наименьшую часть связной речи», причем словообразовательные и словоизменительные категории в равной степени включались в признаки («акциденции») частей речи. В Риме морфологией занимался Варрон. К античной традиции восходят, в частности, такие понятия, как «часть речи», «парадигма», «склонение», «спряжение», «категория». В рамках арабской филологии возникло понятие корня. В эпоху Средневековья в Европе исследовалась в основном семантическая сторона слова, его отношение к вещам и понятиям, тогда как арабские грамматисты детально анализировали его морфологическую структуру. Грамматика Пор-Рояля.

определяя слово как ряд «членораздельных звуков, из которых люди составляют знаки для обозначения своих мыслей», отмечает и формально-звуковую (указывая также, что слово пишется и произносится отдельно и отмечается ударением) и содержательную стороны слова.

Однако сами термины *морфология* и *морфема*, обозначающие основные единицы морфологического уровня, возникают только во второй половине XIX в. Термин *морфология* (нем. *Morphologie, Formenlehre*) первоначально изобрел великий немецкий поэт и философ Гёте. Причем первоначальное предназначение морфологии — описание «форм» живой и неживой природы. Кстати, и сейчас его охотно используют во многих естественных науках. Затем он был заимствован лингвистами в период господства так называемого «натуралистического» направления в языкознании, сторонники которого (Авг. Шлейхер и др.) считали, что язык следует описывать по аналогии с живыми организмами. До этого соответствующие разделы описательных грамматик обычно носили название *этимологии*. Нынешний же термин *морфема*, в том значении, в котором он употребляется в наше время, был предложен в конце XIX в. И. А. Бодуэном де Куртенэ.

В 1920–1950-е гг. морфология развивается в рамках структуральных идей, особенно в русле дескриптивной теории. В этот период была разработана методика выделения морфем и алломорфов. Создавались основы морфонологии. В 1950–1970-е гг. были предложены формальные модели морфологии разных языков мира. В русском языкознании этот аспект морфологии представлен трудами А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» и «Грамматический словарь русского языка». Затем морфологические явления описываются с позиции генеративной грамматики. В 1980–2000-е гг. разрабатываются парадигматические модели морфологии. Новому витку своего развития подвергается теория грамматикализации и грамматическая типология.

Объектом морфологии как лингвистической дисциплины являются формы слова, употребляющиеся в процессе формирования и выражения мысли. Причем морфология изучает значения и формы слов как элементы в н у т р и с л о в н о г о противопоставления. Поэтому в наиболее обобщенном виде предметом морфологии является **ф о р м о о б р а з о в а н и е** лексем, необходимое для построения **связного всказывания**. Благодаря своему предмету раздел науки, изучающий **формообразование лексем**, и получил название морфология

(греч. *morphe* 'форма' и *logos* 'учение'). Конкретизаторами столь обобщенного предмета служат учение о частях речи, теория их грамматических значений и форм, описание закономерностей словоизменения в том или ином языке.

2.2. Единицы морфологии

Единицами морфологии являются слово и словоформа. Известно, что лексема в связном тексте употребляется в одной из своих словоформ. Ср.:

Волна катится за волною,
Встречает шумно утро года
Пернатых птиц громовый хор;
Они поют ей гимн приветный
Во славу бога и отца
И нежат песнею заветной
Печаль унылого певца.

(Н. А. Некрасов. Весна)

Лексемы *волна*, *катиться*, *он*, *встречать*, *утро*, *пернатые*, *птицы*, *громовый*, *хор* и т. д. употреблены в стихотворении в одной из своих словоформ. Само понятие «словоформа» понимается, надо заметить, неоднозначно. Обычно под соответствующим термином понимают единицу морфологической системы языка, которая представляет собой одну из возможных форм той или иной лексемы. Так, для лексемы *волна* словоформами выступают *волна*, *волны*, *волне*, *волну*, *волной*, *о волне*, *волны*, *волн*, *волнам*, *волнами*, *на волнах*. Образуются они в процессе изменения этой лексемы по падежам и числам. Сами же изменения лексемы осуществляются путем присоединения к корню формообразующих морфем — окончаний *-а*, *-ы*, *-е* и т. п.). В связи с такой интерпретацией соотношения лексем и словоформ возникает предмет научной дискуссии: все ли лексемы способны иметь словоформы? Г. А. Золотова, например, утверждает, что неизменяемые слова типа *утром*, *вдалеке*, *напевая* и т. п. словоформ не имеют. Другие исследователи придерживаются иной точки зрения, полагая, что любая лексема, употребленная в высказывании, может считаться словоформой. Такая позиция объясняется просто: изменяемые слова имеют несколько словоформ, а неизменяемые — одну.

Словоформа как единица морфологической системы обладает грамматическим (точнее, морфологическим) значением, формой и в

то же время имеет лексическое значение, присущее данному слову: если лексема *волна* обозначает 'водяной вал, образуемый колебательным движением водной поверхности', то и каждая из ее словоформ имеет то же значение.

Однако производные лексические значения иногда проявляются не у всех словоформ данного слова, закрепляясь только за некоторыми из них. Например, все словоформы слова *лес* в его прямом основном значении сохраняют это значение ('большое пространство, покрытое растущими деревьями'), но это слово имеет несколько производных значений, которые закреплены только за некоторыми формами этого слова: *лес* в значении 'строительный материал' не имеет форм мн. числа (*На стройку привезли лес*), а *лес* в значении 'конструкции крепления' употребляется только во мн. числе (*Вокруг строящегося корпуса возведены леса для рабочих*). Слово *стол* в значении 'вид мебели' сохраняет это значение во всех 12 словоформах (т. е. во всех падежных формах ед. и мн. ч.). Но это слово имеет несколько переносных значений:

1. 'Предмет специального оборудования или часть станка сходной формы': *операционный стол*.
2. 'Питание, пища': *снять комнату со столом*.
3. 'Отделение в учреждении, ведающее каким-нибудь специальным кругом дел': *паспортный стол*.

В переносных значениях слово *стол* употребляется только в формах ед. числа (6 словоформ). Например: *В этом санатории хороший стол. В это санаторий стоит ехать из-за хорошего стола. Этот санаторий прославился хорошим столом* и т. д.

При описании морфологических особенностей слов используются два термина: *словоформа* и *форма слова*. Эти термины не следует смешивать, так как они выражают два разных понятия. Форма слова — это указание только на частные конкретные грамматические категории слова. Например, слова *затворница* и *заступница* имеют одинаковую структуру и одинаковые грамматические значения и формы (им. сущ., ж. р., ед. ч., им. п.), т. е. это одинаковые формы слов, но всё же разные словоформы. Иначе говоря, это словоформы разных слов с разными лексическими значениями. Ср.: *затворница* — 'монашка, давшая обет не выходить из своей кельи, жить в затворе; отшельница'; *заступница* — 'та, которая заступает, выступает в защиту кого-н.'. Если две словоформы отличаются корне-

ными или деривационными морфемами, то они принадлежат разным лексемам. В нашем примере словоформы отличаются корневыми морфемами (-твор- и -ств-). Словоформы *тверек* и *зверюшка* отличаются деривационными суффиксами -ек и -юшк(а); словоформы *нарядить* и *принарядить* отличаются деривационными префиксами. Поэтому обе пары словоформ реализуют разные лексемы. Форма же слова — это реализация вполне определенной лексемы в тексте с отражением ее лексического значения, грамматических форм и значений. Ср.: *затвори́ница, затвори́ницы, затвори́нице, затвори́ницу, затвори́ницей, о затвори́нице*. Форма одной и той же лексемы — это морфологическая разновидность конкретного слова, несущая определенный комплекс категориальных грамматических значений, свойственных данной лексеме. Словоформы лексемы *затвори́ница*, выражая одно и то же лексическое значение, различаются только грамматическими значениями. Поэтому такие словоформы не могут реализовывать разные лексемы. Они образуют морфологическую парадигму слова, называемую Ю. С. Масловым системой грамматических «аллолексем» (словоформ одной лексемы). Отсюда определение лексемы на флективных языках. С точки зрения морфологической парадигматики, лексема — это результат абстракции отождествления словоформ, регулярно встречающихся в речи. Начальная грамматическая форма лексемы, помещаемая в словаре в качестве заголовка словарной статьи, на самом деле — лишь одна из словоформ, представляющих лексему. Нужно помнить, что противопоставление лексемы словоформе, присущее флективным языкам, не может механически переноситься на агглютинативные и изолирующие языки. Ср. словоформы татарского языка:

китап — книга
китапның — книги, принадлежащий книге
китапка — к книге, в книгу
китапны — книгу (ви.жу)
китаптан — из книги
китапта — в книге
китаплар — книги
китапларның — книг
китапларга — к книгам, в книги
китапларны — книги (ви.жу)
китаплардан — из книг

китапларда — в книгах
китабы — его книга
китабым — моя книга
китабың — твоя книга
китабыбыз — наша книга
китабыгыз — ваша книга
китаплары — их книга
китапларым — мои книги
китапларың — твои книги
китапларыбыз — наши книги

Выписанные в столбик словоформы показывают, что в татарском языке нет ни приставок, ни предлогов. Все словоформы лексемы *китап* начинаются с корневой морфемы. Отсюда логика татарского языка: с м ы с л в с е г д а в п е р е д и. Назывной, смысловой компонент находится впереди, потом идут все грамматические пояснения к этому слову. Отсюда — полное отсутствие приставок, предлогов. Вместо них — постфиксы и послелого. Корень остается неизменным, а к нему, словно приставные пазлы в детской игре, присоединяются постфиксы и послелого, которые и придают разным словоформам их грамматические значения. Например: *китапларыбызда* – ‘в наших книгах’. В корне слова *китап* выражается лексическое значение ‘книга’. Аффиксальные морфемы — носители разных грамматических значений: *лар* выражает грамматическое значение ‘множественное число’; *ы-быз* – грамматическое значение ‘принадлежность’; *да* – грамматическое значение ‘местно-временной падеж’.

Все приведенные словоформы татарского языка принадлежат одной лексеме, так как отличаются они друг от друга не деривационными, а формообразующими морфемами.

Различают грамматические формы простые (синтетические) и сложные (аналитические). Простые формы выражают лексическое и грамматическое значение в одном слове (*нарисую, сильнее*); аналитические формы эти значения выражают разными языковыми единицами: *буду рисовать, более сильный*. Любая грамматическая форма содержательна, служит средством выражения грамматического значения.

2.3. Грамматическое значение

В грамматике, как и у всякой иной лингвистической дисциплины, имеются такие «отметины», которые оказываются исключительно важными для понимания всего грамматического строя языка. Таковым является положение о том, что грамматические формы характеризуются наложением на их лексические значения неких новых значений, свойственных именно для данной грамматической формы. Причем в синтаксисе такие наслоения оказывается еще более сложными. Поскольку синтаксис находится в уровневой иерархии выше морфологического, синтаксические значения наслаиваются, как правило, и на значения лексические, и на значения морфологические.

Наличие обобщенного (грамматического) значения грамматических форм соответствует их природе. При этом, по замечанию В. Г. Адмони, в каждом флективном и флективно-аналитическом языке могут быть обнаружены такие ряды грамматических форм, члены которых противопоставлены друг другу только по формальным различиям, без учета различий в их значениях. Ярким примером тому могут служить различия между сильными и слабыми глаголами в германских языках. Сильные глаголы образуются в некоторых узлах своей парадигмы с помощью внутренней флексии, а вся парадигма слабых глаголов образуется без помощи внутренней флексии. Данное явление лишено семантического обоснования, исключительно формально. Однако оно истинно, находится на периферии грамматических форм германских языков.

В языке, конечно, существуют и такие грамматические формы, которые обладают чисто структурным назначением. Это формы, свойственные языку не как системе отношений, а как системе построения. К таким формам можно отнести, например, порядок слов. Однако такого рода форм в языке немного. Формы, у которых обобщенное значение отсутствует, либо занимают периферийную зону грамматической системы, либо опираются на формы, обладающие значением. Ядром же грамматической системы являются билатеральные (двусторонние) формы.

Тем не менее, наличие обобщенного значения у грамматических форм часто ставится под сомнение на том основании, что у многих грамматических форм имеется целый ряд различных, несводимых друг к другу и не поддающихся обобщению значений. Такого рода сомнения объясняются многоликостью грамматического значения.

1. Нередко грамматическое значение свойственно той или иной морфологической форме в соответствующей синтаксической функции. Так, в функции предикатива и предикативного определения творительный падеж русских имен существительных выражает грамматическое значение переменного субстантивного признака. Ср.: *Он у нас учителем; Он работает учителем.* И во многих иных случаях грамматическое (обобщенное) значение морфологической формы обычно уточняется своей синтаксической функцией. Это происходит благодаря наложению на морфологическое значение синтаксического значения.

2. Обобщенное значение словоформы не перестает быть грамматическим даже под влиянием контекста, когда всплывают иные ее смысловые реализации. Так, побудительная форма высказывания может употребляться в смысле прошедшего сослагательного. Например: *Попроси ты меня об этом вчера, можно было бы предотвратить опасность.*

3. Вся совокупность смысловых реализаций грамматической формы образует единое обобщенное значение данной формы. Таковым, например, является единое обобщенное значение имени существительного, всегда обозначающего предмет в самом общем смысле этого слова, называемом предметностью.

4. Грамматические значения обладают разной степенью смысловой обобщенности грамматических форм. Нередко смысловые модификации грамматических значений грамматической формы служат проявлениями ее общего значения. Ср. субъектную, объектную и посессивную разновидность значения определительного родительного падежа.

5. Обобщенное значение грамматической формы, как правило, обладает полевым построением. Только часть аспектов значения грамматической формы реализуется отчетливо и однозначно. Другая часть обобщенного значения грамматической формы представлена нечетко; иные стороны обобщенного значения вообще не актуализируются.

Следовательно, грамматическое значение — это не механическое соотнесение грамматической формы грамматическому значению. Грамматическая форма и грамматическое содержание находятся в весьма сложных отношениях. Однако, несмотря на пестроту смысловых реализаций грамматического значения, между ними сохраняется семантическая общность.

В грамматике наиболее ярко прослеживаются механизмы взаимодействия плана выражения с планом содержания языковых единиц. Однако это взаимодействие, как правило, имплицитно, скрыто от внешнего восприятия и неоднозначно. В. Г. Адмони отмечал, что в грамматике соотношение между грамматической формой (планом выражения) и грамматическим значением (планом содержания) в высшей степени сложно и противоречиво. Это побуждает ставить вопрос о структуре грамматического значения в его органическом сопряжении с вопросом о структуре грамматических форм. Осмысление грамматического значения слова обычно происходит на фоне

лексического значения. При этом нередко допускается не совсем корректная оговорка о том, что грамматические значения якобы не ориентированы на отображение внеязыковой действительности, поскольку они выражают внутриязыковые отношения между словами в высказывании. Например, слова *книга*, *река*, *весна* окончанием *-а* выражают значения им. падежа, ед. числа, жен. рода. Однако существуют и другие толкования сущности грамматического значения, согласно которым и эти значения формируются в результате отражения действительности. Разумеется, никто не спорит, что грамматические значения представляют особые феномены человеческого сознания. Большинство грамматистов указывают на групповой, серийный характер грамматического значения. Действительно, лексические значения индивидуальны. Они всегда принадлежат одному слову, что не свойственно словообразовательным и грамматическим значениям. Словообразовательное значение — типовое, оно принадлежит группе слов одного и того же словообразовательного типа. Грамматическое значение, хотя и стандартно, принадлежит одновременно целому разряду слов или целому классу словесных форм. Так, значением предложного падежа обладают самые разные словоформы: *о книгах*, *о фильмах*, *о родителях* и т. д. Однако это не единственный подход к соотношению грамматических и лексических значений. Ему противопоставляется «отражательная» теория грамматической семантики. Особенно активно она разрабатывается в современной когнитивной лингвистике в связи с моделированием языковой картины мира. Начала этого подхода в виде модели отображающей грамматики разработаны В. Н. Мигириным. Разрабатываемая теория представляет собой эмпирико-индуктивную модель, направленную на описание категориально-знаковой структуры языка как языковой сегментации действительности. Языковая сегментация действительности обуславливается выделяемыми в мире событиями и отношениями между их проявлениями: предметами, признаками предметов, процессами, признаками процессов, признаками признаков, состояниями и др. В свете такого подхода проясняется целесообразность понимания *знаковой* природы грамматической формы. Ведь потребность в любом знаке возникает лишь после того, как выделен референт (предмет означивания). Категоризация же референта осуществляется в рамках сегментационно-классификационной системы языка. Это означает, что знаковая сущность языка обуславливается системой кате-

горий. Поэтому основная задача грамматической семасиологии состоит (а) в выявлении системы категорий и (б) в описании закономерностей их знаковой репрезентации. Однако в грамматике важно не только различать, но и не смешивать в процессе моделирования грамматического строя языка этих двух взаимосвязанных систем — системы категорий и системы знаков. Второе множество служит репрезентации первого: знаковая система призвана объективировать систему категорий. Выявить и описать механизмы такой репрезентации — задача грамматики. При этом грамматические категории должны рассматриваться как многоаспектные объекты языка. Причем одним из таких важных аспектов грамматических категорий является их отражательная природа. Это, в свою очередь, предполагает различать в грамматике ее формально-грамматические и содержательные аспекты. Первый аспект представлен в истории отечественной лингвистической мысли московской формально-грамматической школой, а второй — работами А. А. Потебни, И. И. Мещанинова и современной теорией грамматической семантики.

Используется еще такой критерий грамматического значения, как облигаторность (обязательность) и необлигаторность (необязательность). Его применение опирается на следующее суждение. Любой язык способен выразить своими средствами все то, что может быть выражено в любом другом языке. Поэтому грамматическими значениями будут те, без которых невозможно в данном языке употреблять определенный класс слов. Например, если значение числа обязательно для русских имен и глаголов, значит, это грамматическое значение. А вот значение определенности/неопределенности субстантивных словоформ для русского языка необязательно: оно может быть выражено другими языковыми средствами. Следовательно, поскольку оно необязательно, в русском языке его следует отнести к разряду не грамматической, а лексической семантики. В ряде же западноевропейских языков оно является обязательным, что служит основанием считать его в таких языках грамматическим значением. Грамматические значения представляют собой достаточно пеструю картину. Одни выражают какое-либо *отношение между явлениями* объективной действительности. Таковыми являются грамматические значения, выражающие: (а) единичность и множественность (*стол – столы, я пишу – мы пишем*); (б) реальные гендерные различия (*воспитатель – воспитательница*); (в) взаимоотношения предметов,

которые выражаются падежными формами (*вижу сестру, говорю о сестре*), лицами глагола (*я иду — ты идешь — он идет*) и т. п.

Другие, выражая *отношения человека к различным явлениям*, связаны со сферой человеческого сознания. Этот, второй, тип грамматических значений выражает субъективное отношение говорящего к сказанному. Сюда относятся грамматические значения модальности (утверждение или отрицание, повелительность, условность), значение коммуникативных единиц (вопрос и ответ, восклицание и волеизъявление). Третьи грамматические значения не связаны ни с явлениями окружающего мира, ни с категориями человеческого сознания. Их предназначение иное: выражать внутриязыковые отношения. Третий тип значений может быть подтвержден грамматическим значением рода и числа имен прилагательных, которые не отражают каких-либо объективных или мыслительных особенностей, а обусловлены только соответствующими категориями имени существительного, с которым согласуется прилагательное (*большой стол, большая деревня, большие столы*). Пока ясно одно: проблема грамматического значения и способов его выражения остается открытой.

Способы и средства выражения грамматических значений

По способам выражения грамматических значений языки мира чрезвычайно разнообразны. Поэтому выделяют морфологические, синтаксические и фонетические способы.

1. К морфологическим способам относится, прежде всего, аффиксация, которая заключается в присоединении к корню или основе слова служебных морфем или аффиксов, имеющих лексическое или грамматическое значение. Чтобы определить морфему, следует обратиться к более крупной языковой единице — слову. Слова обычно членятся на минимальные, далее неделимые значимые части, которые называются морфемами. Морфема — двусторонняя единица языка, то есть обладает *планом выражения* (имеет материальную звуковую форму) и *планом содержания* (выражает какое-либо значение).

Основной морфемой является корневая морфема, которая обычно представлена во многих родственных словах: *вести, водить, привоз, подвода, возждение* и т. п. Корень в индоевропейских языках исторически состоял из одного слога, гласного звука, который мог быть обрاملен согласными. В семитских языках неизменяемый корень

состоит из трех согласных. Иногда в силу исторических изменений звуковой вид корня может претерпевать изменения. Ср. *время* – *времени*, где возникло различие между именительным и косвенным падежами. Основа слова может совпадать с корнем, однако чаще всего при словообразовании выступает производная основа, в которой корень снабжен определенными аффиксами: *водить* – *водитель* – *водительский*. Следует иметь в виду, что границы морфем в слове не являются постоянными. Очень часто происходит процесс опрошения — слияния корня с аффиксами (суффиксами и приставками). В таком случае в языковом сознании современных людей исконный корень уже не выделяется, лишь при историческом анализе можно установить первоначальный корень и связанные с ним прежние аффиксы. Так, например, в таких словах, как *пир*, *жир*, *добр*, исконно, очевидно, к соответствующим корням *пить*, *жить*, *доба* присоединялся суффикс *-р*, который в настоящее время уже не осознается. В словах *погода*, *погожий*, *погодить* произошло слияние, приставки *по-* с первичным корнем. Многие русские слова возникли в результате опрошения. В составе их корней можно выделить лишь этимологические аффиксы, поскольку в современном языке они уже не являются аффиксами, превратились в обычные фонемы. Так, раньше в русском слове *порошок* когда-то выделялись две морфемы: корень *порош-* и аффиксальная морфема *-ок*. В современном русском языке это слово рассматривается как простое однокоренное. В английском языке примером неполного опрошения служит слово *chaffer*, которое, несмотря на свое своеобразное звучание, является исконно английским и восходит к словам-основам *ċēap* – *bargain*, *sale* + *faru* – *going*, *journey*, *proceedings*. Реконструированная форма слова выглядит следующим образом: **ċēapfaru*. Примером неполного опрошения являются и многие другие английские слова. Например: *dastard*: formed on Middle English *dasi* – *inert*, *dull* + *berd* – *beard*; *daisy*: Old English *dæges ēage* – *day's eye*; *gantry* – *four-footed wooden stand for barrels*; *platform for a traveling train*: Old English *gallon* + *tree*, etc. Н. Н. Амосова называет такие слова «сложночленимыми», отмечая, что подобные слова находятся в состоянии перехода к полному опрошению. Их современные формы фиксируют один из этапов процесса постепенной утраты морфемной членимости. Автор приводит следующие примеры слов из английского языка с неполным опрошением — *island*, *to become*, *brimstone*, *yeoman*. В морфемной структу-

ре слов этой группы можно видеть начальный этап опрощения. Практически они уже не членимы, хотя еще и сохраняют свою внешнюю форму, которая удерживает их от окончательного превращения в слова с нечленимым морфемным составом.

Морфологическое опрощение может приводить к возникновению в языке новых корней: на базе прежних префикса и корня (*подол* - собств.-рус.: *по долу* 'по низу', где суш. *дол* 'низ'; *пояс* - общеслав. префиксальное производное от *юсати*, родственное литовскому *jūosti* 'пояс', *супруг* - заимств. из ст.-сл. и образовано с помощью приставки *су-*, связано со словами *упругий*, *пружина*), корня и суффикса (*палка* - др. -рус. производ. посредством суффикса *-ка* от исчезнувшего *пала* 'дубина'). В результате опрощения некоторые формы слов превращаются в самостоятельные немотивированные слова. Так, слова *чашка* и *блюде* уже современным русским языковым сознанием не воспринимаются как уменьшительно-ласкательные формы от *чаша* и *блюдо*. Слово *чаша* в современном русском языке чаще употребляется в связанном переносном значении (*испить чашу горя*), а слово *чашка* теперь не обозначает 'маленькая чаша'. Для этого имеется другое производное — *чашечка*. Те же метаморфозы произошли и со словами *блюдо* и *блюде*. Так когда-то производные *чашка* и *блюде* превратились в немотивированные, непроемные наименования. К такому же результату приводит переразложение. Ср.: слияние двух соседних суффиксов страдат. причастия *-т-* и отглагольного суш. *-ий-* привело к возникновению одного суффикса *-тий-* в словах типа *развитие*, *занятие*, *взятие*. Возможен и противоположный процесс — усложнение: превращение ранее непроемных основ в непроемные, когда ранее неделимая основа слова становится делимой на морфемы. Чаще всего это происходит в заимствованных словах. Так, слова *адаптация*, *агитация*, *апробация* были заимствованы русским языком как непроемные. Однако появление на русской почве родственных глаголов на *-ирова(ть)* дало возможность в этих словах вычленять корень и суффикс *-аций-*: *адаптациија* → *адаптировать*, *агитациија* → *агитировать*. Наконец, нужно упомянуть о тех процессах, которые меняют характер или значение морфемы, не затрагивая при этом морфемный состав слова. Это так называемая **декорреляция**. Нередко декорреляция приводит к появлению на месте свободных непроемных основ связанных. Так, когда-то свободные основы *пас-* (*запасти*), *бел-* (*беличий*) стали связанными. Ср. слова

на *-ба*: *судьба* (болг. *съдба*, словац. *sudba* др.-рус. *судьба* ‘суд’, ‘судилище’; *ходьба* (рус. *ход*, укр. *хід*, в.-луж. *chodba* и *chod*; *свадьба* (*сватать*) и т. д.

Корневая морфема обладает лексическим или вещественным значением. Корень слова обособленно не существует. Он всегда сопровождается аффиксами, при этом в словах типа *дом*, *стол* при морфологическом анализе следует, кроме корня, выделять нулевую морфему, в данном случае грамматический показатель именительного падежа. Кроме корневой морфемы, в состав слова входят аффиксы, или служебные морфемы. Они отличаются от корневой морфемы характером своего значения (словообразовательное или словоизменительное) и не могут без лексической (корневой) морфемы образовать слово, вследствие чего их и называют служебными. Словообразовательные аффиксы используются для образования в языке новых слов. При этом происходит видоизменение значения корневой морфемы. Словоизменительные морфемы (окончания) обычно передают грамматические значения. Поскольку корневые морфемы, несущие лексическое значение, имеют прямое отношение к лексикологии, то словоизменительные морфемы важны для грамматики, ибо они передают те обязательные грамматические значения, без которых язык не мог бы быть средством общения. Именно это их «строевое» назначение продемонстрировал Л. В. Щерба, когда составил фразу *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*. В этом предложении нет известных русскому языку корневых морфем, но «грамматический» смысл его понятен. Модель этого предложения может быть заполнена содержанием типа *Рогатая коза сильно толкнула козла и обнюхивает козленка*. Рассуждая о роли грамматического каркаса предложения Л. Успенский, вспоминая лекции Л. В. Щербы, рассказывает: «В языке есть нечто подобное определенным цифрам, определенным величинам. Например, наши слова. Но в языке есть и *что-то* похожее на алгебраические или геометрические законы. Это *что-то* — грамматика языка. Это — те способы, которыми язык пользуется, чтобы строить предложения не из этих только трех или, скажем, из тех семи известных нам слов, но из любых слов, с любым значением.

У разных языков свои правила этой “алгебры”, свои формулы, свои приемы и условные обозначения. В нашем русском языке и тех индоевропейских языках, которым он близок, главную роль при по-

строении фраз, при разговоре играет что? Так называемые “служебные части слов”. Важно именно на них обратить самое пристальное внимание. Нередко люди, приступающие к изучению иностранного языка, полагают, что главное в этом деле — заучить как можно больше чужих слов. Это тоже нужно, но не самое главное. Важнее понять, пишет Л. Успенский, как, какими средствами, «при помощи каких именно суффиксов, приставок, окончаний этот язык образует существительное от глагола, глагол от существительного; как он спрягает свои глаголы, как склоняет имена, как связывает все эти части в предложении. Как только вы это уловите, вы овладеете языком»¹.

Аффиксы подвергаются классификации, чаще всего по их местоположению в слове относительно корня. Выделяются *префиксы* — аффиксы, стоящие перед корнем, *суффиксы* — аффиксы, помещаемые после корня. И. А. Мельчук вполне резонно считает эту классификацию односторонней, ибо она не учитывает все случаи «разрыва» морфем. Аффиксы, по его мнению, обладают двумя свойствами: 1) способностью разрывать корень — разрывающие и неразрывающие аффиксы; 2) способностью разрываться при соединении с корнем — прерывные и непрерывные аффиксы. В результате возникают четыре типа аффиксов:

а. Неразрывающие непрерывные аффиксы (конфиксы), которые подразделяются на префиксы, постфиксы и интерфиксы. Примером интерфиксов будут соединительные гласные *о* и *е* в русских сложных словах: *пароход*, *землеройка*.

б. Неразрывающие прерывные аффиксы (циркумфиксы). Они охватывают корень с двух сторон, сами разрываются на части, оставляя нетронутым корень. Примером могут служить немецкие причастия прошедшего времени типа *ge-sag-t* или русские глаголы типа *до-бить-ся*.

в. Разрывающие непрерывные аффиксы (инфиксы). Они разрывают корень, оставаясь сами непрерывными. В латинском языке инфинитив *vincere* ‘побеждать’ и настоящее время *vinco* имеют инфикс в противоположность перфекту *vici* и супину *victum*. Подобная вставка инфикса *-n-* характеризовала в древнюю эпоху также русские глагольные формы *сяду*, *лягу* (корни **sēd-*, **lēg-*) в противоположность инфинитивам *сесть*, *лечь*, где носового [ɛ] не было.

¹ Успенский Л. Слово о словах. Л., 1962. С. 327–328.

1. Разрывающие прерывные аффиксы (трансфиксы), которые разрывают корень, разрываясь при этом сами. Это явление представлено в семитских языках и обычно носит название внутренней флексии. Трехсогласный корень *к т б* выражает в арабском языке идею «письма». Трансфиксы в виде гласных вставляются в корень и передают различные грамматические значения: *катаба* 'написал', *кутиба* 'был написан', *уктуб* 'пиши', *катибу* 'пишущий' и т. д.

2. Кроме аффиксации, грамматические значения могут также передаваться чередованием фонем, повторами морфем, словосложением и супплетивными образованиями. Чередование фонем в морфемах (*прыгать* – *прыжок*, *пеку* – *печь*, *день* – *дня*), используемое для передачи грамматических значений, не зависит от фонетических условий. Оно подверглось морфологизации, хотя некогда большинство таких чередований являлось обычным фонетическим изменением. Чередование называют иногда *внутренней флексией* в отличие от внешней флексии, под которой разумеют аффиксацию. В русском языке чередования обычно выступают как дополнительное грамматическое средство и совмещаются с аффиксацией. Ср. инфинитивы глаголов *собрать* – *собирать* и формы настоящего времени *соберу* и *собираю*. В немецком и английском языках чередования могут не сопровождаться аффиксацией и являются единственным средством выражения грамматических значений. В этом плане различают *а б л а у т* и *у м л а у т*. Так, в немецком языке аблаут используется при образовании основных форм сильных глаголов типа *schreiben* – *schrieb* – *geschrieben*, для образования форм множественного числа существительных используется умлаут: *die Tochter* – *die Töchter*, *die Mutter* – *die Mütter*. В английском языке посредством чередований различаются формы настоящего и прошедшего времени глаголов: *give* 'даю' – *gave* 'дал', *take* 'беру' – *took* 'взял'. С помощью изменения корневой морфемы ряд имен существительных образуют формы множественного числа: *foot* 'нога' – *feet* 'ноги', *woman* 'женщина' – *women* 'женщины'.

Аффиксация служит не только формообразованию. Ее используют также в словообразовательных процессах. Это соответствует концепциям грамматического учения о слове В. В. Виноградова и современной Академической грамматике. Основанием для русистов, включающих словообразование в морфологию, служит *тождественность приемов формообразования и словообразования* в русском языке.

Однако эту точку зрения разделяют не все лингвисты, полагая, что поскольку словообразование изучает образование новых слов — новых единиц языка, — оно должно входить особым разделом в лексикологию. А если учитывать, что словообразование связано с решением ряда нелексикологических проблем, то это, по мнению еще одной группы исследователей, достаточное основание для выделения словообразования в самостоятельный раздел — дериватологию. Поиск оптимального решения предмета грамматики продолжается. Также продолжают обсуждаться и формальные средства выражения грамматических значений, что побуждает к дальнейшему осмыслению проблемы грамматической формы и грамматической категории.

Грамматическая форма слова маркируется формальным признаком слова, передающим некоторое грамматическое значение. Таким формальным признаком может выступать флексия, вспомогательное слово и др. Формальный признак называют еще «экспонентом» формы, или грамматическим «формантом». Однако это не значит, что грамматическая форма равна грамматическому «форманту». Грамматическая форма как таковая создается объединением основы слова с формантом в составе определенной парадигмы, т. е. в словоизменительном ряду данного слова: *книга* — *книги* — *книге* — *книгу* — *книгой* — *в книге*. Будучи элементами грамматического строя языка, и грамматическая форма, и экспонент грамматический формант — двусторонние образования. Это означает, что они имеют свою материальную «оболочку» и свое идеальное содержание, которое, разумеется, является не *вещным*, не *предметным*, а *семантико-грамматическим*. Его природу надо понимать из общих грамматических установок: а) все элементы грамматики *абстрактны* и б) выражают не индивидуальные, а *групповые* свойства слов. Это значит, что по грамматическому значению слова объединяются в некие классы, или ряды. Каждое слово своим индивидуальным грамматическим значением выражает соответствующее общее значение. Так, слово *книга* грамматическим значением жен. рода, ед. числа, им. падежа выражает не индивидуальные, присущие только ему, а общие значения, присущие целому ряду слов: *ручка*, *открытка*, *лампа*, *тушка*.

Все грамматические значения получают внешнее выражение языковыми средствами. Грамматическая форма может выражаться различными средствами. В индоевропейских языках таким средством чаще всего выступает *аффиксация*, т. е. использование окончаний,

приставок и суффиксов: рус. *сад* – *сады*, *печь* – *печи*, укр. *нести* – *внести*, *класти* – *выкласти*, нем. *liegen* ‘лежать’ – *lag* – *gelegen*. Причем в пределах одного языка одно и то же грамматическое значение может выражаться разными средствами. Так, значение мн. числа существительных в английском языке передается путем присоединения к основе слова суффикса мн. числа *-(e)s*, а также, в отдельных случаях, морфо-фонемным чередованием и другими суффиксами в нескольких исконных и некоторых заимствованных словах: *books* – *dogs* – *cases* – *men* – *oxen* – *data* – *radii*.

Грамматическая форма слова, таким образом, выступает как его расчленение для нужд выражения того или иного грамматического значения. Значительно реже для выражения грамматического значения используются другие средства членения слова:

– чередование звуков (рус. *избегать* – *избежать*, укр. *вбрати* – *вбрати*, англ. *shoot* – *shot* ‘стреляю – стрелял’, нем. *die Mutter* – *die Mütter* ‘мать – матери’);

– супплетивизм (рус. *я* – *мы*, *ребенок* – *дети*; укр. *шукати* – *знай-ми*, англ. *good* – *better* ‘хорошо – лучше’);

– место ударения (рус. *ру́ки* – *рукí*, укр. *зо́рі* – *зорí*);

– редупликация (повторы) (рус., укр. *тихо-тихо*; малайск. *kuda* ‘лошадь’ – *kuda-kuda* ‘лошади’).

Грамматические формы могут быть присоединяемыми к форме основного носителя значения. При смешанном или гибридном способе грамматические значения выражаются и синтетически и аналитически (все предложные формы типа *в саду*, *о саде*, *около сада*, а также личные формы глаголов *я пою*, *ты поёшь*, *он поёт*). Формообразующие аффиксы могут выражать сразу несколько грамматических значений (в глаголе *рисуют* окончание *-ут* выражает лицо, число и наклонение одновременно). Грамматическое значение слова, выраженное формальными языковыми средствами, ведет к возникновению грамматической категории.

2.4. Грамматическая категория

Грамматическая категория — это система противопоставленных грамматических форм с однородными грамматическими значениями. Грамматические формы в составе грамматической категории объединяются общим грамматическим значением и различаются

частными значениями. Различают морфологические грамматические категории и синтаксические грамматические категории.

Морфологические грамматические категории принадлежат наиболее общим лексико-грамматическим разрядам слов — знаменательным частям речи. Синтаксическими грамматическими категориями являются системы противопоставленных друг другу однородных значений синтаксических единиц. Основными грамматическими категориями в синтаксисе считаются предикативность и модальность, хотя к синтаксическим грамматическим категориям нередко относят просто укрупненные понятия типа «подлежащее», «сказуемое», «предложение» и т. п. Однако в таком случае разрушается главный принцип структурирования грамматической категории, которым выступает противопоставленность друг другу однородных грамматических значений, объективируемых определенными грамматическими средствами. Это непреложное правило для каждой грамматической категории — и морфологической и синтаксической. Без такого рода оппозиции нет грамматической категории. Противопоставление в пределах грамматических категорий рядов грамматических форм, выражающих однородные грамматические значения, происходит путем фиксации у противопоставляемых форм наличия/отсутствия одного из формально выраженных значений. Так, мужской и женский род имен существительных вместе противопоставлены среднему роду по признаку неспособности последнего обозначать особей мужского или женского пола.

Подобные противопоставления образуют и синтаксические грамматические категории. Так, категорию предикативности образуют противопоставленные формы синтаксических наклонений. Категория синтаксического наклонения состоит из взаимно противопоставленных форм синтаксических времен и т. п. Значит, если внутри явления отсутствует противопоставление однородных грамматических значений, выражаемых грамматическими формами, называть его грамматической категорией нет основания.

Сложное взаимодействие грамматических категорий образует остов грамматического строя языка. Грамматические категории находятся в тесном взаимодействии друг с другом и обнаруживают тенденцию к взаимопроникновению. Например, глагольная категория вида тесно связана с категорией времени; категория числа имени существительного тесно связана с категорией числа других частей речи;

категория лица связывает глаголы и местоимения; категория падежа связывает имена с глаголами через посредство так называемой атрибутивной формы глагола — причастия. Таким образом, взаимодействие грамматических категорий наблюдается как в сфере одной части речи, так и между разными частями речи.

Грамматические категории по характеру значения подразделяются на общие и частные. К общим грамматическим категориям относятся части речи и члены предложения. С помощью частей речи выражаются общие грамматические значения предметности (имя существительное), качественности (имя прилагательное), количественности (имя числительное), процессуальности (глагол) и обстоятельства (наречие). Члены предложения, изучаемые в синтаксисе, являются объединением определенного типа синтаксической связи с соответствующим синтаксическим отношением, причем это единство обладает воспроизводимостью в различных высказываниях. К частным грамматическим категориям относятся такие категории, как категория числа, лица, падежа, времени, вида, залога, наклонения, одушевленности и т. д. Общие грамматические категории (части речи) характеризуются набором частных грамматических категорий, причем все слова определенной части речи распределяются по частным грамматическим категориям. Например, если имя существительное в русском языке характеризуется наличием частных грамматических категорий рода, числа и падежа, то в нашем языке нет существительных, которые бы не характеризовались отношением к одному из грамматических родов, к одному из чисел и падежей. Даже неизменяемые существительные (*кино*, *пальто*) относятся к определенному роду (*хорошее кино*), числу, имеют падежные значения (*вышел из метро*).

Слово существует в языке как система форм. Форма слова — это принадлежащее языковой системе то или иное грамматическое видоизменение, несущее, наряду с общим грамматическим значением, комплекс частных грамматических значений. Отдельно взятая форма конкретного слова является его словоформой. Свойство слова образовывать систему форм называется словоизменением. Понятие словоизменения охватывает такие изменения слова, которые не нарушают единства его лексического и общего грамматического значения. Формы одного слова, следовательно, объединены лексическим и общим грамматическим значением. Отличаются они друг от друга лишь частными грамматическими значениями. Система форм слова

называется его парадигмой. В парадигме объединяются все формы слова и все его грамматические значения. Так, например, формы русских причастий *читающий, читавший, читаемый, читанный* не имеют таких глагольных категорий, как лицо и время, но, сохраняя грамматическое значение вида и залога, они неотделимы от глагола *читать*, хотя они не спрягаются, а склоняются. Слова же *чтение, чтец, читатель*, поскольку лишены значений вида и залога, относятся к имени существительному.

В ряде случаев мы имеем дело с явлениями, стоящими на грани словоизменения и словообразования. Это, в частности, относится к формам субъективной оценки типа *рука – ручка – рученька, книга – книжка – книжечка, тонкий – тоненький – тонюсенький*. Вызывает вопрос, являются ли формы степеней сравнения (*хороший – лучше, медленно – медленнее*) формами этих прилагательных и наречий, или же это новые слова. Такой же вопрос вызывают видовые пары глаголов типа *писать – написать, делать – сделать, закрыть – закрывать*. Эти вопросы всегда решались неоднозначно.

Грамматические значения подразделяются также на (а) собственно грамматические (или словоизменительные) и (б) лексико-грамматические (или классификационные). Собственно грамматические значения составляют отдельные члены парадигмы: падежные и числовые формы существительного, род, число, падеж у прилагательного, лицо, число, время, род и склонение у глагола. Лексико-грамматические значения характеризуют не одну словоформу, а свойственны всем членам парадигмы, например, категория рода у существительных, категория вида у глаголов.

Наконец, следует отметить, что предельно отвлеченные значения грамматических форм, которые отражают наиболее признаки объектов (предметов и явлений) действительности, в грамматике называются категориальными значениями. Они выражают наиболее общие значения и находят свое выражение в системной, то есть регулярной, соотносительности грамматических форм. Такие формы, передавая грамматические значения, соотносятся друг с другом в рамках соответствующих парадигм. Дело в том, что значение, называемое категориальным, интегрирует в себе конкретные значения входящих в парадигму противопоставленных грамматических форм и ими выражается.

Поскольку же категориальное значение объединяет все значения входящих в парадигму грамматических форм, то грамматическая

категория, по аналогии с грамматической формой, представляет собой единство материальных и идеальных образований (грамматических форм и грамматических значений). Иными словами, грамматическая категория является билатеральной (двусторонней) микро-системой, потому что ее категориальное значение выражается не одной формой, а целой системой грамматических форм. Упорядоченная совокупность (система) грамматических форм, выражающих определенное категориальное значение, образует грамматическую парадигму.

Билатеральность грамматической категории обуславливается тем, что план содержания (категориальное — обобщенное — грамматическое значение) соотносится с парадигматически соотнесенными грамматическими формами.

2.5. Грамматические оппозиции в морфологии

Для построения любой грамматической системы важно выяснить, в чем проявляется парадигматическое соотнесение грамматических форм, выражающих категориальные значения. Считается, что такое соотнесение выражается грамматическими противопоставлениями или оппозициями. Для того чтобы какие-либо элементы можно было объединить в языковую оппозицию, они должны обладать двумя взаимосвязанными свойствами: а) быть носителями *общих* признаков и б) обладать *различительными*, или дифференциальными признаками (по аналогии с фонологией, они обозначаются аббревиатурой ДП). Общие признаки служат основанием для объединения этих элементов в оппозицию (для рассмотрения их в качестве *членов оппозиции*), а дифференциальные признаки непосредственно различают выражаемую оппозицией функцию.

Вслед за фонологической теорией, где впервые Н. С. Трубецким были выделены ДП, в грамматике также различают три главных типа оппозиций. Разграничивают их по характеру соотношения дифференциальных признаков. Выделяют *привативную* оппозицию, *градуюальную* оппозицию и *эквивалентную* оппозицию. В зависимости от количества противопоставленных членов, оппозиции подразделяются на бинарные (двухчленные) и оппозиции, состоящие более чем из двух членов — тернарные (содержащие три члена), кватернарные (содержащие четыре члена) и т. д.

Чаще всего грамматические системы «эксплуатируют» привативную оппозицию. Кстати, она бывает только бинарной. Другие типы оппозиций в принципе могут быть сведены к этому типу. Бинарная привативная оппозиция образуется двумя противопоставленными членами, один из которых отличается наличием определенного дифференциального признака (называемого также «маркой»), а другой — отсутствием этого признака. Член оппозиции, выделяемый по наличию признака, называется *маркированным, сильным, положительным*. Член оппозиции, выделяемый по отсутствию признака, называется *немаркированным, слабым, отрицательным*.

Главным типом оппозиции в морфологии, как и в фонологии, служит бинарная привативная оппозиция. Она базируется на морфологическом дифференциальном признаке, который наличествует в сильном (маркированном) члене и отсутствует в слабом (немаркированном) члене. В другой, более обобщенной формулировке можно сказать, что дифференциальный признак маркирует один из членов оппозиции (сильный) положительно, а другой член (слабый) отрицательно, вследствие чего оппозиция и превращается в средство выражения грамматического значения. Например, находясь в привативной оппозиции, настоящее и прошедшее времена глагола отличаются друг от друга дифференциальным признаком: суффиксом *-(e)d*, который маркирует форму прош. времени положительно, а форму наст. времени отрицательно.

Отрицательный характер выделения слабого члена привативной оппозиции в морфологии, как и в фонологии, может быть подчеркнут соответствующими терминами с отрицательным приставочным элементом *не-*. Так, настоящее время английского глагола в оппозиционном плане оказывается «не-прошедшим», единственное число существительного — «не-множественным» и т. д. Эти термины, прежде всего, указывают на контрадикторный, т. е. взаимоисключающий характер соотношения членов оппозиции. Одновременно они показывают и более глубокие содержательные соотношения между ними. Какие? Значение слабого члена является более общим и абстрактным по сравнению со значением сильного члена. Сильный член в рамках своей оппозиции выражает грамматическое значение более конкретно. Это обеспечивает слабому члену оппозиции более широкий диапазон контекстуального использования. Например, настоящее время глагола, в отличие от прошедшего времени, может выра-

жать «вневременные» или «всевременные» отношения. Ср.: *One of the most difficult things that an author has to deal with when he wants to gather together a quantity of stories into a volume is to decide in what order to place them* (W. S. Maugham).

Эквиполентные оппозиции в морфологии английского языка, составляя второстепенный тип оппозиции, выявляются на отдельных участках категориальных систем и преимущественно отражают отношения элементов материальной формы грамматических элементов. Примером таких «малых» оппозиций может служить соотношение личных форм глагола *be* (*am – are – is*) или соотношение численных форм личных местоимений (*I – we, he – they*).

Градualные оппозиции в морфологии обычно не выделяются. Вообще говоря, их можно выделить здесь лишь в плане содержания. Так, gradualный характер обнаруживает семантическая корреляция форм степеней сравнения прилагательных и наречий (*high – higher – highest*).

Любая словоформа категориально насыщенного слова, как, например, глагола, может, подобно фонеме, быть репрезентирована набором значений дифференциальных признаков по выделяемым для нее категориям. Например, словоформа *is taken* маркируется положительно как третье лицо, отрицательно как настоящее время, отрицательно как неопределенный вид, положительно как страдательный залог, отрицательно как изъявительное наклонение и т. д. Такая характеристика словоформы, четко отражая ее категориальную структуру, помогает лучше понять грамматическое устройство и специфику функционирования класса слов, взятого в своей целостности.

Наличие оппозиций в морфологии вовсе не означает, что их отсутствие разрушает грамматическую систему языка. Факты языка показывают многообразие категориальных структур, которые не вкладываются в прокрустово ложе оппозитивных отношений. По мнению А. В. Бондарко, напротив, наличие наряду с оппозитивными отношениями иного характера только подчеркивает специфику языковой системности, которая не может быть сведена к одним лишь оппозитивным отношениям. Грамматический строй языка следует понимать как такую систему, которой свойственны многообразные отношения между ее категориями.

3. Учение о частях речи

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Элементарные критерии выделения частей речи разрабатывались ещё александрийскими грамматистами (Дионисий Фракийский). А в XV–XVII вв. на Руси появились сначала рукописные, а затем и печатные пособия («Грамматика или учение о осми частях речи»). «Российская грамматика» (1755) М. В. Ломоносова содержит именно восемь частей речи: 1) имя — для названия вещей; 2) местоимение — для сокращения наименований; 3) глагол — для названия деяний; 4) причастие — для сокращения соединения имени и глагола в одно слово; 5) наречие — для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог — для показания принадлежности обстоятельств к вещам и деяниям; 7) союз — для изображения взаимности наших понятий; 8) междометие — для краткого изъяснения движений духа. Последующие русские грамматисты пересмотрели перечень и по различным основаниям выделили новые части речи (причастие было отнесено к глаголу). В 1831 г. в своей грамматике А. Х. Востоков выделил имя прилагательное. В 1858 г. Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике» предложил делить части речи двояким способом (по отношению к словарю и по отношению к грамматике), что привело к делению частей речи на знаменательные и служебные. В 1873 г. А. А. Потебня выделил как особую часть речи имя числительное. А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» детально описал частицы. Так сложился тот перечень частей речи, которые изучаются в средней школе. Их десять: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) имя числительное, 4) местоимение, 5) глагол, 6) наречие, 7) предлог, 8) союз, 9) частицы, 10) междометия.

Мысль А. А. Шахматова о тесном слиянии грамматических значений с лексическими в природе частей речи получила развитие в трудах В. В. Виноградова.

Современные грамматические теории частей речи исходят из положения о том, что части речи — это не только лексические группировки слов. В одну часть речи объединяются слова с различными лексическими значениями.

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набезит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!

(Ф. И. Тютчев. Как весел грохот летних бурь)

Так, имя существительное включает и названия предметов (*буря, прах, туча, гроза, дубрава*), названия людей и других живых существ (*слон, муха*).

крокодил), названия качеств и свойств (*гордость, интеллигентность, доброта, вдохновение*), названия действий и состояний (*полет, прополка*), названия количества (*тройка, сотня, дюжина*). Слова *опраметчиво-безумно* (*набежит*), *широколиственно* (*задрожит*) тоже называют качества и свойства, но не предметов, а действия (состояния). Поэтому они относятся к другому лексико-грамматическому разряду — наречию. А вот однокоренные слова *лазурь* и *лазурный*, *шум*, *шумный* и *шумно*, *взметать* и *взметая*, хотя и выражают близкие лексические значения, относятся к различным частям речи в силу разных грамматических значений: предметности и атрибутивности (признаковости).

Изучение частей речи в русском языкознании прошло длительный и сложный путь. Ф. Ф. Фортунатов положил в основу классификации частей речи морфологические особенности, частью речи считался класс слов с одним и тем же набором грамматических категорий. Мнение Ф. Ф. Фортунатова разделяли его последователи — Н. Н. Дурново и М. Н. Петерсон. Однако уже А. А. Шахматов высказал мнение, что для установления и разграничения частей речи одних морфологических признаков недостаточно. К ним, на его взгляд, следует присоединить также лексическое значение слова. Поэтому в концепции А. А. Шахматова значение каждой части речи складывается из сочетания основного (лексического) значения слова и сопутствующих ему частных грамматических категорий. Морфологические изменения при этом соответствуют этим грамматическим категориям. Так, у субстантивной словоформы *на дубраву* основное представление (образ дубравы) сочетается с грамматическими категориями рода (жен.), числа (ед.), падежа (вин. — *на дубраву*). У глагольной словоформы *набежит* (представление о процессе) сочетается с грамматическими категориями времени, залога, наклонения, лица, числа; в прош. времени — с категорией рода (*набежал, набежала, набежало*).

3.1. Принципы выделения частей речи

По мнению В. В. Виноградова, в частях речи произошло и происходит преобразование лексических значений предметности, качества, признака, действия, состояния в грамматические. Части речи являются не только смысловыми классами слов и не только грамматическими группами, это — лексико-грамматические категории. Однако это определение противоречиво, так как любая грамматическая категория обобщает в грамматическом отношении лексический материал. Поэтому в последние годы было выдвинуто мнение, что лежащие в основе частей речи отвлеченные значения типа предметности, качественности, количественности, процессуальности и обстоятельства являются не лексическими, а грамматическими значениями. Так как на эти общие грамматические значения наслаиваются частные

грамматические значения, свойственные той или иной части речи, то первостепенной задачей выдвигается установление общих грамматических значений в структуре того или иного языка. О. П. Сунник, наиболее последовательно отстаивающий эту точку зрения, писал: «Известно, что разряды слов, называемые такими частями речи, как существительное, прилагательное, глагол, наречие, образуются в каждом языке, если они в нем установлены, не по лексическим (вещественным) значениям и не по так называемым грамматическим категориям... а по упомянутым выше особым абстрактным значениям».

Указанный состав частей речи выделен на основе учета их семантических и формальных свойств. На этом основании слова *пять*, *десять*, имеющие количественное значение, относятся не к числительным, а к существительным, так как их парадигма склонения присуща именам существительным. Важную роль при классификации частей речи играет синтаксический принцип, т. е. учет синтаксической роли того или иного слова в предложении. Для служебных слов их сочетаемость с другими словами играет важнейшую роль. При выделении «категории состояния» (или предикативов) синтаксический принцип оказывается решающим. В самом деле, такие слова, как *нельзя*, *можно*, *незачем*, *пора*, *жить*, *налицо*, употребляются в предложении лишь в качестве сказуемого, других признаков для объединения и выделения этих слов в особую часть речи нет.

Возникает вопрос: можно ли в качестве основания классификации слов по частям речи положить некий единый принцип? Признаками частей речи могут быть лексический (лексическое значение слова), морфологический (грамматические категории и формы их выражения) и синтаксический (роль слова в предложении). Как известно, школа Фортунатова настаивала на морфологическом признаке. Шахматов и Виноградов стремились учитывать всю совокупность названных признаков. Л. В. Щерба морфологическую характеристику слова выводил из его семантики, а лексическое значение связывал с функцией части речи в составе предложения. Он писал: «Едва ли мы потому считаем *стал*, *медведь* за существительные, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные. Я полагаю, что все же функция слова в предложении является *всякий раз* наиболее решающим моментом для восприятия»¹.

¹ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957, С. 64.

Синтаксический принцип выделения частей речи является «единственным средством при изучении корневых и многих аналитических языков. Однако применительно к синтетическому языку типа русского необходимо учитывать и обобщенное значение слов, и их формальный состав, и их синтаксическое функционирование, что приводит к выделению весьма неоднородных разрядов. Исходя из сказанного, обычно для русского языка устанавливают дробную классификацию частей речи. В первый разряд относят знаменательные слова. Среди них выделяют: 1) имена существительные, 2) имена прилагательные, 3) наречия, 4) категорию состояния, 5) глаголы, которые обладают назывной функцией. Полнозначными словами, не обладающими назывной функцией, а только указывающими на предмет или признак являются 6) местоимения. Счетные слова составляют 7) имена числительные. Во второй разряд входят служебные слова: 8) предлоги, 9) союзы. К третьему разряду относят слова, выражающие отношение к высказыванию или к действительности: 10) модальные и вводные слова, 11) частицы. Наконец, к четвертому разряду относят стоящие особняком 12) междометия. Имеющиеся в науке суждения о лексико-грамматической классификации слов достаточно емко и лаконично обобщаются в Грамматике-70: «Части речи — это классы слов, характеризующиеся: 1) наличием у них общего категориального значения, т. е. значения, абстрагированного, во-первых, от лексических значений всех слов данного класса и, во-вторых, от принадлежащих этому классу грамматических категорий; 2) общностью парадигматики и 3) тождественностью синтаксических функций». Из этого определения вытекает огромное познавательное и практическое значение морфологии. Она раскрывает все многообразие функций слова в языке и речи, во многом зависящие от его синтаксических свойств.

Грамматические категории могут существенно различаться даже в родственных языках. В качестве примера обратимся к категории падежа. В индоевропейских языках падежные системы различались всегда. Так, в санскрите было семь падежей, в старославянском — шесть, в латинском — пять, в греческом — четыре. В процессе развития грамматических систем различия в сфере падежной категории усугублялись. Так, в близкородственных немецком и английском языках категория падежа развивалась по-разному. Немецкий язык развив в себе некоторые черты аналитизма. И хотя функции склонения

в нем взял на себя артикль, в нем все-таки сохранились четыре падежа. В английском же, где и артикль не склоняется, склонение существительных вообще исчезло. Осталась лишь «архаическая форма» так называемого «Old English genetive» («древнеанглийского родительного»). С помощью *'s* образуются отыменные названия живых существ: *man's hand* 'рука человека', *horse's head* 'голова лошади', вместо более обычных: *the hand of the man*, *the head of the horse*.

Еще большие грамматические различия существуют между неродственными языками. Если в арабском языке имеется всего лишь три падежа, то в финно-угорских их больше десятка. По поводу количества падежей в языках Дагестана идут ожесточенные споры среди лингвистов, причем количество устанавливаемых падежей колеблется (по отдельным языкам) от трех до пятидесяти двух. Это связано с вопросом о служебных словах — послелогах, которые очень похожи по своему фонетическому облику и грамматическому оформлению на падежные флексии. Вопрос о различении подобных служебных слов и аффиксов очень важен для тюркских, финно-угорских и дагестанских языков, без чего вопрос о количестве падежей решить нельзя. Независимо от тех или иных решений данного вопроса совершенно ясно, что разные языки располагают своеобразным грамматическим строем. Такое своеобразие объясняется действием специфических внутренних законов, присущих каждому языку и каждой группе родственных языков.

СИНТАКСИС

1. Синтаксические категории. 3. Словосочетание. 3.1. Становление учения о словосочетании. 3.2. Теоретические основы учения о словосочетании. 4. Предложение. 5. Семантический синтаксис. 5.1. Становление учения о синтаксической семантике. 5.2. Синтаксис и семантика. 5.3. Пропозиция. 5.4. Актанты и сирконстанты.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС. Несмотря на то, что человеческая речь, по словам В. М. Павлова, начинается с синтаксиса, этот раздел науки о языке сформировался значительно позже фонетики и морфологии. Термин *синтаксис* впервые появился в работах стоиков в III в. до н. э. для обозначения логической структуры высказываний. У известного представителя Александрийской школы Аполлония Дискола (III в.) предметом синтаксиса являются уже не логические, а собственно языковые явления — связи слов и форм слов в предложении. В частности, одним из аспектов синтаксической теории Аполлония Дискола было учение о сочетаемости слов. Пожалуй, впервые в его учении выделяется свойство слов одного класса присоединяться к словам других классов. Это и служит механизмом порождения самостоятельных предложений-высказываний. Позже, в XX веке, будет оформлена так называемая теория синтаксической валентности, которая, к сожалению, уже редко связывается с именем Аполлония Дискола. В европейской лингвистике первые серьезные исследования по синтаксису индоевропейских языков принадлежат Бертольду Дельбрюку (1842–1922). Б. Дельбрюк совместно с Ф. Виндишем написал «Синтаксические исследования» (т. 1–5, 1871–1888), а совместно с К. Бругманом — «Очерк сравнительной грамматики индоевропейских языков» (2 изд., т. 1–2, 1897–1916), в котором Б. Дельбрюку принадлежит синтаксическая часть. Б. Дельбрюк фактически заложил основания науки об историческом синтаксисе. Многие наблюдения и теоретические обобщения ученого, изложенные в «Сравнительном синтаксисе индоевропейских языков», представляют интерес и в наше время.

История изучения русского синтаксиса берет свое начало с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1755). Расцвет русской синтаксической науки наступает в XIX – начале XX в., когда получают развитие основные направления отечественного языкознания: логико-грамматическое (Ф. И. Буслаев, Н. И. Греч, К. С. Аксаков), психологическое (А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский), формально-грамматическое (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский). Все эти направления внесли значительный вклад в разработку лингвистических проблем, но отличаются односторонним подходом к синтаксису.

История развития отечественного языкознания показывает, что философы и лингвисты искали и ищут те формы мысли, которые лежат в основе предложения; исследуют структуру мысли, определяющей синтаксическую членимость предложения. Мысль, выражаемая в предложении, у лингвистов XIX и XX вв. получает разные толкования и названия: у Ф. И. Буслая — суждение, у А. А. Потебни — апперцепция, у А. А. Шахматова — психологическая коммуникация и т. д. Важно, что большинство ученых отмечает двучленный характер мысли, выражаемой в любом предложении, так как в любом предложении есть предмет мысли-речи, то есть то, о чем говорится, и то, что говорится о предмете.

Неразграничение синтаксических, логических и психологических понятий продолжалось до начала XX в. Только в конце XIX в. Ф. Ф. Fortunatovым был предложен формальный подход к исследованию синтаксиса (впоследствии развитый А. М. Пешковским), в котором свойства словосочетания и предложения выводятся из частеречных свойств входящих в них слов. Представители различных структуралистских школ (1-я пол. XX в.) пытались перенести на грамматику, в том числе на синтаксис, понятия и исследовательские процедуры, которые до этого успешно зарекомендовали себя в фонологии. Важный прогресс в изучении синтаксиса был достигнут в пражском функционализме и в американской дескриптивной лингвистике. Самым существенным вкладом в синтаксис стало учение В. Матезиуса (1882–1945) об актуальном членении предложения как выявляющем посредством выделения темы и ремы высказывания его функциональную перспективу. Функциональный синтаксис предполагает изучение средств и способов объединения слов в предложение в рамках определенной ситуации языкового общения (коммуникативной ситуации). Актуальное членение предложения выясняет способ его включения в предметный контекст, на базе которого оно возникло.

Американская дескриптивная лингвистика разработала дистрибутивные методы синтаксического анализа, ввела в синтаксис понятие трансформации. Обычно понятие синтаксической валентности связывают с именем французского ученого Л. Теньера. Л. Теньер в развитие идей своего античного предшественника предложил взгляд на предложение как на реализацию синтаксических валентностей слов и установил центральное положение глагола-сказуемого в его структуре. Валентность, согласно теории Л. Теньера, — это способность глагола образовывать вокруг себя определенные позиции, которые должны быть заполнены. Согласно его теории, глагол или именное сказуемое задает будущий состав предложения. Первоначально, в соответствии с теорией Л. Теньера, лишь подлежащее и дополнение (актанты) входят в валентный набор глагола. Позднее была доказана необходимость включения обстоятельства в валентный набор глагола. *E. g. to be situated. The village is situated in a valley.* Предложение без обстоятельства места *in a valley* не будет иметь смысла. Ср.: **The village is situated.*

По Л. Теньеру, глагол *to sing* является двухвалентным, так как он образует позиции, которые должны быть заполнены подлежащим и прямым до-

полнением (*I, we, etc.*) *sing* (*a song, a tune etc.*). *To send* — трехвалентный глагол, образующий позиции для подлежащего, прямого и косвенного дополнений.

Эпохальное значение для развития синтаксических исследований имела публикация в 1957 г. первого варианта грамматики, предложенной Н. Хомским. С именем Н. Хомского связана не только теория порождающей грамматики, но и парадигмальный переворот в лингвистике XX века. Этой теорией обозначился переход от описательных грамматик к попыткам объяснить синтаксические факты с помощью формального (и даже математического) аппарата. Возникновение порождающей грамматики значительно расширило эмпирическую (речевую, опытную) базу синтаксиса и общий уровень его понимания и моделирования.

В основе порождающей грамматики лежит идея о том, что категорально значимые категории грамматики естественного языка, и прежде всего синтаксические категории, обусловлены врожденным, генетически наследуемым знанием. Основополагающие правила синтаксиса образуют, по Хомскому, важнейший компонент врожденного знания языка — универсальную грамматику.

Синтаксическая теория в порождающей грамматике основана на представлении об автономно действующем грамматическом компоненте знания языка, который функционирует независимо от целей и условий процессов понимания и производства речи. Все грамматически правильные синтаксические конструкции выстраиваются по единому образцу из единиц лексикона, а наблюдаемые различия между ними возникают в силу словарных различий. Например, различие между группами *начинает работать* и *начало работы* в конечном счете сводится к тому факту, что *начинать* — глагол, а *начало* — существительное, поскольку свойства любой синтаксической группы определяются свойствами ее главного элемента — вершины. Синтаксические структуры могут далее подвергаться единственному допустимому преобразованию: возможности передвижения некоторых компонентов фразы на «свободные» синтаксические позиции. Таким образом объясняются факты дистантного взаимодействия синтаксических единиц (взаимодействия «на расстоянии»). Ср. англ. *John saw Mary* 'Джон видел Мэри' и *Whom did John see?* 'Кого видел Джон?'. Прямое дополнение *whom* 'кого' перемещается в начало предложения, и на его месте образуется «пустота», которая не может быть заполнена никаким другим элементом. Грамматическая правильность предложения обеспечивается совместным действием нескольких автономных разделов, или «модулей» синтаксической теории. Тем самым объясняется, почему одни виды предложений грамматически правильны, а другие — нет.

Критики Хомского опираются, как правило, на два постулата. 1. Чаше всего они в качестве своих аргументов используют исходные предположения функционализма. Эти предположения сводятся к тому, что структура языка обуславливается спецификой его употребления и природой значений.

передаваемых синтаксическими конструкциями (Г. А. Золотова, С. Дик, Т. Гивон, А. Е. Кибрик, Р. Ван Валин). 2. Другие оппоненты Хомского предлагают альтернативные варианты описания и интерпретации синтаксических явлений. Вторым путем избирают, например, Дж. Бреснан и Р. Каплан. В своей лексико-функциональной грамматике они выделяют особый уровень, отличный от собственно синтаксического. На этом уровне представляется «вершинная грамматика» фразовой структуры, не использующая понятие трансформации. В некоторых формальных теориях отвергается постулат об автономности синтаксиса (и шире — грамматики). Вместо традиционного синтаксиса они предпринимают попытки создания способов интерпретации взаимодействия семантики и синтаксиса. В результате этого появились порождающая семантика, модель «Смысл \leftrightarrow Текст». Эти построения опираются на множество правил, не поддающихся ни обобщению, ни теоретическому осмыслению.

С 1970-х гг. по настоящее время в связи с развитием описательной лингвистики появилось множество синтаксических описаний типологически разных языков и языков, принадлежащих к разным генетическим семьям. В современном языкознании термин *синтаксис* многозначен. Его первое значение — синтаксический строй языка, совокупность действующих в нем закономерностей, «управляющих» построением и функционированием коммуникативных структур. Данное понимание синтаксиса восходит к этимологическому значению термина: в греческом языке слово *syntaxis* означало ‘военный строй, построение, порядок’. Иными словами, в этом значении синтаксис — это уровень языковой системы, представляющий собой основной механизм речеобразования, свойственный тому или иному языку. В содержание понятия «синтаксис» включаются синтаксические свойства, синтаксические характеристики и синтаксические возможности отдельных языковых единиц. Говорят о синтаксисе словосочетания, синтаксисе простого предложения, синтаксисе сложного предложения и даже о синтаксисе текста.

Второе значение — раздел грамматики, который изучает правила, отображающие закономерности построения связной речи. В нем содержатся: (а) описание структуры синтаксического строя языка в целом, (б) раскрывается значение синтаксических единиц — словосочетаний и предложений, (в) отмечаются особенности построения высказываний в рамках конкретного стиля. Например: синтаксис научного стиля, синтаксис официально-делового стиля и др. Важно уяснить смысл разграничения этих двух значений. Первое относится к устройству языка, объективно возникшему в ходе эволюции самого языка независимо от субъективной воли человека. Второе значение относится к изучению языка, поскольку в этом значении термин *синтаксис* служит названием лингвистической дисциплины. Во втором значении синтаксис стремится зафиксировать объективные закономерности речеобразования, однако, как и всякая наука, синтаксическое учение субъективно: одно и то же явление нередко подвергается разной интерпретации. Так, в

любом языке объективно существуют бессоюзные предложения. Однако их сущность интерпретируется по-разному. 1. В зависимости от смысловых отношений между их частями одни ученые рассматривают их как особый тип сложных предложений. 2. Другие их предложениями не считают, а рассматривают их бессоюзными конструкциями текстобразования. Такого рода субъективность не лишает эти толкования научности, так как и первая, и вторая концепция располагает своими аргументами, обосновывающими видение проблемы.

1. Синтаксические категории

Основные синтаксические категории — синтаксические единицы, синтаксические отношения, синтаксические связи и грамматическое значение.

Проблема синтаксических единиц — первый камень преткновения в синтаксисе. Если другие уровни системы языка располагают одной единицей (фонологический — фонемой, морфемный — морфемой и т. д.), то в синтаксисе такой однозначности нет. Спор о единице/единицах синтаксиса ведется с момента выделения этого раздела грамматики в отдельную дисциплину. Поскольку одну единицу выделить невозможно, только в качестве таковой называют, по крайней мере, две структуры: словосочетание и предложение. Некоторые ученые считают, что таких единиц три, поскольку простое и сложное предложение рассматривают как две разные единицы синтаксиса. В различных синтаксических учениях выделяют и другие единицы синтаксиса: синтагму, синтаксему, сложное синтаксическое целое.

Учитывая столь неординарную ситуацию, отдельные авторы уходят от этой не всегда результативной дискуссии, вовсе не выделяя конкретные синтаксические единицы. В таких случаях говорят о синтаксической единице вообще, как обобщенном понятии, подводя под него все ранее перечисленные структуры и подчеркивая их надсловный характер. Иными словами, под понятие «синтаксические единицы» подводятся различные конструкции, компоненты которых (словоформы и их устойчивые сочетания) объединены грамматическими связями и отношениями. Казалось бы, компромисс найден. Однако на него не идут те из ученых, которые склонны выносить за рамки синтаксиса слово (словоформу). И действительно, слово в синтакси-

се — не посторонняя единица. Ее используют и при изучении словосочетаний, и в учении о членах предложения. Так почему же слово и словоформа удаляются из предметного поля синтаксиса? Ведь слово всегда используется в одной из своих форм в составе синтаксических построений. В результате такого регулярного употребления изменяемые слова (точнее, их словоформы) образуют разные морфологические парадигмы. Разумеется, в морфологии и синтаксисе словоформы имеют разный статус. Прежде всего, словоформы являются строевыми элементами синтаксических единиц. Это означает, что предметом синтаксиса являются те значения словоформ, которые возникают в сочетании с другими словесными формами, то есть те значения, которые обуславливаются правилами сочетаемости слов и законами построения предложений. Не случайно синтаксис (греч. *syntaxis* 'составление') в широком смысле слова представляет собой раздел грамматики, изучающий строй связной речи. Если морфология изучает слова в совокупности всех возможных форм, то синтаксис изучает функционирование отдельной формы слова в различных синтаксических объединениях. Ср.: *На Крещение в Москве-реке освящают воду, и многие... купаются в проруби.* (И. С. Шмелев). В предложении — 11 слов, 8 словоформ, 7 членов предложения.

Вопрос о составе синтаксических единиц (сколько их и какие они) до сих пор однозначно не решен. Однако обычно таковыми считаются словосочетание, простое предложение, сложное предложение и даже сложное синтаксическое целое. Это основные синтаксические единицы.

Синтаксические связи и синтаксические отношения между словами являются основным средством построения высказываний.

Синтаксическая связь служит (а) выражению взаимосвязи входящих в состав синтаксической единицы компонентов, т. е. служит для выражения синтаксических отношений между словами; (б) создает синтаксическую структуру предложения и словосочетания; (в) создает условия для реализации лексического значения слова.

Основными типами синтаксической связи в языках флективного строя служат *сочинение* и *подчинение*. Они являются структурными, собственно языковыми связями, призванными структурно оформлять объективные отношения между реалиями. Подчинение передает отношения между предметами объективного мира в виде такого соче-

тания двух слов, в котором одно выступает главным, второе — зависимым от первого. Сочинение передает отношения между фактами объективного мира в виде такого сочетания слов, в котором все слова выступают синтаксически равноправными, не зависящими друг от друга.

На базе основных типов связи выделяют еще 1) пояснительную, 2) двунаправленную и 3) детерминантную синтаксические связи.

1. **Пояснительная связь** между словоформами возникает только в составе предложения. И. П. Распопов называл эту связь аппликацией. В «Грамматике-80» пояснительная связь рассматривается как разновидность сочинительной связи. Суть такой связи словоформ в том, что второй компонент как бы «наслаивается» на первый и благодаря этому уподобляется ему (первому) в синтаксических отношениях с другими компонентами предложения. Пояснительная связь раскрывает собственно пояснительные синтаксические отношения, выражающие разные названия одного и того же явления. Наиболее ярко этот вид связи обнаруживается в обособленных приложениях. Ср.: *Она выходила на улицу в стареньком, очень потрепанном, платье; Налево, у дороги, стояло одинокое дерево.*

2. **Двунаправленная связь** устанавливается только в предложении. Это одновременная связь зависимой словоформы с двумя другими стержневыми для нее словоформами. Она выражает «парные синтаксические отношения: а) определительные и обстоятельственные, б) определительные и объектные синтаксические отношения. Например: 1. *Уткнувшись лицом в полотенце, он заплакал навзрыд, как плакал в этой комнате, когда маленького его несправедливо и жестоко наказывал отец* (К. Федин). Словоформа *маленького* выражает одновременно атрибутивное отношение к словоформе *его* (он какой?) и обстоятельственное временное к словоформе *наказывал* (когда?). 2. *Неужели война сделала тебя суеверным?* (К. Симонов). Словоформа *суеверным* выражает одновременно атрибутивные и объектные синтаксические отношения.

3. **Детерминантная связь** — связь свободного присоединения словоформы к предложению в целом, выражает объектные и обстоятельственные синтаксические отношения. Например: 1. *В писателе должны действовать одновременно мыслитель, художник и критик. Для большого писателя мало знать родной язык.* Присоединенные единицы являются объектным детерминантом. 2. *С бал-*

кони в комнату пахнуло свежестью. В распахнутые окна дул теплый ветер. Присоединенное сочетание словоформ — пример обстоятельственного детерминанта.

Синтаксические связи и синтаксические отношения — взаимосвязанные категории. Первые служат для выражения вторых. Синтаксические отношения — это смысловые отношения между словоформами. Они являются грамматическими значениями словосочетаний. И как таковые определяют специфику любого синтаксического построения: а) синтаксической структуры предложения, б) значений членов предложения, в) значений придаточных предложений, г) значений сложносочиненных и бессоюзных предложений и т. д.

Структурные, собственно языковые, отношения призваны определенным образом оформлять и представлять в языковом сознании говорящих объективные отношения между реалиями действительности.

Синтаксические отношения принято подразделять на предикативные и непредикативные. Предикативные синтаксические отношения характерны для грамматической основы предложения: подлежащего и сказуемого. Непредикативные синтаксические отношения делятся на сочинительные и подчинительные (атрибутивные, объектные, обстоятельственные). Они возникают между компонентами любых синтаксических единиц.

При порождении синтаксических единиц используются словоформы, служебные слова, типизированные лексические элементы, интонация, порядок слов и др. Все эти средства служат также для оформления синтаксических связей и выражения синтаксических отношений. Минимальными синтаксическими построениями являются словоформы. Они обслуживают смысловую сторону синтаксических построений. Элементами самих словоформ служат флексии и предлоги.

Союзы связывают между собой однородные члены предложения, части сложного предложения и компоненты сложного синтаксического целого, выражают их грамматические значения. Менее яркими индикаторами грамматических значений выступают сочинительные союзы. Их предназначение — раскрывать смысловые отношения между словоформами или частями предложения.

Частицы и их сочетания участвуют в образовании нечлененных предложений. Они призваны оформлять синтаксические значения

предложений, членов предложения, выделять смысловой центр высказывания и т. д. В том случае, когда частицы оформляют грамматическое значение всего предложения, они в состав членов предложения не входят. Например: *Неужели в наших климатических условиях выживают персики?* В остальных случаях частицы, как и предлоги, входят в состав членов предложения.

Важную роль в построении синтаксических конструкций играют также типизированные лексические элементы. Таковыми являются, прежде всего, местоименные слова вопросительного, относительного, указательного типа (*кто, что, который, где, куда, этот, тот, такой, там, туда, поэтому* и т. п.). Порядок слов определяется семантическими и структурными факторами. В русском языке порядок слов бывает двух типов: прямой (фиксированный) и инверсионный (свободный). В тех языках, где флексии и словообразовательные аффиксы не являются ведущим средством выражения грамматических значений, синтаксические функции слов определяются их местом в предложении-высказывании. Отсюда правило: позиция (место) слова в синтаксическом построении обуславливает его функцию. А коль так, в предложении необходим твердый порядок слов. Это хорошо известно изучающим английский язык — систему аналитико-изолирующего типа. Позиция члена предложения в модели высказывания условна, а его синтаксический статус во многом обусловлен значением глагола и складывающимися внутри высказывания отношениями. Этим объясняется синтаксическая специфика построения высказываний.

2. Словосочетание

2.1. Становление учения о словосочетании

Проблема словосочетаний — традиционный предмет русских синтаксистов. Более того, в первых грамматических трудах основным содержанием синтаксиса считалось учение «о словосочинении». Уже в «Русской грамматике» А. Х. Востокова (1831) дается довольно подробное описание системы словосочетаний русского языка. Однако в работах более позднего времени проблема словосочетаний отодвигается на задний план. С середины XIX в. предмет синтаксиса —

предложение. Чем объяснить такой синтаксический поворот? В связи с развитием в европейской лингвистике логического, а затем психологического направлений изменилось и понимание синтаксиса. Выдвижение на первый план предложения объясняется его основным предназначением — выражать логическое или психологическое суждение. Предложение стало главным предметом синтаксиса, а изучение связей между словами превратилось в учение о членах предложения. Понятие словосочетания в этой ситуации оказалось ненужным. Вот почему в крупнейших грамматических исследованиях середины XIX века, таких, как «Историческая грамматика русского языка» Ф. И. Булаева, «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни, разделы, посвященные учению о словосочетании, просто отсутствуют.

Интерес к проблеме словосочетаний возрождается в конце XIX в. в трудах Московской школы. Причина сходна: грамматика стремится освободиться от давления логики и психологии. В связи с этим ученые обращаются к формально-грамматическим средствам выражения мысли. Ф. Ф. Фортунатов считал синтаксис учением о словосочетании, а предложение рассматривал как один из видов словосочетания. Это нашло свое обоснование в работах и других представителей московской школы: А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (1914) и М. Н. Петерсона «Очерк синтаксиса русского языка» (1923). М. Н. Петерсон сделал попытку построить синтаксис как учение исключительно о словосочетании, не включая в него теорию предложения. Словосочетание, по Петерсону, — это всякое соединение слов, в том числе и простое предложение любого объема и даже сложные предложения.

Словосочетание стало рассматриваться как пара выделяемых в предложении слов, связанных по смыслу и грамматически. Эти признаки А. А. Шахматовым включаются в определение словосочетания: «Словосочетанием называется такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других». Ученый различает синтаксис словосочетания и синтаксис предложения. В объективе первого находятся главным образом второстепенные члены предложения в их отношении к главным членам или во взаимном отношении друг к другу. Синтаксис предложения интересуют главные члены предложения в их отношении к предложению или во взаимном отношении друг к

другу. Причем А. А. Шахматов, как и его соратники, предложение также считает особым словосочетанием. Его особенность — в завершенности, остальные словосочетания характеризуются как незаконченные. Сочетание подлежащего со сказуемым не образует словосочетания. По этой причине грамматическая связь между главными членами изучается в синтаксисе предложения.

Вопрос о том, является ли сочетание подлежащего со сказуемым словосочетанием, является принципиальным, поскольку от его решения зависит выделение основных синтаксических единиц. Если признавать предикативные словосочетания, предложение оказывается частным случаем словосочетания или, что то же самое, словосочетание само по себе может быть предложением. Если сочетанию подлежащего со сказуемым отказать в статусе словосочетания, то тем самым между предложением и словосочетанием устанавливаются настолько значительные разграничения, что возникает основание для выделения двух синтаксических единиц: словосочетания и предложения.

Второй повод для дискуссии: деление словосочетаний на подчинительные и сочинительные. Первый тип признается всеми учеными. И только отдельные лингвисты к разряду словосочетаний относят сочинительные конструкции (А. М. Пешковский, например). Есть также ученые, отделяющие от словосочетаний однородные члены предложения (например, В. В. Виноградов). Однако все исследователи единодушны в том, что словосочетания — это некие синтаксические единства, вычленяемые из структуры предложения и существующие в составе предложения. Итак, активно обсуждаемыми вопросами теории словосочетаний являются следующие: 1) существует ли словосочетание вне предложения; является ли оно строительным материалом для предложения, как слова, или же оно только результат вычленения сочетающихся слов из готового предложения; 2) существуют ли «предикативные словосочетания» (подлежащее + сказуемое); 3) существуют ли «сочинительные словосочетания» (открытые ряды, незамкнутые сочетания однородных членов). Вполне очевидно, что отношение ко второму и третьему вопросам зависит от решения первого.

3.2. Теоретические основы учения о словосочетании

Теоретические основы современного учения о словосочетании заложил В. В. Виноградов. Согласно его концепции, словосочетание, подобно слову, способно выполнять номинативную функцию, является сложным именованием. Как и слово, оно может иметь формоизменятельную парадигму — систему форм. В. В. Виноградов возражает основателям своей научной школы: по его мнению, в корне ошибочной является мысль, внушенная А. М. Пешковскому академиком Ф. Ф. Фортунатовым, о том, что предложение можно подвести под рубрику словосочетаний. В его представлении, словосочетание и предложение — разные синтаксические единицы. Во-первых, предложение нельзя считать разновидностью словосочетания потому, что существуют и слова-предложения (*Зима. Ночь. Холодно*). Во-вторых, предложение непосредственно не выводимо из словосочетания. Словосочетание, как и словоформа, — *докоммуникативная единица* синтаксиса, строительный материал, используемый в процессе языкового общения. Предложение же — единица *коммуникативного синтаксиса*, продукт сочетания докоммуникативных единиц (словоформ и словосочетаний), передающий некое сообщение о действительности. Итак, В. В. Виноградов достаточно четко разграничивает предложения и словосочетания. Основанием для этого служит наличие у каждого из этих понятий особых признаков: предложение — это единица сообщения, коммуникативная единица, а словосочетание — это единица называния, обозначения. Предложение содержит законченное содержание с соответствующей интонацией, характеризуется наличием категории модальности, тогда как у словосочетания эти признаки отсутствуют. В словосочетании имеются только подчинительные отношения, а в предложении наряду с ними имеются также сочинительные, пояснительные и присоединительные отношения.

Что касается соотношения между словосочетанием и словом, то они сближаются общей функцией. Причем словосочетания, подобие словам, имеют формы словоизменения, выражающие связь данного словосочетания с другими словами или словосочетаниями в предложении. Например: *книга брата, книги брата, книге брата* и т. д. (изменяется стержневое слово); *старый дом, старого дома, старому дому* и т. д. (оба члена словосочетания имеют одинаковые формы

словоизменения). Словосочетания могут и должны изучаться не только в составе предложения как его структурные элементы, но и вне его как лексико-семантические единства, образуемые по законам данного языка. Вместе с тем между словосочетанием и словом имеется существенное различие: элементы словосочетания (слова) оформлены отдельно, а элементы слова (морфемы) слиты воедино (ср.: *задержание снега* – *снегозадержание*). Из сказанного вытекает следующее:

1. Словосочетания — не результат дробления предложения на части, не пары связанных между собою подчинительными отношениями слов. Наряду с отдельными словами они входят в состав предложения в качестве его конструктивных элементов, выполняя лексико-семантическую функцию сложного названия предметов и явлений. Значительно реже, в результате взаимного воздействия словосочетаний и предложений, в составе последних образуются отдельные типы словосочетаний, которые, после вычленения из состава предложения, приобретают номинативное значение.

2. К числу словосочетаний не относятся сочетания подлежащего и сказуемого; здесь налицо предикативные отношения, возникающие только в предложении; 3) не образуют словосочетания также обособленные обороты вместе со словами, к которым они относятся (причина та же — предикативность; такие пары слов связаны так называемыми полупредикативными отношениями); 4) сочинительная связь слов (группа однородных членов) не образует словосочетания, так как не является сложным наименованием явлений объективной действительности. Четвертое положение несколько противоречиво: замкнутые сочетания, компоненты которых связаны соединительными (реже противительными) союзами, могут употребляться в номинативной функции. Ср.: парные сочетания слов типа *отец и мать* (родители), *муж и жена* (супруги), *день и ночь* (сутки). Если следовать четвертому положению, их нужно признать словосочетаниями, однако это противоречит пункту 1.

Линию последовательного различения словосочетания и предложения, составляющую традицию русской науки, продолжает Н. Ю. Шведова, концепция которой реализована в описании системы словосочетания и простого предложения в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) и в «Русской грамматике» (1980). В понимании словосочетания Н. Ю. Шведова сле-

дует за В. В. Виноградовым, принимая все основные его положения, развивая и конкретизируя некоторые из них.

Итак, большинство лингвистов определяют словосочетание как соединение двух или более знаменательных слов, объединенных на основе определенной синтаксической связи и выполняющих номинативную функцию, например: новые часы — *a new watch*; читать книгу — *to read a book*; ходить в школу — *to go to school* и т. д. Несмотря на то, что понимание функций словосочетания относится к дискуссионным, многие ученые полагают, что словосочетание, так же как и слово, выполняет номинативную функцию. Оно называет предмет, явление, действие, процесс. Однако, в отличие от слова, которое представляет собой цельнооформленную единицу лексического уровня, словосочетание состоит по меньшей мере из двух, а иногда и большего количества знаменательных слов. Причем каждое из знаменательных слов может получить расширение по существующим в данном языке законам. Ср.: *интересная книга* — *очень интересная и содержательная книга*.

Словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для данного языка моделям, представляющим собой обобщенные величины, которые в речи наполняются разнообразным лексическим материалом, придающим данному словосочетанию конкретный характер. Для того чтобы дать правильное определение понятия «тип словосочетания», следует исходить, прежде всего, из свойств, присущих словосочетанию как особой синтаксической единице, существующей в различных языках. Одним из основных признаков подчинительного двучлена следует считать те синтаксические отношения, которые выявляются между компонентами двучлена. Это могут быть предикативные, атрибутивные, объектные и обстоятельственные отношения. Эти синтаксические отношения получают свое материальное выражение в виде различных конкретных приемов, с помощью которых передаются синтаксические связи. Это следующие приемы: 1) согласование; 2) примыкание; 3) управление. Способы выражения синтаксической связи, с одной стороны, отражают ее типологию, а с другой, несут в себе такие признаки, которые дают возможность определить типологические характеристики на уровне словосочетаний.

Как известно, русский язык относится к числу языков с развитой системой словоизменения, с согласованием прилагательных с суще-

существительными в роде, числе и падеже. Согласование как особый тип синтаксической связи является одним из признаков словосочетания, одним из критериев отнесения его к тому или другому типу словосочетаний. Для современного английского языка согласование в роде, числе и падеже не может служить типологическим признаком, так как категория падежа и категория грамматического рода в системе существительных и прилагательных не представлены. Согласование же в числе имеет очень ограниченный характер и по своему удельному весу в структуре этого языка типологическим признаком служить не может.

Для определения сущности словосочетания как единицы языка необходимо учитывать те приемы передачи синтаксических связей, которые используются в данном языке. Так, для английского языка определяющим является *п р и м ы к а н и е*; а в русском языке, хотя примыкание и используется, однако оно не имеет такого масштаба, как в английском, и поэтому не может служить признаком, характеризующим структуру словосочетаний. Для выявления сущности словосочетания необходимо также учитывать и критерий способа выражения синтаксических отношений в двучлене.

Всякий двучлен, построенный на основе подчинительной связи, состоит из двух членов: а) из основного, или стрежневого, слова (или ядра) и б) зависимого слова (или адьюнкта; от англ. *adjunct* 'определение'). Зависимое слово может предшествовать стержневому, то есть находиться в препозиции, или же следовать за ним, то есть находиться в постпозиции. Значение порядка слов может быть наглядно показано на следующих примерах.

В русском языке положение прилагательного перед существительным дает атрибутивное словосочетание: *классический университет*, *серьезное открытие* и т. д. Если же прилагательное находится в постпозиции, то образуется именное предложение, где прилагательное выполняет функции предикатива: *университет (есть) классический*, *открытие (есть) серьезное* и т. д. В английском языке порядок следования компонентов словосочетания также имеет существенное значение: всякое существительное, стоящее перед другим существительным, выполняет атрибутивную функцию, следовательно, образует атрибутивное словосочетание. Ср.: *a tobacco pouch* — кисет для табака; *a health certificate* — справка о здоровье; *a marriage settlement* — брачный договор.

Роль порядка слов в структуре словосочетания была отмечена еще Ф. Мистели и особенно подчеркнута И. И. Мещаниновым и В. М. Солнцевым. Это тем более существенно, если положение зависимого компонента имеет постоянный характер, как, например, в английском языке, а также в тюркских языках, где зависимый компонент всегда предшествует стержневому.

В английском языке нормой выражения относительного признака является существительное, стоящее в препозиции определяемого имени: *leather box, steel razor*. Подобная норма в русском языке имеет временные и стилевые ограничения. Русский фольклор и древние рукописи сохранили такие словосочетания: *камень-стена, свет-вода, зелень-трава, жар-птица, свет-девица, царь-птица, душа-человек* и др. В этих случаях препозитивное существительное выступает в функции прилагательного-определения. Для современного русского языка это уже архаическое употребление существительного, оно сохраняется в народной поэзии, во фразеологических словосочетаниях (*царь-колокол, царь-пушка*), в художественной литературе как элемент народной речи («Царь-рыба» у В. Астафьева) или вносятся в речь с целью стилизации. Ср.: *Ах, ты, мой свет-батюшка ненаглядный!*

Современный русский язык знает и сочетания существительных, которые формально подчинились живым грамматическим нормам, но сохраняют значение сочетаний типа *жар-птица*. Это сочетания: *мрамор чела, золото волос, ситец берез, железо удил* и т. п. Препозитивное существительное, хотя и находится в независимом падеже, фактически играет роль определения. Постпозитивное же существительное, формально зависимый компонент словосочетания, является определяемым: *золото волос* — *золотые волосы* — *волосы, как из золота*; *ситец берез* — *ситцевые березы* — *березы, как из ситца*. В современном русском языке подобное именное словосочетание всегда образно. Русские словосочетания *жар-птица, золото волос, железо удил* структурно близки к английским типа *leather box*, но обнаруживают несходство не только во временном и стилевом аспектах, но и в грамматическом и словообразовательном.

В английском языке так же, как и в русском, выделяются семантические группы прилагательных качественных и относительных. Подобно русским прилагательным английские относительные прилагательные, развивая переносные значения, переходят в качествен-

ные — но на этом сходство с русскими прилагательными заканчивается. В английском языке относительное и качественное значения не могут сосуществовать в одном прилагательном. Исключения единичны. Обычно английское прилагательное имеет качественное значение. Для обозначения же вещества (материала), из которого сделан предмет, для относительно-притяжательных отношений употребляются, как известно, имена существительные в функции определений. Ср.:

that golden time — это золотое время,

a golden watch — золотые часы.

Значения качественные и относительные существуют в обоих сопоставляемых языках. Но в разные исторические эпохи и в разных стилях речи соотношения между ними различны (ср.: для русского языка историзм *камень-стена*; метафоры *ситец берез*, *железо удил* и нейтральное нормативное для английского языка *leather box*). Тем самым в языковом выражении обнаруживаются структурные несходства.

Итак, двучлен, образованный с помощью подчинительной связи, может быть охарактеризован следующими признаками, взятыми в их взаимосвязи:

- 1) характером синтаксических отношений — атрибутивные, объектные, обстоятельственные;
- 2) способом выражения синтаксических отношений — согласование, управление, примыкание;
- 3) положением зависимого слова по отношению к стержневому — в препозиции или в постпозиции.

Сочетание этих критериев, взятых в системе, образует ту устойчивую совокупность признаков, которая может быть положена в основу определения сущности словосочетания как синтаксической единицы разноструктурных языков. Словосочетание — это синтаксическая единица двучленной (реже трехчленной) структуры, выполняющая номинативную функцию и организованная на основе подчинительной связи с устойчивым сочетанием синтаксических отношений, выраженных определенным способом, и с постоянным порядком следования компонентов.

3. Предложение

Казалось бы, понятие предложения не должно вызывать вопросов, так как оно знакомо каждому еще со школьной скамьи. Однако в теоретическом синтаксисе споры о сущности предложения всё еще продолжаются. В центре спора находится вопрос: является ли предложение единицей языка? Вопрос непростой. Если основным категориальным признаком единиц языка признавать их воспроизводимость, то предложение, не обладающее таким свойством, единицей языка не является. Будучи создаваемым в каждом конкретном акте общения произведением, предложение, согласно такой логике, выступает не языковой единицей, а единицей речи. Однако это лишь одна сторона истины. Другая сторона характеризует предложение как такую коммуникативную единицу (единицу сообщения), которая в разных речевых построениях обнаруживает некую обобщенную модель, типическую конструкцию, повторяющуюся в каждом конкретном высказывании. С этой точки зрения, такую модель (или конструкцию) целесообразно относить к единицам языковой системы. Следовательно, предложение обладает двойственной природой: в конкретных речевых актах оно выступает единицей речи, а в языковой системе — единицей языка. Поиск общих и отличительных свойств двух ипостасей предложения продолжается.

Современный период в развитии отечественного языкознания характеризуется бурным расцветом лингвистических теорий вообще и синтаксических в частности. Многие актуальные вопросы синтаксиса рассматривались и ранее, но в отличие от традиционного языкознания для современного периода характерен процесс интеграции и дифференциации, отличающий развитие всей науки в современную эпоху. Одним из достижений современного синтаксиса является выявление и разграничение аспектов изучения синтаксических единиц. Одни аспекты связаны с семантикой предложений, другие — с их структурой. Выделенные аспекты не исчерпывают всего многообразия существующих подходов к изучению синтаксических единиц, возможно и выявление новых аспектов, которые позволят с новых позиций дать анализ каких-либо свойств единиц синтаксиса. *Логический аспект* изучения синтаксических единиц связан с лучшими традициями русской лингвистики, так как классики отечественного языкознания рассматривали проблему соотношения язы-

ка, мышления и бытия. Специфика *структурного аспекта*, или *конструктивного синтаксиса*, в том, что ученые при изучении синтаксических единиц здесь особое внимание уделяют их моделям, структурным схемам, то есть стереотипным образцам, по которым строятся в речи единицы разных уровней синтаксической системы. *Коммуникативный аспект* связан прежде всего со способностью предложения выступать в качестве средства общения (коммуникации). Коммуникативный аспект предложения проявляется в так называемом актуальном членении, при наличии которого в предложении выделяется данное (тема, основа высказывания) и новое (рема). (Об актуальном членении см. работы И. П. Распопова, И. И. Ковтуновой.)

Развитие синтаксических теорий в свете антропоцентрической методологии позволит расширить рамки традиционного (логико-семиотического) описания синтаксиса, когда синтаксическим отношениям пытаются приписать несемантический характер. Такого рода убеждения были порождены семиотическим подходом к языку. Семиотика, как известно, держится на трех поддерживающих ее китах: синтактике, семантике и прагматике. Каждый из них существует сам по себе; синтактика, получается, не пересекается с семантикой. По словам Х. Карри, синтаксические механизмы языка касаются лишь структуры плана выражения (они не несут никакой семантической информации), а семантическая сторона языка обособлена от синтаксической. Подчеркивая формальную сущность синтаксических отношений, называя их абстрактно-логическими, синтаксис иногда уподобляют набору формальных правил некоторой игры (А. Чёрч).

На самом же деле грамматика самобытна и в формально-грамматическом, и в содержательном (семантическом) плане. В каждом языке она обнаруживает свои неповторимые черты. В этом плане перспективными следует считать семантико-синтаксические исследования, образующие особую отрасль грамматики — семантический синтаксис.

4. Семантический синтаксис

Свойства каждой конструктивной единицы в структуре высказывания обуславливаются ее синтаксисом и семантикой. Синтаксис «диктует» правила построения языковых единиц, а семантика пред-

определяет смысл и правила их употребления в речи. Семантический синтаксис изучает отвлеченно-семантическое наполнение структурных элементов предложения. Следует обратить внимание, что семантика здесь понимается в несколько ином ракурсе, чем лексическая. Начала синтаксической семантики положены в работах Ш. Балли, Э. Бенвениста, Т. Н. Шмелёвой, Е. В. Падучевой, Г. А. Золотовой и др.

4.1. Становление учения о синтаксической семантике

Истоки семантического синтаксиса берут начало еще в античной филологической традиции. Первые попытки рассмотрения характерных особенностей глагольного предиката — важнейшего элемента высказывания — обнаруживаются в трудах античных мыслителей. Так, стоики использовали два критерия описания предикатов. Первый критерий — требует ли предикат при себе репрезентацию деятеля в форме прямого или косвенного падежа. Второй критерий — нуждается ли предикат в дополнении (переходный он или непереходный). По этим критериям стоики выделяли 4 типа предикатов: 1) категорема (сказуемое, выраженное непереходным глаголом и сочетающееся с подлежащим в им. падеже типа *Сократ отдыхает*); 2) паракатегорема (предикат сочетается с субъектом в косвенном падеже типа *Сократу грустно*); 3) неполный предикат — нечто менее категоремы (сказуемое сочетается с подлежащим в именительном падеже и требует дополнения типа *Платон критикует Аристотеля*); 4) неполный околопредикат — нечто менее паракатегоремы (подлежащее в косвенном падеже, а сам предикат требует дополнения типа *Платону жалко Кратила*).

Выделенные Аристотелем категории — сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, претерпевание, — по сути, также представляют собой перечень предикатов. По мнению Ю. С. Степанова, Аристотелю удалось на основе анализа греческого языка его времени установить три основные категории, соответствующие трем основным типам предикатов. **Первый тип** — категория сущности, которая соответствует предикату в предложениях тождества (*Сократ — человек*). **Второй тип** — категория состояния, соотносимая с одноместным предикатом (*Со-*

крыт сидит). Третий тип — категория отношения, соответствующая всем двухместным предикатам (*Охотник убил оленя*). Все вышесказанное свидетельствует о том, что таксономии предикатов берут начало еще в античной языковедческой традиции.

Современное развитие семантического синтаксиса стимулировано новым «лингвистическим поворотом» — обращением к «человеку в языке» (Эмиль Бенвенист). Концептуальные основы антропологического синтаксиса были заложены в трудах В. фон Гумбольдта, провозгласившего зависимость языка от человека. Позже его идеи были развиты и дополнены Э. Бенвенистом, А. Вежбицкой, Н. Хомским. Необходимо сделать еще одно важное замечание. Семантико-синтаксические исследования базируются на доктрине разграничения единиц языка и речи. В семантическом синтаксисе такому разграничению подлежат предложение и высказывание. Провозвестником семантического синтаксиса по праву считается Люсьен Теньер, разработавший так называемую *актантную концепцию предложения*. Идеи Л. Теньера получили плодотворное развитие в работах А. Ж. Греймаса и его последователей. Она послужила стимулом для разработки падежной грамматики Ч. Филлмора, актантной модели К. Хегерса и других описаний языка.

4.2. Синтаксис и семантика

Первой задачей семантического синтаксиса является изучение закономерностей соотношенности высказывания к обозначаемой денотативной ситуации. Вторая задача семантического синтаксиса — интерпретация смысловой организации высказывания. Базовым понятием здесь служит «смысловое содержание высказывания». Высказывание при этом рассматривается как речевой коррелят предложения — единицы языковой системы. Высказывание соотносится с предложением так, как и другие единицы речи и языка. Первые служат средством реализации вторых. Фонемы реализуются в звуках, морфемы — в морфах, а предложения — в высказываниях.

Синтаксис и семантика долгое время, до середины XX века, изучались раздельно, существовало совершенно четкое разграничение: лексикология занималась семантической стороной языка, а грамматика (морфология и синтаксис) — формально-грамматическим аспектом. В начале XX в. такому разграничению «интересов» способ-

ствовало внедрение во все лингвистические дисциплины идей структурализма.

В центре внимания надолго оставались только структурные особенности синтаксического строя языка. К тому же структурные свойства синтаксиса более очевидны, «лежат на поверхности». Семантические его категории изучались маргинально. Такое положение в синтаксисе привело к пониманию того, что без исследования содержания формальных построений нельзя интерпретировать явления когнитивно-синтаксического характера. Это, собственно, и побудило синтаксистов обратиться к проблемам синтаксической семантики (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, О. Н. Селиверстова и др.).

Итак, уже эти предварительные наблюдения убеждают, что синтаксические единицы являются двусторонними знаками. Они имеют план выражения и план содержания. Правда, в формальном синтаксисе план содержания отождествляется с грамматическим значением, строго соответствующим грамматической форме. Например, есть предикативная конструкция, имеющая структурную схему $N^1 - Vf$. Эта структура имеет грамматическое значение 'отношение между предикативным процессуальным признаком (глаголом) и его носителем (существительное в им. пад.)'. Такую схему в речевых актах обычно наполняют самыми разными словоформами. Ср.: *Я учусь; Бабушка вяжет; Зеленеют луга; Весной прилетят скворцы*. Предложения одинаковы с точки зрения грамматической структуры, но различаются по семантике: субъект и его активное действие, субъект и его качество, осуществление природного явления. Можно привести и такие примеры, когда одна и та же семантика передается разными синтаксическими формами. Ср.: *Я не сплю — Мне не спится — Мой сон вызывает тревогу*. Одно и то же значение, одна и та же ситуация выражена тремя разными структурами, разными грамматическими конструкциями. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что между планом содержания (семантикой) и планом выражения (разными грамматическими структурами) существует некая связь. Такого рода наблюдения побудили пересмотреть положение о том, что значение синтаксической единицы — это исключительно значение синтаксической формы. Оказывается, значение синтаксической единицы формируется и значением синтаксической формы, и соответствующим лексическим наполнением. Вскоре при-

шли к выводу, что сущность предложения определяется не только формальной структурой. Для ее осмысления необходимо рассматривать предложение как средство номинации особого рода, обозначения, наименования некой ситуации. Как и слово, синтаксическая единица имеет свой денотат. Разница лишь в том, что денотатом слова выступает предмет, признак или действие, а денотатом предложения — ситуация. Издавна за словом и предложением закреплялись разные функции (номинативная — за словом; коммуникативная — за предложением). В семантическом синтаксисе функции предложения расширены. Если слово выполняет только номинативную функцию, то предложение — коммуникативную и номинативную. Причем эти две функции предложения взаимосвязаны: осуществлению коммуникативной функции предшествует номинация — обозначение денотативной ситуации.

4.3. Пропозиция

В основе семантического синтаксиса заложена идея о том, что предложение, будучи знаковым образованием, имеет два глубинных аспекта семантики. Во-первых, предложение в системе языка соотносится с определенным понятием и ему присуще сигнификативное значение. Во-вторых, в речи предложение соотносится с конкретным референтом и ему присуще денотативное значение. Денотативная структура предложения представляет собой модель объективированного в нем некоторого фрагмента действительности. Сигнификативный уровень семантики предложения представляет собой его логико-семантическую структуру, отображающую в предложении коммуникативную ситуацию. Такая структура объективируемой в предложении мысли называется в семантическом синтаксисе *пропозицией*. С появлением этого понятия изменилось представление о взаимозависимости в предложении лексической и синтаксической семантики. В до-семантическом синтаксисе смысловое содержание предложения понималось как производное от некой совокупности значений входящих в него слов. В семантическом синтаксисе наоборот: значение слова рассматривается уже не как семантически первичная категория, а «как функция смысла предложения» (А. П. Седых). В конструктивном плане пропозиция представлена предикатом и открываемыми данным предикатом аргументными местами.

Обозначение денотативной ситуации, разумеется, не является прямым. Оно опосредовано некой мыслительной структурой, называемой *пропозицией*, или *синтаксическим концептом*. Под синтаксическим концептом понимается когнитивный тип предиката в совокупности его актантов. Как и всякий концепт, пропозиция не только выражает некое событие, но и содержит в себе важный образный слой. Иными словами, пропозиция, будучи разновидностью концепта, подобно картине, изображает целостный эпизод, в виде определенным образом соположенных «предметов мысли» и «предметных ситуаций». И в этом своем качестве пропозиция служит когнитивным субстратом (основанием) значения предложения как синтаксической единицы. Это некое когнитивное (смысловое) содержание предложения. Оно может быть утверждением, вопросом, просьбой, сомнением и т. д. Ср.: *Она поет романсы. Говорят, что она поет романсы. Кажется, она поет романсы. Разве она поет романсы? Не всякий, поющий песни, — артист.* Пропозиция, или синтаксический концепт, — это глубинная структура предложения, его означаемое. Она воплощается в различных поверхностных синтаксических структурах. В качестве таких структур используются предикативные конструкции, конструкции со значением дополнительной предикативности (причастные, деепричастные, адъективные обороты и др.), непредикативные конструкции, словосочетание или слово с предикатной семантикой.

Облигаторный (обязательный) элемент пропозиции — п р е д и к а т. Выражается предикат словами с признаковой семантикой. Это глаголы, слова категории состояния, отглагольные и отадъективные существительные, качественные прилагательные: *шевелиться, удивлять, обидно, ответ, гордость, гордый, широкий* и др. Например: *Это — его гордость; Степь — широкая* и т. п. Наряду с предикатами в структуре пропозиции конструктивную роль играет и предметная лексика, обозначающая предметы, которые являются участниками ситуации. В семантическом синтаксисе их называют а к т а н т а м и.

Для адекватного понимания сигнификативного аспекта семантики предложения необходимо выявить характер предиката — базового элемента в структуре пропозиции. Предикат — один из ключевых моментов рассмотрения номинативной семантики предложения в целом и его сигнификативного аспекта в частности. Конструктивная

роль предиката в структуре пропозиции никем не оспаривается. Более того, количество пропозиций в предложении определяется количеством предикатов (предикатных слов). Предложение-высказывание, состоящее из нескольких пропозиций, называется полипропозитивным. В полипропозитивном высказывании пропозиции определенным образом связаны друг с другом. В таком высказывании они находятся в тех или иных логических взаимоотношениях. Между пропозициями выделяют следующие типы отношений: конъюнкцию (соединение), антитезу (противопоставление), дизъюнкцию (взаимоисключение), конкретизацию (пояснение), каузацию (причину, следствие, цель, условие, уступку, время). Для выражения различных отношений существуют определенные средства — логические связки, или суперпредикаты. Суперпредикаты воплощаются в специальных словах — союзах, предлогах, глаголах отношения. Значение суперпредиката может быть имплицитным, т. е. словесно не выраженным. Так, **противительность** выражается союзами *а, но*, аналогами союзов *напротив, наоборот*, предлогами *в отличие от, в противоположность*. Например: 1. *Я слышу речь не мальчика, но мужа* (А. С. Пушкин). 2. *Искусство, в отличие от науки, религии, права и других элементов культуры, отражает главным образом эмоциональную жизнь человека, состояние его души*. 3. *Но время, которое мы отдаем своим детям — ведь мы его не теряем. Никто не скажет, что часы, проведенные с любимыми (которых, как известно, не наблюдают) — это потеря. Напротив, мы стараемся растянуть это драгоценное время* (Г. Г. Филиппова).

Отношения причины выражаются союзами (*потому что, так как, благодаря тому что, ввиду того что, ибо и др.*), а также предлогами (*ввиду, из-за, по причине, вследствие, ради*). Например: 1. *Режиссура, впрочем, Коробкова любила, потому что его фильмы быстро проходили по инстанциям, получали прессу, высокие категории* (С. Есин). 2. *Старинное башкирское название этих гор как-то потерялось, а нынешнее они получили благодаря тому, что по увалам и россыпям росла в особенном изобилии малина* (Д. Мамин-Сибиряк). 3. *Ввиду того, что рифма не является механическим украшением белого стиха (она притягивает к себе логически весамые слова), перед стихотворцем возникает задача придать речи, лишенной рифменных подпорок, синтаксическую упругость* (Г. Шенгели). 4. *Федеральная трасса М-54 «Байкал» на участке западнее Красно-*

ярска временно перекрыта для пассажирских автобусов из-за мокрого снега и гололеда (Газ.). 5. Сибирский авиаперевозчик закрывает рейсы из Сургута в Москву **по причине** неэффективности (Газ.). 6. **Вследствие** климатических изменений высохло одно из крупнейших озер Даурии. 7. **Ради** автографов поклонники «Голодных игр» всю ночь мерзли на улице (Газ.).

Таким образом, связь пропозиций в сложном предложении осуществляется с помощью союзов, аналогов союзов, имплицитных выражений, в простом предложении — с помощью союзов, предлогов, глаголов отношения, имплицитных выражений.

4.4. Актанты и сирконстанты

Л. Теньер — провозвестник семантического синтаксиса — интерпретируя предложение как маленькую драму со своими участниками и обстоятельствами, дал актантам и сирконстантам семантические определения. Он выделял 1-й актант, осуществляющий действие, 3-й — являющийся его адресатом, 2-й — объектом. Таким образом, синтаксическая функция у Л. Теньера — не простая формальность в структуре предложения, как у Н. Хомского. У него это отображение функции данной субстанции в структуре денотативной ситуации предложения. Правда, теория актантов Л. Теньера не лишена противоречия, которое семантическому синтаксису пришлось преодолевать. Но сами термины *актант* и *сирконстант* оказались удобными и прочно вошли в научный обиход. Суть этого противоречия в том, что актанты в теоретическом изложении Л. Теньера семантические сущности. В его представлении, они отображают в структуре предложения роль предметов в описываемой ситуации. Однако в трактовке примеров Л. Теньер придает им чисто формальные признаки. Таким образом, заложив основы семантического синтаксиса, Л. Теньер сам еще оставался в плену формальной традиции. В дальнейшем разработка семантического синтаксиса пошла по линии разграничения семантических актантов и актантов синтаксических — членов предложения¹.

Понятие актанта возникло в рамках вербоцентрической концепции предложения, согласно которой его конструктивным ядром является глагол. По Л. Теньеру, актанты обозначают непосредственных

¹ См. Greimas A.J. *Sémantique structurale*. P.: Larousse, 1966.

участников денотативной ситуации, которыми могут выступать живые существа или предметы. Иначе говоря, под актантами Л. Теньер понимал субстантивные члены предложения (подлежащее, дополнение), которые обозначают участников денотативной ситуации (субъект, объект, адресат и т. п.).

Значение актантов обуславливается семантикой предиката и определяется его валентностью. Например, предикат *удивляет* имеет три актанта: субъект и два объекта (*кого* и *чем*): *кто-то удивляет кого-то чем-то*; предикат *обидно* имеет два актанта — субъект и объект (*кому-то обидно за кого-то или что-то*), предикат *шевелится* имеет один актант — субъект (*кто-то шевелится*). Семантическая роль актанта — не только раскрывать суть отдельных значений глагола, но и указывать на стандартные процессы, выражаемые глагольной лексикой.

Выражаются актанты, как правило, именами существительными. Подчиняются актанты непосредственно глаголу. Количество актантов определяется валентностью глагола. Поэтому разные глаголы обладают разным числом актантов. Более того, один и тот же глагол не всегда имеет одно и то же число актантов. Существуют глаголы без актантов, глаголы с одним, с двумя или тремя актантами. Безактантные глаголы выражают процесс, который разворачивается сам по себе и в котором нет участников. Это относится в первую очередь к глаголам, обозначающим атмосферные явления. Так, в латинском предложении *Pluit* или немецком *Es regnet* (Идет дождь) глагол описывает действие (дождь) без актанта. Итак, актанты — это все участники глагольного действия (субъект и объект). С точки зрения традиционного синтаксиса, актантом выступает любой член предложения, обозначающий лицо или предмет, которые участвуют в процессе, обозначенном глаголом.

Предикат и актанты составляют ядро пропозиции, это обязательные ее компоненты. За пределами ядра, на периферии пропозиции находятся с и р к о н с т а н т ы — компоненты, значение которых не предусмотрено предикатом. Сирконстанты противопоставляются актантам как такие члены предложения, которые указывают на время, место, образ действия и другие обстоятельства действия или процесса. Если Л. Теньер трактовал актанты и сирконстанты только как формальные категории синтаксической конструкции, то в современном языкознании этими терминами обозначают *семантические от-*

ношения между участниками ситуации и фоновой характеристикой. Иными словами, сирконстанты выражают обстоятельства, в которых разворачивается действие. Функцию сирконстанта всегда берет на себя слово, относящееся к категории наречия, или группа слов, эквивалентная наречию. Не случайно в немецких грамматиках наречие именуется сложным термином *Umstandswort* (букв. 'обстоятельственное слово'). Отсюда можно утверждать, что существует столько видов сирконстантов, сколько имеется видов наречий: времени, места, способа действия и т. д. Количество сирконстантов не так определено, как количество актантов. Предложение может не иметь ни одного сирконстанта, а может иметь их в неограниченном количестве.

Итак, пропозиция — это некий инвариантный смысл, отражающий некую денотативную ситуацию. В конкретном высказывании пропозиция, как правило, подвергается интерпретации. Это обуславливает необходимость выделения в высказывании (а) объективного содержания и (б) содержания, интерпретируемого коммуникантами. Известный французский лингвист Ш. Балли первый аспект семантической структуры высказывания назвал **диктумом**, а второй — **модусом**. Данные термины активно используются в западноевропейской лингвистике.

Диктум соотносится с описанием некоторой ситуации. Его терминологическое значение — 'предметно-логическое содержание высказывания'. Под **диктумом** принято понимать обозначение некоего события реальной или фиктивной действительности в виде элементарной ситуации. Иными словами, диктум — это *собственно пропозиция* высказывания, его основной номинативный субстрат. **Модус** еще называют *пропозициональной установкой* высказывания. Она может выражать отношение пропозитивного содержания к действительности (объективную модальность) или некое субъективное отношение к пропозитивному содержанию (содержанию диктума). В первом случае модус выражает объективную модальность, а во втором — субъективную модальность.

Кроме модальности, используются понятия персонализации, временной и пространственной локализации.

Модальность выражает отношение пропозитивного содержания к действительности с точки зрения его реальности/ирреальности. Например: *Мой друг поет песню; Мой друг спел бы песню, но в доме не оказалось гитары; Хотелось бы, чтобы ты спел пес-*

ню!; *Мой друг должен споет песню*. Одна и та же пропозиция «кто-то споет» представлена в первом случае как реальная, в остальных случаях — как ирреальная: возможная, желательная, долженствующая.

Модальность может быть выражена грамматически и лексически. К первому способу относятся формы глагольного наклонения (изъявительного, повелительного, сослагательного), а также независимый инфинитив (*Увидеться бы!*). Ко второму способу относятся слова с лексическим значения желаяния (*хотеть*), возможности (*мочь*), долженствования (*должен, обязан*) и другими модальными значениями типа *надо, можно* и др.

Итак, диктум и модус — компоненты смысловой организации предложения. Их введение в грамматическое описание языка позволяет преодолеть неоднозначность толкования традиционной лингвистикой одинаковых синтаксических структур. Так, по модели N¹Vf могут быть построены предложения с разным смысловым содержанием. Ср.: 1) *Петр рыбачит* (ситуация активного действия, временного признака) и 2) *Петр картавит* (ситуация состояния, постоянного признака). Модус и диктум служат двумя слагаемыми смыслового содержания высказывания — субъективного и объективного.

В современной лингвистике, как видим, продолжается сопряженное исследование семантики и синтаксиса. Это обнаруживается в том, что в лексической семасиологии (в работах Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и других представителей московской семантической школы) проявился интерес к синтаксису. С другой стороны, перспективным является изучение семантики синтаксических единиц (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, О. Н. Селиверстова, Т. В. Шмелёва и др.). Разумеется, семантика в их трудах предстает как качественно иное направление общей семасиологии.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Основная

- Адмони В.Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979. С. 6–36.
- Дегтярев В.И. Основы общей грамматики. Ростов н/Д. 1973.
- Курдюмов В.А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд; Лада, 2005.
- Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978.

Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1-2. М., 1954; 2-е изд. М., 1960.

Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

б) Дополнительные

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. То же // ВЯ. 1998. № 1. С. 160-162.

Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980.

Седых А.П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках // Науч. ведомости Белгородск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 15 (55). Вып. 2. С. 51-56.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981.